

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АЛЕКСАНДР ШЕВЯКИН

Как убили СССР

**СОЮЗ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

1922 — 1991

**«Величайшая
геополитическая
катастрофа»**

Annotation

Светлой памяти Союза
Советских Социалистических
Республик посвящается.

Гибель СССР стала не только «величайшей геополитической катастрофой XX века», но и главной загадкой нашей истории. Почему, вопреки всем прогнозам, совершенно неожиданно даже для заклятых врагов, считавших Советский Союз «неприступной крепостью», которую «невозможно победить в обычной войне», эта могучая Держава развалилась за считанные годы — ничтожный по историческим меркам

срок! — без видимых причин, не испытав ни крупного военного поражения, ни массового голода, ни стихийных бедствий? Эта сенсационная книга неопровержимо доказывает: гибель СССР не была ни случайной, ни естественной, ни «исторически закономерной» — Советский Союз был убит, убит не в открытом бою, а подло, в спину, исподтишка, убит хладнокровно и беспощадно. Расследовав это ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА, проанализировав колоссальный объем секретной информации, изучив все обстоятельства трагедии, автор отвечает на главный вопрос нашей истории: **кто и как убил**

СССР?

- А. П. Шевякин
 - ВСТУПЛЕНИЕ
 - ШАГ ПЕРВЫЙ,
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ: СССР
МЕЖДУ МОЛОТОМ И
НАКОВАЛЬНЕЙ
 - ТОЧКА ОТСЧЕТА -1:
ЧУЖИЕ НА НАШЕМ
ПОЛЕ
 - МИССИЯ
ЭМИССАРОВ:
ИСТОРИЯ, МЕТОДЫ
И КЛАССИФИКАЦИЯ
 - СИТУАЦИЯ
«РАЗМЫВАНИЕ
ГРАНИЦ»

- КОНТРОПЕРАЦИЯ
«МЕМБРАНА»
- «ОАЗИС»:{1}
РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ
ВНУТРИ ЗДОРОВОГО
ОРГАНИЗМА
- КОНТРОПЕРАЦИЯ
«МИСТИФИКАЦИЯ»:
ИГРА В
ЧУЖЕРОДНЫЕ
СТРУКТУРЫ
- СТРАТЕГИЯ
«ЛИОТЭЙ»: ПУСТЬ
НЕ СЕГОДНЯ, НО ЭТО
ЖЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ,
ЧТО НИКОГДА...
- СПЕЦОПЕРАЦИЯ
«ВОВЛЕЧЕНИЕ»:

УДУШИТЬ СССР В...
ДРУЖЕСКИХ
ОБЪЯТИЯХ

- НАВЕДЕНИЕ
«МОСТОВ»: ОТ
МАЛЕНЬКОЙ
ТРЕЩИНЫ В
«ЖЕЛЕЗНОМ
ЗАНАВЕСЕ» ДО
ПРОРЫВА ПЛОТИНЫ

- ОТРАВЛЕННЫЕ
КОРНИ

- ИЗМЕНА
СОЮЗНИКАМ

- ШАГ ВТОРОЙ,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ШТУЧКИ ПРОТИВ НАУКИ

- ТОЧКА ОТСЧЕТА —
2: ДИАЛЕКТИКА
ВНУТРИ
ДИАЛЕКТИКИ
- ОПЕРАЦИЯ
«СВЕРТЫВАНИЕ»
 -
 - Пленум ЦК КПСС
по научно-
технической
революции
 - Звезда и смерть
советских
компьютеров
 - Общегосударственн
автоматизированна
система сбора и
обработки

информации

■ Конъюнктурный институт

■ Институт мирового хозяйства

и мировой политики

■ Взлет и падение Советского РЭНДа

■ Социальная кибернетика

■ Социология

■ Опросы общественного мнения

■ Социальная стратификация

■ Прогнозирование

- Логика
- Научная
организация труда
и научная
организация
управления
- Политэкономия
- Метод поточно-
скоростного
производства и
строительства
- Политология
- Этнополитология
- Теория
информации
- Специальная
аналитика и наука
о национальной

безопасности

- Антикризисное
управление
- Секретность
- Оперативно-
разыскная
деятельность
- Продовольственная
безопасность
- Исследование
проблем
милитаризации
экономики
капстран
- Теория
международных
отношений
- Управленческая

культура

- Организационное проектирование

- Приписка
свертывания:
кибернетика

- ОПЕРАЦИЯ
«НАГРОМОЖДЕНИЕ»

-

- Теория «предела»

- Партийное
строительство

- Научный
коммунизм

- ЧТО МЫ ИМЕЕМ НА
СЕГОДНЯ?

- ШАГ ТРЕТИЙ,
СТРУКТУРНЫЙ: «ОГОНЬ

ПО ШТАБАМ!»

- ТОЧКА ОТСЧЕТА —
3: ОРГАНИЗАЦИЯ.
ЧТО ЭТО ТАКОЕ?
- ИСТОРИЯ ВОПРОСА
- СИЛА СТАЛИНСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
- ОПЕРАЦИЯ
«ГЕНЕРАЛЬНАЯ
РЕПЕТИЦИЯ»
- КАК СЛУЧИЛОСЬ,
ЧТО ОТСУТСТВОВАЛ
«АНТИПЕРЕСТРОЕЧН
МЕХАНИЗМ?
-
- Сравнения не в
нашу пользу
- По наводке из-за

рубежа

- Операция
«Зеркало»

- ПРИРОДА
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
ВОЙНЫ

■

- Межведомственная
война

- Аресты

- Дилетанты _____ из
провинции

- Отставки

- ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ВОЙНА: В ПРИЦЕЛЕ
— ПАРТОКРАТ

- ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ
ИМПУЛЬС: _____ ОТ

НАЧАЛА ИГРЫ И ДО
XIX ВСЕСОЮЗНОЙ
ПАРТИЙНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

- «ЭКВАТОР
ПЕРЕСТРОЙКИ». XIX
ВСЕСОЮЗНАЯ
ПАРТИЙНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

- «ПЕРИОД
ПОЛУРАСПАДА»:
ПОГРОМ
ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

- Генеральный
секретарь ЦК
КПСС

- Политбюро ЦК
КПСС

- Секретариат ЦК КПСС
- Центральный Комитет КПСС
- Аппарат ЦК КПСС
- Партийный аппарат
- Коммунистическая партия Советского Союза
- Президент СССР
- Съезд народных депутатов СССР
— Верховный Совет СССР
- Совет Министров СССР — Кабинет Министров при

Президенте СССР

- Министерства и
ведомства СССР
- Совет
Экономической
Взаимопомощи
- Организация
Варшавского
договора
- Союзные
республики
- ПАРТИЙНАЯ
ДИСЦИПЛИНА
- ОПЕРАЦИЯ
«РАСПАД»
- ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ВОЙНА СЕГОДНЯ.
ЕСТЬ ОНА ИЛИ НЕТ?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

○ ПРИЛОЖЕНИЯ

- Приложение № 1.
ПЛАН «ЛИОТЭЙ»
- Приложение № 2.
И. В. СТАЛИН О
ПРОБЛЕМАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
- Приложение № 3.
АППАРАТ ЦК
РКП(б) — ВКП(б) —
КПСС (хроника
изменения структуры)

○ Литература и примечания

○ Комментарии

А. П. Шевякин
Как убили СССР.
«Величайшая
геополитическая
катастрофа»

Светлой памяти
Союза Советских
Социалистических
Республик посвящается

ВСТУПЛЕНИЕ

За годы так называемой «перестройки» 1985–1991 годов в СССР произошло так много событий, стоящих внимания историка, что довольно трудно вычленить главные — те, что, в конце концов, повлияли на событие итоговое: собственно уничтожение самого Союза ССР. В начале пути мы видим так много завязок разного рода тенденций, которые были слабыми, робкими и лишь в конце своем обрушились лавиной, что традиционный путь — от начала к концу — несколько затруднителен для нашего анализа:

будет трудно найти это малоуловимое. Поэтому автор нашел ответ для решения своей задачи лишь в самом конце хронико-событийной цепочки. Потом я пошел в самое начало пути — причем очень часто ход разветвлялся и приходилось делать возвратные действия к развилке, чтобы снова идти до какого-то тупика, — и все лишь для того, чтобы найти наиболее общую картину явления. Но показать нашу работу читателю невозможно — это запутает его. И поэтому я выдаю не мозаику моих поисков, а уже готовую картину результатов.

В таком методе поиска нет ничего нового. В аналитическом и

разведывательном сообществе США часто употребляют термин *«прогуливать кота назад»*, что означает *восстановление картины прошлого как ключ к пониманию настоящего*. Применяется он в том случае, если аналитиками было по какой-то причине упущено начало тенденции.

Итак, что есть самый конец этой самой «перестройки»? По моим расчетам вышло, что в конце вся цепочка замкнулась в кремлевском кабинете, когда бывший первый Президент СССР и проч. и проч. 25 декабря в 19.30 подписал последний Указ Президента СССР № УПЗ162 «О сложении Президентом СССР

полномочий Верховного
Главнокомандующего
Вооруженными Силами и
упразднении Совета Обороны при
Президенте СССР», а потом сдал
символ своего управления — так
называемый «ядерный чемоданчик»
— своему правопреемнику
Б. Н. Ельцину. Вот отсюда я начинал
свой отсчет.

Прежде всего надо обязательно
показать, как лучше понимать такое
историческое явление, как
Советский Союз? О нем часто
говорят чересчур уж
бессодержательно:
многонациональное государство,
социалистический строй,

коммунистическая империя
(империя зла) и т. п. Спорить не
будем — оценки поверхностны, а мы
привыкли к предельной четкости,
числу и/или диалектике. А
диалектически его понимали и так:
председатель ЦИК СССР
М. И. Калинин в ноябре 1934 г.
назвал СССР *осажденной*
крепостью! (См.: [1.01. С. 44].) И это
довольно точная оценка. Ее
придерживались и первый советский
руководитель В. И. Ленин, и его
величайший последователь
И. В. Сталин, даже у Н. С. Хрущева
мелькали подобные выражения. Но
надо сказать, что на каком-то этапе
народ просто расслабился, позволил

себе некоторые бойницы закрыть, в какие-то стороны не смотреть, а на последнем этапе открыть и ворота, через которые хлынули целые табуны *тroyанских коней*. И в итоге, перефразируя известное выражение, можно сказать, что нет таких крепостей, которые не могли бы сдать подлецы...

На Западе, и прежде всего в тех же США, смотрели на СССР примерно так же. В соответствующей литературе часто цитируют речь Д. Кеннеди (Kennedy) при вступлении на пост Президента США: «Мы не сможем победить Советский Союз в обычной войне. Это — неприступная крепость

(выделено нами. — *А.Ш.*). Мы сможем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандистскими, экономическими». Именно так и формулировалась задача для подрыва этой крепости: разложить всех живущих за ее стенами, подкупить некоторых, чтобы они дезавуировали усилия неподкупных, в час нападения указать не на угрозу, а на другую сторону — там, где будут проводиться обманные маневры, и самое главное: организовать перекладку стены в определенном месте. Что и было сделано...

Даже из самого слова «перестройка» видно, что произошел слом чего-то прежнего или так называемая «революция сверху». Об этом всем известно, и тут — на уровне общих рассуждений — никто не спорит. В настоящее время стараются дать только одно объяснение этому: желание местных элит править и владеть богатствами самостоятельно. При таком методе эти авторы не применяют даже как минимум дифференцированного подхода. Поведение региональных элит было различным: кто-то из них стремился к самостоятельности по максимуму; кто-то вместе со всеми, не больше, но и не меньше; кого-то

вполне устраивало и стутус-кво, а кто-то до последнего участвовал во всех объединительных акциях и не мыслил себя вне нового Союзного договора и т. п.

Но строго одновременно протекал и погром политического центра СССР, и никто не задается вопросом: и в самом деле, что было первично:

а) растащить все на 15 республик или

б) разгромить именно центр Союза и лишь потом получить 15 новых государств.

И где тут пусть и не всегда явно выраженная *цель*, а где получившиеся *эффекты*?

Какова должна была быть сила 15 новых центров от Московского (самого сильного — Российского) и до, скажем, Таллинского (упоминаю этот город не потому, что он самый слабый, а потому, что Эстонская ССР всегда была последней в алфавите), чтобы пересилить тающий Союзный? Строго говоря, тенденции не были равны и менялись каждое мгновение. И одно без другого просто немыслимо. Ускоренная суверенизация союзных республик под рокот несанкционированных демонстраций и под стрекот автоматов, бегство по «национальным квартирам» тоже имели место, но многое получилось

и через события в центре Москвы, если употреблять географическую привязку: в Кремле, на Старой площади, на площади Дзержинского. Да, Союз, в конце концов, растащили именно по бывшим союзным республикам. Это так. Но это не все. Это скорее создавшийся *эффект*, чем сущность преследуемой *цели* тех, кому принадлежал замысел.

Мы из уважения к уму нашего читателя не позволяли себе *контрафактный анализ* как наиболее низкопробный. Но иногда он необходим. Теперь скажем, что если бы не мероприятия по подрыву контура управления Советской державы, то Союз сохранился бы в

несколько усеченном виде (в геополитическом плане): да, пришлось бы уйти из Восточной Европы; бросить на произвол судьбы всех союзников по всему миру; от нас откололись бы Прибалтика и Закавказье; в оставшихся вместе славянских республиках могла произойти смена строя.

Но был полностью стерт весь союзный центр, и, таким образом, через его уничтожение убит весь СССР. Поэтому мы смеем утверждать, что более общая картина разгрома СССР должна обязательно включать в себя главное: была разгромлена именно интеграционная составляющая. В декабре 1991 г.

республики остались одни, без центра, вокруг которого можно было собраться. Им не была дана возможность объединиться вокруг того, что было прежде. Представим себе ситуацию, при которой некая, пусть даже и виртуальная, союзная республика не хочет выходить из Союза: она не принимает никаких решений о своей «независимости», ее население на референдуме на 100 % голосует за сохранение Союза — такого рода допущение возможно.

Но что ей делать, начиная с 25 декабря 1991 г., когда Президент СССР М. С. Горбачев покидает свой пост? К кому обращаться? Ни одного чиновника, даже самого жалкого

коллежского регистратора из союзных структур, нет на месте: все места в центре Москвы заняты другими... То есть, если утверждать, что Союз растащили националы, это значит ошибаться, и этой ошибке следуют некоторые авторы.

Еще одна заключается в следующем. Во всем обвиняют буквально несколько человек, где на первом месте стоят М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин. Когда кого-то обвиняют в чем-либо, я задаю себе вопрос: *а под силу ли ему было осуществить это в профессиональном плане?* И тут обвинения М. С. Горбачева в соавторстве с Б. Н. Ельциным в развале СССР у меня вызывают

улыбку. Это была наисложнейшая интеллектуальная задача, которая в начале своего пути даже в принципе не имела решения, для одного только ее описания требовалось подключить лучшие силы, может быть, всего мира. Она уж явно не для их мозгов. Как могли эти две интеллектуальные сироты (напомню, что один из них закончил юрфак МГУ и экономический факультет провинциального сельскохозяйственного института, другой — строительный факультет) сообразить, как такие дела делаются вообще? Здесь все на компьютерах было просчитано. Да, юридически они виновны — тут я не веду спор,

но насчет их интеллектуальных способностей я сильно сомневаюсь.

Мы трактуем все диалектически и с позиции того, что СССР был крепостью... Более всего результаты наших исследований будут лежать в области безопасности. Но мы вышли на те вопросы национальной безопасности, которые прорабатываются весьма и весьма слабо. То, чем мы будем в основном заниматься, получило название «организационная война». Это подвид так называемых нетрадиционных войн.

Организационная война есть необычная война даже для нового класса. Это война, которая целиком и

полностью проходит в тиши кабинетов высоких начальников, на совещаниях и заседаниях, в ходе пленумов и парламентских дебатов, а также за пределами официальных мест, когда дела решаются в неформальной обстановке.

Она ведется между двумя чиновниками или же целыми командами, где есть определенные лидеры. Один из них на том или ином докладе ставит визу: «Запрещаю!», другой по этому же поводу: «Разрешаю!»; один пишет: «Заккрыть!», другой: «Открыть!» И каждый находит свои аргументы в пользу того или иного решения. Кто из них прав, а кто нет, сразу не ясно,

это становится видно только со временем, когда либо что-то успешно функционирует, принося пользу государству и обществу, либо напротив. Тогда выстраивается и становится ясна линия того или иного чиновника, его подлинное лицо.

Организационные перестройки, управленческие нововведения, изменения, вносимые в информационные потоки, часто сопровождают чиновничье-аппаратную жизнь, и чрезвычайно важно здесь отличить случайность от явного злого умысла, направленного на уничтожение государства по частям.

Важным моментом вследствие

каких-то изменений будет являться простор или, наоборот, скованность в принятии решений. Когда имеется целый набор тех или иных решений и все говорит о том, что каждый из вариантов со всей определенностью имеет положительные моменты и речь идет только о том, чтобы выбрать наилучший, — то это одно, но как быть, если, по сути, вариантов нет и единственный ход — вынужденный... В этом случае ситуация является уже предгибельной. Еще один шаг... И в любом случае — полный крах. Такую ситуацию теперь характеризуют так: «Угрозу национальной безопасности представляет действие или

последовательность событий, которые могут коренным образом в относительно короткие сроки (...) сузить спектр политического выбора для правительства данного государства или частных неправительственных образований (отдельных лиц, групп, корпораций) внутри государства» [1.02. Р. 5]. (Цит по: [1.03. С. 4].) То есть, как только перед политиком, признающим такой взгляд, сокращается некоторое пространство для маневра, для него включается красная лампочка: **«ВНИМАНИЕ! ОПАСНОСТЬ!»**, и он уже начинает реагировать на ранних стадиях угрозы, но много ли таких?

Об этой войне хорошо знают только те, кто ощутил ее действие на себе. Так, бывший премьер бывшего Союза Н. И. Рыжков, объявляя о своей отставке, назвал это явление: «необъявленная война против правительства». И идет она все время и повсеместно: государственная власть при этом понемногу уничтожается... Все знают со времен великого Сталина, что партийный и советский аппарат скрепляют винтики. Но стоит только эти винтики ослабить, как все и посыплется. Что и было сделано в Союзе. Что нужно еще сделать, чтобы сломать государственную машину? Подсыпать сахар в бензин,

палку сунуть в колеса, бросить болт между шестеренок. Нужно все понемногу, но не сразу, а незаметно и в то же время наверняка. Да, И. В. Сталин говорил, что «кадры решают все», но они решали все только тогда, когда были собраны им в четкую организацию. И вот бывший замзав Орготделом ЦК, который когда-то занимался этими кадрами, а потом получил повышение, Е. К. Лигачев начал их громить, а потом, на следующем этапе, уже подключился и М. С. Горбачев, который перешел к погрому структур.

Все то, о чем я здесь рассказываю, старо как мир. Это

известно давно, переведено,
напечатано и доступно было всем:
«Обычно правило ведения войны
таково: важнее сохранить
государство противника в
целостности, чем разгромить его...

Поэтому сто раз вести бой и сто
раз одержать победу не является
лучшее из лучшего. Лучшее из
лучшего заключается в том, чтобы
покорить войско противника без боя.

...Кто искусно ведет войну, тот
покоряет чужие войска без сражения,
захватывает чужие крепости без
осады, сокрушает чужие государства
без длительной кампании.
Непременно сохранив все в целости,
борется за господство в

Поднебесной. Поэтому, не прибегая к войне, можно иметь выгоду. Это и есть правило стратегического нападения» [1.04. С. 41–42].

В чем вообще особая сущность этой «войны»? Да в том, что в системе управления должен исполняться закон необходимого разнообразия: подсистема управляющая должна быть адекватна подсистеме управляемой. Он обязателен к исполнению любыми системами — как естественного, так и искусственного происхождения. Для поддержания гомеостаза динамической системы необходимо, чтобы разнообразие управляющих параметров соответствовало

многообразию составляющих управляемых объектов. Это особо подчеркивается в трудах такого уважаемого специалиста, как доктор юридических наук Г. В. Атаманчук, длительное время работающего в этой сфере [1.05. С. 105–108, 1.06. С. 99–108]. Всякое нарушение этого закона приводит к саморазрушению системы управления. А если же это происходит в динамике — то стоит только чуть-чуть «помочь» (со стороны или изнутри, можно скоординированно-объединенными усилиями — не суть важно), то этот процесс значительно и необратимо ускоряется. При этом кризис в управлении вызывается через

возрастание скорости принятия решений, которые инициируют через внедрение «домашних заготовок», детонируют мины, которые были когда-то заложены (выражение Р. И. Косолапова); идет обострение старых, не решенных вовремя проблем, и тут же явление новых, которые еще не изучены, а на них надо реагировать; следуют один за другим удары по контуру управления; если удар пришелся на времена успешного развития системы, она на него реагирует и гасит, во времена кризиса не может среагировать с прежним успехом и вынуждена сама измениться. Поздняя советская система, которую мы будем изучать,

по которой были нанесены воздействия подобного рода, отреагировала запуском механизма саморазрушения информационно-управленческого центра, который уничтожил СССР полностью.

Для того чтобы указать на эти события, расскажем о самом СССР. Советский Союз представлял уникальную систему. Даже, можно сказать, сверхсистему. Впервые в мировой истории из одного центра (Кремля) осуществлялось непосредственное руководство 18-миллионной партией, партийно-государственным аппаратом управления, всеми экономическими институтами (предприятиями,

объединениями, организациями и учреждениями), армией, милицией и проч. Наверное, до 95 % 250-миллионного населения страны было в контуре этого управления. Примерно 5 % населения (кто-то может и оспорить, я тут не берусь настаивать на цифре!) — вне его: люди с девиантным поведением (уголовная среда, бомжи, проститутки), диссиденты, которые были под руководством Запада, неработающие, раскольники, цеховики.

Именно объективное положение дела со сверхцентрализацией власти в СССР давало возможность, ликвидировав один лишь центр,

опрокинуть всю систему. За кратчайший период времени, которого еще не было в человеческой истории, этот субъект управления был взломан, подорван, сопротивление погашено, добиты его остатки. Произошла разительная трансформация системного бытия от рациональности к иррациональности, от функции к дисфункции, от успехов к упадку.

Виноваты в этом мы сами, потому что могли знать многое о природе структур, но этим знанием просто пренебрегали: «Произвольный, субъективистский характер носили и многочисленные преобразования управленческих

структур, которые всегда были настоящим бичом для нашего государства. Трудно измерить тот ущерб, который причинялся бесконечными реорганизациями. Любой новый руководитель считал первым своим долгом что-то сломать, перестроить, создать нечто такое, чего еще не было... Каждая реорганизация на многие месяцы парализовывала руководство соответствующими отраслями, держала в подвешенном состоянии огромную армию высококвалифицированных специалистов, ломала судьбы людей.

Не составлял исключение в этом плане и период «перестройки».

Сколько реорганизаций было за время перестройки — не счесть!» [21. С. 29–30]. Этим подсчетом мы и займемся в конце книги.

Кто же виноват в случившемся? Как назвать виновника: кризис власти? Реформаторский зуд Горбачева? Организационные изменения? Нет. Это была организационная война.

Для меня было очень важным выдержать именно тот достойный качественный уровень, что уже был достигнут в предыдущем. По-прежнему дается много материалов, посвященных методическому и структурному моментам. В прошлом нами уже писалось о роли «мозговых

центров» Америки, ныне мы продолжаем их освещение. В данных подходах есть некоторый уровень сложности, поэтому здесь мы не могли не применить приемы системного анализа. Была здесь и изрядная доля малоизвестного, для которого потребовались знания особого рода. Вновь потребовалось концентрировать информацию только на самых важных направлениях поиска и подавать ее не в хронико-повествовательном виде, а в виде тематической концептуальной сетки.

ШАГ ПЕРВЫЙ, СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СССР МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

ТОЧКА ОТСЧЕТА -1: ЧУЖИЕ НА НАШЕМ ПОЛЕ

Просто удивительно, как некоторые наши безответственные болтуны не желают замечать многие вполне очевидные вещи: влияние внешних воздействий на события внутри других стран, хорошо рассчитанное и поэтапное проникновение в центры, более того, в кульминационные моменты часто происходит наложение внешних противоречий на внутренние, а дальше: слом систем-жертв. И, как говорится, ...ПОЛНАЯ ГИБЕЛЬ

ВСЕРЬЕЗ. Многие события в истории вообще, в делах вчерашнего и сегодняшнего дней имели картину, о которой мы говорим: к внутреннему фактору тесно примыкал еще и внешний. Сама «перестройка» не стала чем-то новым, наоборот, те, кто ее задумывал, учились по таким учебникам, в которых на эффективности совместных действий акцентировалось внимание.

Природа таких возможностей кроется в диалектике. Всякая, формально самая устойчивая социальная система на самом деле имеет внутри себя противоречия.

Внешняя среда может это легко вычислить, определить, какая из сторон имеет наиболее близкую точку зрения, и стать на ее сторону, после чего остается только атаковать теперь уже общего противника. От взаимоотношения с внешней средой система зависит очень сильно. И тут могут быть ситуации трех родов: 1) *внешняя среда в целом помогает системе добиться заданных целей;* 2) *внешняя среда или хотя бы интересующая нас ее часть нейтральна;* 3) *внешняя среда стремится уничтожить систему или как минимум добиться ее ослабления.* Нельзя сказать, что внешняя среда будет однородна в

этом отношении. Речь может идти только о некой общей результирующей. Таким образом, внешняя среда относительно системы подразделяется на полезную, нейтральную, агрессивную. Чаще в диалектике исследуется последняя — оно и понятно, именно в этой области лежат угрозы. Эти правила универсальны для любого уровня. Даже для отдельного человека. Одно дело, когда кто-то работает и ему никто не мешает, и совсем другое дело, когда какие-то препоны не дают развернуться его инновациям. Одно дело развитие всей страны, когда ей никто не мешает, и совсем

другое дело, когда ее стратегическую инициативу сковывают, сама она существует под прессингом или под угрозой полного уничтожения. Одно дело, когда *кругом — свои люди*, пусть разные по характеру, пусть в чем-то не совсем понятливые, пусть в чем-то они имеют какие-то недостатки, которые для вас оборачиваются не самой приятной своей стороной, и совсем другое дело — это прямой враг. А особенно неприятно — это когда этот внутренний враг имеет отношения с вашим внешним врагом. Тема эта сама по себе, если освещать ее полностью, стоила бы целой серии книг, ибо на протяжении веков она

является в социальной жизни самой жгучей, от нее многие, если не все, беды или как минимум масса проблем, может быть, даже не всегда до конца разрешимых.

Сама постановка вопроса звучит как *политическое проникновение* и *политическое давление*. Тем более что нет проникновения только одной (более успешной) стороны, а всегда речь идет о взаимопроникновении. Вопрос нелегкий для понимания, но еще более трудный для изложения: требуется показать, как это происходит — кто к кому проник в большей степени и куда конкретно, да еще и с учетом изменения во времени. Все это вызывает некую

громоздкость изложения, которую надо как-то упростить.

Если брать область, интересующую только нас, то мы прямо должны указать, что пусть не сразу, но Америка сумела зажать СССР в тиски, сохранив при этом себе свободу рук. Тем самым в такой борьбе она получила известное преимущество, которое смогла реализовать.

МИССИЯ ЭМИССАРОВ: ИСТОРИЯ, МЕТОДЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Прежде чем показать механизм действия такого рода положений, нам надо представить некие соображения автора на этот счет. Здесь мы не намерены переписывать всю человеческую историю: для этого понадобилась бы не одна книга, а хотим обойтись только небольшой справкой, показывающей, как часто подобное уже случалось в прошлом.

Можно сказать, что подобные неприятности знали все страны. Да, бывают и падения с высот развития

«в никуда» в результате борьбы по принципу *грубая сила на такую же силу*: Великий и могучий Рим — варвары; Византия — турки; Французское королевство — Англия (во времена Столетней войны); Русские великие княжества — татаро-монголы и т. д. Но случается и так, что есть империи, не уступающие по мощи Великим, но их сила — в тайне; всемогущество — вездеприсутствии; безопасность не в числе солдат, а в быстроте поставляемых нужных сведений из соседних государств. Ватикан отправлял всюду, куда только ступала нога европейца, своего миссионера, там святые отцы с крестом в руках

благословляли на массовые убийства туземцев. Любопытно, что если католические эмиссары никогда не отрицают наличия иерархии власти над собой: вот портрет нынешнего папы, вот его кардиналы и проч., то такие деятели, как иудейские религиозные эмиссары, всегда подчеркивают, что они самостоятельны, над ними никого нет, — то ли дела, которые всегда вытворяют ребе, чернее ночи и невозможно признавать отцов-вдохновителей, то ли лишняя конспирация никогда не помешает.

Но даже зная эти принципы, организационное открытие, сделанное В. И. Лениным, выглядит

серьезно: для успеха революции нужно скоординированное взаимодействие из двух центров: Русского бюро ЦК РСДРП(б) (внутри империи) и Заграничного бюро (за ее пределами). Революция в России вообще и захват власти именно большевиками вряд ли были бы возможны, если б не было поддержки со стороны европейских стран революционерам-эмигрантам, которые обеспечивали непосредственную деятельность на территории России. В 1917 г. для победы в октябре используется разведка Германской империи. (Обычно это истолковывается как что-то негативное, мы же видим

здесь только высокий политический профессионализм — большевикам открылись возможности, которые они использовали.)

Тогда же на политическую арену выходят те, кто впоследствии получит название транснациональных корпораций: банкир Я. Шифф через своих эмиссаров Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, М. М. Володарского, Р. Я. Менжинского участвует со своей стороны в проекте под названием «Русская революция».

Белогвардейцы во время Гражданской войны в России пользовались поддержкой интервенции 14 государств, но свою

задачу не смогли выполнить (на стороне красных, не забудем, также были иностранцы — мадьяры, китайцы и др., но они не поддерживались соответствующими правительствами). Без внешней поддержки, подчеркивал И. В. Сталин, «серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна» [33. Т. 8. С. 360].

Окончание открытой интервенции переросло в помощь все тем же белогвардейцам, теперь действовавшим из-за границы. Об этом старались не забывать. А такой блестящий и до сих пор никем еще не превзойденный диалектик, каковым

являлся И. В. Сталин, постоянно в своих выступлениях и статьях возвращается к вопросам противоречий, часто сопоставляя и взаимоувязывая внешние и внутренние: «Мы исходим из того, что наша страна представляет два ряда противоречий: противоречий внутреннего порядка и противоречий внешнего порядка. Противоречия внутреннего порядка состоят, прежде всего, в борьбе социалистических и капиталистических элементов. Мы говорим, что эти противоречия мы можем преодолеть своими собственными силами, мы можем победить капиталистические элементы нашего хозяйства, вовлечь

в социалистическое строительство основные массы крестьянства и построить социалистическое общество.

Противоречия внешнего порядка состоят в борьбе между страной социализма и капиталистическим окружением. Мы говорим, что разрешить эти противоречия собственными силами мы не можем, что для разрешения этих противоречий необходима победа социализма, по крайней мере, в нескольких странах. Именно поэтому мы и говорим, что победа социализма в одной стране является не самоцелью, а подспорьем, средством и орудием для победы

пролетарской революции во всех странах» [33. Т. 8. С. 326]. Потом эти эмиссары сами активно свергают правительства от Монголии на востоке и до Германии на западе, опираясь на помощь красной России. Так началось то, что получило название «экспорт революции».

Довольно длительное время картина, особенно на границе, была очень пестрой. С одной стороны — Польша поддерживала белогвардейские отряды Б. В. Савинкова и С. Н. Булак-Балаховича, которые совершали бандитско-террористические нападения. В это же самое время 28–29 августа 1924 г. в Грузии была

предпринята попытка поднять контрреволюционное восстание, организованное из-за границы эмигрантским меньшевистским «правительством» Н. Н. Жордания, и т. д. С другой стороны — красные партизанские отряды в Польше поддерживались советскими Белоруссией и Украиной, и они весьма жестко расправлялись с польскими жандармами и офицерами.

И. В. Сталин открывает статью «Перспективы», опубликованную в «Правде» 18 декабря 1921 г., такими соображениями: «Международная обстановка имеет в жизни России первостепенное значение. Не только

потому, что Россия, как и всякая другая страна в Европе, связана бесчисленными нитями с соседними капиталистическими странами, но и, прежде всего, потому, что она, будучи советской и представляя ввиду этого «угрозу» буржуазному миру, ходом вещей оказалась окруженной враждебным лагерем из буржуазных государств. При этом понятно, что положение дел в этом лагере, соотношение борющихся сил внутри этого лагеря, не может не иметь для России первостепенного значения. Основным моментом, характеризующим международную обстановку, следует считать тот факт, что период открытой войны

сменился периодом «мирной» борьбы, что наступило некоторое взаимное признание борющихся сил и перемирие между ними...» [33. Т. 5. С. 117].

Однако, несмотря на то что общерезультирующая внешних противоречий была направлена из Советского Союза, давление на него также не прекращалось ни на минуту. С одной стороны — постоянно и неуклонно растущее мировое коммунистическое и рабочее движение достигает определенных результатов. С другой стороны — мировая буржуазия и недобитые белогвардейцы-эмигранты постоянно вынашивают

планы, как бы уничтожить «зарвавшееся быдло». С какого-то времени для них появляется надежда в виде *троцкистско-зиновьевской оппозиции*, о чем даже не стесняются открыто печатать в своих газетах. П. Н. Милюков в эмигрантской газете из Парижа «Последние новости» за 27 августа 1926 г. писал: «Самый страшный враг для Советской власти теперь есть тот, который подползает к ней незаметно, охватывает ее своими щупальцами со всех сторон и ликвидирует ее раньше, чем она замечает, что ликвидирована. Именно эту роль, неизбежную и нужную в подготовительном периоде, из

которого мы еще не вышли, играет советская оппозиция» (Цит. по: [33. Т. 9. С. 55].)

Союз Запада с троцкистами был легко найден потому, что основа для этого была заложена миссией Л. Д. Троцкого в прошлом. Но и противовес этому лежал в этой же плоскости — это естественно! — чем отличался И. В. Сталин от всех других большевиков-руководителей с дореволюционным стажем, так это тем, что он никогда не имел личных контактов с внешним врагом России. В. И. Ленин через Я. С. Ганецкого и А. Л. Парвуса был повязан с немецкой разведкой. Брали и другие.

Но лично у И. В. Сталина не

было ничего подобного. Тут его позиция была совершенно неуязвима. Вся ВКП(б) отлично знала, как много значит внешняя поддержка в переворотах — она сама в недавнем историческом прошлом на этой базе сделала революцию. Поэтому оппозиционные выходы Л. Троцкого терпели долго, и это могло длиться чуть ли не бесконечно, но тут он и/или его «собратья» решили обратиться за помощью извне. Некие «оппозиционеры» Щербаков, Тверской и Большаков обратились на Запад с просьбой помочь в работе нелегальной подпольной типографии. Но там ГПУ работало столь плотно, что тоже является

одним из показателей сложности картины, что троцкисты вышли на агента, завербованного советской спецслужбой! Бывший врангелевский офицер сообщил об этом по выделенному каналу в Москву. Товарищ В. Р. Менжинский докладывает об этом И. В. Сталину. ГПУ накрывает типографию, арестовывает беспартийных буржуазных интеллигентов, сотрудничавших в типографии. Оппозиция, в свою очередь, требует освободить их. Председатель ОГПУ делает сообщение Объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б), который состоялся 21–23 октября 1927 г. Как это сейчас говорится, разгорелся

скандал. И. В. Сталин делает там же доклад «Троцкистская оппозиция прежде и теперь» [33. Т. 10. С. 172–205]. Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева исключают из членов ЦК. При этом стоит понимать, что и после высылки из СССР Л. Д. Троцкий все равно оставался врагом скорее внутреннего, чем внешнего характера — через свои связи. Дело, как известно, завершило ледоруб...

Советский Союз продолжал давить на внешний мир. И делал он это легко и успешно потому, что имелись некоторые объективные обстоятельства. Внутри каждой сложной социальной системы, как то или иное государство, существуют

внутренние противоречия — страна при этом делится на два лагеря. Основатели марксизма, как известно, верно вычислили подобного рода противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми. А благодаря тому, что такие же противоречия, что и в России, были по всему миру, В. И. Ленин, опираясь на интернационализм, сумел придать своей идее и внешний импульс. Коммунизм приобрел мировое значение. Организационно это было представлено через такие принципиально новые формы, как *Коммунистический Интернационал* (причем сама ВКП(б) всего лишь

коллективный член Коминтерна, равно как и другие партии); *Коммунистический Интернационал Молодежи* (КИМ) (понятно, что и ВЛКСМ — тоже член КИМ); *Профинтерн* — та же картина для профсоюзов. Был еще и *Крестьянский Интернационал* — ни одна возможность не была забыта для влияния! Была создана и широкая система спецподготовки кадров: *Международная Ленинская школа, Коммунистический Университет национальных меньшинств Запада, Коммунистический Университет трудящихся Востока.*

В свою очередь, и «оттуда» помогают нам через *Общество*

друзей Советской России, через Общество технической помощи Советской России.

Любой коммунист или сочувствующий, попавший в беду, может рассчитывать на поддержку *Международной организации помощи борцам революции (МОПР)*. Сам СССР превратился в надежную базу для политического убежища коммунистов всего мира начиная от Бела Куны (Венгрия, 1919) и до Луиса Корвалана (Чили, 1976).

Но не все так просто и гладко — в политике так не бывает. Здесь нас тоже ждали свои победы и поражения. И всякий проигрыш в этой ситуации оборачивается

тяжкими последствиями. Поддержка со стороны СССР Гамбургского восстания осенью 1923 г. могла привести к отторжению Германии из лагеря капитализма, но его неудача повлекла за собой увеличение помощи партии А. Гитлера со стороны капиталистов, включая и внешнего — антисемита Г. Форда. В связи со всеобщей забастовкой в Англии президиум ВЦСПС на своем заседании 5 мая 1926 г. постановил призвать всех членов профсоюзов в СССР отчислить 1/4 (!) дневного заработка для поддержки бастующих и в тот же день перевел Генсовету 250 000 руб., а через день — еще 2 000 000 руб. 9 мая Генсовет

сообщил о своем отказе принять любую помощь со стороны СССР. Забастовка была провалена. И т. д.

Гражданская война в Испании дала весьма пеструю картину и характерна тем, что здесь столкнулись две внешние силы: добровольцы из СССР и других стран на стороне республиканцев против франкистов и их союзников — фашистов Германии и Италии. Плюс к этому на республиканском фронте действовала троцкистская организация ПОУМ, у которой, конечно же, не могло быть мирных отношений с просоветски настроенными лицами. Добавьте сюда еще и «пятую колонну» в

Мадриде, само наименование которой пошло именно отсюда.

Послевоенная история не исключение. Победа Мао в 1949 г. над Гоминьданом широко поддержана СССР. Более того, распространение коммунизма вызвало и вторичное расширение экспансии. Социалистический Китай сразу же оказал помощь государствам соседних народов — Северной Корее и Вьетнаму. Куба, которая только-только с помощью СССР смогла выйти из-под опеки США, сама активно помогала Эфиопии, Анголе, Гренаде, Мозамбику, Никарагуа.

Однако и удары извне стали все

более ощутимыми. Такими, какими они были в Венгрии в 1956 г. «Спустя ровно 20 лет после контрреволюционного мятежа «Нью-Йорк тайме» под заголовком «Рассказ о плане ЦРУ в 1956 году в отношении Восточной Европы» поместила интервью со знаменитым контрразведчиком Д. Энглтоном (...). Он, в частности, сказал: «К середине пятидесятих годов мы привели в соответствие со сложившимися условиями оперативные группы, которые были созданы по приказу свыше в 1950 году. Выходцы из Восточной Европы, частично члены довоенных крестьянских партий Венгрии,

Польши, Румынии и Чехословакии прошли спецподготовку в лагерях в Западной Германии (The New York Times. 1976, 30 November)». (Цит. по: [37. С. 144–145].)

Американцы активно поддерживали дестабилизацию в ЧССР. Американский контрразведчик Глен Рогер, бежавший в 1977 г. в Чехословакию, рассказывал: «В Нюрнберге мне пришлось работать с одной из спецгрупп, разбросанных по всему свету. Они специально готовятся для подрывных действий в странах социализма. Среди них много националистов — польских, украинских, чешских, словацких,

венгерских... Из чешских и словацких националистов в глубокой тайне формировались отряды, предназначенные для участия в операции, тогда еще безымянной. В 68-м ее лирично называли «Пражской весной». И многие мои нюрнбергские знакомые высматривали эту «весну» и торопили ее приход из окон одного посольства близ Малостранской площади. Пражане хорошо знают, что речь идет об американском посольстве» [1.07. С. 3].

Но это разовые мероприятия, а важна система. И она была создана в рамках Госдепа США, где появилось *Управление по вопросам образования*

и культуры. В общепринятой практике такое управление могло бы заниматься только подготовкой своих дипломатов. На самом же деле оно осуществляло и осуществляет программы обмена студентами, преподавателями, учеными и специалистами. В его рамках существует и программа «Молодые лидеры» с целью подготовить свою опору на далекую перспективу (См.: [31. С. 124–125].)

Сюда же относятся и *международные семинары для молодых политиков при Гарвардском университете*, которые потом сделали в своих странах «примечательные карьеры». С 1951 г.

ученым секретарем семинаров был Г. Киссинджер. Как сообщается в его популярной биографии, вышедшей в США в 1975 г. [1.08], «главная задача семинара заключалась в том, чтобы противодействовать советской пропаганде путем воздействия на «молодых политиков и публицистов». Как-то один из «молодых политиков» из Турции умер при весьма таинственных обстоятельствах и в его дневнике прочли, что именно Г. Киссинджер пытался заманить его на службу в ЦРУ в качестве «политического наблюдателя» (Цит. по: [37. С. 401].)

То, что Советский Союз активно поддерживал те силы в третьем мире,

которые заявляли о выборе социалистического пути развития для своих стран, не значит, что он был одинок. США ничуть не отставали в этом и выискивали своих сторонников, никогда не сомневаясь в нравственном облике этих лиц, выражались о них очень откровенно: «Да, он сукин сын, этот Дювалье, но он — наш сукин сын!» Эти слова, ставшие крылатыми, только об одном таком деятеле, а сколько их было и сколько их есть?! Вообще послевоенная история в этом смысле заключалась в том, что СССР и США предпочитали мериться своими силами не напрямую — иначе пришлось бы «подключать» свои

стратегические ядерные силы, а через третьи страны: Корею, Вьетнам, Анголу, Афганистан и др. Безусловно, что речь при этом шла не только о непосредственных боевых действиях, но и о внешнеполитических мероприятиях.

И порой такая поддержка — СССР и США — давала просто удивительные сочетания, когда интересы *заклятых друзей* совпадали. Так, например, мятежная часть курдского народа, что находилась на территории проамериканской Турции, пользовалась поддержкой СССР и получала от него помощь; а те курды-повстанцы, что жили на территории

Ирака, получали помощь от Америки. В КГБ по этому поводу шутили так: «Один парашют — от ГРУ, другой — от ЦРУ!»

В каких-нибудь пограничных странах, на стыке двух цивилизаций, всегда или почти всегда будут идти противоборства двух больших систем: за области типа Прибалтики всегда будет идти спор Русской и Западной. А сами по себе формальные хозяева будут занимать лишь подчиненное место. «Лесные братья» из Прибалтики и бандеровцы из Украины вошли в историю тем, что поменяли хозяев. Вначале работали на англичан, потом — на германских хозяев, а с 1945 г. — на

американцев.

Дополнить картину может и то, что в зависимых странах часто действуют не одиночки на свой страх и риск, а только за счет активной, почти легальной поддержки «метрополии». Так часто выступает связка *легальный эмиссар — посол США* и *нелегальный эмиссар — президент* этой страны. И факт наличия за спиной мощной поддержки позволяет иногда вести диалог на равных с собственной властью. Так, у А. Г. Лукашенко есть силы для устранения всей и всяческой *левой оппозиции*, что делается автоматически и не задумываясь, но он терпит в теле

Белоруссии гораздо большую и опасную «оппозицию» *справа*, которая есть не что иное, как эмиссары сильных США.

Но даже для самых успешно развивающихся стран, которые в свое время упустили из своего внимания эту угрозу, эта проблема имеет свойство превращаться в известную «головную боль» и не имеет прямого грубого решения, а превращается в тонкую игру с неизвестным пока результатом. Так, даже для, казалось бы, сильных и уверенных в себе США существует нежелательное массовое вторжение: «... Численность китайской диаспоры в Америке — 1,5 миллиона человек,

основная ее часть сосредоточена на Тихоокеанском побережье, где китайская разведка имеет настолько сильные позиции, что американские спецслужбы не в состоянии полностью контролировать китайскую активность в таких городах, как Сиэтл, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Хьюстон. Своеобразным предупреждением США стало избрание этнического китайца Лю Цзяхуэя губернатором штата Вашингтон (столица штата Сиэтл является основными воротами китайской эмиграции в Америку). Благодаря организованному китайской разведкой мощному китайскому лобби КНР решает на

территории США ряд стратегических задач...» [1.09. С. 74].

Когда мы говорили о гражданской войне в Испании, то уже привлекали ваше внимание к тому, что самое интересное здесь — это усложнение картины, когда на одном и том же политическом пространстве происходит столкновение многих игроков. Такое случается зачастую. Было же, например, столкновение эмиссаров двух стран во время Гражданской войны в России: В. И. Ленина (контролировался Германией, но утратил свою роль после революции 8 ноября 1918 г.) и А. В. Колчака (имел контроль со стороны Франции

через генерала М. Жанена, Великобритании — генерала А. Нокси, США — генерала У. Гривси, адмирала О. Найта). В наши дни эта же картина случилась на Украине: противостояние В. Ющенко, которого поддерживали США, и В. Януковича, который опирается на помощь некоторых российских сил.

Любопытна редко, но встречающаяся в открытых источниках их классификация: эмиссар — разведчик перед прибытием основных сил; эмиссар — духовная оккупация, суть которой сформулирована и в Библии: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков:

итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас...» [1.10]. Эмиссары на периферии и эмиссары в центре все же будут действовать разными методами или, по крайней мере, с разными целями: для переворота, для захвата золота и проч.; открытые: послы и рядовые дипломаты, военные атташе; агенты-резиденты мирного и военного времени; агенты: наблюдатели, осведомители, источники, наводчики, вербовщики, агенты для связи, маршрутные агенты [1.11. С. 151–152].

Конечно же, имеет особое

значение устройство механизма, обеспечивающего гарантию проникновения эмиссара: ему сопутствуют энергия, специальная подготовка, наличие достаточного финансового обеспечения, окружающая среда, которая благоприятно принимает постороннего, а не отталкивает его или, хуже того, выдает «органам» системы или не уничтожает. Могут различаться легальное — замотивированное, разрешенное нахождение и нелегальное, когда элемент внедрения обходит системы распознавания «свой — чужой».

Но одно дело — обычная разведка по принципу: обработка,

подготовка и выполнение задания и возвращение агента или же внедрение своего эмиссара с целью открыто занять пустующее место на троне. И такое было в истории и есть сейчас. Тут Лжедмитрий Первый и следом — Второй, В. И. Ленин и А. В. Колчак. Нынче ситуация точно такая же. Самое главное на сегодня, что эти **«троянские кони»** давно **пасутся на нашей земле!** Припоминается, что известные махровые предатели Советского Союза А. Н. Яковлев и О. Д. Калугин в 1957–1959 гг. в рамках студенческого обмена проходили стажировку в Колумбийском университете. Известная

журналистка из «Московских новостей» Е. М. Альбац в 1989 г. на стажировке в США успела побывать в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Сан-Франциско [1.12. С. 151] — там, где расположены ведущие антисоветские центры.

Соседние государства прямо руководятся из-за океана через президентов В. Вике-Фрейберг (Латвия), В. Адамкуса (Литва), М. Саакашвили (Грузия).

Ныне ситуация такова, что эмиссары Чечни, например, за границей выполняют следующие функции: организация отдыха, политическое убежище, имеют надежные связи, осуществляют

давление через международные и другие организации на Россию, получают финансовую помощь, вербуют наемников. Внутренние эмиссары в России — их собраты ведут разведку воинских частей (и сбывают эту информацию в два адреса — в Чечню и за границу), получают финансовую помощь, проводят психологическую обработку и вербуют наемников среди нейтрально настроенных представителей диаспоры, занимаются откровенной уголовщиной, установили взаимовыгодные контакты с Кремлем и военным руководством, через которых влияют на ход военных

операций на территории Чечни.

Сегодня мы видим такого рода события в том же Ираке, оккупированном американцами в 2003 г.: сунниты получают активную поддержку со стороны соседнего Ирана, и именно в местах их компактного проживания наибольшее число террористических актов и открытых мятежей против войск коалиции оккупантов.

СИТУАЦИЯ «РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ»

Противник проводит против нас ряд мероприятий, который в целом можно незатейливо назвать *размывание границ*. Если сравнивать государство с человеком, что уже делалось в знаменитой работе Гоббса «Левиафан», то что такое будет для нас граница? Оно будет выполнять ту же функцию, что и кожа. А какую функцию выполняет у человека кожа? Как гласят азы анатомии и физиологии, кожа защищает тело человека от попадания микробов. То

есть даже самый невинный микроб, которого здоровый человек просто не замечает, может стать причиной смерти, если не иметь эту самую кожу.

Что стоит понимать под приемом *размывания границ*? Это прежде всего вдавливание так называемой теории «открытого общества» (впрочем, тут более уместно английское наименование — Open Society), которая так нравится болтунам своей неопределенностью, но возможностью прославиться как ученый попугай. Сама же одноименная книга Д. Сороса, кстати сказать, была напечатана впервые в

«Политиздате», который до этого публиковал то В. И. Ленина, то генсеков, и придавала ей, таким образом, максимальный авторитет и выглядела почти как установка. На основе этой «теории» пытаются построить целый ряд доказательств того, что та или иная идея вполне пригодна и для нашей системы, в них нет ничего чужого или страшного.

На самом же деле подобный подход имеет строго научный, системный характер. Определения «закрытая система» или «открытая система» часто встречаются в кибернетической литературе и имеют право на существование, но только в отдельных, именно

кибернетических частностях — с этим никто не спорит. Но надо сказать, что если в каких-то естественных или искусственно-технических сферах такого рода подходы могут быть уместными, то в сфере политики такого рода определения заранее ущербны, ибо социальные системы по сути своей не могут быть либо полностью открытыми (тогда все ценное утащат, а нанесут и оставят разного рода отраву), либо полностью закрытыми (тогда такие законсервированные общества будут обречены на самозагнивание). В своей пограничной функции социальные системы всегда имеют свойства

гибкости: для чего-то полезного система открыта, для неприемлемого и вредного система должна действительно стремиться к герметичности. Суть в том, что границы системные и государственные пространственно не совпадают. Обывателю, глядящему на политическую карту мира, представляется, что границы, прочерченные на ней, отражают всю полноту картины, что там, где раскрашено в тот или иной цвет, — это может быть его и только его, а все, что находится за пределами этого цвета, — чужое и только чужое. Увы, но то, как это трактовал ученик пятого класса, приступающий к

изучению географии, нам не подходит. Мы понимаем, что давно уже пущены корни одних стран в другие. Это явление не только сегодняшнее. Началось это весьма давно. Было это регистрируемо то в явном виде — через дипломатические представительства, то инкогнито — через засылку лазутчиков. Шло это вначале на уровне стран, но со временем и достигло вне- и надгосударственного уровня. Отсюда и пошло то, что называют *глобализация*.

Для сегодняшней же России, как и для позднего СССР, характерна открытость для многочисленных неправительственных и прочих

организаций с благопристойными, невинными названиями что-то типа «Репортеры без границ», «Врачи без границ» и тому подобное, но тут хочется сразу дать поправку: говорили бы уж сразу: «Разведчики без границ». Поэтому ученые прежде всего требуют четкости определения: «Но почему-то, если кто-то сотрудник ЦРУ или МИ-6, то шпион, а если сотрудник Международного валютного фонда, то эксперт. Конечно, мы должны осознать, что сотрудники Международного валютного фонда и Всемирного банка на самом деле просто шпионы, потому что все финансовые документы у них перед глазами, они

знают все, и это шпионы высшего класса. Но их почему-то за шпионов не считают» [15. С. 52–53].

Формы этого могут быть самые разные. Внешние и внутренние инспираторы то предлагают программу «Открытое небо» (что было при Н. С. Хрущеве), то М. С. Горбачев, мотивируя хорошими отношениями с США, проводит решение Политбюро о прекращении с конца апреля 1988 г. глушения радиостанций «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкой волны» и др., но, правда, тогда еще продолжили глушение «Свободы» и «Свободной Европы».

И все это пока(!) работает

против России. Прежде всего это видно через тщательно разбираемые нами специфические области, где все и всегда не так просто: «...Это не фантазии Ле Карре или Юлиана Семенова, (...) это жизнь. Так что ее лучше не связывать со спецслужбами иностранных государств. Иное дело — со своими. Это надежно, это почетно, это достойно настоящего гражданина.

Здесь, конечно, наш собеседник обходит очень сложный вопрос: какую страну эмигранту считать «своей»? И какую спецслужбу — «иностранной»? Судя по практике советских разведывательных ведомств, им успешно удавалось

убеждать своих зарубежных агентов, что те работают именно на «своих» [1.13. С. 16]. Так что вывод из этого очень прост: *не торопитесь идти в разведку в Ясенево — можно легко попасть в филиал Лэнгли!* Четкости требует одна и только одна идентификация: есть свои и все остальные.

Собака, кстати сказать, даже самая маленькая и бестолковая, всегда устанавливает это раз и навсегда и никогда больше с этой индикации не сходит. Но человек не может унизиться до такого признака и всегда что-то путает в этой области. Чуть только поменяются обстоятельства, не успеешь

обернуться, как он уже делает против природы: «... переход на сторону врага предполагает наличие военного противника. Но в период войны изменник может оказывать содействие не только военному противнику, но и государству, не являющемуся военным противником СССР (например, разведке наших тогдашних союзников — США, Англии), для проведения враждебной деятельности против СССР. Вряд ли такие действия можно квалифицировать как переход на сторону врага, хотя изменническая суть их бесспорна» [1.14. С. 37].

Ошибкой природы стремятся воспользоваться люди с интересами,

противоположными нашей системе. *«Ты — демократ, и я — демократ, — говорят они друг другу. — И между нами нет никакой разницы».* А надо было бы: *«Ты — американец, а я — русский... И что между нами может быть общего? Да ничего...»* Вот тогда все было бы безошибочно.

КОНТРОПЕРАЦИЯ «МЕМБРАНА»

В прошлом против такого рода мероприятий проводилась весьма эффективная контроперация. На первых порах она носила защитный характер, но она сочеталась с еще и качественной внешней поддержкой. Одной из важнейших, если не самой важной функцией политика должно быть отслеживание меры проникновения чужого в свою систему, ибо в любой системе безопасности существуют пороги допустимой экспансии в ту или иную сферу, и когда уровень экспансии

превышает допустимую, защитная система разрушается (выражение Л. Г. Ивашова). Такого рода функция существовала в сталинском СССР: «Сталину принадлежит инициатива создания системы социальных силовых контрмер против холодной войны, которые Запад окрестил как «железный занавес»: ужесточение погранрежима, усиление КГБ (разведки и контрразведки), тщательный контроль за въезжающими и выезжающими из страны, активизация контрпропаганды и т. д. Очищением партийных и государственных органов, СМИ от прозападно настроенных деятелей надо было

уберечь народ от разлагающей западной пропаганды, информационной агрессии. Так называемый «железный занавес» пропускал в страну все великое и благородное и закрывал путь низменному и растлевающему, убивающему духовность и нравственность. «Железный занавес» не изолировал нашу страну от остального мира. В тысячах театров и клубов шли лучшие западные фильмы, пьесы, концерты и т. д. Огромными тиражами издавались западные ученые и писатели, а журнал «Иностранная литература» был доступен всем желающим. Сотни тысяч людей работали за

пределами страны, еще больше совершали зарубежные поездки, вступая в отношения с людьми иных цивилизаций, образов жизни и идеологий, обогащаясь ценным опытом и достижениями культуры. Миллионы граждан посещали Советский Союз. Миф об изоляции страны, как и о тоталитаризме, тирании и т. п. явлениях, приписываемых социализму, нужен был как орудие его разрушения» [29. С. 297], «В начале пятидесятих годов прошлого века органы госбезопасности Проводили мероприятие «Операция 100». Оно означало разработку каждого мало-мальски подозрительного

иностранца на протяжении всего маршрута его путешествия по территории Советского Союза. При этом местные органы госбезопасности в комплексе мероприятий активно использовали не только подразделения наружного наблюдения, но и женскую агентуру, в том числе и проституток, поставляя этих девиц, предварительно проинструктировав их соответствующим образом, иностранцам.

Много лет спустя сотрудник одной из израильских спецслужб А. Элиава, который в 1958 году приехал в Москву в качестве второго секретаря посольства, вспоминал:

«КГБ наблюдал за нами круглые сутки, даже в наших собственных квартирах. Открытое наблюдение, скрытое наблюдение, электронное наблюдение, оптическая слежка. Мы были постоянно в поле зрения КГБ. В довершение к этому почти все сотрудники становились объектами более совершенных действий: инсценированные «скандалы», которые затевали «возмущенные граждане»; угрозы ареста и т. д.» [35. С. 121–122]; это было возможно «... за счет разработанной Вторым главком системы мер, включающей углубленное взаимодействие контрразведывательного управления с разведкой, радиопротиводействием,

наружным наблюдением,
оперативно-техническим
управлением. Была отработана
структура управления всеми
элементами контрразведывательного
процесса: вскрытие каналов связи,
углубленное изучение почерка
каждого разведчика, разработка
системы мер и специальных
процедур работы каждого
подразделения и их взаимодействия,
отработка инструкций и нормативов
на проведение
контрразведывательных
мероприятий, систематический
разбор действий в рамках операций,
создание своеобразных алгоритмов
ведения контрразведывательной

деятельности» [1. 15. С. 7].

Создана такая система была во многом благодаря стараниям начальника Второго Главного управления КГБ СССР (контрразведка) генерал-полковника Григория Федоровича Григоренко, награжденного за нее Государственной премией СССР. Такого рода сведения, исходящие от знатока советской системы безопасности, даны в противоречие тем, что писалось демократами. В «перестроечном» же «Огоньке», пользуясь излишней засекреченностью, строго наоборот, говорилось, что СССР не обладает надежной системой контрразведки,

поэтому ее надо разрушить и создать новую, на что способны только демократы. Работник одного из местных управлений КГБ писал, что «...почти все агенты иноразведок из числа советских граждан были выявлены не в результате срабатывания какой-то системы контрразведывательных мер. В СССР в отличие от зарубежных стран такой системы не было и нет. В свое время ее пытался разработать и внедрить бывший начальник Второго Главного управления КГБ генерал Григоренко. Но в начале 1980-х годов он был снят с должности в связи с осуждением его заместителя за контрабанду. Когда я пытался сделать нечто

подобное на своем участке работы, руководство Второй службы поднимало меня на смех, называя подобные попытки Григоренко причудами старика» [1. 16. С. 29].

Методической основой советской «мембраны» являлась наука, называемая *контрразведывательной деятельностью* (иногда — искусством): «По большому счету контрразведывательное искусство по своему содержанию, характеру решаемых задач, способу принятия решений сродни военному искусству. А в военной стратегии и тактике первая заповедь командира — хорошо знать своего противника.

Неудивительно, что и у нас столь большое внимание уделялось изучению целей, задач, методов и приемов подрывной деятельности основных спецслужб мира, в том числе таких стран как США, Великобритания, ФРГ, Израиль, Япония и др.

Особенностью их подрывной деятельности в послевоенный период стало то, что изменились ее приоритеты. Теперь она направлена не только против наших Вооруженных Сил, оборонной и смежных отраслей промышленности.

Подрывные операции все шире осуществлялись в самых различных сферах общественной жизни.

Отдельные акции спецслужб проводились не ради «классического шпионажа», а прежде всего для достижения политических целей. (...)

При выявлении шпионажа самым ответственным и сложным является всесторонний и тончайший анализ разрозненных и противоречивых фактов и признаков с тем, чтобы замкнуть их в неразрывную цепь. (...)

Профессионализм оперативного работника и заключается в том, чтобы отчетливо классифицировать признаки по этим основаниям и, шаг за шагом исследуя их, выйти на глубинный сущностный уровень

понимания преступного умысла, что позволяет раскрыть само преступление. Ведь признаки, сопровождающие любое преступление, суть проявления скрытых причинно-следственных связей. Мысль оперативного работника, стремящегося проникнуть в суть преступления, в основном проходит следующие этапы: а) простое моделирование (описание) внешней видимости преступления; б) попытка расширения представлений о шпионском деянии путем выхода за пределы явных, на поверхности лежащих явлений (признаков) и обнаружения внешних его связей; в) наконец, установление

причинно-следственных связей между признаками, постижение причин совершения преступления.

Проникновение в сущность преступления зависит от ряда факторов, важнейшими из которых являются: уровень развития КРИ, степень овладения специальными знаниями и опыт оперативных работников. Благодаря хорошей теоретической подготовке, опыту и интуиции многие контрразведчики умеют принять во внимание множество разрозненных на первый взгляд событий и фактов, тщательно взвесить их и принять верное решение.

Коротко говоря, в борьбе со

шпионажем требуется системное знание контрразведчика, которое формируется и шлифуется глубоким анализом наиболее сложных дел, передается от мастера новичкам — лучше, когда непосредственно в совместной оперативной деятельности. Но и путем показа, демонстрации, как выстраивается версия, как отсеиваются малозначащие и отбираются существенные факты, — словом, разбором конкретных примеров тоже достигается поставленная цель — овладение системным методом раскрытия преступлений против безопасности нашего государства. (...)

...в операциях по выявлению агентурного шпионажа целесообразно и необходимо сделать качественный скачок в сборе и анализе информации — переложить эту трудоемкую, рутинную часть на «электронные мозги». (...)

Схематично операцию по выявлению агентурного шпионажа можно представить как классический логический процесс распознавания на основе получения (добывания) информации, ее оценки, выдвижения рабочих версий и их проверки, когда наблюдаются ситуации, указывающие на вероятность шпионажа: а) передача шпионских сведений; б) собирание

(похищение) сведений шпионом; в) хранение или обработка шпионских материалов.

Обычно в операциях по выявлению шпионажа первичная информация (сигналы) поступает в отношении одного из указанных элементов, затем устанавливают факты по другим ситуациям; вся поступившая информация оценивается в совокупности — и в зависимости от результатов анализа принимается решение по делу. Процесс добывания фактов, их соотнесения с уже имеющейся информацией продолжается вплоть до момента принятия судебного решения...

Если же на процесс выявления шпионажа взглянуть в плане структуры и взаимодействия информационных потоков, то мы получим классическую кибернетическую схему управления, где есть сигнал на входе, контур получения, обработки, анализа и оценки информации, сигнал на выходе в виде решения по делу. В реальной действительности этот простой и красивый чертеж расцветчивается всевозможными красками, линии его расплываются и искривляются, поскольку «возмущающие» информационные потоки оказывают сильное воздействие на прямые и обратные

связи, могут ослаблять или заглушать входной сигнал и т. д.

Поэтому деление процесса выявления шпионажа на отдельные этапы представляется в известной степени условным. Каждый из этих этапов логически сопряжен со следующим и пересекается с ним. Операция часто протекает настолько быстро, что отдельные ее этапы сливаются в единый, непрерывно текущий процесс, в котором, если специально не анализировать его, практически не удастся выделить последовательность перехода от одного этапа к другому. Сбор информации осуществляется негласными и гласными методами,

при этом необходимо учитывать различные возможности, уровни профессиональной подготовки и моральные особенности людей. В целом в органы госбезопасности поступает большая масса информации о проявлениях, вызывающих подозрение в шпионской деятельности. Обычно она накапливалась и хранилась в разных подразделениях, делах, подборках и документах. В этом объеме информации много избыточных сведений («шума»). Поэтому в большом массиве полученной информации трудно было отыскать нужные сведения и оценить их в совокупности, что

влияло на принятие решений и выдвижение рабочих версий относительно интересующих лиц и явлений.

Например, первичная информация (сигнал) о повышенном интересе инженера к совершенно секретным материалам за рамками его работы оседала в подразделениях, ведущих контрразведывательную работу на таких объектах, а сведения о его встрече с установленным разведчиком из персонала дипкорпуса могла находиться в другом подразделении и оцениваться как первичный сигнал в иной схеме информационных потоков, без учета уже имеющейся информации.

Разрозненность подобных сведений, подавление полезного сигнала «шумом» (ситуация «иголки в стоге сена») резко снижали эффективность контрразведывательной работы.

Преодоление негативных явлений в этой сфере, как сейчас понятно даже ребенку, возможно с помощью ЭВМ, способной накапливать и перерабатывать большие массивы информации, быстро осуществлять поиск нужных данных. (...)

...В органах госбезопасности ставилась задача всемерно поднять уровень информационной поддержки контрразведывательной

деятельности. К началу 70-х годов в центре, а также в республиканских, краевых и областных структурах КГБ СССР были организованы информационно-аналитические подразделения. Их работа строилась в двух основных планах: во-первых, информационное обеспечение всех подразделений органов госбезопасности и, во-вторых, проведение аналитических исследований в интересах всех контрразведывательных звеньев» [34. С. 63, 66–67, 79–82, 105]. Против шпионов, как видно, такая система была отстроена, но вот против проникших на кремлевский «верх» агентов влияния — нет.

«ОАЗИС»: {1} РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ ВНУТРИ ЗДОРОВОГО ОРГАНИЗМА

В настоящем мы полагаем напомнить о некоторых небольших коллективах, которые были легко отмечаемы еще в послесталинские годы существования Советской власти — они не сильно-то и скрывали свое существование, а за годы перестройки проявили себя в своей разрушительной деятельности. Речь пойдет именно о таких персоналиях, их организациях,

функциях, направленности их связей. Здесь мы, что вполне естественно для нас, снова пойдем по диалектическому пути, хотя более всего об этих людях примитивно, поверхностно и бездоказательно говорится в националистической литературе антисемитского характера.

В самом деле, как гласят азы диалектики, внутри каждой системы имеются внутренние противоречия [1.18. С. 524]. Это было, есть сегодня и будет всегда. На борьбе зла и добра держится вся система мироздания. Наш случай ничем не выделяется из общей картины. Когда-то они не достигли своей цели, их планы были

сорваны: «Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев — иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной Армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР» [8. С. 332].

В первую очередь мы присматриваемся ко временам 1950–1980-х годов, когда они и оформились, выйдя уцелевшими из кровавого кошмара конца 1930-х годов, устроенного для них И. В. Сталиным. И это несколько логично, так как, выйдя из тени, они окрестили себя «шестидесятниками». Характерной особенностью тех дней для страны было то, что где-то после выпуска без особого разбора на свободу в 1956 г. и закрытия ГУЛАГа страна получила некоторое смягчение во внутренней политике, и для всей системы наступило призрачное успокоение. Центр противостояния

перешел только к правящей верхушке, что будет отмечено нами ниже.

Однако если для всего общества такой проблемы не стояло, то были структуры, для которых это — тема № 1. Руководство КГБ акцентировало внимание к этому всего личного состава в центре и на местах. В частности, в приказе КГБ СССР от 28 июля 1962 г. № 00175 «Об усилении борьбы органов государственной безопасности с враждебными проявлениями антисоветских элементов». Стоит его прокомментировать: документ не отличается глубиной проработки темы. И когда внутренний враг перешел в наступление, то КГБ

оказался невооруженным методологически — приказ не давал рекомендаций.

До сих пор вычисление персоналий идет с некоторыми затруднениями: «Трудно однозначно выяснить, какие центры были здесь первичны. Но, судя по определенным признакам, можно выделить три полюса мондиализма хрущевского времени в обществе, оправляющемся после последних сталинских чисток.

Во-первых, научные круги физиков-ядерщиков. Здесь фигура академика Сахарова играет ключевую роль. По всем признакам Андрей Дмитриевич Сахаров был тесно связан с мондиалистски

ориентированными учеными с самого раннего периода своей научной карьеры, когда над проектом ядерного оружия работали люди с отчетливо выраженными мондиалистскими взглядами.

Во-вторых, почти наверняка можно утверждать, что кое-какие структуры сохранились и в недрах НКВД и после уничтожения аппарата Берии и чисток нового хрущевского режима, осуществленных против предшествующих поколений чекистов. По ряду косвенных признаков можно реконструировать связь этих чекистских кругов, курировавших мондиалистские проекты еще в военные и

послевоенные годы, с созданным в конце 1960-х 5-м Управлением КГБ СССР под управлением такой странной фигуры, как Филипп Денисович Бобков, ставший впоследствии заместителем председателя КГБ СССР Крючкова. Любопытно, что ныне Филипп Бобков возглавляет службу безопасности группы МОСТ, глава которой — Владимир Гусинский — одновременно является и председателем Российского еврейского конгресса.

В-третьих, и это самое очевидное, мондиалистские течения сохранились в определенной части советского еврейства, увлеченной

сионистскими проектами. Ясно, что эта среда естественным образом была предрасположена к таким настроениям, особенно после того, как многие евреи почувствовали разочарование в советском проекте, совпавшее с созданием Государства Израиль и во многом подкрепленное антиссионистскими тенденциями в СССР конца 1940-х — начала 1950-х» [1.19. С. 4].

Насчет центра у физиков-ядерщиков существуют и более точные подтверждения в одной статье с красноречивым названием «Оазис за колючей проволокой...», где утверждается, что «...тогда у теоретиков существовал

своеобразный политический клуб. Естественно, что идеологические и охранительные органы знали о таком «клубе», но смотрели на него снисходительно. В то же время сами сотрудники, сознавая, что они живут и работают под постоянным контролем спецслужб, эти дискуссии за пределы теоретических секторов не выплескивали. По-видимому, вольные дискуссии принимались органами за невинные забавы, без которых физики-теоретики не могут обойтись. Лишь бы делали нужное стране дело. (...)

Никто не препятствовал будущему лауреату Нобелевской премии Игорю Тамму еще при жизни

Сталина слушать западное радио и пересказывать последние известия своим молодым коллегам. (...)

Небезынтересный факт. Один из заслуженных ветеранов Арзамаса-16 Н. А. Дмитриев вспоминал: «Когда Сахаров стал заниматься диссидентской деятельностью, это он к нам примкнул, а не мы к нему. Он занялся этим в каком-то смысле под нашим влиянием» [1.20. С. 3].

Наряду с формальными сторонами борьбы с диссидентами было еще и то, что верхушкой андроповского КГБ были проведены некоторые отдельные мероприятия по оказанию существенной помощи этим элементам. Диссиденты не

смогли бы и дня просуществовать без поддержки со стороны тех лиц и организаций, которые де-юре должны были заниматься этой проблемой. Победила, как мы видим, та сторона, что активно поддерживала и выращивала эти «оазисы»: «О взвешенности и последовательности подходов КГБ к подобным ситуациям можно судить по такому эпизоду: в начале семидесятых годов в Москве прошло несколько демонстраций различного характера, основными лозунгами участников были: «Свободу религии!» (требования баптистов), «Свободу выезда евреев за границу!», «Никакого возврата к сталинизму!».

Каждый раз в ответ на эти акции принимались меры: пересматривали условия регистрации баптистских общин с целью их смягчения, стремились расширить возможности выезда евреев в Израиль и, конечно, старались убедить людей, что возврата к сталинским временам никто не допустит.

Андропов рекомендовал в таких случаях проводить очень осторожную и гибкую политику. А между тем находилось и немало сторонников жестких репрессивных мер. Например, предлагалось выслать из Москвы подстрекателей массовых выступлений и организаторов митингов.

По этому поводу состоялось совещание у Андропова, на котором присутствовали Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел Н. А. Щелоков, начальник УКГБ Москвы С. Н. Лялин, два заместителя председателя КГБ — Г. К. Цинев и С. К. Цвигун и я.

От московских властей выступил Лялин. По поручению первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина он поставил вопрос о выселении подстрекателей демонстраций из столицы. Ему возражали, подобные административные меры противоречат закону. Лялина

решительно поддержал Щелоков, он предложил «очистить столицу», создав для этого штаб из представителей КГБ, МВД и прокуратуры.

— Это снова тройки? — осторожно спросил я. Руденко поддержал меня и стал спорить со Щелоковым. Тот настаивал на своем. Цинев и Цвигун молча ерзали на стульях.

Тогда я вновь попросил слова и попытался доказать, что это прямое нарушение законодательства.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Андропов.

— Если у Лялина есть доказательства, что эти люди

совершили преступление, пусть их судят по закону. Только суд может определить меру ответственности, — ответил я.

Но Лялин и Щелоков не сдавали позиций. Спор продолжался два часа, но мы так и не пришли к какому-то решению. Андропов закрыл совещание, предложил еще раз хорошенько все обдумать.

Нагнав меня в коридоре, Щелоков покровительственно, хотя и не без иронии бросил:

— А ты молодец, вот так и надо отстаивать свою точку зрения!

Цвигун, вытирая потный лоб, тоже с улыбкой похлопал меня по плечу, как бы в знак одобрения.

Я понимал значение их иронических усмешек. Гришин готов был любой ценой заплатить за спокойствие и порядок в столице, а этому «руководителю московских большевиков» лучше не становиться поперек дороги.

Зато я получил полное удовлетворение, когда мне позвонил Андропов.

— Правильно поставил вопрос, — сказал он. — Выселять никого не будем!

Я хорошо понимал, что в споре по поводу репрессивных мер, как в зеркале, отражается характер взаимоотношений между руководителями государства и очень

четко высвечиваются карьеристские устремления тех, кто хочет выхватить каштаны для себя» [1.21. С. 205–207].

Никого из участников этого разговора, кроме самого Ф. Д. Бобкова, не осталось в живых. Протокол должен остаться, но вряд ли кто-то поторопится его опубликовать.

Принимаем изложенное за достоверность. Тем более все, что было между днем нынешним и этим событием, не опровергает этого. И здесь нельзя не похвалить Филиппа Денисовича за то, что он дает нам столь полную картину, показывая нам все и всех. Он сам называет имена тех, кто бдительно стоял на защите

безопасности страны: это В. В. Гришин, Н. А. Щелоков и С. Н. Лялин. Для них, людей настоящего дела, не существует каких-то оговорок в том, как надо охранять страну.

Но для Ф. Д. Бобкова и ему подобных всегда есть возможность пустить разговор в нужное русло, и они этим пользуются. В известной степени его позиции неуязвимы: он не говорит о конкретном деле, он пытается его растворить в прошлом, которое можно трактовать как угодно — но трактует его только в выгодном для себя свете: «Это снова тройки? — осторожно спросил я». Напоминание о 37-м годе неприятно.

Он это знает и пускает разговор в это русло. Даже не возникает такой вариант, что раз закон действительно не нарушался ввиду отсутствия его и, значит, преступления нет как такового, то это значит, что разумно принять закон, который бы предусматривал наказание на будущее. Высылка в другие районы — административная мера, она может и не носить вид какого-то наказания. Любое свободное в своих решениях государство имеет право само считать, кому жить в его столице, а кому нет.

Генерал-лейтенанта

С. Н. Лялина с должности
начальника УКГБ по Москве и

области 7 января 1971 г. перевели как можно дальше — начальником Управления особых отделов Группы советских войск в Германии и через два года уволили, на его место перевели хрущевского выдвиженца В. И. Алидина, а тот уже таких вопросов не поднимал. Можно аналогично указать, что подобное было и в прежней революции, когда суд присяжных, руководствуясь законностью, вынес оправдательный приговор Вере Засулич. Итог хорошо известен: по отношению к В. Засулич соблюдена буква закона и гуманность, а вся страна получила безудержный террор и как итог — кровавую революцию.

Отстояв всех диссидентов вместе взятых, Ф. Д. Бобков помогал и каждому в отдельности. Так, небезызвестного представителя «оазиса» О. А. Лациса он консультировал по поводу одной из рукописей: «Что же вы так неосторожны?» На что тот ответил: «А нам нечего скрывать» [16. С. 125].

Такой случай был не единственным. После описанного Ф. Д. Бобковым прошло десять лет, и, как сообщают, «в 1982 году сотрудники КГБ задержали двух студентов: Андрея Фадина и Павла Кудюкина. При задержанных обнаружили ворох антисоветской литературы. В ходе следствия

задержанные студенты заявили, что ИМЭМО просто напичкан подметными листками заокеанского происхождения, с содержанием которых согласны почти все, а многие, включая руководство заведения, даже принимают самое активное участие в распространении и пропаганде проамериканских взглядов. Дело пошло быстро, чекисты постепенно приходили к выводу, что в недрах ИМЭМО и ему подобных элитарных учебных заведениях готовится антисоветский заговор. В самый разгар следствия директор Иноземцев скончался от инфаркта, и весь удар должен был принять новый директор, которым

стал Примаков...» [1.22. С. 2].

Точно такой же, как пишут, была и обстановка в другом «мозговом центре» СССР — *Институте мировой социалистической системы*: «...Работники бывшего ИМСС АН СССР с глубоким удовлетворением сопереживали кризису социализма, который по долгу службы изучали, с каким сладострастным нетерпением ожидали очередного провала в «деле победы социализма в мировом масштабе». И мы себя откровенно обманывали, когда говорили себе, что хотим не гибели социализма, а его реформирования и гуманизации» [1.23. С. 3].

Это сейчас постфактум мы

знаем кое-что. А со стороны об этом говорилось открыто: «Андропов должен был любить своих врагов-диссидентов хотя бы из чувства признательности. Благодаря им он укрепил авторитет настолько, что легко одолел всех соперников по Политбюро, когда пришло время для решительного сражения за верховную власть в Кремле. Любые, самые ничтожные ростки диссента подтверждали необходимость функционирования возглавляемого им ведомства, причем каждый новый росток увеличивал значение КГБ. Рост авторитета Андропова был прямо пропорционален росту диссента в стране. Поэтому КГБ был

заинтересован, с одной стороны, в подавлении оппозиции, а с другой — в преувеличении ее и вреда от нее» [1.24. С. 77].

На самом-то деле и в советские времена тоже писалось многое. Вот только понять это могли не все: главное-то опускалось. Пишут, что, оказавшись за решеткой, некий А. Гинзбург завел себе друзей среди преступников и, как вспоминает один из тех, кто был с ним в одном бараке, всех *подогревал* (термин из воровского арго, обозначающий материальную помощь): «Ведь откуда-то берутся и кофе, и чай, и шикарные сигареты «Кент», всякие яства и прочее... (...) Ведь все пьют,

едят и курят, а добрые дяди на воле заботятся о том, чтобы дальше так было...» [37. С. 236]. Но понимать-то надо всю цепочку: от неких центров (да!) за границей и до того, кто непосредственно в руки передает «... *и кофе, и чай, и шикарные сигареты «Кент», всякие яства и прочее...*». В число этих «добрых дядей на воле», которые заботятся «*чтобы и дальше так было*», входят и чекисты, это в их силах было посадить этих гинзбургов и щаранских на баланду — уже через неделю бы позабыли о своих инакомыслиях... Но чекисты надежно «прикрывали» своих поднадзорных, а если бы и нашелся какой честный комитетчик с такой

инициативой, его служебное рвение быстро бы остудили: «Ты что, хочешь чтобы о нашей жестокости завтра «Радио «Свобода» сообщила? — Подумай, тебя же послезавтра самого уволят за такое!»

Сейчас, когда ФСБ спокойно смотрела на то, как звери мучили детей в Беслане; сегодня, когда взрыв сначала гремит прямо напротив здания ЧК на станции «Лубянка» и ФСБ получает фору до нового взрыва в 40 минут, которой не в состоянии воспользоваться, мы вспоминаем, как такое началось.

А начиналось через их взаимодействие под прикрытием несостоятельности КГБ в решении

тех или иных задач: еще в январе 1977 г., когда прошли первые террористические акции — известные взрывы в московском метро и попытки взорвать в других местах. На расследование (под руководством генерала В. Н. Удилова) ушло полгода! Причем многие вещи там просматривались сразу — особых чудес оперативно-разыскного искусства там не было продемонстрировано. Один из трех задержанных армян оказался судим в 1964 г. по статье 70 УК (ведение антисоветской пропаганды). В самом деле, КГБ иногда не торопился, а когда ловил диссидентов, то грозил им не сроком, а для начала

официальным предостережением от имени органов КГБ СССР, что было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР 25 декабря 1972 г.

Простые же советские люди оставались в недоумении: «Между живущими в Москве «диссидентами» происходит даже «полемика» (разумеется, в буржуазных органах печати). Например, Шафаревич «осудил» уезжающих в эмиграцию своих собратьев за «слабость»: бороться, мол, с Советским государством надо здесь, в Москве, в СССР, поучает он... Ему ответил на страницах парижской печати проживающий под Москвой

Ю. Даниель: нет, возражает он, все средства борьбы с Советской властью хороши — и здесь, и в эмиграции... Оба участника «дискуссии» пользуются пока всеми благами нашего общества и пребывают в неприкосновенности.

«Диссиденты» действуют не только открыто, но и наступательно. (...)

Большинство советских людей сегодня отказываются понимать, как можно безнаказанно лить грязь на нашу страну, проживая в Москве или под Москвой. Но даже в том случае, если подобное положение сознательно допускается в силу каких-либо государственных причин,

то остается все же непонятно — почему «деятельность Сахарова, Корнилова и прочих остается без ответа советской пропаганды?» [1.25. С. 349–350]. На ЧК уже не уповают: там все продано, вот, может, еще пропаганда их не пощадит?

Разумеется, чистая наука все может объяснить и все расставить по своим местам: «Часть реальности, не входящая в данную систему, но способная взаимодействовать с ней, образует среду этой системы. Среда необязательно находится во внешнем к системе пространстве» [1.26. С. 12]. И далее автор ссылается на слова одного из основателей своей науки: «болезнетворные бактерии «внутри»

организма, но функционально... они — внешняя для него среда» [1.27. С. 159]. Так что понять это можно. Но чувства это вызывает самые сильные...

Надо отметить, что при самом внимательном исследовании нельзя сказать, что цифра диссидентствующих элементов была большой. Но важен эффект от их деятельности. Такова общая природа этого явления. В прошлом было то же самое: троцкисты и прочие левые и правые уклоны составляли иногда не более 0,5 % от числа всей ВКП(б), но воздействие их было таково, что вся внутренняя политика вынуждена была подстраховываться от них.

Какие враги у России сегодня? Да те же самые, что и всегда! Один — внутренний, второй — внешний. А какой из них опаснее? Один — московский диссидент и ненавистник с советских времен — просыпается и видит, что кругом, куда он ни посмотрит, одна Россия: «Смешно вспомнить, до чего я был одержим ненавистью. Я взял себе за правило и прививал его своим единомышленникам: вставая утром, планировать, что я сделаю вредного для советской власти, а вечером подводить итоги, чтобы «недаром» прожить день. Когда день ничего не приносил, я рекомендовал хоть плюнуть на портрет в газете кого-

либо из руководителей» [1.28].
Второй — американский президент, например, — просыпается и вспоминает о тех проблемах, что докладывали ему вечером: так, Ирак, Югославия, Китай и эта, как ее? Ага, вспомнил: Рашен! Йес! Йес!
Парадоксальность ситуации заключается в том, что от того же НТВ не стоит ждать слова доброго в адрес России — надо не надо, но все равно лягут или укусят... Если ты смотришь продукцию НТВ — то это гарантия нарваться на русофобию. А тот же Голливуд может и забыть о том, как бышний раз уязвить русских. Там не до этого, там доллары делают, заплатят — значит,

напишут соответствующий сценарий,
а нет — ну и не надо!

Сейчас очень много
всевозможной псевдонаучной
литературы на околomedicalные
темы, в том числе и на тему
засоренности организма. Такой
большой организм, как государство,
не может не страдать от подобных
недугов, причина которых именно в
зашлакованности. Наличие в системе
чужеродных элементов, четко
определяемых как чужеродные,
выявляется при изучении опасности
от законспирированных на самом
высоком уровне.

КОНТРОПЕРАЦИЯ «МИСТИФИКАЦИЯ»: ИГРА В ЧУЖЕРОДНЫЕ СТРУКТУРЫ

Но если где-то появляется такая каверна, то значит ли это, что объект обречен и его ждет крах? Нет, в этих случаях помогают некоторые методы спецслужб. Можно ли как-то реально было бороться с таким явлением, если бы у КГБ было хоть чуточку желания? Да, ибо приемов для этого сколько угодно. Спецслужбы стран — жертв агрессии в этом случае создают ложные организации «оппозиционеров» и ведут

многоходовые операции по созданию в глазах внешнего врага мнения об их способности на решительные действия, чем парализуют настоящие усилия. Так, в 1920-е годы были проведены две идентичные довольно большие по охвату оперативные игры «Трест» и «Синдикат-2», в результате которых были дезориентированы буржуазные разведки, верхушка белогвардейской эмиграции и антисоветское подполье. Они слишком широко отмечены в печати, чтобы мы здесь рассказывали о них. В годы войны подобный опыт помог талантливо провести операцию «Монастырь», когда абверу было обещано восстание в тылу

действующей армии. Англичане не отставали и получали от Германии взрывчатку и оружие — удалось убедить разведку рейха, что шотландцы поднимут восстание, после чего должна последовать высадка десанта.

После войны И. В. Сталин тоже предлагал провести такую большую игру для разведок Запада. Это видно из Докладной записки Е. П. Питовранова И. В. Сталину, составленной во внутренней тюрьме на Лубянке в апреле 1952 г., где он сидел по обвинению в «сионистском» заговоре: «Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые

представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилось к спорадическим усилиям против одиночек и локальных групп. Для того, чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором вы упоминали, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 года, а именно создать в Москве, Ленинграде, на Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане (Самарканде, Ташкенте), Молдавии, Хабаровском крае (учитывая Биробиджан), Литве и Латвии

националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар» (Цит. по: [1.29. С. 6].) Но если спецслужбы сами «пекут» диссидентов, а не занимаются настоящим делом, то тогда остается только развести руками и признать свое бессилие.

СТРАТЕГИЯ «ЛИОТЭЙ»: ПУСТЬ НЕ СЕГОДНЯ, НО ЭТО ЖЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НИКОГДА...

Вначале биографическая справка о человеке, который дал название весьма полезному принципу. Лиотэй (Lyautey) Луи Любер Гонзальв (1854–1934) — с 1894 г. служил в колониальных войсках, маршал (1921 г.), с 1912 по 1925 г. — «высокий комиссар» и генеральный резидент в Марокко. Военный министр в правительстве

Бриана (1916 г.), автор правила: *показать свою силу для того, чтобы не пришлось ее применять!*

Случай, о котором пойдет речь, рассказывают так: «На заре века престарелый маршал Лиотэй (...) направлялся со свитой во дворец. Был полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывавший от жары маршал распорядился обсадить дорогу деревьями, которые давали бы тень. «Деревья вырастут ведь только через пятьдесят лет», — заметил один из приближенных. «Именно поэтому, — прервал старик, — работу начните сегодня же». Этот случай описан не в сборнике исторических анекдотов, а во

введении к архисекретному документу СИС, в котором в 50-х годах впервые были сформулированы стратегические основы ведения психологической войны империализма против социалистических стран. Кодированное название этого документа — операция «Лиотэ». (...) Выбор кодового слова для операции имел определенный смысл: к ее осуществлению противник приступил немедленно, намереваясь пожать результаты спустя десятилетия.

Основные цели и методы операции четко сформулированы в документе английской разведки,

датированном 1953 г.: «Лиотэ», — говорится в документе, — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест... внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство для сбора разведывательных данных и организации мероприятий. Планирование и организация операций поручены специальной группе, возглавляемой представителем министерства иностранных дел, которая создана на

основе решения комитета кабинета министров по вопросам коммунистической деятельности за границей, принятого 29 июля 1953 г. Организация работы по сбору и анализу разведывательных данных и их дальнейшему использованию в свете поставленных задач возлагается на «Интеллидженс сервис». (...)

Одной из задач операции, гласит приложение 2 к секретному документу 2279/НВ от 17 февраля 1959 г., является создание в Восточном блоке внутренней оппозиции против СССР [1.30. С. 273, 290].

Словом, если чего-то

невозможно добиться сразу, то можно ситуацию довести до момента, когда это получится. Если нельзя действовать быстро и в лоб, то надо действовать «тихой сапой». Что и было реализовано в четком соответствии с разработанными планами (Приложение № 1). Когда противник достаточно силен в явном военном и/или общегосударственном системном отношении, то сиюминутно его, естественно, победить нельзя или, по крайней мере, затруднительно. Но если задача со временем не снимается, то тогда для ее разрешения требуется применить какие-то приемы по постепенному, но неуклонному

ослаблению его сил, выматыванию нервов руководства и населения. Для этого тоже есть своя стратегия, и она искусно применяется против жертвы. Такого рода практика имеет в литературе несколько названий: *«стратегия измора»*, *«стратегия постепенного сокрушения»*, *«стратегия изнурения»*. Все они в той или иной мере приложимы к описываемому явлению.

Выигрышную тактику имеет в своих руках нападающий, именно он, как правило, изматывает противника, каждый раз доводит его до предмобилизационного состояния, до определенного порога, но который не стремится переступить. Но

каждый раз жертва задается
вопросом: «*То ли война, то ли нет?*»

Сама история вопроса
насчитывает много веков.

Внимательное отслеживание выявит
применение такого приема в ходе
Пунических войн Рима против
Карфагена. Затем сам Великий Рим
падет жертвой варваров, которые из
года в год изматывают войска
мелкими стычками, чтобы лишь
потом Атилла мог совершить захват
Вечного города. Такие методы были
известны и в Древнем Китае: о них
говорилось в книге Сунь-Цзы
«Искусство войны». Русские князья
использовали этот способ в своем
противостоянии с Ордой.

Современные арабские ученые, дотошно изучив возможности и военные традиции своего народа, а также характеристики еврейского агрессора, подсказали практикам путь, по которому следует идти пусть для долгого, но единственно возможного освобождения от оккупантов. И с 9 декабря 1987 г. началась так называемая интифада, которую называют условными наименованиями, по одним источникам, *«Связанная свобода»*, а по другим — *«Война камней»*. То же самое применялось и против СССР. Причем делалось это как изнутри, так и снаружи. Внутренние противоречия подкреплялись

давлением извне. Вот как это говорилось в одном из итоговых документов, который отмечал поворот к новой тактике: «Ставка на изматывание составляет, как известно, важную составную часть позиции наиболее рьяных антисоветских кругов в США, особенно с тех пор, как успехи в СССР в ракетно-ядерной области сделали самоубийственной любую попытку военного нападения на нашу страну, в связи с чем в США начали всерьез обсуждать вопрос о возможностях и путях достижения победы над СССР в условиях мирного соревнования. В качестве одного из таких путей

предполагалось навязывание Советскому Союзу непосильной для его экономики гонки вооружений» (Аналитическая записка Института США и Канады в ЦК КПСС. Цит. по: [1.17. С. 57]).

Эти методы помогали быть прежде всего незаметными, они давали эффект не сразу, а многие годы спустя. Даже чтобы только их уловить какому-нибудь добросовестному советскому гражданину, нужно было затратить огромное количество лет на самообучение, а потом все свое свободное время на то, чтобы их фиксировать — дело немыслимое. И куда бы он девал эти свои наработки,

если он не был бы встроен в надежный механизм защиты страны? А советская стратегическая контрразведка этим так и не занялась вплотную, о чем мы скажем ниже. В результате имеем то, что имеем.

СПЕЦОПЕРАЦИЯ «ВОВЛЕЧЕНИЕ»: УДУШИТЬ СССР В... ДРУЖЕСКИХ ОБЪЯТИЯХ

Наисерьезнейшую тему завсегда лучше начинать с анекдота. На берегу Нила сидит мужик с удочкой. Жарко. Клева нет. По реке плывет крокодил. «Что, мужик, жарко?» — «Да жарко...» — «И не клюет?» — «И не клюет...» — «Может, искупнешься?..»

Такая динамичная область, как политика, устроена так, что все

решения и их исполнение имеют две большие составляющие. Либо инициатива исходит лично от тебя, либо ты откликаешься на чье-то предложение, которое кто-то высказывает первым (в том числе и в скрытой форме). Чего-то иного не дано. Начальные постулаты психологии гласят, что всякий контакт между людьми — это уже манипуляция. Это надо помнить. В идеале, конечно же, нет ни одного политика, который бы всю свою политическую жизнь только выдвигал инициативы. Таких чистых и безупречных профессионалов, которые бы играли только в ворота противников, нет. Проигрывали хоть

в чем-то все: и Цезарь, и Наполеон, и Сталин. Но есть некий баланс. Так, все названные нами больше забили голов в ворота противника, чем пропустили в свои...

В политике всегда приходится действовать, учитывая интересы других равных тебе игроков. И тут очень важно действовать так, чтобы, даже не удержав чего-то в тактическом плане, наверстать это в стратегическом, не упустив окончательной победы. Ранний СССР примерно так и действовал. А вот поздний, увы!..

Действовать самому, принимать решения в условиях, когда ничто не давит на тебя, или же с

выкрученными назад руками предпринимать шаги с оглядкой на то, как это воспримет кто-то со стороны (общественное мнение, западные контрагенты) или самостоятельно — это принципиально разные вещи.

И. В. Сталин тем и велик, что смог парировать все угрозы, что ему выпали, смог назначить свои правила игры со всеми игроками, подчинить своей воле тех, кто был противником. Но и он был не вечен. А после него в СССР разучились ходить белыми фигурами, и это было быстро отмечено на Западе. Динамизм развития пропал, СССР перестал активно действовать и на

международной арене, все больше и больше очков он проигрывал своему геополитическому врагу, и далеко не последнюю роль здесь сыграло то, что он был вынужден маневрировать под внешним негативным воздействием, действовать скованно, упускать возможность проявить свою линию, потому что это вызовет неоднозначную реакцию извне. Более того, даже внутреннюю политику он стал строить в зависимости от того, как на это среагирует Запад. Инспираторы добились того, что не только внешние акции СССР и его сателлиты вынуждены были проводить с оглядкой на партнеров

по дипломатическим мероприятиям, но и внутри самого себя поступать не так, как заблагорассудится, а так, чтобы не сильно страдало реноме, часть которого находилась в руках западных СМИ.

Вовлечь в свои дела целую систему непросто — на это ушло слишком много времени. Это вам не сиюминутный успех. Вот как, или примерно как, это стало происходить. В интервью драматурга В. С. Розова корреспонденту газеты «Советская Россия» В. Кожемяко, которое так и называется в связи с описываемой ситуацией «На крючке позолоченном», рассказывается: «...я вот частенько вспоминаю, как вскоре

после окончания Карибского кризиса послали туда, в Америку, нашу маленькую писательскую делегацию. Для налаживания отношений. И принимал нас не кто-нибудь, а Госдепартамент. Совалось нам в нос самое великолепное, что только можно было найти в США! Начиная от самых шикарных гостиниц, где нас поселяли, до встреч с богачами, вплоть до сенатора, который вскоре стал вице-президентом. И везде — самый роскошный прием.

Когда летели обратно, Катаев лукаво смотрит на меня и спрашивает: «Виктор Сергеевич, ну как?» Я говорю: «Потрясающе!» А он в ответ: «Нас пытали роскошью».

Да, действительно, нас пытали роскошью, но — из этого ничего не вышло! Мы вернулись такими же советскими людьми. А Хрущев испытания роскошью не выдержал. Сразу: «Догоним и перегоним Америку!» [1.31. С. 3].

Но главное было не в том, чтобы продемонстрировать свое величие, а проделывалось по нескольким следующим схемам. Первый вариант. Начиналось, как правило, с того, что происходило воздействие на советскую систему извне — притом на таком уровне, что следовала реакция внутри самого социалистического лагеря. Второй вариант. Достойное внимания

событие в СССР — далее отклик в печати Запада либо со стороны корреспондентов в Москве, либо от диссидентов — реакция на это в СССР. А этой реакцией могло быть многое, в частности наказание для тех, кто стал виновником падения престижа на международной арене. Отсюда и происходил эффект, по всем признакам необходимо было сделать нечто, но этого не сделали, так как опасались негативного восприятия на Западе.

Как хорошо известно, в послесталинском СССР не было надежной обратной связи — партийная верхушка не общалась с массами, не было глубокой критики

и самокритики в газетах. Но это совсем не значит, что обратной связи не было вообще — это системный атрибут, и от него нельзя избавиться. Но раз своя печать сидела и молчала, то значит, обратная связь проходила за пределами страны. И она осуществлялась через американцев — через их «радиоголоса». Номенклатура, назначенная вне народа, реагировала не на мнение народа, а на то, что скажет о ней заграница. Скажет заграница на «Свободе» плохо о работе аппаратчика, и его уберут: у чиновника тряслись колени. Таким образом, воля диктовалась Америкой. И зачастую делалось это

и по инициативе самого Кремля.

Особенно, надо сказать, наиболее уязвимыми становятся работники спецслужб. В разведке такой поворот дел, как отправка в отставку именно по причине удач противной стороны, совершается зачастую, таких примеров более чем достаточно во всей истории спецслужб всего мира.

Шифровальщик И. С. Гузенко совершил побег 7 сентября 1945 г. Следствием этого явился отзыв его непосредственного шефа военного атташе в Оттаве и резидента Н. Заботина в Москву, где он и был арестован. Однако суть не в том, что этот «образованный человек,

профессиональный разведчик», он разделил судьбу многих «провинившихся» перед властью, хотя мог бы быть полезным своей родине. Н. Заботин не был расстрелян, но отсидел длительный срок, понеся наказание за чужое предательство, что вполне отвечает духу того времени [1.32. С. 392]. Н. Заботина посадили за то, что его подчиненный и его семья в нарушение инструкции жили не на территории посольства, хотя об этом предупреждал и требовал выполнения режимных требований приезжий проверяющий.

История повторилась еще не раз. Ушел капитан Ю. И. Носенко.

«Большой ущерб разведке и контрразведке нанесло бегство на Запад в 1964 году руководящего сотрудника 2-го Главного управления КГБ Ю. И. Носенко (он был заместителем начальника отдела). После измены Носенко в контрразведке начался разгон руководства. Пострадали начальник 2-го Главного управления, его заместители, другие ответственные сотрудники. При расследовании этого дела задавались обычные вопросы: как руководство главка могло оказать доверие такому пьянице и развратнику, почему его все время выдвигали и поощряли? И вопросы эти были вполне

закономерными: поведение Носенко в быту и на работе было полностью аморальным, а неумеренное употребление алкоголя уже начало сказываться на его психике. Быстрый же служебный рост Носенко имел незамысловатое объяснение: его отец был видным советским министром (прах отца покоится в Кремлевской стене), и сын, естественно, имел многих высоких покровителей» [1.33. С. 15].

Даже председателя КГБ В. Е. Семичастного сняли после подобного скандала с С. И. Аллилуевой. При этом ему не дали санкции использовать все оперативные возможности для того,

чтобы парировать диверсию Запада. «...Когда Светлана Аллилуева переправилась на Запад, я на политбюро докладывал о контрмерах. Говорил, что у нас есть возможность немедленно опубликовать ее «Письма к другу» в одном из зарубежных изданий и не дать иностранным спецслужбам — а это было накануне 50-летия Советской власти — напичкать туда что-то такое, что сможет нанести нам вред. А у нас был экземпляр этих писем, и мы видели, что ничего там крамольного нет, кроме ушата грязи на своего отца. Она хвалила Хрущева, Косыгина, радовалась, что, наконец, избавилась от охраны, что живет в

той же самой квартире... Но мне на политбюро сказали: «Что, мы сами, своими руками будем обмазывать себя грязью?» Говорю: «Я вам две недели назад посылал эти «письма», почитайте, какая же там грязь? Я же предлагаю не во вред государству». Но взяла верх осторожность, воспитанная годами: держать и не пущать» [1.34. С. 3].

В публикации, посвященной юбилею газеты «За рубежом», ее главный редактор Д. Ф. Краминов рассказывает, как и почему состоялось возрождение этой газеты, до этого издававшейся в 1932–1938 годах. «Перед самым открытием первого съезда Союза журналистов

СССР (ноябрь 1959 года) в комнате ожидания за сценой Колонного зала Дома союзов собрались члены Президиума ЦК КПСС и секретари ЦК, главные редакторы центральных газет, организаторы съезда — руководители оргбюро Союза. Н. С. Хрущев, любивший и умевший захватывать внимание слушателей, рассказывал, что получил от президента Эйзенхауэра не то жалобу, не то упрек: американские газеты, в частности «Нью-Йорк тайме», публикуют выступления советского руководителя либо полностью, либо в больших выдержках, а советские газеты публикуют речи и заявления

американского президента в кратком изложении. Президент хотел, чтобы восторжествовало равенство: пусть «Правда» отводит ему, Эйзенхауэру, столько же места, сколько «Нью-Йорк тайме» Хрущеву.

Возник разговор. Редакторы заметили, что у этих газет далеко не равные тиражи: у «Нью-Йорк тайме» — 360 тысяч экземпляров, у «Правды» — больше 8 миллионов. Было тут же подсчитано, что на одного американского читателя Хрущева придется почти 25 советских читателей Эйзенхауэра.

— Это уже не неравенство, а большой перевес в пользу американцев, — сделал вывод

Л. Ф. Ильичев, возглавлявший Отдел пропаганды ЦК КПСС.

— Да, это, конечно, неравенство, — согласился Хрущев и, подумав, предложил:

— Нам бы нужно такое издание, чтобы оно публиковало американские и другие важные документы, заявления и речи примерно в таком же объеме, как в иностранных газетах.

— И не только официальные речи, заявления, документы, — заметил О. В. Куусинен, член Президиума, секретарь ЦК, своим обычным тихим голосом с присущим ему финским акцентом. — В зарубежной печати много

интересных и познавательных статей, с которыми советским людям полезно познакомиться.

Понимающее молчание других членов Президиума и секретарей ЦК было равнозначно общему одобрению. (...)

Несколько дней спустя на приеме, устроенном правительством в Кремле для делегатов и иностранных гостей съезда, Хрущев вернулся к своему предложению в разговоре с только что избранными руководителями Союза журналистов, изложив свое представление о новом издании:

— Оно (...) знакомило бы наших читателей с разными политическими

явлениями и течениями.

— И с чуждыми нам? —
обеспокоенно спросил один из
слушателей.

— Да, и с чуждыми нам
тенденциями в политике и
идеологии. Говорят, что это идейная
отрава. Но яд маленькими дозами,
как известно, не страшен. Тем более
если дать и нужную дозу
противоядия» [1.35. С. 2].

Ничего не имея против самой
газеты «За рубежом», которая в годы
перестройки проводила нейтральную
линию — ни сильно вправо, ни
влево, — надо сказать, что здесь
больше важен принцип, что
некоторые решения принимались под

воздействием (а в данном случае даже под давлением) внешних сил. Данный случай имеет совершенно невинный окрас. Но раз такое становилось возможным, повторяюсь, в принципе, то в иных случаях могло проводиться решение и разрушительного свойства.

Например, вот как выглядит история с глушением западных радиостанций: март 1946 г. — образована Русская Служба Би-би-си. Апрель 1949 г. — первое глушение. Апрель 1956 г. — глушение прекращено накануне визита Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Лондон. Октябрь 1956 г. — глушение возобновлено из-за беспорядков в

Венгрии. Июнь 1960 г. — глушение прекращено накануне подписания Договора о запрещении испытания ядерного оружия. Август 1968 г. — глушение возобновлено из-за «Пражской весны». Сентябрь 1973 г. — глушение прекращено в связи с подписанием Хельсинкских соглашений. Август 1980 г. — глушение возобновляется из-за волнений в Польше. Январь 1987 г. — глушение прекращается. 29 ноября 1988 г. прекращено глушение радио «Свобода» и «Свободная Европа».

Удалось завлечь СССР и в афганский капкан: «Правительство СССР четко понимало, что полное

признание независимости народов (и прежде всего Великого Русского народа) найдет только миролюбивая внешняя политика. Любая агрессия, в том числе и замаскированная под «интернациональную помощь», вызовет отрицательную реакцию в любых формах (кроме, правда, массового дезертирства — русским не свойственна трусость). Это должны были четко понимать в тех центрах, которые специально занимались проработкой вопросов внутренних истоков советской внешней политики. Отсюда же и умышленное доведение ситуации до прямого, грубого, неадекватного вторжения «Ограниченного

контингента» в Афганистан. И здесь шла согласованная игра внешних сил: маневры американцев в Пакистане, ухудшение ситуации в самом Афганистане. Далее: нашептывание советников из Института США, и было это при сопротивлении «голубей» из Генштаба, не связанных с США, а руководствовавшихся государственными интересами» [1.36. С. 59–60, 216].

И сделано это было Ю. В. Андроповым, который был тут незаменимым специалистом: именно он довел дело до открытого конфликта и в Венгрии (1956 г.), и в Чехословакии (1968 г.).

Разумеется, что тут важна и

объективная сторона:
коммунистическая идеология имела
в числе своих составляющих
мессианскую суть. Там
подразумевалась «братская
интернациональная помощь» всем,
где бы ни происходил конфликт. Все
вопросы следовало бы решать
традиционно: выгодно это или
невыгодно для страны. Хороший бы
ситуационный анализ, который
единственный следовало применить
для разоблачения действий
конспираторов, давно бы вывел на
чистую воду многих и многих... Но
серьезных ученых не было,
атмосферы для конструктивной
критики тоже, методики не

наработаны — потом за это пришла расплата.

Внешний диктат стал вызывать и внутренние перемены. Начиная где-то с 1985 г. такое положение приобрело необратимый характер. А американцы давили по всему фронту. «Группа политологов (А. Улам, Ф. Колер, Дж. Шлессинджер, Л. Бентсен, П. Нитце) требовала уступок от СССР в качестве платы за разрядку напряженности. Важнейшим же содержанием своей концепции она считала «функциональное проникновение в советскую систему» [1.37. С. 236] со ссылкой на: [1.38. Р.703].

Именно председатель КГБ был

застрельщиком в деле реагирования на радиоголоса. Так, сообщают, что В. И. Чебриков «выступал редко, только если речь заходила о глушении западных радиостанций или о том, сколько людей выпускать за границу» [5. С. 110].

Итак, в ходе операции «Вовлечение», где главными и равными участниками были и ЦРУ США, и КГБ СССР, Союз ССР был превращен из самостоятельной, более того, ведущей системы в ведомую единицу. Запад нахально вмешивался во все сферы, даже в такие, куда совать свой нос было непрестижно: в приговоры жуликам из сферы внешней торговли: «В

октябре 1976 года мне пришлось сидеть на Пленуме ЦК КПСС рядом с председателем Верховного Суда СССР Л. Смирновым. В перерыве мы решили отправиться в буфет. «Оставить, что ли, здесь папку?» — спросил Лев Николаевич. «Да можно. Зал вроде бы хорошо охраняется, — ответил я и тут спросил: — А что в папке-то?» — «Два смертных приговора... Это за особо крупные махинации, связанные с внешней торговлей, и знаете, — продолжал Смирнов, немного задумавшись, — некоторые западные фирмы обратились к нам с предложением возместить нанесенный ущерб при условии

снижения уровня наказания». Папку, конечно, взяли с собой» [14. С. 297]. Как говорилось в книге Ю. С. Семенова «Семнадцать мгновений весны», *запоминается последняя фраза.* И вывод, сделанный из этой фразы, — уже отсутствовало доверие к членам ЦК!

НАВЕДЕНИЕ «МОСТОВ»: ОТ МАЛЕНЬКОЙ ТРЕЩИНЫ В «ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ» ДО ПРОРЫВА ПЛОТИНЫ

Сэр едет в СССР.

В. В. Маяковский

Нынешняя глава рассказывает о наложении внешних противоречий на внутренние.

Название главы имеет по, сути

некоторую, достаточно обширную историю. В это слово вкладывается, по-видимому, некоторый смысл. В Мюнхене существовал журнал с названием «Мосты». Известный американский журналист У. Липпман (Lippmann) писал, что «пусть мосты, которые мы должны построить, будут не столь многочисленны, но пусть все они будут переброшены через реку» [1.39]. Президент США Л. Джонсон в послании конгрессу говорил о «наведении мостов между Востоком и Западом». *Мост* — также название акции, предпринятой в конце 1989 г. по созданию связи между агентом западногерманской разведки (и

«диссидентом» по совместительству) В. Гавелом и председателем правительства ЧССР Л. Адамецом через посредничество певца М. Кобаца и поэта М. Горачека [1.41. С. 24–25].

Любимый зять нашего бывшего премьера сам приводит такую цитату о себе из журнала «Science» за 1969 г., где была опубликована статья под названием: «Советы и Запад обсуждают «мозговой центр»: «Гвишиани широко известен как приверженец идеи «наведения мостов» между Востоком и Западом» [2. С. 199].

Исследуемая **система** всегда такой же природы, такого же

иерархического ранга и проч., что и сама **внешняя среда** системы. Иначе если это как-то рассогласовано, то они имели бы малое отношение друг к другу. Хотя взгляд на это рассогласование можно внести и искусственно. При этом очень важное значение имеет то, как вы сами видите взаимоотношения системы и внешней среды. Если все факторы вами вычислены верно, то можно и предусмотреть угрозы изменения их свойств. Значит, и **система «СССР»**, и **внешняя среда «Запад»** (скажем) имеют много общего. Но это не признавалось, а строго наоборот писалось, что *социализм по самой своей природе не*

способен превратиться в капитализм. Как будто СССР был на Луне! Надо было превратить — и превратили. Как это было сделано, ныне хорошо известно. И если опять рассуждать о том, что касается системы и внешней среды (которая есть не что иное, как набор таких же систем), то суть механизма проникновения проста для понимания: нужны системы разной плотности — более однородная и плотная проникает в менее однородную (острие проникающей системы будет искать слабые места!) и более рыхлую, более моноцентричная будет проникать в более полицентричную, более

устойчивая в менее устойчивую и так далее. Понимаем, что если такой ситуации нет и нынешний объект проникновения обладает обратными и/или нейтральными свойствами, то задачей номер один становится доведение жертвы до состояния ее готовности. Что и было сделано в контексте нашего исследования с СССР в 1950–1980-е годы.

Но политически важным было именно налаживание каналов для взаимодействия друг с другом (как для той, так и для другой стороны). Найти эти каналы можно было в любой точке взаимопроникновения, как по официальной, так и по конспиративной линии: «Мария

Васильевна Рязанова (жена писателя и бывшего политзэка Андрея Синявского) рассказала, как она отправилась в КГБ добиваться сокращения семилетнего срока осуждения своего мужа. Аргументы ее были примерно такими: мол, сейчас у нас с вами одна цель, чтобы Синявский вышел на свободу. Почему я этого хочу, объяснять не надо. А вы должны этого хотеть, потому что не разобрались, кого схватили: пока Синявский будет сидеть, Запад станет склонять вас каждый день, и вы уже сами будете не рады, что связались. Кроме того, он уже в лагере написал и передал мне лагерную книгу. Если муж выйдет в

день окончания срока, он уже ничего не будет вам должен, и рукопись, которая сегодня лежит в парижском сейфе, будет издана. Если с Синявским что-то случится в лагере — тоже» [1.42. С. 245].

Даже такой педераст, как С. Параджанов, который в соответствии с нормами советского законодательства был определен в тюрьму по ст. УК 122 и 211 Украинской ССР (распространение порнографической продукции и мужеложество соответственно), был досрочно освобожден после шумной кампании на Западе во главе с таким же Луи Арагоном [1.43. С. 43].

Имея у себя прочный тыл в виде

враждебно настроенного Запада, ты можешь смело шантажировать любую самую *страшную* спецслужбу, быть на равных с государством и зажимать его в прочные тиски.

Но не только на диссидентов с улицы влияли американцы. Под прицелом были и «номенклатурные работники среднего звена, являющиеся сотрудниками внешнеполитического аппарата, играют важную роль в анализе событий за границей и разработке конкретных рекомендаций для Политбюро. Сейчас обнаружилось, что многие из этих сановников доступны для людей с Запада и можно многое узнать об их образе

мыслей» [1.44. С. 59].

Войны нынешнего поколения не только используют координацию и взаимодействие, они в принципе становятся бессмысленными, если не будет «пятой колонны» и «моста», связывающего «Большую землю» с ними, без применения совместных ударов извне и изнутри. «... Диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. А это была такая мощная служба психологической войны, что нам и представить себе трудно. Без участия диссидентов — «наших», изнутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей

силы. Диссиденты с «Голосом Америки» вместе составили систему с сильнейшим кооперативным эффектом, а в такой системе бессмысленно оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов» [1.45. С. 185–186].

В США великолепно была налажена наука уничтожения сложных социальных систем. Среди диссидентов нашелся только один — некто Л. Лубман, который смог именно так сформулировать свою задачу и сочинил в 1976–1977 гг. некий «труд», озаглавленный «Экспромт для ведомства г-на Тернера, ЦРУ. Книга о том, как

правильно уничтожить Советскую власть», в 248 листов. И нашел способ выслать это за границу. Однако сочинение было перехвачено и Л. Лубмана посадили. Досидел он аж до 1991 г. [37. С. 244, 1.46. С. 10]. Так что в перестройку обошлись как-то без него!..

КГБ, в конце концов, принял оборонительную позу, и им манипулировали. У каждого из высокопоставленных чиновников были свои аргументы, когда они отстаивали мягкий вариант во внешней политике. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов говаривал: «А здесь мы ведем свою линию от противника»; министр

иностранных дел А. А. Громыко придумал «непотопляемый» аргумент: «А стоит ли нам понапрасну раздражать американцев?» [35. С. 304].

Диссиденты на каком-то этапе это проводили и учитывали, что любая их акция будет заранее выигрышной: «Я был на грани взрыва, боялся сорваться на любой мелочи. И тогда я решил: за ерунду я сидеть больше не буду. Если уж сяду, то за что-то стоящее. И вот вместе со своими будущими подельниками мы надумали следующее: страна нуждается в твердой валюте, в западной технологии. Готовился так называемый «детант». Спасти

Россию, как мы полагали в то время, мог только Запад. В момент главного соглашения Союз будет готов пойти на уступки, если Запад этого потребует, рассуждали мы. В качестве уступки мы поставим проблему выезда, эмиграции. В те годы на Запад выезжали лишь единицы. Мало того, мы понимали, что вот-вот людей снова начнут сажать. Перебрали массу вариантов акций протеста: голодовку на Красной площади, имитацию побега за рубеж на Ту-104 с заявлением о наших требованиях. Наконец выбрали такой вариант: имитация захвата шестнадцатью «заговорщиками» первого секретаря

Ленинградского обкома партии Толстикова. Он, кстати, пострадал из-за нас, сослали его послом в Китай. Одного мы не рассчитали: наверняка из шестнадцати один или заложит, или проговорится. Стукачество тогда цвело пышным цветом. И точно. Мы поняли, что за нами следят, и начали хитрую игру: делали вид, что слежки не замечаем, а подготовку к акции тем временем продолжали. Я говорил ребятам: «Нас все равно засекли, вот-вот арестуют, а мы еще ничего не сделали. Надо сделать так, чтобы нас арестовали в аэропорту». Как ни странно, интересы КГБ и наши интересы совпадали. Оказывается,

они тоже хотели арестовать нас именно в аэропорту, чтобы показать всему миру, какие мы бандиты. Когда мы шли к аэропорту, за каждым кустом с биноклями сидели чекисты. Нас взяли, что называется, тепленькими. Судом, широко освещавшимся в печати, смертными приговорами, высокими сроками хотели запугать эмигрантское движение в СССР. Вышло же все наоборот. Начались демонстрации протеста в совершенно невиданных масштабах. Говорят, Никсон звонил Брежневу. Главы девятнадцати государств послали протесты против приговоров» [1.47. С. 65; 1.48. С. 222–223].

КГБ окончательно запутался в этих делах. Для засылки агентуры в эмигрантские организации на Западе требовалось залегендировать появление там того или иного нового человека. И вот приходилось его внедрять для начала в Союзе в диссидентские круги, где он всячески должен был проявить себя, в том числе и нанеся реально исчисляемый (западными разведками по своей системе индикации) ущерб советской системе, а уж потом на следующем этапе оказаться где-нибудь на Западе. Комитет, таким образом, обслуживал и сам себя, обеспечивая фронт работы, и чем дальше, тем больше.

Как видим, движение по этому мосту было налажено в обе стороны, что обеспечивало этой операции ее успех.

ОТРАВЛЕННЫЕ КОРНИ

В большой игре Запада против Советов ему предстояло играть три роли одновременно: душить коммунистов внутри себя и в странах третьего мира, всячески подавлять Кремль и пестовать диссидентское движение и своих сторонников внутри правящей верхушки. На первый взгляд задача архисложная. Но решалась она именно через взаимосвязанность. Коммунисты на Западе могли успешно действовать тогда, когда у них была крепкая опора в Москве. Но когда Кремль все больше и больше захватывался прозападными кругами, то и задача

борцов с коммунизмом облегчалась. Теперь уже со стороны Кремля в спину союзникам СССР направлялся свой удар, и зачастую он был скооперирован с западным.

И постепенно — по мере успехов антикоммунистов — на Западе вместо прежних искренних коммунистов все больше и больше появились люди, которые думали только о своем, личном. Миллионы долларов из кремлевских кормушек, из кармана русских людей, перекочевавших в их карманы, шли на зарплату руководству и активистам коммунистических и рабочих партий, редакторов и журналистов прессы, агентов

влияния Международного отдела ЦК КПСС. О реальных весомых результатах никто и не спрашивал. Шла обычная рутина: чья-то задумка провести ту или иную акцию — договоренность — оплата — проведение мероприятия — отчет — списание средств и... дело сдается в архив. Если прежде горели идеей мировой революции для блага всего человечества, ради чего шли на эшафот, то после какого-то поворотного пункта коммунизм превратился в неплохой бизнес, как и для всех буржуа западных стран. Ничем не лучше и не хуже других грязных методов зарабатывания околополитических денег.

Уже в 50-е годы были случаи, когда встречался убежденный коммунист из Союза со своими «друзьями» из стран Запада и в разговоре ему говорилось такое: *«Революцию делать совсем не обязательно. Ваш Ленин — фанатик. А нашим рабочим и так неплохо живется...»* Таковы плоды еврокоммунизма, который охватил многих, если не всех. Удар со стороны империалистов здесь был нанесен очень изящно в сфере информационной. В СССР еврокоммунизм изучить не дали. Догматики из Международного отдела, возглавляемого Б. Н. Пономаревым, вынесли свой

короткий вердикт: «отрава, и все тут, что там читать», и вся эта литература быстренько упряталась в спецхраны.

А в Компартии США, которая должна была быть под постоянным контролем, ибо только исключительно она могла быть гарантом паритета с Америкой по взаимопроникновению, дела шли с каждым годом все хуже: «В 1945 г. Элизабет Бентли, любовница генерального секретаря Коммунистической партии США Браундера, осуществлявшая связь между ним и резидентурой советской разведки, явилась с повинной в ФБР. Бентли выдала контрразведке имена

нескольких десятков агентов НКВД» [1.49.С. 121]. Дальше — еще больше: Чайлдс Моррис (он же Мойша Шиковский) (1902–1991), второй секретарь ЦК КП США, оказался агентом ФБР. О чем стало известно довольно поздно [1.50. С.3, 1.51, 35. С. 164–172, 1.52].

И как итог: «Мы знаем, что на сторону противника СССР в холодной войне перешла верхушка почти всех компартий Запада» [1.45. С. 230]. В самом деле, сторонники СССР на Западе не пострадали после перестройки — искренних наших друзей там почти и не было. Массовая «охота на ведьм» прошла значительно раньше. Она позволила

укрепить внутренние позиции империализма и начать встречное свое распространение по всему миру в пик коммунизму. Впрочем, винить Запад в перевербовке тех или иных коммунистов нельзя. Тут видную роль сыграла вся изменившаяся атмосфера. Если в 1930-е годы западная профессура, как правило, была на просоветских позициях (знакомилась сама с марксистской литературой, вставляла в лекции некоторые ее положения, пропагандировала советский образ жизни на зримых примерах успехов строительства сталинского социализма в СССР — причем это было повсеместно: знаменитая

кембриджская «пятерка» начала свою работу на нашу разведку именно под влиянием такого «образования»), то со временем это положение сильно изменилось, и не столько западная интеллигенция была перепропагандирована своими СМИ, сколько под влиянием попарного взаимодействия: ЦРУ — диссиденты. «Один из видных американских либералов, человек талантливый и безукоризненно честный, сказал мне, что он начал серьезно разочаровываться в советской системе в конце 60-х годов, когда услышал голоса недовольства оттуда, т. е. голоса советских диссидентов» [11. Кн. 1. С.

60]. Таких случаев было множество.

Московские коммунисты были готовы предать своих контрагентов за рубежом, а у тех без поддержки не могло ничего выйти, ибо «на каждого Сальвадора Альенде был готов Пиночет» [1.45. С. 233].

Единство подходов было как внутри СССР, так и за его пределами: «...Шла работа над «перевоспитанием» элиты левых всего мира (включая КПСС). Стипендии для обучения в лучших университетах, непрерывные симпозиумы и круглые столы, приглашения прочесть лекцию в самом Гарварде! И везде случилось, в разных вариантах, одно и то же:

верхушка левых оторвалась от своей социальной базы, от массы. Левые интеллектуалы нового поколения стали частью университетского истеблишмента, а в рабочее движение ходили, как на службу» [1.45. С. 233–234].

Прежде чем встречаться с «чужими» М. Тэтчер и Р. Рейганом, такие, как М. С. Горбачев, много контактировали со «своими», типа генсека Итальянской компартии Э. Берлингуэра. Чужой с чужим или свой со своим? Об этом мы говорили, описывая **операцию «Размывание границ»**.

ИЗМЕНА СОЮЗНИКАМ

После 1917 г. центр мирового коммунистического, рабочего и прочего революционного движения переместился в другие страны. СССР превратился в тыл. Но и при И. В. Сталине для коммунистов этот тыл не был надежен: война спецслужб в 1937 г. уничтожила многих, но после могло быть всякое. Н. С. Хрущев затравил наших союзников Ракоши (Венгрия) и Захариадиса (Греция) [1.53. С. 53–63].

Предательскую практику продолжил Ю. В. Андропов. «Когда Юрий Владимирович Андропов стал

Генеральным секретарем ЦК, то через два месяца он вызвал Кармалю, вернее, пригласил, и сказал ему: «Дорогой товарищ Кармалю, мы через год выводим наши войска из Афганистана». Это было в 1982 году. Кармалю в это не поверил. Он сказал: «Это неправда. Юрий Владимирович, ты не сможешь этого сделать» [1.54. С. 18].

По какой-то причине, то ли оттого, что действительно большое видится на расстоянии, то ли оттого, что именно во внешнем мире пролежала передовая линия наступления коммунизма, но именно из-за рубежа стали поступать первые тревожные слухи о настоящей роли

М. С. Горбачева и К°. Ан. А. Громыко вспоминает в своих мемуарах об одном таком эпизоде. Приведем эту сцену полностью, она того стоит: «В 1986 году меня вызвали в ЦК и поручили работать на XXVII съезде партии с делегацией Южноафриканской коммунистической партии. Ее возглавлял всемирно известный революционер, член руководства Африканского национального конгресса (АНК) Джо Слово. Он был одним из немногих белых в руководстве АНК. Расисты его ненавидели, либералы опасались, коренные жители Южной Африки, черное население, боготворили.

Нельсон Мандела, Оливер Тамбо
доверяли Слово как самим себе.
Стремясь сломить его дух,
спецслужбы ЮАР послали ему по
почте письмо, начиненное
взрывчаткой, которое попало в руки
его жены. Бомба взорвалась, и Слово
остался вдовцом. Он, однако, с
утроенной энергией руководил
борьбой АНК против апартеида.

Я еду в цековской «Чайке» с
этим человеком-легендой, среднего
роста, худощавым, глаза молодые и
веселые. Узнав, что я сын Андрея
Громыко и буду с ним работать, берет
мою руку в свою и несколько раз
крепко пожимает.

— О, Андрея Андреевича, —

тщательно выговаривая имя и отчество отца, сказал он, — мы уважаем. Вы нам помогали в самые трудные времена, никогда мы этого не забудем. Сейчас ситуация иная. Режим апартеида рушится, мы идем к власти, нас уже ничто не остановит, население ЮАР против апартеида, расистского государства. Опыт Советского Союза нам пригодится. У меня к вам есть вопрос. Можно откровенно?

— Да, конечно, — ответил я, предчувствуя, что Слово начнет задавать непростые вопросы. Удивило меня другое: видел он меня в первый раз и сразу затевает серьезную беседу. На переднем

месте, рядом с водителем, сидел сопровождающий из ЦК, он сразу наострил уши.

— Что у вас происходит, что это за «новое мышление», почему вы так резко ругаете свое прошлое? Оно у вас достойное. У нас есть товарищи, считающие, что Советский Союз отворачивается от революционных режимов, в том числе и от нас — АНК. Говорю вам об этом откровенно. Скажу об этом и другим товарищам.

— Мы строим демократический социализм, новое мышление не отменяет марксизм, а призвано творчески его развивать. По отношению к АНК наша позиция не

изменилась. Мы вас поддерживаем и будем поддерживать. Мы, однако, считаем, что для демократизации общества должны использоваться политические средства.

— Только политические или наряду с другими?

— Институт Африки, — ответил я ему, — совместно с учеными Южной Африки провел в Англии конференцию о путях развития ЮАР. Мы решительно выступили за ликвидацию апартеида с использованием политических средств.

— А если политические методы не дают результата? Если режим объявляет АНК террористической

организацией и запрещает нас, то как тогда действовать? Я знаю про конференцию под Лондоном, английские газеты об этом писали и сделали вывод, что Советский Союз отказывается от поддержки АНК, — задиристо сказал Слово.

— Товарищ Слово, — ответил я, — мне пришлось возглавлять нашу делегацию на этой встрече, я выступил на ней с докладом. С полной ответственностью говорю вам, что наша позиция была совсем другой, мы заявили о неизменной поддержке нами АНК. Более того, мы подчеркнули, что конгресс борется за свободу не только черного, но и белого населения ЮАР. Английская

газета «Санди экспресс» затем опубликовала статью, в которой работа конференции была искажена до неузнаваемости. Это была заказная статья с целью вбить клин между нами и АНК.

— Это они делают часто, — примирительно согласился Слово. — И все-таки я вам откровенно скажу, новое мышление, как оно у вас сейчас излагается, не помогает, а мешает революционной борьбе, оно начисто забывает о борьбе классовой, о том, что на Земле еще немало народов подавляется империализмом, в том числе и в ЮАР.

На этом наша беседа

закончилась. Я понимал, что ответить на все вопросы, заданные Слово в машине на пути от аэропорта в гостиницу, не представляется возможным. Во время съезда Слово несколько раз увозили на беседы в ЦК КПСС, на них меня не приглашали» [З. С. 128–129].

Итак, идет февраль 1986 года. Во внешней политике еще мало перемен. А. Н. Яковлев еще только переехал из Оттавы, во главе Международного отдела ЦК КПСС все еще стоит Б. Н. Пономарев, Э. А. Шеварднадзе еще только чуть более полугода — министр иностранных дел, а из далекой

Южной Африки приезжает человек, который открыто заявляет: «*Товарищи, а у вас — измена!*» — и это еще только первый сигнал о том, что не все гладко в Датском королевстве, а сколько их будет потом? И на все эти острые вопросы советские чиновники давали гладкие ответы, что *все хорошо, прекрасная маркиза...*

Чтобы уж не выглядеть на этом фоне совсем полными дураками, дополним эту картину хотя бы одним внутренним примером: «Один пожилой партиец из Смоленска рассказывал мне о посещении этого города в конце 80-х годов членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС

Е. Лигачевым. Мы уже тогда чуяли неладное, видели, куда гнет Горбачев, и поделились с сановным москвичом своими сомнениями. «Что вы, что вы, — прозвучало в ответ, — ведь это второй Ленин» [13. С. 534]. Ну, учитывая, что В. И. Ленин тоже брал от вражеской разведки, надо согласиться с Егором Кузьмичом.

Итак, наш эмиссариат относился к числу людей, чья деятельность только в малой мере финансировалась со Старой площади, но при этом они слабо и/или совершенно независимые от управления из Кремля. Они оставляли за собой право говорить,

что им вздумается, или действовать вопреки воле М. С. Горбачева и К°. Отсюда с ними было гораздо больше проблем, чем со своими, на которых можно было еще найти какую-то управу. Посему их нужно было держать на большом удалении. От предательских деяний М. С. Горбачева, Э. А. Шеварднадзе, А. Н. Яковлева, В. А. Крючкова и В. М. Фалина пострадали вчерашние союзники: Даниель Ортега Сааведра (Никарагуа), Ладислав Адамец и Микеш Якеш (Чехословакия), Тодор Живков (Болгария), Эрих Хоннекер (ГДР), Николае Чаушеску (Румыния), Войцех Ярузельский (Польша), Наджиб (Афганистан).

Лорд Пальмерстон говорил, что у Англии нет постоянных союзников и врагов, но есть только постоянные интересы. Все с ним на словах соглашались. За те годы мы потеряли своих друзей (обретя вместо них врагов), и теперь мы потеряли и свои интересы. А «демократы» по этому поводу зубоскалили: «*Товарищи в замешательстве!*» Теперь обо всем этом можно только сожалеть...

* * *

Мы попытались очень схематично набросать эскизы для большого полотна, которое бы

охватывало все стороны той сложной и кипучей политической жизни, каковой являлась вторая половина существования Советского Союза. Пока что нам удалось лишь собрать несколько примеров из политической практики и сгруппировать их по нескольким, хотя и далеко не случайным основаниям. Здесь есть еще большое поле для дальнейшей научной деятельности.

Так или примерно так советская система оказалась зажата между двумя жерновами: спереди был Запад, а в тылу — тесно взаимодействующий с ним и координирующий свои усилия слой

диссидентов. Уловить эти тенденции было довольно сложно в силу целого ряда объективных и субъективных причин — это тема сама по себе отдельная, но прежде всего я бы назвал отсутствие в советском обществе высокой политической культуры, там просто никому и в голову не приходило, что кроме власти Советов на политическом пространстве СССР может находиться кто-то еще. Разобраться с этим было невозможно, потому что успех или провал тех или иных операций — это всегда предельно сложная интеллектуальная задача. Перед ее решением часто пасуют и люди, специально подготовленные.

СССР не был свободен в том, чтобы внутри страны действовать без оглядки. Заботливо опекаемые со стороны КГБ («садовники из 5-го управления КГБ и их контрагенты из ЦРУ с помощью этой диссидентской культуры управляли внутренней политикой советской империи» [1.55. С. 1]), диссиденты (как уличные, так и системные — в эшелонах власти) сковывали любую инициативу из Кремля. И это распространялось на все сферы: промышленность, культуру и литературу, науку... Особенно науку.

Вот о последней мы и расскажем ниже.

ШАГ ВТОРОЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬН ИДЕОЛОГИЧЕСКИ ШТУЧКИ ПРОТИВ НАУКИ

*Без полной и правдивой
информации у нас нет ни
глаз, ни ушей, ни рук.*

*В. И. Ленин в
письме
Е. С. Варге*

Это раньше

*информация обслуживала
реальные дела.*

*Сегодня она и есть
реальное дело.*

Т. Стюарт

ТОЧКА ОТСЧЕТА — 2: ДИАЛЕКТИКА ВНУТРИ ДИАЛЕКТИКИ

Тема настоящей главы — это некоторые вопросы, касающиеся науки, теории, методологии и отдельных методов образования и сознания. Причем мы обращаем внимание на диалектическую составляющую того, что происходит в сфере знания. Нас вновь интересует информационная война, но далеко не все ее аспекты, а весьма узкие: преимущественно в тех областях, которые имеют прикладное значение для управления

государством. То есть, суммируя, можно сказать, что нас занимает удар *по интеллекту государства*. В 1920–1930-е годы такого рода борьба получила название *теоретический фронт*; называют еще *интеллектуальная диверсия* [4. С. 257]; *разряд методологических дезориентаций* [2.01. С. 6]; или же «утеря научной, технической или социальной идеи, которая единственно способна решить назревшую проблему» [7. С. 11].

В чем вообще особая сущность этого явления? Вся жизнь человечества, собственно говоря, имеет две огромные сферы: *реальный мир* и его отражение.

Люди стараются так или иначе отобразить свою деятельность, научить других, провести исследования по каким-то научным вопросам, оставить после себя память, увековечить свое время так, чтобы на основе их знания и опыта учились следующие поколения. Поэтому тезаурус («Тезаурус — 1. В общем смысле — совокупность знаний, накопленных человеком, коллективом. 2. В узком смысле — нормативный словарь-справочник, в котором перечислены все лексические единицы дескриптивного информационно-поискового языка с синонимическими им словами и

словосочетаниями естественного языка, а также выражены важнейшие смысловые сочетания между дескрипторами.

3. Сборник терминов и их понятий в определенной области знаний» [2.02. С. 225]; «Будем понимать под тезаурусом некоторое множество («словарь») понятий (терминов, описательных выражений), заключенных в данном документе (множестве документов) или хранящихся в памяти данной системы и (или) предполагаемых «понятным» и ей. В общем случае принимается, что между понятиями (терминами, дескриптами) установлены смысловые (в частности

логические) связи. Это естественно, так как в реальных текстах такие связи всегда имеются. Фактически тезаурусы представляют собой смысловые словари, состоящие из слов (более общо — выражений) определенной, причем часто стандартизированной, лексики, определенного фрагмента естественного языка, которые сгруппированы в рубрики, включающие синонимы или слова (выражения), близкие по значению...» [2.03. С. 50]) имеет огромное значение. Потому что все наши действия так или иначе основаны на каких-то учебниках, документах, инструкциях и проч. и

проч., элементарном здоровом смысле, наконец, если выполняются совсем несложные или не требующие скоординированности действий. Каждому известно из практики, что какие бы действия вы ни собирались произвести, сначала требуется «прокрутить» это в мыслях: задумать, соотнести с уже имеющимся опытом, выполнить еще какие-то интеллектуальные задачи, спланировать и лишь потом приступать к воплощению на практике.

Такова общая картина. Но только в отличие от всего общества в целом в государстве она имеет свое, особенное. Там на первую позицию

выступает не столько достаточно большая общественно-политическая идея или же отдельная удачная мысль, а прежде всего та или иная бумага. Но несколько однотипных документов, изготовленных по одному методу, при их исполнении уже способны давать некий важный эффект. А в том случае, если они будут повторяться достаточно часто, то эффект возрастает многократно.

Тема эта бесконечная, но нас это интересует под углом зрения динамики и противоречий.

Если в свете всего сказанного применить диалектику, то мы увидим одно важнейшее свойство — подобно тому как действует в реальном мире

добро и *зло*, так же в сфере информационном поступает **правда** и *ложь*. Они тесно взаимосвязаны и попарно совпадают в виде дихотомии **добро + правда** и *зло + ложь*, эти пары не могут существовать раздельно — они всегда вместе, и одна пара борется против другой. Они не расстаются: как известно, прогресс и регресс идут рука об руку, нога в ногу ступают они на зыбком историческом пути. Но ведут они себя по-разному: один тянет вперед и в небо, другой толкает в зыбучие пески, в топкие болота, в пропасти. Но *ложь* и **правда** не существуют в отрыве от людей. И когда вторая,

скажем, проигрывает, то и людям достается по полной программе. Носителей правдивой информации часто уничтожают. Кровь Лаокоона до сих пор вопиет в наших сердцах. Потом были приговор для Сократа, славянские волхвы, костры инквизиции для Джордано Бруно, Колыма для С. П. Королева... Такова цена истины, а мы за ценой не постоим.

Поражения тезауруса происходят повсеместно и связаны не только со сферой чисто политической, такое также бывает и вообще во всей науке. Это прекрасно понимают те, кто хотя бы однажды сталкивался с противодействием в своей научной

деятельности. Великий русский ученый Н. И. Вавилов, например, которого уморили в тюрьме в 1943 г., понимал это при своей жизни отлично: «Как всегда в жизни, здесь в науке действуют два начала — созидательное и разрушающее, и всегда они будут действовать, пока будет мир существовать!» (Цит. по: [2.04. С. 54].)

И надо признать, что наука — это и есть прежде всего та сторона, которая в силу одного только своего наличия уже подвержена такого рода коллизиям. Ложь часто рядится в тогу непререкаемой истины. А как раз ругают, высмеивают, шельмуют именно светлые головы, уничтожают

суть их идей, набивают содержание словесной требухой и так далее; все делают только, чтобы не знали, забыли, не умели, жили в зашоренном мире, тянут назад. Причем делают это как умышленно (враги), так и в силу недопонимания (дураки). Борьба в интеллектуальной сфере зачастую протекает именно на двух фронтах: против собственно «чужого» врага по фронту и «своего» дурака в тылу. Общая информационно-психологическая война и призвана в первую очередь увеличивать число болванов в стане противника, плодить их, чтобы они сами по своему недомыслию наносили ущерб в других областях и

вторично(!) множили ряды себе подобных.

И. В. Сталин, политический опыт которого был чрезвычайно высок во всех областях, не пропускал ложь ни от кого, ни в каких масштабах и ни по какому поводу. Многим это стало заметно со временем, а кому-то никогда не освоить: «...На первый взгляд маленькая неточность или уступка в методологии со временем может вырасти в гигантский просчет всемирно-исторического масштаба, способный поставить под вопрос существование целой общественной системы.

Понимал ли это Сталин?

Несомненно! Бывший член Президиума ЦК КПСС Дмитрий Иванович Чесноков, которого Сталин считал одной из перспективных молодых партийных сил и которого Н. Хрущев поспешил «задвинуть» в провинцию уже в марте 1953 года, рассказывал мне о звонке Иосифа Виссарионовича за день-два до кончины. «Вы должны в ближайшее время, — сказал Сталин Чеснокову, — заняться вопросами ближайшего развития теории. Мы можем что-то напутать в хозяйстве. Но так или иначе мы выправим положение. Если мы напутаем в теории, то загубим все дело. Без теории нам смерть, смерть,

смерть!...» — с нажимом закончил Сталин и положил трубку...» [14. С. 359].

Его последователи, которые уловили этот и все другие моменты, после решений XX и XXII съездов партии вообще были вынуждены раскавычивать его цитаты и не ссылаться на авторство. Да и «диссертации на сталинскую тему были запрещены» [1. С. 18]. Так нам перекрыли «интеллектуальный кислород». Так мы напутали в теории и загубили все дело.

Н. С. Хрущев был недалеким человеком, это признается всеми. Некоторая природная сметка и глубокая проработанность научных

вопросов — в этом есть большая
разница и как результат: «Его
тогдашние советники подсунули ему
слегка подновленную теорию
Л. Д. Троцкого об общем кризисе
капитализма (три этапа), и он
включил ее в Программу партии 1961
года. Туда же попал и тезис Бухарина
о мирном сосуществовании и
культурном сотрудничестве как
особой форме классовой борьбы
между двумя лагерями —
социализма и капитализма.
(Бухарин Н. И. Избранные
произведения. С. 423, 427.) Наконец,
из арсенала мировой революции в
речи Хрущева попала и конечная
цель его политики: «нынешнее

поколение советских людей будет яснить при коммунизме» [2.05. С. 73].

В результате признают, что «после смерти Сталина была утеряна глубина теоретических проработок проблем общественного развития. Мы марксизм-ленинизм (...) свели до выступлений генерального секретаря, (...) да еще старались объяснить, что это новый вклад в теорию» [2.06. С. 4]. Вот из-за этого-то мы и поплатились...

...Такова некоторая часть общей истории. Засим перейдем к деталям.

ОПЕРАЦИЯ «СВЕРТЫВАНИЕ»

*Горе вам, законникам,
что взяли вы ключи
разумения, сами не вошли и
входящим
воспрепятствовали.*

*Евангелие от
Луки, глава 11,
стих 52*

По моему мнению, для широкого читателя будет несколько затруднительно понимать: что это за явление и как вообще такое может быть? Однако если указать всем

хорошо известный пример, описывающий ситуацию полностью, со всеми звеньями, то всякие затруднения отпадут. Поэтому мы это делаем, но пусть меня простят все те читатели, которые привыкли к тому, чтобы автор точной книги не позволял себе отвлекаться на беллетристику — мы вынуждены пойти на такое единственный раз, но мы это сделаем. Итак, принеся наши извинения таким читателям, начинаем с примера не документального, но зато всем неплохо известного. А взят он из романа «Семнадцать мгновений весны» Ю. С. Семенова. Опять же я не могу указать только на один

какой-то фрагмент, а речь идет там о целой сюжетной линии, но такой, которая является линией самого дальнего плана.

В книге, по-моему, прослеживаются четыре сюжетные линии, довольно тесно переплетенные между собой. Первая линия: Штирлиц получает задание из Центра сорвать переговоры Гиммлера с Алленом Даллесом и выполняет его через гиммлеровского конкурента М. Бормана; вторая линия: проверка Холтоффом всех дел Штирлица по приказу начальника гестапо Мюллера; третья линия: разоблачение радистки, ее арест самим Штирлицем, ее случайное

спасение и счастливый вывоз через Швейцарию; четвертая линия (нас интересующая!) начинается несколько ранее основных событий: в 1944 году гестапо арестовало физика-ядерщика Рунге, как избравшего «вражеский путь развития физики», да еще и человека с примесью еврейской крови! Штирлиц занялся «делом физиков» по поручению своего шефа Шелленберга, он постарался, чтобы Рунге остался в тюрьме и, таким образом, атомная бомба не была создана фашистской Германией. Холтофф по поручению Мюллера провоцировал Штирлица на *уход на Запад* через окно на швейцарской

границе, за что «глупый, доверчивый» Холтофф и получил бутылкой коньяка по голове и был доставлен в кабинет начальника гестапо. Когда Мюллер устроил Штирлицу допрос (это как бы финал второй сюжетной линии), первые вопросы касались именно «дела физиков», а уж потом Мюллер начал игру вокруг чемодана с рацией и шифровкой в Берне. Вот так это выглядит вкратце, но здесь есть кое-какие красноречивые детали, и мне было бы нужно их напомнить [2. 07. С. 66, 89, 93, 141, 176–179, 203–206, 208]. Больше ничего в книге по «делу физиков» нет.

Стоит,

разумеется,

прокомментировать эту сюжетную линию и все то, что с ней связано; тем более что в этом художественном произведении отражено многообразие методов, которое мы не сможем найти в реальности: «нашими» «штирлицами» все надежно упрятано так, что и концов не сыскать — так что, повторяю, не найдя описания ни одного реального явления во всей полноте, я вынужден был пойти по пути беллетристики.

Итак, если описать весь ход этой линии в хронологическом порядке, то события происходят так: Рунге делает важное открытие — это открытие противоречит всему тому, что «понаоткрывали» другие, — но у

этих других хорошие отношения с сильными мира сего — от них следует донос на Рунге — анализ доноса и положительная санкция шефа гестапо Мюллера — арест физика Рунге — информация об этом «доходит» до Штирлица — обработка втемную Штирлицем Шелленберга — получение Штирлицем задания курировать разведывательную сторону «дела физика Рунге» — Штирлиц убеждается в том, что методологически прав Рунге, и оставляет последнего сидеть в лагере — Штирлиц постоянно работает по прикрытию своей игры — Штирлица раскрывают, но доказать ничего не

могут: позиция этого «вредителя» по-своему безупречна, прежде всего потому, что заранее продумана и надежно подстрахована, а как только его прижал Холтофф, он сразу же выдает свое безупречное алиби: я-де поверил *«старым членам движения, проверенным арийцам и физикам, которых лично награждал сам фюрер»*. Какие после этого могут быть претензии лично к нему? Именно это стоит выделить — здесь у Штирлица и ему подобных идеальное прикрытие, и ни одну операцию такие люди не начинают, не имея такого рода алиби: *«Холтофф ходил вокруг самых уязвимых узлов в его операции с*

физиками. Однако Холтофф был недостаточно подготовлен, чтобы сформулировать обвинение, а каждый пункт, к которому он выходил — скорее интуитивно, чем доказуемо, — мог быть опровергнут или, во всяком случае, имел два толкования». И позиция самого Штирлица настолько безупречна, что даже шеф гестапо Мюллер, совершивший ошибку в самом начале интриги, вынужден признать «правоту» Штирлица и перейти на его сторону. Штирлиц находится в очень выгодном положении — он воспользовался заранее проигрышной для гестапо ситуацией, продумал дальнейшую

игру и, даже вроде бы обороняясь, все равно имеет шансы на победу. Он в такой ситуации, когда прикрывается мнением либо изначально глупого, либо обработанного начальника, в том числе и самого высокого ранга. Итак, **надо иметь как минимум две трактовки своих действий**, и тогда никто не придерется. Обратите внимание, что система доказательств Штирлица строится на идеологемах. Он начинает говорить точь-в-точь, как доктор Геббельс. Он («дока Штирлиц», как о нем говорится) строит свои доказательства не на логике, а на разного рода терминологических мистификациях,

которые вносят дополнительные сложности в неустоявшийся понятийный аппарат и затуманивают существо рассматриваемой проблемы. Воистину: ай да Штирлиц, ай да сукин сын!

Рассказать обо всех операциях типа «Дело Штирлица против Рунге», проведенных в позднем СССР, невозможно, и мы только сможем отметить некоторые. Итак, под *свертыванием* мы будем понимать усилия по остановке развития передовой науки и уничтожение научных школ; закрытие, сокращение и прекращение деятельности организационно-функциональных

структур, игнорирование мирового опыта, отказ от лучших методов в пользу набора бессмысленных идеологических штампов, увольнение, снятие, перевод и/или арест научных кадров и тех, кто поддерживает их в администрации, — так всегда создаются на первый взгляд неадекватные системы, за которыми замаскированы замыслы нанести подлинный ущерб. Наши поиски по-своему не упорядочены и будут касаться не только общественных или естественных наук, но и общих моментов, связанных с наукой и техникой.

Пленум ЦК КПСС по научно-технической революции

На первый взгляд это дело имеет сугубо субъективные корни — не устраивал человек, которому было поручено возглавить это дело. И «форум завалили»...

Так об этом говорится в воспоминаниях Е. К. Лигачева: «Вообще говоря, Пленум по НТР намечался еще при Брежнев: многие в партии понимали, что в дверь стучится очередная научно-техническая революция, которая во многом обновит представления о

производительных силах и производственных отношениях. В то время развитые страны Запада только-только приступили к перестройке своей промышленности, сельского хозяйства, и мы с нашим громадным научно-техническим и интеллектуальным потенциалом могли бы успеть на мировой поезд НТР, мчавшийся в третье тысячелетие.

Однако год шел за годом, а Пленум все откладывали и откладывали. (...) Только в 1984 году, уже в период Черненко, Политбюро назначило такой Пленум. Докладчиком на нем утвердили Горбачева. Это была большая

ответственность, но и честь. В партии издавна сложилась традиция: тот, кто выступает с докладом на Пленуме ЦК, становится одной из влиятельных фигур в КПСС. С учетом слабого здоровья Черненко и в связи с этим общей неустойчивости в высшем эшелоне власти такое поручение рассматривалось как усиление политического веса Горбачева в партии, обществе. Михаил Сергеевич начал усиленно готовиться к Пленуму. Подняли материалы, накопившиеся в ЦК за прошлые годы, начались консультации с учеными, производственниками. Активно помогал в этом деле секретарь ЦК

Н. И. Рыжков. Главный стержень доклада сразу обрисовывался весьма четко: необходимо быстро завершить технологический прорыв к новым достижениям НТР. И вдруг, по-моему, в декабре 1984 года, незадолго до очередного Пленума ЦК Горбачев сказал мне:

— Знаешь, Егор, начинает формироваться мнение о том, чтобы отложить Пленум по НТР. В общем, заваливают Пленум...

Эту новую тенденцию мы расценили однозначно: кто-то боится усиления позиций Горбачева. Помню, Михаил Сергеевич в тот раз в сердцах воскликнул:

— Надо же! Завалить такое

важное для страны дело! Коренной вопрос!

А ларчик открывался просто. Горбачев знал, что это делается в угоду чьим-то личным политическим амбициям. Мы оба хорошо понимали, что происходит.

Вскоре на заседании Политбюро Черненко объявил:

— Высказывается мысль, что Пленум по научно-техническому прогрессу сейчас проводить не стоит. Чем объясняют? Скоро съезд партии, и такой большой вопрос обсуждать, видимо, нецелесообразно, поговорим о нем на съезде. (...)

Так была похоронена еще одна попытка всерьез, с привлечением

большого интеллектуального потенциала поговорить о проблемах НТР, которые все сильнее стучались в двери страны. И только в середине 1985 года состоялось, наконец, в Кремле всепартийное совещание по проблемам науки, техники, производства» [19. С. 39–41].

Впрочем, отметим, что главное было не в том, чтобы преградить путь М. С. Горбачеву к возвышению, потому что 10 декабря 1984 г. состоялась довольно-таки широкая научно-практическая конференция по вопросам идеологии. И там-то как раз выступал М. С. Горбачев. Конечно же, не Пленум, но если по вопросам идеологии — то тогда

МОЖНО...

Звезда и смерть советских компьютеров

В 1969 г. странам Варшавского договора была навязана организационно-компьютерная технология ЕС, списанная с типа IBM-360, ЭВМ 3-го поколения, после этого на Западе сразу же от нее отказались и перешли на «персоналки». При этом были загублены советские системы «Сетунь» и «Эльбрус» [2.08. С. 23, текст и сноска].

«В этой связи вспоминаю

статью из журнала «Плановое хозяйство» (май 1975 г.), написанную академиком Г. А. Арбатовым (...)

О чем же в ней шла речь?

В частности, о том, что в США накоплен богатый опыт ошибок, неудач и просчетов в управлении и нам следует эти американские ошибки учесть. Одна из серьезных ошибок общего характера, по мнению Арбатова, состояла в следующем: это «наблюдавшаяся в течение ряда лет чрезмерная переоценка роли ЭВМ в управлении — «электронный бум», заслонивший на второй план организационные структуры управления, методы принятия

решений, «человеческий элемент» в управлении и т. д. И далее автор писал: «Анализ отечественного и мирового опыта позволяет сделать вывод, что АСУ (автоматизированная система управления) является подчиненным элементом по отношению к организационному механизму управления».

Не берусь дискутировать с академиком по части специфических, научных проблем управления. (Вполне можно было бы это сделать хотя бы потому, что директор Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатов не является специалистом в области управления.)

Но не могу не напомнить, что

страна наша к тому времени уже вложила в развитие АСУ миллиарды рублей — они отдельной строкой проходили в «Основных направлениях», принимавшихся несколькими съездами КПСС.

Но, увы, внимание к АСУ постепенно стало ослабевать — ведь их провозгласили «подчиненным элементом» по отношению к управленческим структурам. Этот тезис, кстати, давал огромный простор для реорганизаторского зуда, который очень мил сердцу некоторых наших руководителей, потому-то АСУ им и мешали. В результате громадные вложенные средства не дали отдачи. А что касается

чрезмерной переоценки «электронного бума» в США, то здесь комментарии и вовсе излишни.

Я далек от мысли, что одна статья академика могла серьезно повлиять на отношение к перспективам развития АСУ в целом. Но ведь эти мнения высказывались и «наверху» [19. С. 39–40]. Попытки решить вопрос традиционно для советской системы, т. е. создать отдельное министерство, не проходили из-за позиции Д. Ф. Устинова: в этом случае из курируемых им оборонных отраслей ушли бы лучшие предприятия. Только при Ю. В. Андропове был создан Госкомитет. Но компьютерную

революцию к тому времени мы прозевали.

Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации

Наряду с компьютерами не получила развития и общегосударственная система АСУ, которая получила название «ОГАС». Что она собой должна была представлять, мы видим из названия. Учет, планирование и управление народным хозяйством — по аналогии

с современностью назовем ее коротко так: *Советский Интернет*. В то время она должна была быть всеобщей компьютерной сетью для всего государственного и народно-хозяйственного аппарата. Именно так это замышлялось ее инициатором и активным пропагандистом директором Института кибернетики АН Украинской ССР, академиком, Героем Соцтруда, лауреатом, депутатом и проч. В. М. Глушковым, который занимался ею с 1962 г. Система требовала 15 лет работы и значительных капвложений. Предполагался ее универсальный характер: помимо прочего она должна была и обеспечивать расчеты

с населением в безналичной форме. Но все материалы по этой, даже самой невинной части заставили уничтожить.

Окончательно проект В. М. Глушкова «зарубался» на заседании Политбюро ЦК, и все, как и всегда в таких случаях, выглядело благопристойно:

председательствующий М. А. Суслов спросил *мнения его членов*:

— Товарищи, может быть, мы совершаем ошибку сейчас, что не принимаем проект в полной мере, но это настолько революционные преобразования, что нам трудно сейчас. Может, давайте пока попробуем вот так, а потом видно

будет, как быть. (Обращаясь к В. М. Глушкову.) Как вы думаете?

— Михаил Андреевич, я могу вам только одно сказать, что если мы сегодня этого не сделаем, то во второй половине 70-х годов советская экономика столкнется с такими трудностями, что все равно придется вернуться.

И те *штурлицы*, которые «зарубали» проект, отлично понимали, что делали. Они знали, что это надо *давить*: подсказка шла из-за рубежа, где некий В. Зорза писал, что «царь советской кибернетики В. М. Глушков предлагает заменить кремлевских руководителей вычислительными

машинами» [13. С. 656–657] (со ссылкой на: [2.09]).

И это были коммунисты, люди, которые по своему определению должны были запускать проекты будущего, иначе непонятно, на чем они хотели считать при своем коммунизме: на счетах, в лаптях и при свечках?

Академик умер на 60-м году жизни в 1982 г., и идея заглохла, оставив после себя только несколько книжек. В области общественных наук со временем предполагалось создать нечто близкое: САЦНИОН — сеть автоматизированных центров научной информации по общественным наукам [2.10. С. 9].

Конъюнктурный институт

Он существовал в 1920–1929 гг. Им руководил Н. Д. Кондратьев. Как пишут, первым начал громить его некий Р. Е. Вайсберг, опубликовав статью в центральном журнале. Да и сам выход статьи там подразумевал ее директивный характер. Н. Д. Кондратьев был арестован в 1931 г., расстрелян в 1938 г. Такова же была судьба и А. В. Чаянова: началось с критики Г. Зиновьева, потом, как ни странно, закрепил этот погром И. В. Сталин, который в своей речи «К вопросам аграрной политики в СССР на конференции марксистов-аграрников» 27 декабря

1929 г., назвав их воззрения «теорией «устойчивости» мелкобуржуазного хозяйства», в частности, сказал: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати?» [32. С. 313]. Для самого А. В. Чаянова это кончилось весьма печально. 21 июля 1930 г. он был арестован, а 26 января 1932 г. осужден с группой коллег и выслан в Казахстан, в 1937 г. ему были предъявлены новые обвинения, и 3 октября того же года он был расстрелян. В 1987 г. он был посмертно реабилитирован.

Институт мирового хозяйства и мировой политики

Его еще иногда называют по фамилии директора — **Институт Варги.** Предшественником института был Кабинет мировой политики. Его первым заведующим был Ф. А. Ротштейн. Он выступил с идеей преобразования в институт, который был образован в системе Коммунистической академии в 1925 г. Решение об этом принималось на XII съезде в 1923 г. Объяснялось это тем, что «появилась необходимость в создании научного

центра, который стал бы базой формирования политических основ внешнеэкономических и внешнеполитических отношений с другими странами» [2.11. С. 8]. После Ф. А. Ротштейна директором был в 1926–1927 гг. В. В. Осинский (Оболенский), а с декабря 1927 г. им стал Е. С. Варга. Евгений Самойлович Варга (1879–1964), венгр по национальности, академик АН СССР (1939), в 1927–1947 гг. — директор ИМХ, лауреат Ленинской премии (1963). С января 1924 г. еще кабинетом издавался журнал «Международная летопись», который в 1926 г. был переименован в «Мировое хозяйство и мировая

политика».

В 1925 г. институт занимал две комнаты в здании Ком-академии по адресу: ул. Волхонка, 14. Работниками были совершенно разные люди. Одним из сотрудников по совместительству, например, был профессор Ю. В. Ключников — в прошлом министр иностранных дел у Колчака, потом был главой «сменовеховцев», вернулся в СССР в 1928 г. Во времена суровые о нем ничего не было слышно, и лишь в 1944 г. он был награжден Сталинской премией за... выведение сорта семян, приспособленных к засушливым районам. Талант — он везде талант!

«В первые годы видное место в работе института занимала проблема цен. Особенно на этом настаивал Е. С. Варга. Эта проблема имела для нас не только теоретическое, но и важное практическое значение. Через движение цен в конце 20-х и начале 30-х годов экономика СССР ощущала на себе крепкие удары мирового экономического кризиса. Советский Союз заказал оборудование для строек первой пятилетки в 1928–1929 гг., когда цены перед кризисом были высокими, но в 1933 г. они снизились на это оборудование на 20–25 %. В то же время цены на товары, которые СССР вынужден был вывозить для

платы за импорт, в том числе на продовольствие и сырье, снизились за это время в два-три раза. (...)

Немалое место по своему значению занимали нигде не публикуемые докладные записки (...), подготавливавшиеся по заказам соответствующих ведомств. Е. С. Варга часто получал эти заказы. В них требовались разъяснения определенных вопросов или разработка материалов, необходимых для ответственных докладов. Иногда записки составлялись по инициативе института. Е. С. Варга вменял в обязанность сотрудникам при изучении трудов солидных зарубежных авторов, чтении

иностранных журналов и газет фиксировать свое внимание на вопросах, представляющих интерес для руководства Советского Союза и могущих служить основой для докладных записок. (...)

Много записок направлялось лично Сталину, часто — руководству Коминтерна, редко — В. М. Молотову, несколько раз — М. М. Литвинову, и только однажды — Л. М. Кагановичу» [2.11. С. 27, 29–30].

По сути дела, ИМХиМП был первым политическим «мозговым трестом» в мировой практике. Таким передовым тогда был СССР во всем. Подобного рода организации

появились в США — при президенте Ф. Д. Рузвельте в 1933 г., а в Японии, например, первая группа постоянно работающих советников — так называемая «группа второго завтрака» при премьере в конце 1930-х годов. Только они были более приближены к руководству.

Е. С. Варга готовил материалы для доклада И. В. Сталина на XVII съезде партии (1934 г.), была подготовлена записка, затем опубликованная в виде брошюры объемом в 116 страниц [2.12]. Институт и лично Е. С. Варга делали неплохие прогнозы о мировом экономическом кризисе [2.11. С. 32–35]; о будущей войне [2.11. С. 43] (со

ссылкой на: [2.13]); предсказания победы/проигрыша на выборах президентов США и последующих взаимоотношениях с СССР [2.11. С. 30, 50–51].

15 марта 1931 г. ЦК партии принял постановление о работе Комакадемии и ИМХиМП в частности. Был увеличен состав до 192 человек, институт разросся структурно [2.11. С. 63–67]. В годы войны институт был эвакуирован в Ташкент, откуда в Москву вернулся в 1944 г. Варга был консультантом И. В. Сталина на Потсдамской конференции.

Гром грянул после записки академика Л. Иванова на имя

Маленкова [2.14. С. 299]. Когда сообщают о закрытии института, то пишут, что «поводом для ликвидации института было обвинение в буржуазном объективизме. (...) Уничтожающей критике подверглась книга сотрудника института М. Л. Бокшицкого (...), посвященная изложению ряда проблем американской промышленности. Поскольку книга писалась в период союзнических отношений между США и СССР, то в ней было недостаточно ругани капитализма, как это уже требовалось в 1948 г.» [11. Кн. 3. С. 163]. Да, после войны был выпущен институтом целый ряд книг, где авторы, по-видимому, не

учли для себя возможный резкий обоюдный поворот бывших союзников по антигитлеровской коалиции от сотрудничества к противостоянию [2.15, 2.16, 2.17]. По постановлению цензуры тексты были изъяты и не допущены к изданию. По мнению другого знатока — западного советолога Д. А. Армстронга (Armstrong): «Объектом критики со стороны Вознесенского была книга Варги «Изменения в экономике капитализма в результате Второй мировой войны». В этой книге (...) выдвигалась теория, согласно которой монополистический капитализм — за счет государственного вмешательства в

экономику — мог преодолеть кризис, не прибегая к войне. (...) После продолжительной дискуссии, проходившей в мае 1947 г., Варга вынужден был оставить свой экономический институт и свой журнал» [2.18. С. 15].

Действительно, книга Е. С. Варги [2.19] вызвала целую дискуссию, отраженную в специальном издании [2.20]. Это, в общем-то, не было чем-то из ряда вон выходящих событий для сталинского времени. Сталин и сам стремился глубоко прорабатывать теоретические вопросы и другим давал понять сущность происходящего во всей глубине с

помощью известного и немудреного приема: «В споре рождается истина!» Разные источники даже интерпретируют факт закрытия по-разному. Одни указывают на то, что институт закрыт, и все тут, другие обращают внимание на то, что согласно постановлению Институт экономики и Институт мирового хозяйства слиты в единый Институт экономики. Именно так и было: ИМХиМП был закрыт по решению Политбюро от 18 сентября 1947 г., а его сотрудников переводом после соответствующей переаттестации приняли по новому месту работы. За Варгой Е. С. сохранились консультирование и редактирование

журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», который, в свою очередь, был закрыт в январе 1949 г.

Однако альянс просуществовал недолго. На XX съезде партии А. И. Микоян в своей речи охарактеризовал решение как ошибочное, причем не в разделе, посвященном внешней политике, а в идеологическом разделе [2.21. С. 6], и выдвинул инициативу восстановить институт, что и было сделано, но уже под новым названием: 24 апреля 1956 г. создан *Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР*, который существует до сих пор.

Взлет и падение Советского РЭНДа

Именно так я назвал бы учреждение с длинным названием **Лаборатория систем управления развития систем (1968–1969 гг.) — ЛаСУРС при МГПИ им. В. И. Ленина.** Для того чтобы подчеркнуть две вещи: насколько бы ни была какая-то научная организация Запада продвинута, в России есть такая же, если не сильнее; и второе — учитывая все же особые свойства русского ума, эта организация всегда будет вокруг какого-то одного человека с особым

интеллектом.

Основатель и руководитель Лаборатории — Побиск Георгиевич Кузнецов. Чтобы подчеркнуть всю широту взглядов (в том числе и в рамках наших интересов), приведем ряд названий работ П. Г. Кузнецова [2.22–2.25].

Организация была хозрасчетной, она неплохо развивалась, выполняла договоры по довольно широкому кругу вопросов — от предприятий Министерства угольной промышленности и до «оборонки». Вскоре короткое счастье закончилось: «В конце 1969 г. группа инспекторов Контрольно-ревизионного управления Минфина

СССР совместно со следователями
МВД СССР произвели
предварительную проверку
деятельности ЛаСУРс. Подобные же
проверки были проведены и в ряде
других хозрасчетных организаций.
(...) На основании этих проверок
были сделаны выводы, что
выполняемые ЛаСУРс работы не
являются необходимыми, а
расходование получаемых по
договорам средств является
нецелесообразным. (...)

...Поражает (...) масштаб
развернувшихся преследований (...)
Факт, состоящий в том, что были
включены все официальные уровни,
включая ЦК КПСС и Совет

Министров СССР, указывает на то, что деятельность ЛаСУРС вызывала у кого-то большие опасения. Именно вопрос о том, у кого, почему и какие опасения вызывала деятельность ЛаСУРС, является основным при анализе этой Лаборатории. (...) Приходится предположить, что какие-то силы, находившиеся вне или внутри государственных и партийных структур, были сильно заинтересованы в прекращении деятельности ЛаСУРС.

М. И. Гвардейцев, бывший в то время начальником 9-го отдела Управления делами Совета Министров СССР, считал, что ликвидация ЛаСУРС — сознательная,

хорошо организованная провокация.

Все же остается неясным, что именно вызывало у этих сил такое беспокойство — сам тип деятельности этой маленькой хозрасчетной организации («консалтинг»), обширные, глубоко проникающие связи в оборонном комплексе страны, (...) работы «по комсомолу» и социальным вопросам или, наконец, система ГЛОБУС.

Необходимо напомнить, что в 1969–1970 гг. многие похожие на ЛаСУРС организации подверглись преследованиям, а некоторые из них были ликвидированы. Именно в 1969 г. на семинаре Секции теории организации, проводившемся

В. П. Боголеповым в Институте государства и права АН СССР для заслушивания академика Э. Кольмана (статьи и книги которого мы уже неоднократно цитировали выше и будет делать это впредь — *А.Ш.*), руководители Комиссии по теории систем А. А. Фетисов и М. Ф. Антонов выступили с известными обращениями «К народу», «К армии», «К ученым», в которых давалась резкая критика положения дел в Советской Армии, в советской науке и в СССР в целом. А. А. Фетисов и М. Ф. Антонов вскоре были арестованы, их Комиссия была ликвидирована, их

сторонники были подвергнуты допросам и увольнению, а Секция теории организации вскоре прекратила свою работу» [15. С. 80–81]. Такова, собственно, картина погрома уникальной Лаборатории. Удивляет здесь и позиция нашего премьера А. Н. Косыгина. Когда дело касалось одной из идей его небезызвестного зятя Д. М. Гвишиани, он сказал: «Я не дам им угробить дело», — не совсем понятно кого подразумевая под этим *им*. Однако одного из конкурентов зятя по системно-кибернетическим вопросам устранил именно он.

Социальная кибернетика

Сам термин «кибернетика», который первым применил Платон для обозначения правил управления обществом, возник, как видим, на стыке управления и социума. Польский философ-гегельянец Б. Трентовский читал лекции во Фрейбургском университете, потом опубликовав их в 1843 г. в Познани в виде книги «Отношение философии к кибернетике как искусству управления народом» [2.26].

Успех осуществления довольно сложного по научным меркам того времени проекта «революция» в 1917 г. повлиял на умы ученых, некоторым из которых захотелось обобщить опыт управления толпами.

К таким относился и некий доктор А. В. Барченко. Он был главой организации масонского толка «Единое Трудовое Братство»; но масонство после 1917 г. официально преследовалось в СССР и было заклеено на одном из конгрессов Коминтерна.

А. В. Барченко занимался вопросами прикладной нейроэнергетики; по-видимому, эту практику можно рассматривать как некий прообраз нынешнего нейролингвистического программирования: исследовались случаи Массового психоза, в частности, ездили на север изучать камлание у северных народов.

Александр Васильевич Барченко родился в 1881 г. в семье нотариуса. Слушал курс медицины в Казанском, затем в Юрьевском университетах. Один из профессоров рассказал ему о легендарной Шамбале, Барченко ударился в мистику. После революции он покинул столичный Питер и отправился в Мурманск, где работал на должности председателя научного совета отдела народного хозяйства. Там он изучал паранормальные явления: «Именно здесь, в этом пустынном диком краю, распространено необычное заболевание — эмерик, или меряченье. Иногда его называют арктической истерией. Им болеют не

только туземцы, но и пришлые. Трудно отыскать что-нибудь похожее на эту чертовщину. Оно повергало в недоумение психиатров. Ясности нет и по сей день, тем более что с конца 20-х годов многие исследования в этой области были засекречены ОГПУ. Но те, кто хоть что-то смыслил в психиатрии, склонны сравнивать меряченье с состоянием зомби. (...)

Это специфическое состояние, похожее на массовый психоз, обычно проявлялось во времена магических ритуалов, но может возникать спонтанно. В такие моменты люди начинают повторять движения друг друга, безоговорочно выполняют

любые команды, по приказу могут предсказать будущее, а если человека в таком состоянии ударить ножом, то он не причинит ему вреда.

За два года пребывания на Севере Барченко подробно изучил район культовых сооружений и убедился, что здесь в глубоком прошлом существовала цивилизация, оставившая впечатляющий памятник практической магии. В лапландских шаманах Барченко разглядел последних жрецов этой древней таинственной цивилизации. Обо всех своих догадках он рассказал, возвратившись в Петроград, коллегам из Института мозга» [2.27. С. 8–9].

С конца 1924 года исследования

ведутся под плотным наблюдением Спецотдела ОГПУ, который возглавляет Г. Бокий. Среди первых кураторов и небезызвестный Я. Блюмкин. В декабре А. Барченко делает доклад о своих результатах на Коллегии ОГПУ, и его секретная лаборатория нейроэнергетики получает финансирование, среди ее целей — научиться телепатически читать мысли противника на расстоянии, уметь «снимать» информацию с мозга посредством взгляда. А. В. Барченко начинает читать лекции, среди его слушателей много работников «органов» и видные члены ЦК партии: заведующий Орготделом аппарата

ЦК тов. И. Москвин, заведующий
еврейской секцией Наркомата по
делам национальностей
С. М. Диманштейн и заместитель
наркома иностранных дел
Б. Стомоняков [2.27. С. 9]. Доктор
Барченко был уничтожен в 1937 г.
Насколько при этом пострадали его
труды, точно неизвестно.

Был и еще один ученый —
физик, биофизик, геофизик академик
П. П. Лазарев (1878–1942),
занимавшийся сходными
проблемами, он арестован в Москве
5 марта 1931 г., а созданный им
Биофизический институт превращен
в секретное исследовательское
заведение под эгидой ОГПУ и в

1932 г. полностью разгромлен [2.28. С. 243–244].

Впрочем, что нам надо взять из всего этого? Возможности управлять толпами и то, что это дело плотно опекала спецслужба, остальное — ненужные детали.

На время социальная кибернетика ушла в небытие.

Затем она родилась уже как часть социологии, хотя о ее особой роли никак не говорилось. Книги на эту тему попали в библиографический тематический раздел «Научное управление обществом». Откровенно говоря, их авторы больше объясняли происходящие явления хорошим

слогом, чем делали конкретные предложения. Как правило, все они — доктора и кандидаты философии.

Академик Э. Кольман в одной из своих публичных лекций [2.29. С. 148–159], разумеется, не разбираясь глубоко и по существу, также нелестно отзывался о возможностях распространения ее на общество, уводя главное в сферу робототехники и возможности замены ее на людей.

Кроме разгромленных социологических институтов, о которых мы скажем, весьма плотно вопросами социальной кибернетики собирались заниматься работники Лаборатории П. Г. Кузнецова: «К

1967 году уже возникает интерес Лаборатории к социальным проблемам. Свидетельством этого является договор с сектором И. Г. Петрова в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. (...) Начались работы с АОН при ЦК КПСС (ректор В. Г. Афанасьев). П. Г. Кузнецовым там был прочитан курс лекций по всей тематике ЛаСУРС. Проводятся первые работы по социологии и средствам массовой коммуникации. (Сектор И. Г. Петрова в АОН)» [15. С. 77–78].

Доктор исторических наук, профессор Н. Н. Яковлев в своей хорошо известной книге «ЦРУ

против СССР» говорит о *социальной кибернетике*, касаясь «творчества» и деятельности А. И. Солженицына. Но сделано это было с позиции «несерьезности» подхода. Ссылаясь на свою же статью «Продавшийся и простак» [2.30. С. 7] и приводя из нее отрывок в упомянутой книге: «Наша эпоха научно-технической революции ставит перед человечеством и серьезные задачи. Восторг перед возможностями науки и техники Запада зачастую переходит в глубокий пессимизм, когда начинают размышлять, какие беды могут сотворить чудеса XX века в руках людей, нравственно ущербных. Как организовать общество, как

интегрировать величайшие научно-технические достижения в жизнь человечества, не лишив его жизни? На этой почве расцветают различные теории «технократии», когда ставится знак равенства между знанием техники и способностью управлять обществом» [37. С. 268], автор далее приводит размышления некоего героя рассказа итальянского писателя-фантаста Лино Альдони о целесообразности передачи власти из рук политиканов в руки техников — специалистов по управлению общества. Все это — с известной долей сарказма, делая ссылки на книгу «Август четырнадцатого». Не стану утомлять читателя

цитированием мыслей
А. И. Солженицына на этот счет —
каждый может с ними ознакомиться,
если захочет. Суть — в другом.
А. И. Солженицын, попав в
компанию людей, сведущих в таких
вопросах, счел для себя возможным
рассказать со страниц «Красного
колеса» о таких вопросах, которые
давали советской стороне шанс
понять: кроме наивностей истмата,
есть еще и очень тонкие технологии,
которые могут управлять
социальными системами с помощью
методов, на порядок превосходящих
традиционную науку. Но выводов
сделано не было, наоборот,
А. И. Солженицын всячески

осмеивался: «Коль скоро Солженицын помянул неведомую «социальную кибернетику» и тем обнаружил свою ученость, посмотрим, как относился к проблеме осчастливить математическими методами, кибернетикой и прочим общественное устройство сам Н. Винер» [37. С. 271].

Здесь надо напомнить, что социальная кибернетика не была столь уж неведома — мы уже об этом сказали, и если бы доктор наук Н. Н. Яковлев только бы захотел, он бы нашел у нас множество трудов на эту тему, только речь в них, понятно, шла о реальных механизмах

управления обществом, а не о некой идеальности его построения. Дальше Н. Н. Яковлев приводит несколько цитат из книг Н. Винера «Кибернетика» и «Творец и робот». Невозможно теперь узнать, где профессор Н. Н. Яковлев взял их, но если бы он брал эти книги в библиотеке, то там обязательно была бы еще одна книга этого автора — «Кибернетика и общество».

Чем обернулось пренебрежение подсказкой А. И. Солженицына, мы видим — общественный переворот в СССР и европейских странах социализма просто немыслим без социальной кибернетики. Впрочем, не отрицая прямо, наши ведущие

специалисты в этой области не торопятся признать это за факт. С момента окончания перестройки минуло уже больше десятка лет, а нет ни одного труда на такую интересную тему. Самое удивительное, что сама ситуация с перестройкой наилучшим образом может быть объяснена именно с точки зрения социальной кибернетики. Даже наш информационно-аналитический подход все равно остается на втором месте и не так привлекателен. Ведь что может быть интереснее темы, как из гордой («самый непокорный на земле народ!») — характеристика русского народа А. Даллеса из его

знаменитой доктрины) нации нас превратили в жалких рабов, из свободных рабочих и крестьян в зависимых люмпенов. Может быть, здесь нет *социальной кибернетики*? Очень сомневаюсь.

Социология

Ее, как и всякую другую подлинную науку, коммунистические жрецы не жаловали. Да, учеными были созданы отдельные лаборатории и проводились исследования, но в высоких парткабинетах это не вызывало любви, а скорее, наоборот, подозрение... Хотя социологи и

смогли найти что-то у К. Маркса по этому поводу и каждую свою работу они открывали соответствующей, как и полагалось, цитаткой, но положительных эмоций у партбоссов быть не могло. А на каждого настоящего ученого, а не халтурщика, у которого реально полученные данные расходятся с установками последнего съезда, смотрели как на полудиссидента. А если того еще и на каком-нибудь международном конгрессе похвалят за интересную гипотезу? Ох, подозрительно все это... «Социология в те годы еще не была признана у нас серьезной научной дисциплиной: речь шла лишь о «буржуазной социологии»,

которая резко критиковалась. (...)

До середины 60-х годов в СССР отношение к социологии было чуть ли не враждебным — ее считали не то лженаукой, не то «прислужницей буржуазии», как в свое время кибернетику.

Официальная идеология имела на это несколько веских причин, и главная из них — убежденность в том, что нет никакой нужды в специальной науке об обществе, поскольку все необходимые закономерности общественного развития раз и навсегда открыты и сформулированы в философии исторического материализма. При этом совершенно игнорировалось то, что основные

положения этой теории были слишком общими для решения огромного множества задач, которыми призвана заниматься социология» [2. С. 26, 102]. Ну, хоть так, раз иначе нельзя...

Одно из направлений созданного *Института конкретных социологических исследований АН СССР* предполагало изучение больших социальных систем. Да и сам институт в целом изначально задумывался как учреждение с гораздо большим объемом специфической работы. Как вспоминает его нынешний директор, «первоначально предполагалось, что институт создается в рамках ЦК

КПСС и это будет закрытый институт» [2.31. С. 102]. Но, как говорят люди, допущенные к секретам, в самом институте был закрытый сектор, разработки которого уходили в аппарат ЦК и в КГБ. В Болгарии, например, был образован *Институт социального управления при ЦК БКП*. Своей местной ЧК не доверяли, да и люди в партийных органах были толковей и могли понимать ученых. Через некоторое время институт был подвергнут серьезной чистке, чему практически полностью посвящена вся книга «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [2.31].

Естественно, мы не будем ее здесь пересказывать, а только укажем, что винят уцелевшие социологи некоего тогдашнего секретаря Московского горкома партии по идеологии В. Н. Ягодкина и куратора института от аппарата ЦК некоего Г. Г. Квасова. Эти «штирлицы» выискивали предлоги в борьбе с учеными. Поводы находились к каждому свои: Ю. Левада читал и потом опубликовал «Лекции по социологии». Им же издана книга «Моделирование социальных процессов». Нашли что-то не то — уволили. А. Г. Здравомыслов написал книгу «Методология и процедура

социологических исследований», где опубликовал бюджет времени партийного работника, — оказывается, тем самым нарушил секретную инструкцию, о существовании которой он, естественно, не знал, — выгнали из Ленинградской ВПШ. *Институт общественного мнения* был свернут по указанию первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова в конце 1967 г. после проведения опроса «Молодежь о комсомоле» [2.31. С. 168, 210]. Молодежь уже думала о комсомоле не так, как это нужно было в ЦК ВЛКСМ. Вдруг бы эти материалы попались на глаза кому-то из «старших товарищей» и там сделали

бы оргвыводы: а за что это наши комсомолыта получают зарплату при таких результатах?

Потом все же нашла коса на камень: товарищ второй секретарь МГК «нарвался» на зятя председателя Совмина СССР: «Середина 70-х годов была периодом разгула идеологической дубинки в лице тогдашнего секретаря горкома партии по идеологии Владимира Николаевича Ягодкина. Расправившись с такими академическими институтами, как Институт истории СССР, Институт экономики, Центральный экономико-математический институт, Институт философии, с

журналом «Вопросы философии», он решил взяться за ежегодник «Системные исследования» [2.32. С. 123]. Директор Института системных исследований Д. М. Гвишиани сам редактировал ежегодник, и он не мог потерпеть, чтобы там выискали «крамолу». Летом 1975 г. В. Н. Ягодкин был уволен.

Американцы же, в свою очередь, внимательно глядели со стороны на происходящие коллизии в советской науке. И смогли дать точные оценки. Первой книгой по советской социологии явилось исследование сотрудника RAND Corporation Г. Фишера [2.33]. Советологами давались весьма четкие оценки

ущербности науки и процветания идеологии. Так, в статье «Советологи» о проблемах советской науки» [2.34. С. 308] приводятся следующие оценки: Д. Гелдман (Heldman): «Советская марксистская идеология, диалектический материализм неотъемлемо враждебны науке и научной практике» (Heldman D. C. The Need for Controls // Problems of Communism. 1967. Jan./Febr. P. 69); П. Уайлз (Wiles): «Общественная наука наверняка потрясет коммунизм до основания. Подъем общественной науки — важный компонент... конца идеологии» (Wiles P. Convergence Possibility and Probability // Planning

and market in the USSR the 1960s'. New Brunswick, 1967. P. 98); 3. Кац (Katz) в статье «Социология в Советском Союзе»: «... Общественная наука подрывает позиции марксизма-ленинизма» (Problems of Communism. 1971. May/June. P. 39).

Зачем мы вам рассказываем о какой-то узкой области гуманитарной науки? А затем, что, когда подошло время, Ю. В. Андропов мог с чистым сердцем сказать: «Мы не знаем общества, в котором живем». И здесь он лукавит — он к тому времени прекрасно знал и общество, и то, как его переделать. Он к тому времени

сделал все, чтобы сосредоточить в своих руках это знание. А мы, те, кому нужно это было знать, ни о чем и ведать не ведали...

Значительной была когорта социологов, которым не давали возможности заниматься наукой в Союзе, и они просто-напросто были вынуждены эмигрировать на Запад. Среди них: В. Э. Шляпентох, проводил исследования мнений читателей; А. В. Жаворонков, специалист в области массового сознания, общественного мнения, в ИСИ с 1968 г.; Б. И. Шрагин, философ, в 1974 г. эмигрировал в США, работал на радио «Свобода».

Опросы общественного мнения

Как хорошо известно, они являются только частью общей социологии и выступают, по сути дела, обратной связью от объекта социального управления к субъекту. Судьба их была незавидна изначально: «...Работы, связанные с изучением социологических проблем печати и общественного мнения, пошли на убыль и к 1930-м годам прекратились...» [2.35. С. 168]. И к середине 1980-х годов их состояние было все еще неудовлетворительным. Вот как их оценивает доктор

исторических наук С. В. Цукасов: «На июньском (1983 г. — *А.Ш.*) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что надо переходить от оценок состояния идеологических процессов к их прогнозированию, от разрозненных исследований общественного мнения — к систематическим. Такие исследования должны исходить из реальностей общественной жизни, «улавливать» существующие и назревающие тенденции — не только созидательные, но и негативные (...). Однако исходящие принципы, типовая методика системных социологических исследований до сих пор не разработаны» [2.36. С. 55–56]. Роль СМИ в годы перестройки

была слишком велика, и это не требует доказательств. Недоработки нам аукнулись, а партаппарат без такого механизма был просто слеп.

Социальная стратификация

Как знает продвинутый читатель, социальная стратификация — это область социологии, в которой изучаются общественные классы и социальные группы. Как ни странно, но жалоб на зажим в этой области я не нашел и могу только высказать предположения, что социологам было довольно трудно вести

исследования в этой области: давно была утверждена стратификационная тройка, состоящая из двух классов рабочих и крестьян и прослойки интеллигенции, поэтому речь можно было вести только в этих рамках, а действительность еще включала и лиц с девиантным поведением, да и городское население все больше усложнялось. Тут еще и установки о том, что все пути ведут к коммунизму, который есть не что иное, как бесклассовое общество...

Прогнозирование

В СССР были свои неплохие возможности этой науки, ее

развивали и в Восточной Европе. В Болгарии, например, и в ГДР. Там вопросы социального прогнозирования получили значительное развитие. В материалах VI (1963 г.) и особенно VII (1967 г.) съездов правящей Социалистической единой партии Германии имелись специальные решения о развитии научно-технического и социально-экономического прогнозирования. На протяжении 1967–1968 гг. в ГДР была сложена своеобразная государственно-партийная служба прогнозирования. На многих предприятиях и в учреждениях наряду с отделами планирования были параллельно созданы отделы

прогнозирования, а в ЦК и окружных комитетах — специальные комиссии по прогнозированию. Для обеспечения соответствующего научного уровня работы были учреждены специальные центры, прежде всего кафедра социального прогнозирования в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ и отдел прогнозирования в Институте философии Германской академии наук в Берлине. Была выпущена соответствующая литература, в том числе и переведенная на русский язык [2.37, 2.38]. В докладе В. Ульбрихта на VII съезде СЕПГ, в частности, говорилось: «Общественное прогнозирование,

базирующееся на учении марксизма-ленинизма, является для партии решающим оружием, отвечающим современным требованиям научно обоснованной руководящей деятельности. Являясь авангардом рабочего класса и его союзников в ГДР, наша партия вносит ясность в вопрос о путях и целях нашего общественного развития. Разработка прогнозов предъявляет высокие требования к научному руководству, к квалификации трудящихся, особенно руководящих кадров.

Что нам необходимо — это новый образ мышления. Он характеризуется прежде всего тем, что все задачи надо ставить,

начинать и решать, исходя из необходимости построения развитой общественной системы социализма. Ни один вопрос нельзя рассматривать в отрыве от других. Нашим исходным пунктом должно всегда быть *развитие всей системы социализма*» (Цит. по: [2.38. С. 354].)

В СССР с прогнозированием случалось всякое. Е. М. Примаков описывает следующий, как он считает, «курьезный случай из практики 70-х годов. ИМЭМО всерьез занимался долгосрочными прогнозами развития мировой экономики. Различные сценарии публиковались в нашем журнале (имеется в виду «Мировая экономика

и международные отношения». — *А.Ш.*). Один из его читателей — отставной генерал НКВД — пожаловался в ЦК на то, что во всех этих сценариях, содержащих прогнозные оценки до 2000 года, фигурирует «еще не отправленный на историческую свалку» капиталистический мир. Нас обвиняли в ревизионизме, и пришлось по этому поводу писать объяснительную записку в отдел науки ЦК» [2.39. С. 26]. По другим сведениям, письмо было адресовано лично М. А. Сулову [2.40. С. 264].

Да, наука не располагала хоть какими-то данными и не давала четкого ответа на вопрос: будет или

нет в 2000 году полный коммунизм на земле или останутся какие-то государства капиталистического характера (в отличие от идеологии, которая об этом просто трубила!)? Это так, но можно ли себе представить, чтобы какой-нибудь отставной генерал ЦРУ позвонил в Белый дом и попросил дать четкий ответ на вопрос противоположного характера: будет или не будет существовать СССР в таком-то году?.. Но и не это самое страшное в прогнозировании, самое важное — это то, что не давали раскрыть сущность возможных кризисов в стране, которые могли бы грянуть, этим должны были заниматься

именно прогнозисты, составляя прогнозы-предупреждения. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

Логика

И эта наука, казалось бы, далекая от политики, тоже претерпела на своем веку. Согласно постановлению ЦК от 4 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе» [2.41. С. 224–225] на философском факультете МГУ по прямому указанию И. В. Сталина создали отделение логики, которого не было с дореволюционного времени [2.31. С. 205].

Были выпущены учебники для студентов: М. С. Строговича (1946 г., изд. 3-е в 1949 г.), В. Ф. Асмуса (1947 г.), К. С. Бакрадзе (1951 г.), Д. П. Горского (1954 г.), Н. И. Кондакова (два изд. в 1954 г.), под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца (1956 г.), Л. П. Гокиели (1965 г.); для средней школы: в 1946 г. — старый гимназический учебник Г. И. Челпанова, в 1947 г. — С. Н. Виноградова (переиздание 1914 г.), в 1949 г. — М. С. Строговича. Последнее издание (8-е) С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина в 1954 г.

То были годы расцвета и для всей общественно-политической

науки: с июля 1947 г. выходит журнал «Вопросы философии»; тогда же была проведена последняя общесоюзная дискуссия (по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»); было образовано *Общество политических и общественных знаний*; в декабре 1953 г. — марте 1954 г. прошла дискуссия по проблемам логики [2.42. С. 102], был учрежден *сектор логики в Институте философии*. После смерти И. В. Сталина прошла ревизия его указов. Преподавание логики в школе было закрыто.

Научная организация

труда и научная организация управления

Мы не предлагаем здесь вашему вниманию никакого определения для той науки, что здесь будет рассматриваться: то, что она собой представляет, следует из самого названия. Ее основателем принято считать автора книги «Научный менеджмент» американца Ф. У. Тейлора (1856–1915). Сам термин «научная организация труда» (НОТ) возник после того, как французский ученый, иностранный член Петербургской АН А. Л. Ле Шателье (1850–1936) перевел на

свой родной язык эту книгу [2.43. С. 7].

Причем нечто подобное НОТовскому движению зародилось в России значительно раньше, чем в какой-либо другой стране мира. «В Московском высшем техническом училище еще в 1860–1870 гг. разрабатывались и внедрялись рациональные методы обучения токарному, кузнечному, слесарному и другим «искусствам». Методы эти, кстати сказать, были настолько эффективными, что в Массачусетском технологическом институте (США) задолго до появления на сцене тейлоровских методов научной организации труда

было построено специальное здание для учебных мастерских, в которых «трудоведение» должно было преподаваться «по русской системе», а москвичи «по высочайшему разрешению» изготовили и послали в дар Массачусетскому институту набор своих учебных пособий на сумму 2500 руб. В 1884 г. в Чикаго, Балтиморе и Толедо, а в 1885 г. в Филадельфии и Омахе были организованы школы по типу Массачусетса для обучения рабочих «московским методом». В России раньше, чем в Европе и Америке, началось и теоретическое изучение рабочих движений человека И. М. Сеченовым» [2.44. С. 189–190].

Идеи же Ф. Тейлора появились в России в 1904 г. [2.43. С. 7]. После революции в России появились и развивались научные школы, НОТ отмечался лидерами страны, и состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) значительную часть своей работы посвятил вопросам НОТ и управления. Съезд принял решение о создании органа ЦКК-РКИ и возложении на него всего дела рационализации [2.45. Т. 3. С. 89–94]. «В. И. Ленин тщательно подбирал вышедшую в стране и за рубежом литературу по НОТ. Он встречался с видными деятелями НОТ, поручал советским людям подбор литературы за границей и

изучал там постановки НОТ, предлагал организовать в России изучение и преподавание системы Тейлора, объявить конкурс на составление учебников по НОТ. В. И. Ленин рецензировал некоторые работы по НОТ. Возглавляемый В. И. Лениным Совет труда и обороны принял декрет о Центральном институте труда.

Преждевременная смерть Владимира Ильича не позволила ему завершить многие замыслы. Осталась ненаписанной и задуманная В. И. Лениным работа о научной организации труда. Однако, несмотря на тяжелую болезнь, в последние месяцы своей жизни

Владимир Ильич усиленно занимался проблемами научной организации труда, особенно в области государственного управления» [2.46. С. 7].

XIV съезд ВКП(б) (18–31 декабря 1925 г.) признал наиболее совершенной формой рационализации управления создание на предприятиях (в учреждениях) оргбюро, специальных отделов рационализации [2.45. Т. 3. С. 437–438].

Массовое движение НОТ и НОУ — это огромная, сложная и разветвленная система. Она развивалась в самых различных организационных формах, называют,

как правило, пять ее видов: 1) научно-исследовательские институты и лаборатории; 2) ведомственные организации; 3) рационализаторские органы учреждений и предприятий; 4) самодеятельно-общественные организации; 5) Центральные органы, играющие роль административно-координационного центра [2.43. С. 16]. И потому просто так с ней справиться было невозможно. Такую махину не свернешь в одночасье. Мы по вполне понятным обстоятельствам не будем раскрывать все аспекты ее полезности — это тема специальной литературы, а отметим лишь только то, что безжалостно уничтожалось.

Центральный институт труда (ЦИТ). Как уже говорилось, был создан по постановлению Совета труда и обороны в мае 1921 г. при ВЦСПС. Его руководителем был самый знаменитый специалист в этой области А. К. Гастев (1882–1941). Институт, как и хотелось его основателю, сочетал в себе как научно-исследовательские, так и педагогические функции. Как и всегда в научном мире, и у А. К. Гастева были свои противники. Их имена: П. Керженцев, Я. Шатуновский, И. Бурдянский. Особая опасность для А. К. Гастева и его детища состояла в том, что он был в отличие от своих оппонентов

беспартийным. Заступничество даже председателя ВЦСПС и члена Политбюро М. М. Томского мало что давало [2.43. С. 39, 53]. ЦИТ передавался в Наркомат тяжелой промышленности, оттуда в Наркомат оборонной промышленности, потом 11 января 1939 г., когда состоялось разукрупнение, — в Наркомат авиационной промышленности. От ЦИТ отпочковали ЦИТ Наркомата легкой промышленности и потом окончательно закрыли с формулировкой «как организация, тормозящая своей работой развитие стахановского движения в легкой промышленности» [2.46. С. 15–16, со ссылкой ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп.

17, ед. хр. 5, л. 30], Гастев работал в ЦИТ до 1938 г.

Казанский институт научной организации труда (КИНОТ). Основан 1 апреля 1921 г. при Татпрофсовете как бюро, через год обрел название института. Директор — И. М. Бурдянский. Вначале бюро состояло из музея и четырех отделов. КИНОТ с 1936 г. изменил направление и был превращен в Институт охраны труда.

Таганрогский институт научной организации производства (ТИНОП) — первое научное учреждение в области менеджмента. Возник еще в начале 1920 г. Председателем был член Украинской

академии наук П. М. Есманский. Закрыт в 1927 г. главным образом из-за отсутствия финансирования [2.43. С. 104, 130].

Институт техники управления (ИТУ). Его директор Е. Розмирович отличалась не качеством своих разработок (она так следовала своей идее упрощения управления, что договаривалась до абсурда, слепо и догматически развивала формулировки типа ленинской о кухарке), а тем, что была женой прокурора республики Н. Крыленко, чем пользовалась в борьбе с научными оппонентами. Так, ею была ликвидирована *научная школа Наркомата Рабоче-крестьянской*

инспекции (руководитель — Н. А. Витке) [2.43. С. 152, 169–172].

Потом прошло закрытие журналов, которые публиковали материалы на эту тему: «На плановом фронте», «Система и организация», «Хозяйство и управление», и издательства «Техника управления» и ЦИТ. Перед самой войной последней была выпущена одна и та же книга в двух разных издательствах: [2.47, 2.48].

НИИ труда Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и зарплаты, который в дальнейшем занимался этой проблематикой наряду с другими вопросами, был создан в

1955 г. Такова собственно общая картина, которая характеризует все коллизии, и это весьма для нас важно, ибо до сих пор встречались только неточные обобщенные оценки, которые мало соответствуют действительности: «Однако научная организация труда, за которую так страстно ратовали Ленин и его соратники, в годы культа личности была подменена директивами и циркулярами. Исследовательские организации постепенно были закрыты, научная деятельность в области НОТ, по существу, Прекратилась. Некоторых организаторов и руководителей Этого участка научного фронта

клеветнически объявили врагами народа, а на самую научную организацию труда была брошена тень недоверия и подозрительности» [2.46. С. 15]. Опять у этих во всем Сталин виноват. Толком никто не хочет разбираться — накладно, и гораздо лучше пропустят обобщенные фразы. От всего этого такое впечатление, что только один человек и действовал в 30-е годы и до всего у него доходили руки. Наверное, для того, чтобы все переделать, тов. Сталину потребовалось бы десять жизней, или, может быть, в 30-е годы было десять Сталиных. При этом не суть важно, какие дела ему

приписываются.

Система НОТ была столь огромна, что ее не удалось превратить в полный нуль. Она трансформировалась и некоторое время больше рассматривала частные вопросы, велась работа в отдельных отраслях, больше всего применялась в стахановском движении, при изучении и передаче передового опыта. В соответствующем справочнике [2.49] приводятся названия статей и книг за два с половиной десятка лет: с конца 1930-х по начало 1960-х.

Тем же, кто пытался рассказывать о менеджменте в эти и последующие годы, было нелегко.

Академик В. Г. Афанасьев вспоминал, что начало его карьеры было далеко не безоблачным: «В конце 50-х годов я написал книжку «Об интенсификации развития социалистического производства». Ее не хотели печатать из-за широкого распространения тейлоровской «буржуазной» идеи «выжимания пота». К тому же в книжке приводилась идея о том, что одним из главных факторов интенсификации является научная организация управления производством. И управление вызвало волну протестов. Какое там управление, если у нас политика партии, научное политическое

руководство, а экономическое управление — западное «буржуазное» изобретение. И незачем его тянуть в наше плановое централизованное хозяйство» [2.50. С. 6–7; 2.51. С. 14–15].

Да что там какой-то никому до поры не известный ученый, которому еще только предстояло обрести мировое имя, когда зять самого А. Н. Косыгина в свое время наслушался подобных замечаний: «В 1959–1960 годах при обсуждении на философском факультете МГУ и в Институте философии АН СССР подготовленной мной кандидатской диссертации, посвященной критическому анализу американской

социологии бизнеса, некоторые очень доброжелательно относившиеся ко мне люди советовали исключить из текста всякое упоминание о возможности позитивной оценки буржуазных теорий бизнеса, утверждая, что такая постановка вопроса опасна и идеологически несостоятельна. (...)

...Я в течение 60-х годов продолжал работу, постепенно смещая акценты. В стране назревала экономическая реформа, одним из главных направлений которой должна была стать перестройка системы управления. Поэтому от критического анализа западных теорий надо было переходить к

разработке научной программы наших собственных практических действий. Естественно, возникла необходимость поставить вопрос о решительной децентрализации управления и передаче на уровень предприятий решения главных экономических вопросов. Однако это не нашло понимания в планирующих организациях, у многих экономистов, политэкономов, долгое время отстаивавших преимущества социалистического централизованного планового хозяйства. На мне, моих коллегах и единомышленниках повисло обвинение в стремлении внедрить на социалистическом предприятии

капиталистическую систему управления, несколько возмущенных писем пришло в ЦК КПСС... Пришлось заняться активной пропагандой и широким разъяснением основ научного подхода к управлению, публикацией статей в газетах и журналах, раскрывающих сущность функции управления (...).

Мы особо подчеркивали, что эта проблема нашла глубокое отражение в работах классиков марксизма» [2. С. 49, 51].

Но и много лет спустя ортодоксы не хотели ничего и слышать о науке управления. В. Тарасов, который широко

применял методы менеджмента, был раскритикован в статье «Школа бизнеса» в газете «Молодежь Эстонии» примерно в таких выражениях: *откуда у молодых людей с комсомольскими значками страсть к менеджменту?* [2.52. С. 3].

Старт возрождения состоялся только осенью 1962 года, когда в центральной и московской прессе появились две заметки о А. К. Гастеве [2.53. С. 4; 2.54. С. 4]. Причем последний раз его вспоминали больше как поэта, чем как ученого и практика. Как хорошо, оказывается, быть разносторонне развитой личностью — не так

помянут, так этак!

Затем о НОТ заговорили на прошедшем в сентябре 1965 г. Пленуме ЦК КПСС, после чего выпустили сборники из отрывков старых книг и статей. Дальше началось внедрение на предприятиях и в учреждениях. В 1967 г. прошло Всесоюзное совещание по организации труда, принято постановление ЦК КПСС от 29 августа 1967 г. «Настойчиво внедрять научную организацию труда, повышать культуру производства». Причем, как это ни парадоксально, но все же можно смело сказать, что главную роль в возрождении НОТ сыграл человек, которого в то

время... не было в живых. Это В. И. Ленин, о чем мы говорили выше, факт его увлечения был на руку тем, кто возрождал НОТ. Наверное, не менее чем в двадцати различных работах (докладах, статьях, брошюрах, рецензиях) В. И. Ленин так или иначе останавливался на вопросах НОТ. Этот факт невозможно было замолчать и не заметить. Ибо даже на школьном уровне задавалось изучение (чтение и конспектирование) статей «Очередные задачи советской власти» и «Как нам реорганизовать Рабкрин?» Достаточно было сослаться на его авторитет, и была

обеспечена зеленая дорожка. Ну хоть так, раз иначе нельзя!

В энциклопедиях статья «Научная организация труда» встречается с переменной: то она есть, то ее нет. В 1930 г. [2.55. С. 613–614] она еще есть, а в первом и втором издании Большой Советской энциклопедии ее нет, зато в третьем [2.56. С. 335–336] уже снова появляется.

Политэкономия

По рекомендации И. В. Сталина был создан только один учебник по политэкономии. Причем начали до войны, а закончить смогли только

после нее. В 1960-е годы чуть ли не каждая кафедра считала для себя возможным выпустить свой учебник [2.57. С. 82].

Глупости под видом блага продолжались: «Многочисленные предложения о внедрении научной системы хозяйствования, основанные *на труде*, исходили от практических работников всех уровней — от предприятия до Госплана, а гасились в Овальном зале и на Старой площади в Экономическом отделе ЦК КПСС. Наиболее серьезной попыткой такого перехода я считаю «Типовую методику Госплана СССР по разработке пятилетнего плана производственного объединения

(комбината), предприятия на 1976–1980 годы». (...) Если бы она была полностью реализована на практике, то пятилетка эффективности и качества стала бы реальностью. Кто и почему ее «похоронил»? Найти крайнего в нашей системе так трудно, как и выпить на брудершафт с поручиком... Киже» [2.57. С. 83].

Метод поточно- скоростного производства и строительства

Он был применен еще перед самой войной: в 1939 г. при сооружении многоэтажных зданий

(Москва, Калужское шоссе) [2.58. С. 5–6].

А в годы войны им занимались очень плотно. Суть его в том, что он «предполагает расчленение производственного процесса на отдельные операции и закрепление за рабочим одной определенной операции, расположение рабочих мест в порядке последовательности технологического процесса; непрерывное движение изделия от одной операции к другой; применение специальных приспособлений (...); строгую последовательность и ритмичность всего процесса производства» [2.59. С. 52].

Во время войны он, естественно, обрел совершенно новое звучание. В Москве, например, его начали применять на Первом шарикоподшипниковом заводе, на заводах «Красный пролетарий», «Борец», «Фрезер». Некий завод выпускает боеприпасы. Применяют расстановку станков, которая осуществлена по принципу вдоль линии материального потока; происходит устранение технологических издержек изделий; правильная расстановка станков вела к резкому снижению транспортировки заготовок от одного рабочего места к следующему; на созданных линиях устанавливался

контроль от одной цепи к другой, что вело к снижению брака; мастер более оперативно получал информацию и мог упреждать появление узких мест и избегать простоев [2.60. С. 2].

Первая конференция по применению поточных методов производства была созвана 20–22 июля 1943 г. при Наркомате боеприпасов. Чуть позднее констатировалось, что на отдельных заводах выпуск снарядов увеличивался вдвое [2.61. С. 2]. Были выпущены книги [2.62, 2.63].

Поточно-скоростные методы начали применять в металлургической, угольной,

энергетической, строительной и других отраслях промышленности. Но особое распространение они получили в Наркоматавиапроме (нарком А. И. Шахурин). Тому, конечно, много объяснений: Вторая мировая война была борьбой за выигрыш воздушного пространства, и потребовалось очень много самолетов. Директор завода, выпускающего агрегаты для самолетов, рассказывает, как они расшивали «узкие места» (потом этот термин надолго войдет в профессиональный язык директоров и технологов): «В одну общую линию попадают станки разной мощности, различной пропускной способности.

Тут еще более резко, чем в обычных условиях, обнаруживаются «узкие места». Не устранить их заблаговременно, не привести к общему высокому знаменателю — значит заранее сорвать единый ритм, нарушить поток. (...) Иными словами, произойдет то, что возле одного станка будет лежать груда деталей, дело может застопориться, а дальше станки будут простаивать в ожидании работы. Вот почему, оборудуя поток у себя на заводе, мы самое серьезное внимание обратили на увеличение производительности «отстающих» станков» [2.64. С. 2].

Другой случай: корпусной цех карбюраторного завода. До потока:

длина пути одного изделия — свыше 2 км; после рассредоточения — 130 метров [2.65. С. 2].

Поэтому не только благодаря «героизму в тылу», но и прежде всего с помощью ума удалось за годы Великой Отечественной войны произвести самолетов: Як-1 — 8721, ЛаГГ — 6528, МиГ-3 — 5753, Ил-2 — 36 163, Пе-2 — 11 427, Ил-4 — 5256, Пе-8 — 79, Ла-5 — 10 000, Ла-7 — 5753, Як-7 — 6399, Як-9 — 16 769, Як-3 — 4848, Ту-2 — 2527 штук; танков — 102 800 единиц; 21 000 самоходных артиллерийских установок различных марок; 482 200 орудий различных калибров; винтовок и карабинов — более 12

миллионов, пистолетов-пулеметов — 6 миллионов, пулеметов — 1,5 миллиона [2.66. С. 35, 64, 691, 706]. Снаряды считали миллионами, патроны — миллиардами, а общий вес залпа, приходящегося на одного солдата врага, насчитывал в конце 1943 г. полтонны. Противник хоть и отставал, но не намного, а на отдельных направлениях и превосходил: на каждого из защитников «Малой земли», где воевал Л. И. Брежнев, пришлось по 1250 кг металла и взрывчатки.

После войны эта технология не получила своего дальнейшего развития и как-то понемногу угасла: восстанавливали разрушенное в

первые послевоенные годы еще ускоренными темпами. Промышленность больше не производила боеприпасов в таких объемах. В авиационной промышленности, возможно, поток был уничтожен после ареста народного комиссара А. И. Шахурина по знаменитому делу «авиаторов», которое разворачивалось по целому сценарию: арест маршала С. А. Худякова — декабрь 1945 г., 4 марта 1946 г. — главком ВВС А. А. Новиков отстранен от должности. 16 марта 1946 г. работает *Государственная комиссия по ВВС*, на которой прозвучало кое-что важное для нас. «Чтобы читатель мог

нагляднее представить себе, как фабриковалось «вредительство», приведу один из эпизодов. Идет очередное заседание комиссии, кто-то из генералов зачитывает приказ теперь уже бывшего командующего ВВС, запрещающий какие-либо самостоятельные переделки в конструкции самолетов. (Не только командующий ВВС, но и нарком, и сам И. В. Сталин отдает подобный приказ. Именно по инициативе последнего был введен приказ Народного комиссариата авиационной промышленности от 2 октября 1940 г. № 518: если самолет (или мотор) прошел государственные испытания и принят в серийное

производство, то изменения в технологию его производства могут быть внесены только с санкции самого наркома, а изменения в конструкцию самолета (мотора) — только с разрешения Правительства [2.67. С. 114–115].) Трактовка приказа: зажим народной инициативы. Все молчат. Понимают, о чем идет речь, и молчат. И вдруг срывается с места Руденко — не выдерживает: «Товарищи, позвольте, но ведь самолет — это вам не телега! Если каждый будет ковыряться в нем и вносить поправки, какие кому вздумается, то ведь люди гробиться будут» [2.68. С. 83]. 23 апреля 1946 г. — арест самого

А. И. Шахурина. 10–11 мая 1946 г. —
приговор Военной коллегии
Верховного Суда СССР.

Дольше всего поток сохранялся в
строительстве: именно поэтому
удалось столь стремительно
отстроить разрушенное за годы
войны. Потом и здесь он иссяк.

Партруководство об этих вещах
не знало — оно тоже предпочитало
учиться марксизму по учебникам, но
никак не деловитости и часто само
себе задавало вопросы: почему это в
годы войны справились со всеми
задачами, а теперь не в состоянии
решить ни одной? Рассказывают, что
сразу же после XXVII съезда штаб-
квартиру советской разведки в

Ясенево посетил первый секретарь Свердловского обкома партии. «Петров очень просто и умно рассказал о съезде, о своей области, третьей, подчеркнул он, в стране по производству промышленной продукции, о своих товарищах по работе. Потом стал говорить о планах на 1986–1990 годы, раскладывая задания по годам и сказал буквально следующее: «Нам здесь все ясно, но вот как добиться выполнения этих цифр, мы не знаем». (...) У меня почти перехватило дыхание... Если не знает он, первый секретарь крупнейшей партийной организации, то что же знает многоликий

безответственный съезд,
поставивший нереальные задачи?

Петров как будто понял по прошедшей волне в зале, что он сильно смутил слушателей таким признанием. Он стал вспоминать годы войны, когда производительность возросла в 7 раз за три года, когда родилось «советское чудо из чудес», но этим самым как бы подчеркнул беспомощность сравнения» [18. С. 382–383].

Политология

Очевидцы рассказывали, что М. А. Суслов в своем выступлении на

ХІХ съезде ВКП(б) — КПСС сказал, что у нас есть недостатки в политическом просвещении. Сталин его перебил: «Товарищ Суслов, не недостатки, а очень плохо, очень плохо!» Суслов обернулся и говорит в президиум: «Товарищ Сталин, правильно: очень плохо, очень плохо!» (В стенограмму этот момент не попал.) Так оно и оказалось...

Только со стороны было заметно, что в СССР «политология как наука не признавалась» [2.69. С. 15]. О том, как это происходило, теперь вспоминают неоднократно. Доктор политических наук из Института США и Канады начинает свою статью о мытарствах этой

науки с того, как он принес одному редактору в солидный московский журнал материал. Тот ему говорит: «Вы пишете «политология». Эта штука не пройдет. Надо или добавить «буржуазная», или вообще выбросьте это слово» [2.70. С. 34].

Другая подобная ситуация: «Помню заседание Института мировой экономики и международных отношений, когда Евгений Максимович был уже его директором. Речь шла о политологии — науке, тогда наряду с кибернетикой и генетикой находившейся в ряду «буржуазных лженаук».

— Какая еще политология? —

воскликнул один из участников заседания. — У нас есть марксизм-ленинизм и незачем его подменять всякими новомодными штуками.

Надо было видеть негодование, с которым воспринял это заявление Примаков. Обычно на заседаниях совета спокойный, уравновешенный, готовый выслушать любую точку зрения, на сей раз вскипел и, не особо выбирая выражения, отчитал выступавшего, не заботясь о том, как будут восприняты его слова ортодоксами «наверху».

Не случайно, когда жизнь и здравый смысл взяли свое, избранный к тому времени действительным членом Академии

наук, Евгений Максимович стал первым руководителем нового отделения Академии, занимавшегося запретной до того политологией» [2.71. С. 152–153].

Отсутствие политической культуры не только всего советского общества как такового, но и науки, государственного аппарата привело к тому, что, когда мы подошли к своему наиважнейшему моменту в жизни, мы оказались в положении подобно студенту, который приходит на экзамен, не только не выучив урока, но и даже не зная самое название предмета. (Известный анекдот на эту тему, подсказавший нам метафору, звучит так: студенты приходят на

экзамен к профессору, тот настроен более чем благодушно и говорит: *самый легкий вопрос, кто ответит, тот получит сразу же тройку и может идти: как называется мой предмет?* В ответ глубокое молчание, и только с задней скамьи доносится сдавленное: *во, гад, валит, а!..*) Как говорится: «Автомат (...) может дать вам то, что вы просите, но не скажет вам, чего просить» [2.72. С. 326]. Впрочем, сама по себе эта мысль не новая, она была сформулирована еще в «Фаусте» И. В. Гёте: «Бог дал нам орехи, но Он не будет их колоть».

Мы «срезались» все вместе на жизненном экзамене под названием

«перестройка» потому, что у нас: а) отобрали учебник по логике в 1956 г. и б) задали такой вопрос, на который мы не только не знали ответа, но и не подозревали, что жизнь нам может поставить задачу, которую мы все вместе (самая читающая страна в мире!) не сможем решить. Когда людей учат самой простейшей арифметике, можно хоть как-то понадеяться на их способность и предположить, что они смогут когда-нибудь решить и наисложнейшую задачу из области высшей математики — с некоторой натяжкой можно сказать, что принципы там одни и те же. Я прямо-таки слышу, как в этом месте надо мною начали

смеяться математики, и сделаю уточнение, которое не будет опровергать первые слова: ну хотя бы десяток цифр там и там одинаков. Но во время перестройки была задана такая задача, о природе которой никто и понятия не имел, и нет ничего удивительного, что никто с нашей стороны не справился с ее решением. Тем более ее и сформулировали именно в том виде, что до сих пор еще никто не может ее разъяснить.

И что самое обидное: это было в то время, когда на Западе политология развивалась весьма и весьма бурно. Первые курсы по политической науке начали читать в

Колумбийском университете в 1850–1860-е годы. Из 2000 университетов и колледжей в США в 1979 г. имелись 796 самостоятельных кафедр политических наук [2.73. С. 16–17]. Первый политологический институт *Национальный Фонд политических наук* основан в Париже по инициативе Эмиля Бутмы. Учредительный конгресс *Международной ассоциации политических наук* (IPSA) состоялся в 1950 г. в Цюрихе. Даже в подконтрольной нам Польше с 1967 г. велось обучение специалистов-политологов, с 1968 г. издается журнал «Studio Nauk Politycznych», хотя и там не все

гладко: на начальном этапе развития польской политологии доминировал юридический подход [2.69. С. 4–5], а юриспруденция — это такая дама, которая стремится всем рассказать, *как должно быть*, но не то, *как оно есть на самом деле*, что является большой разницей. Робкие отдельные попытки привлечь внимание и партийно-идеологической верхушки, и научной общественности встречались с прохладцей.

Сама же политология довольно заболтана, ибо все лезут со своим мнением: каждый считает, что раз он часть политического процесса, то он что-то в нем понимает. Кто-то, по-

моему, В. Третьяков, сказал, что, когда человек не знает, как ему подписаться под своей статьей, он теперь пишет «политолог»...

Этнополитология

Как видно из самого названия, это часть политологии, которая изучает особенности общественно-политической жизни у разных народов. Ее тоже не было в Советском Союзе. Идеологи прочитали друг у друга, что национальный вопрос в стране решен, и поэтому любые идеи гасились сразу же одной и той же рубленой фразой. А нам вот никак не

понятно, как будет устанавливаться коммунизм в «мировом масштабе». На работах, что ли?

А ведь идеи были: «Брежневу не раз советовали: вместо института марксизма-ленинизма создайте при ЦК КПСС институт по национальным проблемам. У нас достаточно разных марксистских университетов, институтов, кафедр, научных учреждений, а вот национальные вопросы по-настоящему никто не изучает и не разрабатывает, поэтому руководители в центрах и на местах часто творят отсебятину» [2.74. С. 1]. Говорили? Говорили. Ну что ж теперь обижаться на тот политический Чернобыль, что

прокатился по многонациональной стране?..

Теория информации

Если говорить о родственных кибернетике системных Исследованиях, то надо признать, что какое-то время само слово «система» было под негласным запретом! И появилось оно сначала косвенно в статье в августовском номере 1958 года в журнале «Вопросы философии» [2.75. С. 97–107]. Тогда само понятие было взято в кавычки, а откровенное название было в статье, которая была опубликована там же, но только два

года спустя [2.76. С. 67–79]! Положив такое начало, и потом мы не смогли пользоваться ею в других сферах — не научных, а в аналитических, ибо, как говорят специалисты, «кто владеет информацией — тот владеет ситуацией» (В. А. Рубанов).

В первой работе К. Шеннона на русском языке [2.77] редакция сочла для себя возможным заменить слово «информация» на синонимы, сопроводив это следующим замечанием: «В оригинале применяется термин «информация». Поскольку, однако, автор в дальнейшем придает ему специальное значение, устраняя семантические аспекты этого

термина, мы от него отказались» [2.77. С. 7, сноска]. И в самом деле, вместо этого термина были применены слова «данные» и «сообщение». Когда комментируют эту ситуацию, то обращают внимание на такой момент: «Чем отличается в смысловом отношении выражение «количество данных» от выражения «количество информации»? Да примерно тем же, чем отличаются одно от другого выражения «количество угля» и «количество содержащейся в нем энергии». В первом случае мерой количества является вес, во втором — калорийность. Исключение термина «информация» из работы

Шеннона означало, по существу, значительную потерю информации, поскольку тем самым было затруднено выяснение нового понятия, образованного наукой» [2.78. С. 80].

Теперь уже постарались забыть, что когда губили советскую государственность, то все было так рассчитано, что сначала потребовалось нанести удар по информационно-коммуникативной составляющей: парламенты союзных республик приняли законы о языках, и каждая республика стала писать документы на своем. Единое информационно-языковое поле, где общим носителем информации

выступал русский язык, было раздроблено, а там и весь СССР. С этим вопросом великолепно разобрался доктор наук М. Н. Губогло в целом ряде своих трудов, проработавший все этнические вопросы, связанные с перестройкой. Для нас — это пример синтеза этнополитологии и теории информации.

Специальная аналитика и наука о национальной безопасности

От широкого читателя утаивают весь комплекс наук, связанных с

безопасностью. Можно считать, что доступны лишь ряд направлений, связанных только с криминалистикой, от дедукции мистера Шерлока Холмса (египетская полиция, скажем, использовала рассказы сэра А. Конан Дойла в качестве первых учебников) и до экспертных изысков лаборантки-универсала Кибрит в сериале «Следствие ведут Знатоки». И оно понятно: это не та сфера, о которой можно что-то прочесть на каждом углу. К настоящему времени в сфере национальной безопасности используется весьма большой объем специализированных знаний. Этой наукой владеют те, кого сейчас

называют «силовики» — вроде бы самые влиятельные люди. Но и их наука не обходится без проблем. Даже такая узкая наука, как контрразведывательная деятельность (КРД) — другое название контрразведывательное искусство (КРИ), — не обошлась в своем развитии без эксцессов.

Вот как об этом рассказывает доцент Высшей школы КГБ СССР, кандидат юридических наук полковник А. П. Фролов: «...стал выходить «Сборник КГБ». Первые номера я прочитывал с большим вниманием, от корки до корки. Потом интерес к изданию стал убывать: в Сборнике обычно

помещались обширные доклады и выступления высокопоставленных руководителей КГБ, содержавшие трескучие призывы, тривиальные критические замечания, шаблонные рекомендации, либо публикации с простенькими, наивными сюжетами из практики контрразведывательной работы. Правда, попадались и хорошие, содержательные работы по юридическим вопросам, — например, о прямом и косвенном умысле при шпионаже. (...)

Отдельные преподаватели рассматривали КРИ как специфическую форму политической борьбы, ведущейся по особым правилам разведывательного

искусства. Суть такого подхода заключалась в том, что теория КРИ выводилась из фундаментальных закономерностей и принципов, становилась как бы частным случаем приложения классовой теории к конкретной области жизнедеятельности общества. Таким образом, теория контрразведывательного искусства занимала место рядом с другими специальными теориями, описывающими общественно-политическую формацию. По мнению сторонников этой концепции, подобный статус теории КРИ как нельзя более соответствовал бы ее назначению и содержанию,

позволил бы вывести ее за рамки иллюстративно-описательных примеров на путь широких теоретических обобщений.

Согласно другому подходу (...) теория КРИ относится к числу частных научных дисциплин, в пределах которой на собственной эмпирической базе формируются принципы, методы, понятийный аппарат и прочий научный инструментарий контрразведывательной деятельности. Теория КРИ в этом случае непосредственно связана с практикой, «обслуживает» ее потребности, но не отрывается в область фундаментальных

исследований истории и методологии политической борьбы, социально-политической стратегии и тактики государств, присутствующих на «невидимом фронте», и т. д.

Примерно в 1980 году начальником спецкафедры КРИ был назначен бывший руководитель военной контрразведки генерал-майор В. Н. Биндюк — человек энергичный, решительный и требовательный. Но о теории КРИ он имел смутное представление и ее не касался, твердо следуя совету начальника ФПК не мешать работам в этом направлении. Правда, иногда он громогласно заявлял: «Мне академики на кафедре не нужны».

Академики — это научные сотрудники.

Было очевидно, что В. Н. Биндюк — случайный человек на кафедре, и приходилось удивляться: кто таких людей назначает руководить педагогическими коллективами? (...) Через некоторое время он был назначен начальником особого отдела одного из военных округов. (...) (Интересно, не заявил ли он на новом месте: «Мне в особом отделе военные контрразведчики не нужны?» А что? Это было бы как раз в его духе... — *А.Ш.*)

Наиболее яркое воздействие НТР на различные сферы

деятельности проявилось в разработке и внедрении автоматизированных систем управления (АСУ) для поиска и переработки информации с помощью ЭВМ. В 80-х годах в этом отношении в контрразведке был сделан большой рывок. Из опыта своей прежней оперативной работы и по свидетельствам старых чекистов знаю, что рабочий день продолжался 12 и более часов, и все равно с работой не справлялись: в бумажном море, которое захлестывало оперативников, была полная неразбериха, нужный документ найти было очень трудно, бумаги регистрировались по допотопному

методу входящих и исходящих; когда нужна была какая-либо справка или документ, начинались многочасовые поиски в архивном океане информации, составление всевозможных запросов. Поэтому совершенствование информационного обслуживания в контрразведке является краеугольным камнем воздействия НТР на контрразведывательное искусство и спасением оперативных работников.

Основное назначение АСУ состояло в том, чтобы быстро найти нужную информацию, обеспечить каждое контрразведывательное звено необходимой ему базой данных,

полученной любым другим звеном, и тем самым освободить его от необходимости повторного получения уже имеющихся данных. АСУ давали возможность не только быстро получать необходимые документы, но и производить сопоставительный анализ разнесенных по месту и времени событий и фактов, что позволяло обнаруживать оперативно значимые данные, которые содержались в неявном виде в накопленной информации.

В результате применения АСУ создается возможность быстро обнаруживать информацию, представляющую оперативный

интерес, значительно повысить качество принимаемых решений, их обоснованность и оперативность. (...)

Таким образом, в 70–80-е годы наблюдался переход от многолетней практики КРИ, основанной на опыте и интуиции, к решению контрразведывательных задач на основе достижений НТР. А теория КРИ реально становилась составной частью практики. Именно в этот период, как представляется, теория КРИ стала в состоянии давать надежные ориентиры, научно обоснованные рекомендации в борьбе с подрывной деятельностью иностранных спецслужб. (...)

Заметим, что в приказах
председателя КГБ, решениях
Коллегии, выступлениях
руководителей органов
госбезопасности все эти годы
постоянно присутствовала мысль о
необходимости проводить операции
на научной основе, с учетом
рекомендаций и предложений
теории контрразведывательного
искусства. Но эти правильные по
сути своей наставления не
наполнялись конкретным
содержанием, пока оперработники
сами не осознавали значения теории
КРИ. Скептическое и даже
негативное отношение
контрразведчиков к выводам и

рекомендациям науки
преодолевалось только постоянной и
настойчивой пропагандой
теоретических знаний, углубленным
образованием специалистов, сменой
парадигмы в умах руководителей.
(...)

Естественно было ожидать, что
в этих благоприятных условиях
востребованности научных знаний
учебная практика тоже отреагирует
оперативно — и прежде всего
созданием соответствующего
учебного курса. Однако разработка
учебника программы
специальной дисциплины
«Контрразведывательное искусство»
все откладывалась и затянулась на

несколько лет, хотя потребность в ней была настоятельной. Наконец, в 1985 году мне было поручено форсированно заняться разработкой этой программы. На основе изучения специальной литературы, консультаций в управлениях и отделах КГБ, многочисленных обсуждений и согласований через определенное время программа и пояснительная записка к ней (концепция курса) были разработаны, рассмотрены и утверждены ученым советом Высшей школы. (...)

За время своей научно-исследовательской работы на кафедре «Контрразведывательное

искусство» я, как говорят в таких случаях, «пережил» восемь начальников. У каждого из них был свой стиль руководства и собственное мнение относительно теории КРИ. (...)

Сложным конгломератом проблем представляется научная составляющая этой — подчеркиваю — особой руководящей должности. И глубоко ошибаются те, кто думает, что кафедра — это тихая заводь для отдохновения от трудов праведных в бурном море оперативной работы. Таких ждет в лучшем случае разочарование; но гораздо хуже и для несостоявшегося начальника кафедры, и для его подчиненных, а

всего прежде — для дела, когда
неудовлетворенность новым
положением вырождается у
«отбывающего должность»
руководителя в раздражительность,
слепое метание туда-сюда или,
напротив, в тупое равнодушие ко
всем и вся. Вот эти последние черты
в стиле работы были присущи
побывавшим в роли начальника
спецкафедры генералам Симцову и
Биндюку. Неумение понять
специфику научной деятельности и
на ее основе организовать
творческий поиск силами научно-
педагогического коллектива привело
к тому, что они под флагом
принципиальной научной критики

просто-напросто шельмовали разработчиков теории КРИ, а саму теорию низводили до набора примеров из оперативной практики, кое-как сгруппировав по случайным основаниям. (...)

Отношение отдельных руководителей Высшей школы КГБ, факультетов и кафедр к теории КРИ в немалой степени определялось мнениями должностных лиц с Лубянки. «А генерал имярек на этот счет сказал так-то», — говорили оппонентам в дискуссиях. И все противоположные аргументы становились излишними, непригодными, так как точки над «і» этим суждением как бы

расставлялись раз и навсегда. Чем выше стоял в служебной иерархии начальник, тем весомее и неоспоримее считалось его утверждение. (...) (Как тут не вспомнить популярный анекдот: спорят полковник и прапорщик, суть их спора — летают или нет... крокодилы. Прапорщик доказывает, что летают, полковник — противное. Прапорщик ссылается на генерала. Полковник тут же меняет позицию: *да, летают, но очень-очень низко*. В жизни же, для тех, кто с этим сталкивался, это не смешно! — *А.Ш.*)

В. В. Федорчук, сменивший Ю. В. Андропова на посту председателя КГБ, был полной

противоположностью ему. Наука, в том числе специальная, его не привлекала. Не проявлял он интереса ни к книгам, ни к театру, ни к музыке. Андропов и Федорчук — небо и земля, открыто говорят чекисты, и это же отмечается в литературе. Он и сам чуть ли не бравировал своей неотесанностью и вызывал эпатаж резкими демонстративными смещениями и перемещениями подчиненных.

В нашу задачу, однако, не входит описание фактов невероятной жестокости, самовластья и примитивного эмпиризма, с помощью которых Федорчук осуществлял руководство

различными подразделениями и КГБ в целом, а также МВД СССР. О нем работники этих ведомств вспоминают с ужасом.

Особенно ярко у Федорчука проявилась одна удручающая черта — маниакальное чувство всеподавляющей ненависти к теории КРИ и к сотрудникам, так или иначе связанным с ней. (...)

Особенно В. В. Федорчук неистовствовал в этом плане на посту председателя КГБ Украины (1970–1982 гг.). Вот некоторые факты. До него КГБ Украины многие годы (1954–1970 гг. — *А.Ш.*) возглавлял кандидат экономических наук генерал-полковник

В. Ф. Никитченко. При нем здесь был образован научно-исследовательский отдел, в котором работали рядом с опытными чекистами видные юристы, психологи, кибернетики. В НИО разрабатывались актуальные вопросы теории и практики КРИ, другие проблемы. Вступив в должность председателя КГБ Украины, Федорчук первым делом ликвидировал единственный в своем роде НИО, а его сотрудников в приказном порядке направил на работу в оперативные подразделения в отдаленные от Киева города. (Действительно, в Киеве дела с информационно-аналитической

работой обстояли так. В апреле 1960 г. КГБ при СМ СССР создана группа по изучению и обобщению опыта органов госбезопасности республики. Такие же группы были созданы в 1-м (разведывательном) и 2-м (контрразведывательном) управлениях КГБ Украины. 6-й отдел создан 18 декабря 1967 г. приказом КГБ при СМ СССР № 00154 как научно-исследовательское подразделение для разработки и внедрения в оперативную практику научных основ ведения борьбы с подрывной деятельностью противника. В мае 1971 г. отдел был ликвидирован, а его функции частично возложены на Инспекцию

при председателе КГБ СССР и 4-й отдел КГБ, который выполнял информационно-аналитическую работу по обеспечению оперативной деятельности органов госбезопасности. В связи с необходимостью создания единой системы информационного обеспечения контрразведывательной деятельности приказом КГБ СССР от 22 июня 1980 г. № 0045 в КГБ СССР создана Информационно-аналитическая служба на правах отдельного подразделения. — *А.Ш.*)

Или другой пример. Усилиями В. Ф. Никитченко в КГБ Украины была создана одна из лучших информационных служб. Во всех

областных управлениях КГБ Украины также были образованы информационно-аналитические подразделения. При В. В. Федорчуке они были значительно сокращены, а их сотрудники опять-таки были направлены в оперативные подразделения или уволены. (...)

В Москве свою деятельность на посту председателя КГБ СССР В. В. Федорчук начал так же, как и в Киеве. Еще не до конца приняв дела у своего предшественника, он назначил комиссию по проверке работы (...) Научно-исследовательского института по защите государственной тайны — с целью его закрытия. Это,

естественно, вызвало нервозность, чувство неопределенности и тревоги у сотрудников НИИ, что незамедлительно сказалось на эффективности научно-исследовательского поиска.

Главное же — повисла на волоске судьба НИИ, создание которого было продиктовано высшими интересами государства и отвечало конкретным условиям оперативной обстановки, так как защита военных, научных, промышленных и других секретов была, есть и будет весьма актуальной и сложной проблемой. (...)

Поэтому решение Федорчука сразу же вызвало глубокие

расхождения во взглядах на коренные контрразведывательные задачи между Федорчуком и Андроповым, а также другими руководящими кадрами КГБ. Коллизию, связанную с судьбой НИИ, удалось решить лишь вмешательством Ю. В. Андропова, занимавшего должность секретаря ЦК КПСС и курировавшего силовые структуры.

Подобная ситуация возникла и вокруг профилированного научно-исследовательского центра КГБ, выполнявшего специфические разработки. Ко времени прихода Федорчука на должность председателя КГБ центр был еще далеко не укомплектован нужными

специалистами, и многие должности оставались вакантными. Федорчук, узнав об этом, принял категорическое решение: передать вакантные штатные единицы в практические подразделения 1-го Главного управления (внешняя разведка). Потребовались определенные усилия, чтобы дезавуировать это скоропалительное решение.

Новый председатель Комитета приказал также закрыть ряд ведомственных периодических изданий, где печатались статьи о теории и практике КРИ. И опять-таки потребовались большие усилия, чтобы спасти некоторые из них,

ранее утвержденные Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР в качестве научных источников информации.

Мы иногда задаем себе гипотетический вопрос: что было бы с НИР, если бы Федорчук «добрался» (его любимое выражение) до Высшей школы, на которую приходилась основная часть проводимой в КГБ научно-исследовательской работы? К счастью, он вплотную не добрался до альма-матер (на самом деле В. И. Федорчук окончил Киевское войсковое училище им. Калинина в 1938 г. [20. С. 292]. — *А.Ш.*) из-за короткого пребывания на посту председателя КГБ СССР. И все же мы

косвенно почувствовали стиль его работы при назначении начальника факультета повышения квалификации. По требованию Федорчука ему был предоставлен список кандидатов на этот пост. Он выбрал полковника Солодуба, которого знал еще по совместной учебе в вузе. Солодуб оказался неисправимым самодуром — под стать Федорчуку» [34. С. 50–51, 92–93, 109, 116–123, 129, 158–161].

Наступательная часть — разведка — в позднем СССР также не обошлась без проблем. Многому не доучивали в разведшколах, и за это незнание потом приходилось расплачиваться срывом операций.

Вспоминает бывший начальник Информационно-аналитического управления КГБ генерал-лейтенант Н. С. Леонов: «Вообще надо сказать, что овладение специальными дисциплинами, то есть техническим инструментарием разведчика, шло успешно. Гораздо сложнее обстояло дело с изучением иностранных языков. (...) Еще хуже обстояло дело с общеполитической, страноведческой подготовкой будущих разведчиков. Почему-то никому в голову не пришло включить в программу подготовки курсы «Современная внешняя политика», или «Внешняя политика Советского Союза», или «Основные

региональные проблемы современности». Куцые курсы страноведческого профиля давали элементарные справочные знания. Мы не изучали и не знали внешней политики тех стран, куда готовились ехать на работу. В школе не было профессоров-политологов, специалистов-международников, социологов, юристов. Не было и соответствующей литературы, пособий. Практически вся информация ограничивалась читкой газет. Эта зияющая прореха в учебных программах давала о себе знать на протяжении всей жизни выпускника школы. Такая «черная дыра» превращала разведывательную

школу в ремесленное училище, выпускавшее специалистов в лучшем случае средней квалификации. Наиболее способные продолжали свое образование уже во время практической работы, а большинству это оказывалось не под силу» [18. С. 51–52].

Все мы далеко не глупые люди и хорошо понимаем, что эта тема весьма специфичная и, хотя бы в силу законодательства, мы не имеем возможности говорить о ней все, что мы знаем-думаем. Даже то, что мы проиграли весь Советский Союз, к сожалению, не дает права (юридического!) полностью раскрыть знания о методах

национальной безопасности.

Но именно эти юристы впадают в такую ересь, что становится просто смешно. Даже там, где, казалось бы, все должно быть проработано на самом высочайшем уровне, они делают возмутительные логические ошибки. Кибернетикам в руки как-то попала Конституция СССР (вообще-то это не их дело, юстиция весьма далека от подлинной науки), и вот умные головы насчитали целый ряд не состыкованных друг с другом статей Основного закона в области наиважнейшей — национальной безопасности. Предваряя этот анализ, кибернетики пишут, что это неудивительно: «За исключением

отдельных усилий, вызванных разработкой Конституции РФ, закона РФ о безопасности, Военной доктрины РФ и других подобных документов, систематической разработки теоретических основ обеспечения безопасности в СССР / России не предпринималось» [7. С. 7]. Мало этим псевдоученым одной «цветной суперреволюции» под названием «перестройка», они и вторую также благополучно хотят проспять...

Антикризисное управление

В Советском Союзе можно было изучать кризисы, но только такие, которые присущи капиталистическому обществу (в прошлом или настоящем), можно было изучать кризисы в дореволюционной России. Изучению не подвергались кризисы, что были в 1920–1921 годах, хотя о них говорилось даже в школьных учебниках. Всякая же самостоятельность в этой сфере каралась: «Современная научная мысль хорошо изучила кризисы капитализма, но сколько-нибудь серьезных научных трудов о возможности кризиса в социалистическом обществе не

существовало. (...) Да и быть не могло, поскольку коммунистическая пропаганда в принципе не признавала возможности кризиса нашего общества» [28. С. 136]. То есть всякая попытка переноса этого вопроса на советскую действительность вызывала подавление. По мнению жрецов из идеологических органов, ни в коем случае не должно было произойти ни с СССР, ни с КПСС то, что именно произошло. Прогнозы-предупреждения всячески карались, перекрывались, строго наоборот, говорилось об уверенном и победном шествии к коммунизму.

В западной печати, напротив, о

будущем неминуемом крахе Советов писалось довольно откровенно, иногда открыто указывались конкретные методы. Скрыть сам факт ведения холодной войны не удалось бы: в ней участвовали миллионы людей, которые произвели на свет десятки доктрин и других документов калибром поменьше; и как называют цифру, всего их было до ста тысяч документов — сейчас они хранятся в *Архиве Национальной Безопасности* под Вашингтоном. Но выполнить такую простейшую интеллектуальную технологию, как совмещение двух положений: угроза со стороны Запада и теоретическая возможность уничтожения

социализма — так никто и не смог. Любой автор «Зияющих высот» мог угодить либо за решетку, либо за рубеж.

Для маскировки намерений и грядущего успеха США послужили усилия подыгравшего им жреческого аппарата КПСС. «В сталинских работах 20–30-х годов убедительно показывалось, что интервенция империалистических государств против Страны Советов не исчерпывается войнами, как в 1918–1920 гг., а осуществляется и в мирных формах, не только открыто, но и тайно (разведывательно-агентурное проникновение, создание сети подпольных враждебных

организаций, их финансовая и техническая поддержка, подготовка контрреволюционных переворотов, совершение диверсий, вредительства и т. п.).

«Мирная» интервенция дополняет военную в условиях войны, становится самостоятельной и приоритетной для буржуазии в условиях отсутствия таковой; продолжает войну или готовит новую; в ней тесно взаимодействуют внешняя и внутренняя контрреволюция — «штурм извне» увязан крепко в единый узел со «штурмом изнутри».

Сталин сделал исключительно прозорливое предостережение, что

«мирная» форма интервенции не менее опасна, чем военная, и таит в себе возможность реставрации капитализма, то есть при помощи нее можно достичь тех же результатов, как и при открытом военном нападении» [29. С. 289]. И далее автор приведенного отрывка ссылается на следующие слова самого И. В. Сталина [33. Т. 5. С. 148].

Надо сказать, что в теоретическом наследии И. В. Сталина мы нашли много интересного в его оценках состояния безопасности страны и смогли их собрать в Приложение № 2.

Но вот «после смерти Сталина

деятели, возглавившие партию и страну, под флагом обновления теории и политики отнеслись высокомерно к его идеям и задачам в борьбе с холодной войной Запада. Закрывая глаза на существование исторической альтернативы возврата к капитализму в социалистических обществах, они «обогатили» комучение идеями об окончательной победе социализма, необратимом переходе к нему исторической инициативы, бессилии капитализма повернуть вспять ход прогресса, исчезновении противников внутри нового строя, беспредельной преданности и готовности поголовно всех граждан самоотверженно

отстаивать его.

Шапкозакидательные и демобилизационные идеи зачастую сочетались с неконструктивной критикой исторически обусловленных несовершенств социалистического общества, деятельности выдающихся предшественников, с идеологическим и практически политическим пособничеством Западу в его холодной войне против СССР (...)

... Они не сумели создать систему защиты от холодной войны», — продолжает далее автор [29. С. 289–299].

Итак, «все проявления критики

существующего строя не имели объективной основы внутри Советского государства». Так это или нет, показала сама жизнь... А тогда об этом говорилось много и, увы, далеко не в пользу объективности. Обычной их формулировкой было что-то вроде: *«советское общество по самой социально-политической природе своей не расположено к буржуазным влияниям»*. На Марсе, что ли, оно было???

Многократно говорили об этом все высшие руководители партийных учреждений послесталинской поры и идеологи: Ю. В. Андропов [2.79. С. 2; 2.80. С. 726–727; 2.81. С. 21]; А. Е. Бовин [2.82. С. 13];

Д. А. Волкогонов [2.83. С. 230–231];
Л. Ф. Ильичев [2.84. С. 17];
В. В. Кузнецов [2.85. С. 95];
Е. К. Лигачев [2.86. С. 2];
Н. С. Хрущев [2.87. С. 84];
Г. Х. Шахназаров [2.88. С. 217].
Удивительное «единодушие» людей,
которым мы ставим разные оценки.

Конечно же, мы выбрали далеко не все высказывания такого рода, а только первые попавшиеся нам под руку — как эти партийные деятели, так и другие, в том числе руководство коммунистических и рабочих партий соцблока, не раз высказывались, что реванш-де буржуазии и успех геополитических врагов невозможен. Запущенное

впервые еще на XXI съезде КПСС (1959 г.) положение о полном и окончательном построении социализма было на следующем съезде занесено в Третью программу партии (1961 г.) и осталось в Новой редакции Третьей программы (1986 г.). Эти положения знали все — без конца повторялось, что полная и окончательная победа социализма как раз и означает то, что реставрация капитализма в СССР более невозможна ни при каких обстоятельствах, гарантами провозгласили то, что теперь (в отличие от довоенного состояния) СССР не одинок на мировой арене, а существует целая мировая система

социализма, кроме того, победить в прямой войне нас невозможно — для этого имеется надежный ракетно-ядерный щит, что теперь наш курс — прямая дорога к коммунизму. Мимо этого теперь пройти было нельзя — во всей системе политической учебы это вдалбливалось и повторялось, повторялось и вдалбливалось и создало свой нужный согласованный эффект: в результате народ утратил бдительность, здравый подход сохранили только единицы. Пользуясь их же лексикой, можно сказать, что эти товарищи коммунисты лили воду на мельницу господина Даллеса, который прозорливо указал, что *лишь*

немногие, очень немногие, будут догадываться или даже понимать, что происходит... Так кто же были коммунистические жрецы: преступные головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ? Я думаю и то, и другое...

В противоположность этому сами американцы уделяли большое внимание сохранению устойчивости своей системы и не жалели ни времени, ни типографской краски на описание угроз. Приведем только один пример. «...В Америке совершенно очевидно широкое социальное волнение, которое имеет

далеко идущие конституционные и политические последствия... В Америке проявляется новый феномен, который, вероятно, будет господствовать в семидесятые годы: осознание того, что человек, одержавший верх над своим окружением, должен серьезно поразмыслить и дать ответ — прежде всего в социальной области — на коренные вопросы о целях социального существования. Это пронизывает все усиливающиеся национальные споры относительно характера общества и роли науки, споры, носящие как политический, так и философский характер.

Все эти тенденции враждебны

стабильности, признанным ценностям и перспективам. Это уже способствовало распаду национальной целеустремленности, широкому распространению пессимизма среди американских интеллектуалов и неуверенности среди той части общества, из которой выходило руководство страной...

Что же случится, если волнение в США выйдет из рамок?.. Достаточно указать на то, что в этом волнении в потенции заложена возможность распространения социальной анархии, которая приобретет еще более ожесточенный характер в результате расового

конфликта, включая постепенную ликвидацию действенной системы правления, особенно в том случае, если национальное руководство, как политическое, так и социальное, распадется и станет деморализованным» [2.89. Р. 114, 115, 117]. (Цит. по: [37. С. 316–317].)

А что же наши? До самого последнего они высмеивали своих оппонентов из числа «зарубежных радиоголосов»: «Осознавая, что им все труднее сотрудничать в оперативности, доходчивости, правдивости с советскими СМИ при освещении внутренней жизни в СССР, они стремятся комментировать нашу информацию в

тенденциозном плане. Они пытаются доказать, например, что «социализм себя дискредитировал», что авторитет в народе КПСС «падает». Да, этим радиовралям не понять, что только в здоровой критике, откровенности, объективной оценке достигнутого, умении признавать ошибки и подойти к правильным выводам и заключается сила нашего строя, КПСС, всего советского народа. Нет, этого нашим идеологическим противникам, видимо, никогда не понять!» [2.90. С. 202]. До какой степени тупости довели нас идеологические жрецы, очень хорошо видно на этом примере: реальность хуже некуда,

сами враги предупреждают, что вы-
де на пути к краху, а они причитают,
что **нашим идеологическим
противникам, видимо, никогда не
понять!** Идиотизм в квадрате!

Можно было бы понять, если бы
действительно за всю историю
социализма не случилось ни одного
кризиса, но их было предостаточно:
ГДР (1953 г.), Венгрия (1956 г.),
Чехословакия (1968 г.). Следовало
только все их изучить на предельно
доступном уровне, детально
проработать ученым, включая
математиков-специалистов по
теории игр, и таким образом
получить полную картину того, как
это делалось, получить надежный

материал упреждающего характера, включая разного рода «домашние заготовки». Случись что-то чрезвычайное в авиации, до подробного **разбора полетов** и выводов комиссии самолеты этих марок не выпускают в полет, а мы летели и летели...

Только теперь, когда все случилось вопреки заклинаниям, можно постфактум узнать, что «профессиональный термин crisis management означает не «антикризисное управление», то есть управление, направленное на предотвращение кризисов или исправление их последствий, а нечто вполне противоположное —

«управление кризисами», то есть использование кризисов как инструмента преобразования реальности. Строго говоря, crisis management является наукой о ведении конкурентной борьбы в любой форме — как между корпорациями, так и государствами» [2.91. С. 65]. Так и получилось, что недоразвитие (мягко говоря) общественных наук прямо вело к политической слепоте. По их мнению, впереди четкая цель: коммунизм. И получалось, что, что бы руководство ни вытворяло, все равно бы коммунизм был достигнут, а на самом-то деле уже давно произошло отклонение от азимута и

советский народ завели в дебри, в которых и бросили...

Да, имелся некий люфт времени, когда еще можно было спасти страну и вернуть ее на успешный путь развития, но именно «в силу того, что отсутствовало и даже фактически было запрещено научное понимание общества, согласно которому складывающееся положение можно было бы оценить как предкризисное, приближение кризиса просто проглядели, не заметили и не захотели замечать» [6. С. 3].

Секретность

Вспоминается У. Черчилль.

Милорд как-то недовольно проворчал, когда в полученном донесении разведки говорилось о том, что дальнейшее русским удалось скрыть защитными мерами: «Soviet Union — a riddle wrapped in a mystery inside an enigma» («Советский Союз является загадкой, окруженной тайнами и окутанной секретами»).

Режим секретности был довлеющим, всепроникающим и вездесущим. К концу существования СССР в стране насчитывалось более 12 миллионов(!) секретноносителей, которые по принятым правилам о своей работе могли либо ничего не говорить, либо обманывать

слушателя. Но вряд ли кто из граждан всерьез интересовался, чем именно занимался его сосед на своем рабочем месте. Гораздо интереснее было то, что происходило вокруг. И тут что-либо узнать было весьма проблематично: «В какой-то период и в нашей истории восторжествовал принцип: чем меньше знает народ, тем проще манипулировать общественным сознанием. (...) Правда утаивалась или искажалась, информация искусно дозировалась. Правилom была секретность, дух ее проник во все поры государственного организма, она окружала всю жизнь номенклатурной элиты. А отсюда — многие беды» [2.92. С. 10].

Нас, разумеется, интересует не весь этот вопрос. Нам важно понять, что негатив этого явления там, и только там, где информационные потоки были слишком передавлены. Это приводило к вреду: «Проблемы информационной безопасности в нашей стране не только не выдвигались, но и фактически игнорировались. При этом считалось, что путем тотальной секретности и различными ограничениями можно обеспечить информационную безопасность» [2.93. С. 11–12]. «В стране насаждался культ секретности, ущерб от которого составлял 30–40 млрд руб. в год в ценах 1990 г. Надо

сказать, что нынешний Закон о государственной тайне, над которым в свое время наш институт (Институт проблем безопасности КГБ СССР. Начальник — полковник П. И. Гроза. — *А.Ш.*) начинал работать и который в конечном счете был принят Верховным Советом, был компромиссным. Приведу только один пример. Вместо пяти-шести министерств, которые наделялись правом первоначального засекречивания, сейчас если не ошибаюсь, их порядка тридцати и более. Это значит, что тотальное засекречивание может возродиться в любой момент» [2.94. С. 18–19]. Автор цитаты — полковник КГБ,

замначальника института «Прогноз» КГБ. С прогнозированием в СССР, как известно, не заладилось: сколько можно, как попугай, бесконечно повторять о неизбежности наступления коммунизма? Вот институт и перепроектировали под нужды секретности.

Оперативно-разыскная деятельность

Широкому читателю больше известен синоним «сыскное искусство». Как наука, так и практика тоже претерпели в переломное время много

неприятного. Об этом вспоминает генерал и доктор наук А. И. Гуров на страницах книги «Красная мафия» [4. С. 3–9; 19–27; 121–122; 143–146; 182–185; 211–218; 222]. Когда в МВД тем же Федорчуком проводилась атака на НИИ и школы, там даже родился термин: *выколачивание мозгов* [4. С. 143]. Очень, по-моему, подходяще ко всей нашей главе!

Особо досталось родоначальнику науки об организованной преступности А. И. Гурову. Прежде всего потому, что-де *социалистическому обществу по самой его природе не положено иметь такой «пережиток прошлого», как всякая, а тем более*

организованная преступность. В СССР было запрещено многое, в том числе: «Коррупция, подобно инфляции, самоубийствам, военным расходам и т. п., принадлежит к числу тех явлений, теоретическое исследование которых находится под запретом в официальной советской литературе, если они касаются СССР. Соответственно в СССР нет никаких предварительных обобщений явления коррупции, основанных на исследовании реальности» [11. Кн. 3. С. 112]. Таковы общие черты.

Детали в этой весьма специфической области были неизвестны «широким народным массам». Это теперь на это жалуются

открыто: «Система оперативного учета, несмотря на определенное качественное и количественное совершенствование, так и не претерпела серьезных изменений. (...) В нормотворчестве имел место субъективизм, приспособление к историческому моменту» [2.95. С. 50].

Продовольственная безопасность

Тема эта неизведанна, а по масштабности заслуживает своей отдельной книги. Через много лет после страшно разрушительной

войны, какой была Великая Отечественная, вдруг в стране возникает дефицит продуктов и промышленных товаров, естественно. Это непонятно, если принимать во внимание победные рапорты по осени с полей. Во время войны была мобилизация интеллектуальных ресурсов и на этом направлении... На рубеже 1960–1970-х годов в Академии народного хозяйства имени Г. В. Плеханова вводился даже предмет «потребностеведение», но дело далеко не пошло, кое-кто постарался с маху дискредитировать саму постановку проблемы как якобы предпосылки к введению карточной

системы, и этому сразу поверили и откликнулись соответственно [13. С. 94, 651].

Народ не знал, куда уходит все произведенное. Потребители могли себе позволить только анонимные письма с мест: в ЦК, другие центральные органы, в газеты. Богатейшая страна мира и непонятно: куда это все девается?! До сих пор никто не берется дать хоть какого-то внятного ответа.

* * *

Собственно	говоря,	тема
состояния		национальной

безопасности и науки в этой области стоит еще отдельного внимания. Такая наука в СССР была под плотной опекой КГБ и лишь частично делегирована в другие органы безопасности. Запад же развивался по другим правилам. Там интерес к подобной теме не только санкционировался для ученых, не представляющих госструктуры, а, наоборот, поощрялся через солидные гонорары и признание интереса к этому вопросу со стороны общества. Об этом мы поговорим в отдельной книге, а пока признаем правоту специалистов: «До последнего времени исследователи мало уделяли внимания философско-

методологическим проблемам безопасности как определенного социального явления. Это было следствием ряда причин: безопасность была монопольной сферой высшего политического руководства, весьма закрытой. Обращение к проблемам безопасности было просто опасно. Вследствие этих и других причин слабо разработано само понятие «безопасность» [2.96. С. 61].

Впрочем, со времен падения коммунистической идеологической машины прошло столько лет, положение все опаснее, а новых подвижек не видно. Вот что рассказывает доктор политических

наук С. В. Картунов: «... концепция национальной безопасности. Как известно, она уже три года разрабатывается Советом безопасности и с каждым годом становится все хуже. Последний раз, когда ее направили к нам на рецензию, мы написали в отзыве, что в таком виде ее выпускать нельзя. Там на сорока страницах очень плотного текста в первой части идет нагнетание всяких ужасов и «ужастиков», а во второй говорится, что со всем этим можно довольно легко справиться» [2.97. С. 140].

Исследование проблем

милитаризации экономики капстран

Эта сфера имела и другое название: «Технико-экономические исследования» — то есть аналитическая проработка открытой информации в западной прессе, которая велась в ИМЭМО, подвергалась идеологической травле в конце 1940-х — начале 1950-х годов [2.40. С. 291, прим]. Кроме академического института этой проблематикой занималось 10-е Управление военной разведки.

Теория международных

отношений

О весьма непростой судьбе этой области знаний, которую пытались разработать и внедрить в ИМЭМО, подробно рассказывается в новой книге, посвященной истории института [2.40. С. 401–407], где и развернулись основные события. Главная вина, как и в большинстве случаев, лежит на жрецах коммунистической системы: «С 60-х годов среди советских обществоведов дискутировался вопрос о том, существует ли вообще наука о международных отношениях, многие не склонны были признавать за ней право на самостоятельное

существование, «приписывая» международные отношения разве что к области исторических наук. А догматики из среды «научных коммунистов» так и вовсе не находили этой науке места в системе общественных наук» [2.40. С. 401]. Последнее естественно: как вдолбили в мозги со школьной скамьи о триаде марксистско-ленинская философия — политэкономия — научный коммунизм, так и не расставались с ней; «система и проблематика научной теории международных отношений и внешней политики разработана еще слабо; политические деятели различных

стран, в том числе и нашей, принимают внешнеполитические решения чаще всего не на основе каких-либо научных теорий и методик, а сугубо прагматически, нередко эмоционально и интуитивно. Практические работники в области внешней политики совсем недавно начали задумываться над вопросами экономической оценки осуществления или последствий того или иного внешнеполитического курса...» [2.98. С. 21]; «Наша страна (вернее, ее тогдашнее руководство) не имела стратегически ориентированной, разработанной, обеспеченной людскими и

материально-техническими ресурсами политики в Латинской Америке, как и вообще в странах «третьего мира». На партийных съездах обычно декларировалось общее направление поддержки национально-освободительного движения, а дальше начиналась обычная импровизация по принципу «давай-давай, шуруй-шуруй». Никакой сколько-нибудь серьезной научной проработки государственных целей и потребностей не велось. Люди со Старой площади надулись от важности, когда изобрели маловразумительную формулировку о «некапиталистическом пути

развития» [18. С. 130–131]. Надулись, а потом и лопнули.

Если б было применение хоть каких-то геополитических воззрений, то и в прессе можно было б откровенно описывать ситуации. Во времена 1940–60-х годов шел процесс обрушения колониальной системы. И зачастую не народ определял, какую систему им выбирать: капиталистическую или социалистическую. А новое руководство стояло перед выбором: под чью руку ей идти — или Москвы, или Вашингтона. Недавно вычитал чью-то цитату о тех временах: «Супердержавы вели себя как бандиты с большой дороги, а

маленькие страны — как проститутки». Неприятно слушать всем? Согласен. Зато никакого фарисейства...

Американцы же своими разработками превзошли наш научный потенциал на порядок и просто-напросто оторвались от нас. Это можно и расшифровать: *на порядок оторвались*, это когда самый-самый умный советский ученый интеллектуально ниже самого заурядного американского лаборанта. Или кто там у них?

Нашим только оставалось указывать пальцем на Запад: «При исследовании американских научных центров в советской литературе

традиционно главный упор делался на разоблачении антисоветских и антикоммунистических работ так называемых «русских центров», а практическому использованию (...) уделялось сравнительно мало внимания. (...)

Значительно дальше продвинулись в области организации современных комплексных исследований, осуществляемых специалистами различных областей. (...) Видные представители американской политической науки давно уже приходили к выводу, что главную помощь научные разработки для внешнеполитических нужд должны приносить не в сфере

накопления отдельных фактов, а в сфере создания определенной «концептуальной сетки», без которой становится малорезультативным и сам подбор фактов и попытки планирования политики. (...)

Значительные сдвиги произошли в разработке методологии самих исследований. На смену традиционному описательному подходу все более приходят новые методики системного анализа, имитации будущих международных ситуаций. Эти методики в условиях значительного расширения знаний (...) помогают буржуазным специалистам продвигаться и в область прогнозирования

международных событий. Все большее значение приобретают междисциплинарные исследования» [2.99. С. 6–7, 18, 22–23, 28].

На Западе произошла революция в методологии сферы национальной безопасности и международных отношений. РЭНД и ей подобные организации породили тысячи аналитических методик, расчетов и в конце концов подошли к компьютерным программам. У нас эту сферу вообще не признавали. В ходу был научный коммунизм, где без конца пережевывали марксистско-ленинскую жвачку. «Что касается обсуждения проблем СССР в западной советологической

литературе, то в целом оно было и остается несравненно выше, чем в СССР. Это не только следствие того, что по сравнению со своими советскими коллегами западные ученые могут обсуждать вопросы без оглядки. Прежде всего научный уровень советологов на Западе значительно выше, понятийный аппарат, которым они владеют, отражает достижения мировой науки, тогда как у большинства советских ученых в области гуманитарных и социально-экономических наук он базируется на идеях почти двухсотлетней давности» [11. Кн. 1. С. 14]. «Основным препятствием,

мешавшим и мешающим успешному решению данной задачи, является доминирующее положение историко-описательного метода при исследовании социально-экономических и социально-политических процессов и явлений. В его рамках наличие и качество элементов анализа и, тем более, прогноза детерминируется индивидуальными склонностями и способностями исследователя. Естественно, что основная масса подобного рода научной продукции не может быть эффективно использована в интересах практики.

Только переход к аналитико-прогностическому методу

исследования, ядром которого является моделирование, может создать условия для решения поставленной партией задачи. (...) В этом плане определенный интерес представляет пример буржуазной политической науки, и особенно американской, где бурно идет процесс освоения последних достижений НТР, сопровождающийся широким использованием моделирования во многих случаях с использованием ЭВМ. По сути своей это свидетельствует о явно обозначившейся тенденции к переходу от историко-описательного к аналитико-прогностическому

методу исследования» [2.100. С. 8]. То есть основная масса бумаг и книг, производимых советской общественной «наукой», не имела никакого продуктивного значения — ею нельзя было пользоваться практикам.

Лишь немногие так называемые «международники» описывали то, чем занимаются американцы. Тем, кто был способен это внятно изложить, давались научные звания и степени. Такую ситуацию можно было сравнить со средневековой эпохой, когда в Европе присваивали звание магистра тому, кто умел перемножить два числа, записанных римскими цифрами, — то есть то, с

чем сейчас легко справляется и первоклассник, если эту манипуляцию он проделывает в арабской записи. Догонит ли наша наука Америку в этом отношении или нет, неизвестно — по крайней мере, никаких выводов не делается и заделов своего здесь не видно.

В результате во времена правления на Смоленской площади Э. Шеварднадзе даже самая примитивная дипломатия была легко подменена шарлатанством *нового мышления*. Что получилось, известно: при инициативном предательстве горбачевых-яковлевых сданы все геополитические позиции России, которые были отвоеваны

кровью...

Иногда советские жрецы просыпались и выдавали трезвые оценки, даже правильные установки, но не настаивали на их исполнении. Так, на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось, что «научные разработки должны выливаться в практические рекомендации, давать обоснованные социальные прогнозы» [2.101. С. 41].

Управленческая культура

Теперь мы позволим себе рассказать не собственно о том, как зажимали науку управления, а к какому рода последствиям это

привело. Здесь мы увидим ущерб от не продуманных до конца действий — как индивидуально, так и коллективно. Когда берутся что-то делать, ничего не соображая, то происходит запуск механизма саморазрушения. Я бы назвал эту ситуацию «гол в свои ворота». Да, как говорил комментатор Николай Озеров, такой хоккей нам не нужен.

Ошибки и недостатки бывали совершенно разной природы. Например, *скорость принятия решений и прохождения информации*. Когда-то это означало одно: чей курьер быстрее доскачет до нужного места с пакетом, та сторона и победит, но с веками все

усложнилось: «Заранее никогда не было известно, приедет ли на очередное заседание ПБ Черненко или же проводить заседание будет второй секретарь Горбачев. И на деле происходило следующее: вдруг, неожиданно, буквально за полчаса до начала Михаилу Сергеевичу сообщали, что Генсек не приедет и председательствовать на ПБ придется ему, Горбачеву.

Это были очень сложные моменты. По собственному опыту знаю, как трудно проводить заседания Политбюро, Секретариата, как основательно надо к ним готовиться. Даже по одному, как говорится, «твоему» вопросу,

включенному в повестку дня, нередко приходилось собирать рабочие совещания, консультироваться со специалистами, запасаться множеством статистических данных. А тут речь шла о компетентности сразу по всем вопросам повестки дня — вопросам весьма разным, но обязательно масштабным, ибо мелких проблем на заседания ПБ не выносили. Но на подготовку к проведению очередного заседания ПБ Черненко отводил Горбачеву всего лишь 30 минут. Да, это было действительно тяжелым испытанием для Михаила Сергеевича. А если учесть, что в том составе ПБ были

люди, которые ждали его срыва...» [19. С. 46]. Тут уместно вспомнить, как Н. С. Хрущев создавал дефицит времени на принятие решений у своих подчиненных: «Рассылая членам Президиума записки, Хрущев требовал письменных заключений, давая для этого иногда лишь 40–45 минут. Никто из членов Президиума не мог составить за столь короткий срок письменных заключений» [2.102. С. 198, 2.103. С. 5–6]. Ничто не ново!

М. С. Горбачев так и не обрел достаточно властных прав, положенных второму человеку в партии. По установившейся традиции именно он вел

Секретариат, а в отсутствие Генерального секретариата руководил заседаниями Политбюро. М. С. Горбачеву так и не дали этих прав официально, решением Политбюро. Был подготовлен проект решения, но против был Н. А. Тихонов. А. А. Громыко «подвесил» этот вопрос: давайте-де пока отложим, подумаем, вернемся позже. М. С. Горбачев был вторым не де-юре, а де-факто, нелегально. По вторникам он вел Секретариат, а по четвергам нервно ждал звонка [28. С. 57].

Спросим себя: возможно ли такое где-то в европейских странах или в Америке, где все процедуры

расписаны и закреплены конституционно? Как вспоминает бывший премьер Н. И. Рыжков, «в то время всякий раз, идя на Политбюро, вечером накануне я получал документы по 100–200 страниц, которые не только осмыслить, но и прочесть за одну ночь было невозможно. Я не один раз говорил тогда Горбачеву: куда мы бежим, давай осмотримся, подождем, перестанем спешить накручивать один вопрос на другой, чтобы иметь возможность их осмыслить, да и силы и средства перестанем разбрасывать» [23. С. 30–31]. Итак, сначала М. С. Горбачев сам страдает от такой практики, потом, зная ее

суть, ведет против других: члены Политбюро получили доклад (а это 150 страниц), с которым Генсек будет выступать в феврале 1986 г. на XXVII съезде, за 48 часов до принятия решения [2.104. С. 86].

А ведь *скорость передани информации* очень важна. Иногда это вопрос жизни или смерти. Считается, что в войну в целом неплохие и достаточно отважные японские летчики проигрывали американцам только потому, что в японском языке нет слов, которые могли бы быстро и адекватно описать ситуацию во время скоротечного воздушного боя. Английская разведка обладала такими базами данных,

такими «домашними заготовками» и так хорошо организованными информационными потоками, что, получив утром сообщение о том, что руководитель немецкой разведки адмирал В. Канарис прибудет с визитом в Испанию, к вечеру уже имела детально проработанный план его уничтожения. После того как наш летчик Г. Н. Осипович в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 г. в районе южной оконечности о. Сахалин сбил южнокорейский «Боинг-747» (бортовой номер КАЛ-007), американцы незамедлительно сняли фильм, который, снабжая необходимыми комментариями, показали в ООН [2.105. С. 7].

Советская сторона же должна была обсудить все на Политбюро, чтобы объяснить, кому, что и как говорить. И потому упустила время.

Политбюро могло работать идеально или близко к этому, руководствуясь имеющимися необходимыми разработками [2.25], но как могли допустить эти самые большие начальники, чтобы ими кто-то командовал?

В результате в верхних и без того немощных эшелонах власти царил хаос: «Наша система информационного обслуживания советского руководства по вопросам внешней политики была безнадежно устаревшей. Существовали четыре

основных потока информации: один шел из МИД, второй — из КГБ (в основном материалы разведки), третий — из Министерства обороны (военная разведка) и четвертый — из отделов ЦК, где существовал Международный отдел, ведавший вопросами, связанными так или иначе с капиталистическим миром, и просто отдел ЦК, ориентированный на работу с соцстранами. Никакого четкого определенного разделения труда между этими ведомствами не существовало. Если к МИД в этом отношении претензии были вполне определенные — послы обязаны следить за всеми процессами, то информация КГБ могла касаться как

внешней политики, так и внутренней — экономических, социальных, идеологических и иных вопросов. Нередко резиденты вторгались и в военно-стратегическую сферу, в вопросы строительства вооруженных сил иностранных государств, освещали не только политическую, но и военную сторону международных конфликтов. Одним словом, их информация становилась все шире по своей тематике, а сами задачи разведки превращались в необъятные.

Наши военные коллеги не оставались в долгу. Продолжая заниматься своими прямыми профессиональными темами, они

тем не менее все больше увлекались общеполитическими проблемами, к освещению которых были менее подготовлены. Иногда это приводило к тому, что обе разведки начинали соревноваться не в качестве освещения той или иной проблемы, а в быстроте передачи первого сообщения о ней наверх. Создавалась вызывавшая улыбку ситуация, при которой обе разведки вели себя как Добчинский и Бобчинский из гоголевского «Ревизора», каждый из которых оспаривал право быть первым, кто обнаружил «ревизора».

МИД, КГБ и ГРУ получали главный поток своей информации в виде шифртелеграмм. Весь массив

телеграмм, поступавший из зарубежных представительств, предварительно просеивался в МИД секретариатом министра, в КГБ — информационно-аналитическим управлением (тут товарищ не совсем прав — бумаги на Политбюро и т. д. исходили от секретариата КГБ СССР. — *А.Ш.*), в ГРУ — соответствующим рабочим аппаратом и затем шел в Общий отдел ЦК КПСС, откуда он отправлялся адресатам. Время, необходимое для получения информации конечным потребителем от «источника» (посольства, резидентуры), иногда составляло два дня. Доставка

секретной информации от ведомств в ЦК и пересылка ее между ведомствами осуществлялась специальной фельдъегерской службой, сохранившейся с XVIII–XIX веков. (...)

Кроме шифртелеграмм внешнеполитические ведомства использовали для информирования руководства так называемые «записки». (Само название унаследовано от царских времен.) Ими широко пользовались во времена всех советских администраций. Обычно это был 4–5-страничный обзорный или аналитический документ, посвященный одной теме, одному

вопросу. Иногда он содержал рекомендации или хотя бы соображения относительно наших действий. «Записки», как правило, подписывались руководством ведомства — министром, директором исследовательского института и т. д. В постановке вопроса, в информационном освещении темы, в рекомендациях нередко просматривался интерес ведомства. Видимо, поэтому в последние годы существования СССР получила развитие практика составления коллективных «записок» по комплексным вопросам коллективного положения, таким как разоружение, гуманитарные

проблемы и т. д. Подготовка таких «записок» шла трудно, занимала уйму времени на согласование, сбор виз, подписей.

Стоило одному министру заупрямиться — и вся работа останавливалась на неопределенный срок. Чтобы выйти из тупика, исполнители искали и часто находили «взаимоприемлемые» формулировки, но документ выхолащивался и становился просто ненужным. А указание руководства надо было выполнять, и «записка» появлялась на свет, чтобы тут же, по получении регистрационного номера, сгинуть в архивах Общего отдела ЦК.

Разведка очень часто пользовалась «записками» как самостоятельной формой информационного документа. Наши «записки» были короткими — три-четыре страницы, в них проблема подавалась в комплексе мировых событий с отражением ее динамики, эволюции. Мы привыкли к тому, что любой вопрос надо подавать как бы заново, максимально полно и сжато. Наши записки встречали неплохой прием. Вскоре наш опыт переняли военные, которые до середины 70-х годов не решались выступать с внешнеполитическими «записками». Но отделы ЦК откровенно злоупотребляли всеми нормами

делопроизводства. Приходилось видеть «записки» объемом 50–60 страниц, посвященные таким темам, как «Отклики в международном коммунистическом и рабочем движении на (очередной) съезд партии», или как реакция на пленум, или просто выступление генерального секретаря. Темы подбирались так, чтобы ласкать слух.

Одним словом информации накапливались горы, немало было дублирования и противоречий, регулярно что-то подкрашивалось розовым флером оптимизма, скрывая нарастающие трудности. Когда же ситуация выходила из-под контроля, и шифртелеграммы, и «записки»

внезапно приобретали панический тон.

Андропов, Крючков отдавали себе полный отчет о состоянии информационного дела в стране, но у них не было ни сил, ни возможности что-то изменить. В один из приездов Андропова в разведку на обсуждение был поставлен вопрос о создании центра по обработке иностранной печати и материалов зарубежного радио и телевидения. Наши министерства и ведомства выписывали громадное количество иностранной периодики, тратили валюту, но всего лишь кое-как просматривали полученные материалы, а потом издания

расходились по рукам и оседали в библиотеках. Мы предложили создать один общесоюзный центр, который бы препарировал, ведя досье по широкому рубрикатору, всю прессу, наладил ксерокопирование материалов и удовлетворял все заинтересованные ведомства. Андропов, помнится, повел плечами, как будто ему стало вдруг зябко, и сказал: «Нет, ничего не получится, давайте решать эту проблему в рамках нашего ведомства». (...)

Сама информация, пришедшая из-за рубежа, мельчала по тематике, по содержанию, очень часто деградировала до описания реакции, с которой встречались за границей те

или иные непременно
«исторические инициативы»
советского руководства.

В течение двух десятков лет мне
каждое утро приходилось
просматривать сотни телеграмм —
как разведывательных, так и
мидовских, и военных. (...)
Информация по
внешнеполитическим делам — это
истинное бедствие. Груды бумаги,
набитые тривиальными
рассуждениями о текущих вопросах.

Многословие — родная сестра
пустословия — главная черта
«информации». Под грифом
«секретно» засылается в Москву
всяческая муть, почерпнутая из

прессы, причем нередко с прямыми ссылками на нее. Объемы этих «сведений» и рассуждения столь громоздки, что пользоваться ими нельзя. Можно часами читать эту словесную шелуху, и в душе лишь поднимается волна раздражения и отвращения к малограмотным писакам, имеющим высокие дипломатические ранги или занимающим иные крупные посты.

И сколько постановлений ни принимает ЦК по вопросам сокращения и упорядочения переписки, улучшения ее информационного качества, все идет коту под хвост. Все строчат и строчат с одной-единственной целью: авось

заметят усердие. Бумага пока стоит выше дела.

Эти недостатки в равной степени относились ко всем авторам информации из-за рубежа. Но мы время от времени одергивали резидентов, посылая им указания о необходимости увеличить информационную плотность документов, выжимать из них воду. Для послов таких препон не существовало, и не редкостью стали телеграммы в 10–20 страниц, на которых излагалось содержание беседы с каким-нибудь иностранцем, в то время как изложение существа беседы занимало несколько строк.

Еще во времена Андропова в

разведке было принято железное правило: любой информационный материал не должен превышать трех страниц. Это в равной мере касалось информационных телеграмм и аналитических документов. К аналитическим документам разрешалось в качестве приложения добавлять необходимые справочные материалы. Этого правила мы держались достаточно строго, хотя под различными предлогами, чаще всего под предлогом «важности», позволяли себе увеличить документ на страницу, но не более» [18. С. 152–154, 156–158, 384–385]. И. В. Сталин, кстати, запрашивал первоисточники и сам выискивал

информацию в этих переводах: да, уходила масса времени, но сведения поступали без ретранслятора; этого же он добивался и от помощников: В. М. Молотов потом жаловался, что на это уходило полдня.

В Америке с вопросами информирования высшего руководства таких проблем нет, там «в помещении Совета национальной безопасности оборудована так называемая «ситуационная комната». Она представляет собой зал для проведения совещаний, оборудованный средствами закрытой внутренней связи и отображением обстановки, в смежных помещениях которого располагаются оконечные

устройства автоматизированных
информационных систем
Министерства обороны и
Центрального разведывательного
управления, Государственного
департаментa и систем оперативного
обмена разведывательной
информации. В одном из помещений
размещен вычислительный центр,
где находится ЭВМ с введенными в
нее стандартными вариантами
решениями Президента США. ЭВМ
сопряжена с системами связи,
обеспечивающими передачу
решений. Все эти технические
средства предназначены для того,
чтобы осуществлять постоянную
координацию и взаимодействие

между Белым домом, национальным Центром разведывательной информации, Комитетом начальников штабов, командным пунктом Разведывательного управления Министерства обороны в процессе выработки возможных вариантов действий США в различных ситуациях» [7. С. 42–43].

И вот вам итог: «... Отечественная официальная организационная наука лишь взирает на западные успехи, и то через мутное стекло. Самое опасное в этой позиции то, что некоторые из этих успехов уже недоступны для понимания многих наших специалистов в области управления

— вот что получается от застоя в общественных науках» [2.106. С. 3].

В годы же перестройки самые «важные изменения происходили не столько в структуре, сколько в процессе принятия государственных решений, которые определяли место того или иного института в государстве» [10. С. 276].

Итак, вполне очевидно, что высшее руководство и их подчиненные совершают ошибку за ошибкой, причем на самом элементарном уровне. Зато «большинство коммунистов — от рядовых членов партии и до работников центрального партаппарата — находились под

ПОСТОЯННЫМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ
внушением, исходящим с самого
верха, будто ЦК, опираясь на
коллективный разум своих членов,
никогда не ошибается, всегда
действует правильно» [26. С. 12–13].
И такое положение дел понятно:
требовать полного повиновения,
высокой исполнительности и
дисциплины от нижестоящих можно
только тогда, когда все будут
заверены в безошибочности твоих
действий.

К сожалению, так очень часто
бывает, когда тот или иной человек,
весьма неглупый и до конца *наш*,
советский, вдруг совершает
поступки, которые можно

охарактеризовать как Диверсию. В силу того, что советская политическая культура в целом была не на самом высоком уровне, наши руководители очень часто ошибались, причем эти ошибки очень трудно отделить от вреда, в крайнем случае отделялись замечаниями типа: *на основе ошибочной оценки поступающей информации были составлены рекомендации, которые привели бы к плачевным результатам, если бы им последовали.*

Полковник ГРУ В. В. Шлыков давно рассказал [2.107. С. 117–129], что наши военные в Министерстве обороны, в Генштабе и Военно-

промышленной комиссии из года в год наращивали производство танков и другой военной техники, что, прямо скажем, подорвало экономику страны и поставило страну на грань катастрофы. В названиях последующих статей он более откровенен: «Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика». Ниже мы еще будем его цитировать.

Правящая элита «клевала» на приманку неверного решения или провокацию Запада и попадала в порочный круг. Например, как с Афганистаном: СССР продавал оружие в Египет, те перепродавали его США, которые снабжали им...

афганских инсургентов. Спрашивается, зачем в Афганистане именно оно? Неужели из-за того, что *раз советское, то, значит, лучшее?* Нет, не только из-за этого... А потому, что сама 40-я армия в боях теряла именно автоматы Калашникова и другое свое вооружение [2.108]. Мы не попали бы в Афганистан никогда, если бы смотрели на всю проблему комплексно и многомерно. Прежде всего через цивилизационное единство чужого Афганистана и своих среднеазиатских республик СССР, образующих мусульманское целое, которое на каком-то этапе стало более сильным, чем привычная

ориентация на Москву, и откололо Среднюю Азию.

Раз не было культуры, то тогда допускались ошибки в самом ходе решения: «Исторический опыт показывает, что самые пагубные действия в политике и в военном искусстве — это половинчатые, разрозненные и нерешительные действия» [2.109. С. 45].

Самый последний элемент этого — ГКЧП вообще и ввод танков в Москву в частности. Именно непродуманные действия Д. Т. Язова и приводят к краху СССР. Тут можно сказать такими словами: *не знали точно, что можно и чего нельзя, как нужно и как не нужно*. Несколько

мудрено, но очень точно по смыслу. Здесь стоит упомянуть так называемый принцип Лескова: требуется вместо поиска ответа на вопрос «что делать?» заменить на другой: «чего не делать?» [2.110. С. 148].

Взрослые по возрасту люди превращены в детей по мышлению, а одна из опасностей для ребенка имеет исключительно внутреннюю природу: надо за ним присматривать, чтобы по незнанию не причинил вреда сам себе. Саморазрушительные способности заложены изначально в любые сложные системы, они остаются до конца жизни, и для врага важно, чтобы из случайного их

характера придать им
систематический и необратимый
характер, когда они будут запущены.
Обыватель же наш знать ничего не
знает, ведать ничего не ведает, а готов
только рассуждать и остается при
этом на уровне пещерного века, когда
такое было маловероятно: «Чтобы
самому себе делать плохо? Да такого
не бывает!..» Бывает, еще как
бывает...

Это правило надо для
некоторых выбить на скрижалях: в
России — две беды, но хуже всего,
когда они сливаются, и тогда дураки
начинают вести нормальных людей
по дороге, которую только что
отстроили.

Организационное проектирование

Эта наука, которая тоже была в СССР, но не на нужном для практики уровне, и включена в сферу другой науки. Кандидат юридических наук Е. В. Алферова пишет: «В юридической литературе изучаются: информационное содержание управленческой деятельности (...); проблемы информации в работе местных Советов и их исполкомов (...); информационное обеспечение управленческих решений (...); проблемы правовой информации, улучшения информационного

обслуживания в области права и правового регулирования управленческой информации (...) и др.

Исследованием проблемы информационного обеспечения управленческих решений занимаются немногие специалисты. (...) Внимание ученых привлечено главным образом к юридической природе, значению, условиям и критериям эффективности правовых актов — этому основному виду управленческих решений» [2.111. С. 7, 16].

Как говорится, «беда, коль пироги начнет печи сапожник»: правотворчество залезло далеко не в

соседнюю область и подмяло под себя то, чем должна была заниматься сугубо самостоятельная наука. Вместо кураторства юристов-государствоведов нужна была самостоятельная отрасль знаний с занесением в Регистр наук АН СССР. То, что был уничтожен Сектор в *Институте государства и права*, мы уже писали, когда рассказывали о П. Г. Кузнецове. Разумеется, уход людей с партбилетами из руководства не означает автоматическое заполнение их мест людьми продвинутыми, и позор в этой области продолжается: небольшая структура, занимавшаяся концептуальным проектированием

систем организационного управления — *отдел Центрального НИИ экономики и управления строительством* под руководством С. П. Никанорова — летом 1996 г. по команде министра Е. Васина был ликвидирован [2.112. С. 51, 111].

Приписка свертывания: кибернетика

Далее мы позволим себе рассказать и о явлении противоположном: когда наука практически не пострадала, но существует множество ссылок, что такое якобы случилось. Подвергалась

ли каким-то гонениям кибернетика как «продажная девка капитализма» или нет? Об этом часто пишут и, как правило, положительно отвечают на заданный вопрос. Так ли это? И в какой мере?

В уже проведенных исторических изысканиях мы встречаем, например, такое: «После преодоления ошибочных негативных оценок кибернетики*, произошедшего во второй половине пятого десятилетия, динамизм отечественных информационно-кибернетических идей и решений резко возрос...» [2.113. С. 32]. Там, где у нас стоит значок (*), была сноска, в которой подробнее

указывалось, что это были за «ошибочные негативные оценки», которые потребовалось «преодолевать»: и о предисловии доктора технических наук Н. А. Железнова к книге «Теория передачи электрических сигналов при наличии помех», в котором, в частности, говорится следующее в контексте критики Н. Винера: «Попытки придать кибернетике наукообразный характер с помощью заимствованных из другой области терминов и понятий отнюдь не делают кибернетику наукой — она остается лженаукой, созданной реакционерами от науки и философствующими невеждами,

находящимися в плену идеализма и метафизики» [2.77. С. 6].

Там же речь идет и об одном довольно известном определении, данном в «Кратком философском словаре» двух авторов М. Розенталя и П. Юдина. Вот оно: «КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий) — реакционная лженаука, возникшая в США после Второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма. Приверженцы кибернетики определяют ее как универсальную

науку о связях и коммуникациях в технике, о живых существах и общественной жизни, о «всеобщей организации» и управлении всеми процессами в природе и обществе. Тем самым кибернетика отождествляет механические, биологические и социальные взаимосвязи и закономерности. Как всякая механистическая теория, кибернетика отрицает качественное своеобразие закономерностей различных форм существования и развития материи, сводя их к механическим взаимодействиям» [2.113. С. 236–237]. Но никакой особой роли это определение и не сыграло. Говоря об истории

зарождения кибернетики, другой автор — М. Г. Гаазе-Раппопорт рассказывает, что «несмотря на известное запаздывание с развертыванием работ в нашей стране в области кибернетики, (...) общая картина развития данного направления, за исключением незначительных деталей, аналогична той, какую мы видим за рубежом.

Журналистский бум, поднятый в западной печати после появления книги Винера, идеологические и механистические выводы, встречавшиеся в зарубежных популярных статьях, вызывали в нашей стране в период 1948–1954 гг. резко негативное отношение к

кибернетическим идеям, замедлившее разработку их позитивного содержания. Этому способствовало появление ряда публикаций в отечественной печати, в которых кибернетика характеризовалась как идеалистическая буржуазная лженаука*. Серьезная литература по кибернетике не публиковалась, а книга Винера была малодоступна научной общественности: несколько ее экземпляров было у отдельных ученых» [2.114. С. 63–64].

В сноске (опять обозначенной у нас значком *) говорится о статье в «Словаре», при этом упоминается, что ни до, ни после этой статьи не

было: «(В 3-м издании 1952 г. статья о кибернетике отсутствует). Примечательно, что при допечатке тиража 4-го издания словаря, произведенной в следующем, 1955 году, статья «Кибернетика» из него была изъята». Итак, впору говорить о том, что здесь неприятности были больше у М. Розенталя и П. Юдина, чем у сторонников кибернетики. Книга Н. Винера «Кибернетика» была издана в 1958 г. [2.114. С. 82, 71].

Впоследствии она неоднократно переиздавалась, в предисловии ко второму изданию книги Н. Винера этот вопрос уточнялся: «В 1958 г. она переводится на русский в

издательстве «Советское радио». В 1961 г. в США вышло второе издание «Кибернетики» с новым авторским предисловием и новыми главами, составившими вторую часть книги; прежний ее текст, перепечатанный без изменений, лишь с правкой ошибок, сделан первой частью. В 1963 г. издательство «Советское радио» выпустило книгу «Новые главы кибернетики», содержащую перевод предисловия и второй части из второго издания. Ныне вниманию читателей предлагается полный пересмотренный перевод издания с приложением некоторых дополнительных статей и бесед Винера» [2.72. С. 6].

То есть, на самом деле, мы видим обычное запаздывание в издании книги на иностранном языке, связанное только с переводом. Издавались также другие книги этого автора: «Я — математик», «Кибернетика и общество». Еще ранее были выпущены две книги [2.115, 2.116].

Для кибернетики это еще совсем не означало «зеленый свет». Ветераны помнят некоего социолога В. Н. Колбановского (1902–1970) [2.31. С. 363], который выступал с необоснованной критикой кибернетики, сделал он это под псевдонимом «Материалист». В журнале «Вопросы философии»

вышла его статья «Кому служит кибернетика?» [2.117. С. 210–219].

И лишь спустя почти два года начали выходить «реабилитационные статьи» [2.118. С. 136–148; 2.29. С. 148–159].

Вспоминает активный участник этих событий, автор последней статьи Э. Б. Кольман: «Появление этих статей вызвало среди интересующихся наукой и техникой широких кругов советских читателей значительный интерес к кибернетике. Но этим, однако, я не хочу сказать, будто у них сразу установилось к ней положительное отношение. Наоборот, философская отрицательная пропаганда не прошла

бесследно. Так, когда я выступал на физическом факультете МГУ с докладом о кибернетике, то не кто другой, как инженер Шестаков, прославившийся моделированием процессов логических умозаключений при помощи электрических сетей, весьма резко стал опровергать кибернетику как «лженауку». Он повторял в ее адрес измышления невинных по части точных наук наших «мудролюбков». Как известный мольеровский герой, не знавший, что он говорит прозой, Шестаков не знал, что он сам и есть кибернетик!

Более того. Еще в октябре 1956 года, на совещании АН по

автоматике, академик Колмогоров высказался о кибернетике отрицательно. И только в апреле 1957 года, на заседании Московского математического общества, он сделал доклад, в котором заявил, что его прежние выступления против кибернетики объясняются тем, что он недостаточно знал ее. Но теперь, ознакомившись с ней ближе, он решительно признал свою бывшую позицию ошибочной. И для 51 — го тома БСЭ (второго издания), вышедшего в 1958 году, статью «Кибернетика» написал он» [2.119. С. 306].

Далее, как пишет в другом своем исследовании уже знакомый нам

М. Г. Гаазе-Раппопорт [2.120. С. 108–118] вышли еще статьи с положительными откликами [2.121. С. 4; 2.122. С. 108–118]. Эти статьи попали под пристальное внимание участников Семинара, который проводил один из «отцов-основателей» кибернетики математик А. А. Ляпунов, и публикация отрицательных статей и некоторых других была признана редакциями соответствующих изданий ошибочной [2.120. С. 114].

В 1955 г. открыт Вычислительный центр Академии наук СССР. В 1959 г. создан Научный совет АН СССР по кибернетике под руководством А. И. Берга. Сам

академик был недоволен генезисом этой науки: «В 40-е и 50-е годы группа деятелей науки увидела в кибернетике угрозу своему благополучию и приняла позу «правоверных» поборников материалистической философии. Это задержало перевод книги Н. Винера, а после ее издания породило поток литературы антикибернетического характера. Кибернетику называли «псевдонаукой», «служанкой империалистической реакции, направленной против марксистского учения» [2.123. С. 21].

Таковы, в общем-то, конкретные фамилии отдельных представителей

научного мира и их выступления и некоторые факты, но никак не те обобщенные оценки, что мало соответствуют жизни и истории. Существует и еще одно объяснение с довольно точной научной характеристикой произошедшего: «В нашей стране кибернетика была встречена настороженно и даже враждебно. Рекламные заявления американских кибернетиков о работе над созданием «мыслящих машин» некоторыми философами были восприняты буквально, а кибернетика была объявлена ими идеалистической лженаукой» [2.124. С. 25]. Видимо, в этом и есть сущность такого рода коллизий в

научной сфере. Одни начинают давать завышенные оценки, связывать свои ожидания с новой палочкой-выручалочкой, с помощью которой будут решены чуть ли не все мировые проблемы. Другие тут же подхватывают эти завышенные ожидания, вычленяют из целого именно только то, что выходит за рамки здравого смысла. Потом, когда оценки не оправдаются, начинают отрицать в целом и здоровое зерно, и нереальное. А страдают дело и толковые люди науки. Таков еще один метод борьбы в этом мире.

Так что когда вам, читатели, встречаются упрощенные фразы типа: *«Советская власть запрещала*

кибернетику» (неважно по какой причине это написано — по злобе к этой власти или по тупому невежеству), то вы можете только улыбнуться: ничто новое не продирается к свету без сопротивления. И судьбе кибернетики, можно сказать, остается только позавидовать: ну что такое две-три статьи? А? Можно сказать, что у кибернетики была еще довольно-таки счастливая участь. Ей еще повезло: после всех этих «гонений» все же поставили «кибернетику на службу коммунизму!» (так назывались ежегодные сборники научных статей). Итак, кибернетика не была

«репрессирована» полностью и окончательно, но по какой-то причине занесена в список пострадавших.

* * *

Подводя итоги всего нашего параграфа, мы можем сказать о главном эффекте. В результате проведения этой операции в мозговом отсеке госпартаппарата наступили провалы. Как говорил лейтенант Кузнечик в фильме «В бой идут одни Старики»: «Ребята-то они хорошие. Но вот есть у них некая интеллектуальная недостаточность!»

Убедившись в этом, можно было смело начинать любую операцию. Смешно об этом рассказывать. Но когда в конце 1990 г. при ЦК КПСС проводилось Всесоюзное совещание партработников, один из наших сибирских секретарей областного масштаба с удивлением поведал присутствующим: «Марксизм-ленинизм не отвечает на насущные вопросы наших дней!» Спыхватились...

ОПЕРАЦИЯ «НАГРОМОЖДЕНИЕ»

*Выйти победителем в
информационной войне —
это значит вовремя
понять, чему можно
обучаться, а чему нельзя...*

*Сергей
Расторгуев
[2.125. С. 129]*

Но если в государственном мозгу чего-то (чего именно, мы только что описали) не хватало, то это же не означает автоматически, что там была пустота. Рассмотрим и

такие случаи...

На пустом месте создают целую теорию, присваивают ей статус «науки» и начинают пожинать плоды этого: создают школы, защищают диссертации, получают звания и степени и т. д. Мало того что они гонят свою натуральную халтуру, но при этом достигается и еще один негативный эффект — девальвируются и подлинные научные знания. Коммунистические жрецы здесь были в первых рядах: им удалось создать (если тут уместно вообще такое слово) псевдонауку: в коммуникативную подсистему они вложили миф о самодостаточности и всеобъемности марксизма-

ленинизма. И. В. Сталин, очень быстро ухвативший эту тенденцию и успокаивая коммунистов, слишком уж оптимистично глядевших на марксистско-ленинское учение и приписывающих ему чудеса, в письме «Ответ т. Рафаилу» писал: «Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения.

Возможно ли, чтобы правящая

партия сразу схватывала новые процессы, творящиеся в жизни, и так же сразу отражала их в своей практической политике? Я думаю, что невозможно. Невозможно, так как сначала бывают факты, потом их отражение в сознании наиболее передовых элементов партии, и только после этого наступает момент осознания новых процессов в головах массы членов партии. Помните Гегеля: «Сова Минервы вылетает только ночью»? Иначе говоря: сознание несколько отстаёт от фактов» [33. Т. 12. С. 232].

Сам И. В. Сталин называл людей, которые стремились (волей или неволей) вести вредительскую

линию, «*новоявленными Фрумкиными*», по имени некоего троцкиста, одно время члена ЦК, который сочинил записку, датируемую 15 июня 1928 г., о том, что советская власть на краю гибели. Воспринята она была, в общем-то с, сарказмом [33. Т. 11. С. 116–126], но запомнилась... Этого оказалось мало, и перед ноябрьским пленумом тот же товарищ сочинил еще одну, на которую ему также был дан ответ [33. Т. 11. С. 259–262]. Для нас этот момент важен еще и потому, что так И. В. Сталин припечатал А. И. Микояна, который было на XIX съезде партии выдвинул предложение о снятии налогов с

крестьян. Тут-то ему и досталось... Он получил целый заряд критики: он сам путается и нас хочет запутать в этом ясном вопросе [2.126. С. 484].

Вот и разберемся теперь еще и с этим явлением.

Теория «предела»

В начале 1930-х годов группа работников Наркомата путей сообщения и псевдоученых изобретает так называемую теорию «предела», согласно которой поезда должны ходить с определенным ритмом: рельсы должны отдыхать и т. п., все это с расчетами, выкладками, сравнениями с Западом

(где в это время происходил кризис). Инженер Исаев в письме в газету «Правда» разоблачает сторонников теории «предела». В марте 1935 г. наркомом путей сообщения вместо А. А. Андреева был назначен Л. М. Каганович, который перед этим занимал пост заведующего *Транспортным отделом ЦК*, отдел курировал созданную в 1933 г. *систему политотделов на транспорте*. Менее чем за месяц он разобрался со всей этой ситуацией и издал приказ народного комиссара путей сообщения от 14 апреля 1935 г. 99/ц «Об антигосударственной линии и практике в работе НИИ эксплуатации и отдела восточной

дороги Эксплоатационного управления». На следующий день — его же приказ 100/ц «Об ускорении оборота вагонов» [2.127. С. 1; 2.128. С. 1].

Начиная с 15 апреля на первой странице «Правды» стали публиковать количество отгруженных вагонов по стране и процент выполнения плана, информация из-за тогдашних скромных расчетно-статистических возможностей шла с задержкой на двое суток. И. В. Сталин по крайней мере дважды выступал по этому вопросу. В речи на съезде передовиков стахановского движения он призывал «бороться с теориями,

распространяемыми иногда, к стыду нашему — нашими товарищами-коммунистами и засоряют головы нашим практикам», и на приеме участников совещания работников железнодорожного транспорта, состоявшемся 30 июля 1935 г. в Большом Кремлевском дворце: «Нужен нажим на тех, кто мешает, тормозит. (...) Не скажу, что все у вас идет плохо, есть и успехи, но без критики дело не идет. (...) Самокритика — ключ к нашим успехам» (Цит. по: [2.129. С. 64]).

И два года спустя, после первых процессов против вредителей, об этом вспоминала «Правда»: «...А положение дел на транспорте?

Судебный процесс вскрыл, как вредители маскировали «предельными нормами» свою деятельность, направленную к срыву перевозок. Сколько людей на транспорте, хозяйственников, инженеров и техников, непричастных к вредительству, позволяли годами водить себя за нос «теоретикам» предела! Не приходится говорить о тех, кто с ученым видом знатоков защищал эти нормы, сознательно и несознательно проводя вредительские установки. С этим позорным положением покончено было только с приходом на транспорт тов. Л. М. Кагановича, который быстро раскусил нутро

защитников предельческих норм и вместе с лучшими людьми транспорта — стахановцами — сломал вредительские нормы» [2.130. С. 1].

Любопытно то, что Л. М. Каганович трижды занимал пост наркома путей сообщения: 20.3.1935–22.8.1937, 5.4.1938–25.3.1942 и 26.2.1943–20.12.1944 гг. Как только НКПС превращался в узкое место, так его тут же перебрасывали на прорыв. В другом случае тот же самый Л. Каганович выступал ретроградом: боролся за сохранение... паровозной тяги, в то время когда мир переходил на тепловозы [2.40. С. 173].

Партийное строительство

Макулатуры в СССР на эту тему выходило предостаточно, но она, естественно, никуда не годилась: формулировки обтекаемы, мысли есть, но они надуманны и не отражают динамики явления и полной сути объекта изучения. Все было построено не на научной основе, а на мнениях вышестоящих товарищей. Впрочем, как и всегда. Соответственно и практика построения партаппарата такая же.

С другой стороны, на Западе ее описывали с идеологическим перехлестом, но только с противоположным знаком, что тоже

мало подходит: «В Советском Союзе есть одна уникальная наука, которая называется «партийное строительство». Этим выражением названы ленинская наука и искусство, как тотально и тоталитарно руководить партией, государством и народом. (...)

В Советском Союзе есть одна закрытая наука, которая совсем неизвестна на Западе, а в самом СССР доступна для изучения только партаппарату. Неуклюжая по названию, она наука всех наук по управлению государством и партией — это «партийное строительство». Ее основоположником был Ленин. (...) Секрет долголетия

коммунистической диктатуры в ее партийно-полицейской, тоталитарно-террористической организации режима. Вот эта организация создана и функционирует на точных, научно разработанных, в своих принципах незыблемых, в формах и методах гибких нормах «партийного строительства».

Само название может ввести в заблуждение — значит, эта наука занимается делами партии, ее организацией, структурой, ее работой. Да, этим она занималась до прихода к власти, но с тех пор, как партия стала единственной правящей партией в государстве, «партийное

строительство» стало универсальной наукой по управлению партией, государством и всеми ее отраслями — внешней политикой, армией, политической полицией, судебно-прокурорскими органами, экономикой, культурой, народом в целом» [2.131. С. 110, 114–116].

В Академии общественных наук при ЦК КПСС была кафедра партийного строительства. Вот список ее последних работ: Демократизация внутри партийной жизни и руководящая деятельность партии. Сборник научных трудов / Академия общественных наук при ЦК КПСС, кафедра партийного строительства. Редкол.: Веселов Н. А.,

Ермаков В. Я. М.: АОН, 1990; Кадровая политика КПСС в условиях перестройки: Сб. ст. / Академия общественных наук при ЦК КПСС, кафедра партийного строительства. Редкол.: *Фелифоров Н. А.* (ответ, ред.) и др. М.: АОН, 1988; Кадровая политика КПСС в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития социалистического общества: Сб. науч. тр. в 2 ч./ Академия общественных наук при ЦК КПСС, кафедра партийного строительства. Редкол.: *Утенков А. Я.* (рук.) и др. М.: АОН, 1989.

Страна полыхает огнем, партию приканчивают в глухом переулке, а

доктора наук и профессора даже не могут сообразить, что и как происходит... *«Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...»* Так, что ли, получается? Чего тогда вообще стоила вся эта липовая «наука»? Впрочем, она не была в одиночестве.

Научный коммунизм

Если настоящая наука должна была пробиваться сквозь тернии, то всякого рода халтура встречает полный «одобрямс». «Научный коммунизм» не имел препятствий ни при «разработках», ни при внедрении в высшую школу.

Зародился он в начале 60-х, когда на XXII съезде КПСС был провозглашен ничем объективным не подкрепленный курс на построение коммунизма. Журнал «Научные доклады высшей школы. Исторические науки» преобразовали в журнал «Научный коммунизм» — надо же где-то постоянно публиковать свою галиматью!

В июне 1963 г. был издан приказ по Министерству высшего и среднего специального образования СССР «О введении преподавания в вузах СССР курса основ научного коммунизма». С 1974 г. вводится государственный экзамен, обязательный для выпускников всех вузов всех

специальностей. Только в декабре 1987 г. произошла его замена на экзамен по марксизму-ленинизму, а с осени 1989 г. кафедры научного коммунизма преобразованы в кафедры политологии, так что если вы увидите такую кафедру и бодрого старичка на ней, так и знайте: начинал он совсем не с этого... Журнал «Научный коммунизм» с мая 1990 г. переименован в «Социально-политические науки».

Так что же собой представляла советская общественная наука? То, что знать было надо, — этого они не знали... При этом забивали себе головы разной придуманной ерундой... Боролись не с тем, с чем

надо было...

Но к чему-то же стремились советские практики, что-то же они умели? Как описывает в своей книге бывший ответработник аппарата ЦК КПСС М. Ф. Ненашев, ставший в годы перестройки министром, навыки спичрайтеров Старой площади сводились к умению составить доклад для шефа так, чтобы его интонации совпадали с тем, что написано на бумаге, — вот в чем был их «высший пилотаж» [22. С. 122]. Какие могут быть к ним претензии? С этим-то они справлялись...

Но этот пример будет неполным, если не сказать, что секретарь ЦК по

вопросам идеологии П. Н. Демичев, например, и выступить-то перед людьми не умел [2.133. С. 335–337]. Ясное дело, что сталинской *Школы пропагандистов при ЦК ВКП(б)* он не оканчивал по причине ее закрытия Н. Хрущевым, но так чтоб уж двух слов не связать...

Зато есть четкая оценка псевдоученых-халтурщиков: «В Советском Союзе проблемами «научного коммунизма» занимаются самые невежественные и бессовестные философы...» [2.132. С. 15]. Коротко и точно.

ЧТО МЫ ИМЕЕМ НА СЕГОДНЯ?

Мы рассказали только о вещах, ставших нам известными. За рамками нашего исследования остались такие близкие по смыслу противоборства в интеллектуальной сфере, как **борьба с фальсификациями в области истории** и относительно самостоятельная область — **борьба с подрывными действиями в области экономики**. Что касается последнего, то здесь и навязывание тупиковых проектов, когда в ту или иную идею вбухивают огромные

суммы, а потом оказывается, что напрасно, и ответственности за это никто не несет: деньги-то не свои, а государственные. Об одном из таких моментов рассказывает генерал КГБ Н. С. Леонов. Директор Института США АН СССР А. Г. Арбатов серьезно занялся вдруг экономикой и предложил проект «Северное сияние»: нужно-де построить магистральный газопровод по тундре в Штаты — будем получать валюту. Контрдоводы, которые спасли и тундру, и деньги, были таковы: перепады температур зима/лето приведут к порче труб раньше, чем проект окупится [18. С. 162–163]. Называется такое явление весьма

немудреным термином: «подбрасывание кукушкиного яйца» (по выражению югославского публициста Б. Китановича), а примером такого эффекта может служить известная «шутка»: *дайте дураку веревку достаточной длины — он на ней и повесится*. Однако в этот раз «подбрасывание» не состоялось. Проекту, явно сработанному в США, не дали ходу. Многие начинания подобного рода дали потом материал для обобщения: «По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния (...) будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям» (Из Записки КГБ

СССР в ЦК КПСС «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»). (Цит. по: [2.134. С. 2]). А вот проект «неперспективные деревни», проталкиваемый академиком Т. И. Заславской, принес свои плоды [2.135. С. 112].

Что из этого видно? Что на каком-то этапе произошла замена установок теперь уже примитивного вредительства 1930-х годов на отдельных предприятиях, станках и агрегатах на новые, более совершенные формы подрыва целых отраслей и направлений экономики. В годы перестройки к числу такого рода «заслуг» стоит отнести также

свертывание проекта орошения
среднеазиатских
сельскохозяйственных площадей
(наиболее известно через
подмененное понятие «*поворот
северных рек*»), что повлекло за
собой не только известное
отторжение жителей Средней Азии и
Казахстана, но и экологическую
катастрофу.

Так, преимущественно под
прессингом простодушных
коммунистических жрецов
защитники советской крепости
подверглись информационно-
интеллектуальной кастрации. И
такого рода замечание стоит
понимать почти буквально: удалили-

то и немного, но эффект распространился на всю систему! Стоит обратить особое внимание, что уничтожению подвергались преимущественно те области общественно-политического знания, которые потом были использованы нападающей стороной: именно на этих направлениях американские институты работали наиболее плодотворно.

Кто еще, кроме перечисленных нами выше идеологов и псевдоученых, виновен в произошедшем? Те отделы КГБ, что курировали науку, и советская цензура — Главлит, что запрещал исследования и публикации по

общественно-политической линии.

Вместе взятое это дало катастрофический эффект: умнейшая, *в общем-то*, страна потерпела прежде всего тяжелое интеллектуальное поражение... Для нас сейчас это имеет огромное, ни с чем не сравнимое значение.

А теперь представьте себе (понять это невозможно!), какое это имеет значение для всех тех, кто как мог, так и предупреждал о возможной гибели... Для них-то это каково? Они эту трагедию пережили где-то еще в 70-е годы... Теперь они по-прежнему болеют за нас, но только разводят руками: мы же вам говорили, чем это может

кончиться... Вот им-то каково?!
Боролись — в одиночку, кто как мог
против дуболомов с академическими
званиями и звездными регалиями.
Положение знающих и умных людей,
которых не понимали в советском
лагере, которым не давали думать,
знать и разрабатывать, — это великая
и очень горькая трагедия.

Коммунистические жрецы-
идеологи много сделали такого,
чтобы помочь врагам уничтожить
советскую цивилизацию. «В
партийных отделах науки, в центре и
на местах, в редакциях издательств, в
Главлите — человек решает судьбу
научной работы только потому, что
он сидит в данном кресле. Чаше

всего он бездарен, невежественен, но угоден начальству, с темой работы, а то и со всей специальной областью он знакомится впервые, когда работа попадает к нему. Понятно, что такая система, а в придачу к ней цензура научной информации, (...) приводит к отставанию советской науки, к торможению ее развития. Чиновники аппарата страхуют себя, перекладывают ответственность друг на друга, все «неприятное», нестандартное подозревают в крамоле, стараются устранить» [2.119. С. 192]. В идеократическом государстве отражение идет не напрямую: *реальный объект — исследование*, а преломляется через

призму господствующей идеологии, через обязательную цитатку, вот и гадай: то ли такое суждение из бородатой троицы попадет в истину, то ли — нет. А самое страшное, если цитатки-то и нет! Что тут делать? Выручает невинный прием: нужно переписать работу так, чтобы притянуть за уши что-то из классиков или вставить какой-то дополнительный материал, — разумеется, это сильно снижает ценность работы, но приходится выбирать из двух зол меньшее. Так вот и произошло обезглавливание государственного аппарата страны. Вроде бы и информация есть, и голова есть, но ни то, ни другое не

работает. А если лишить еще и того, и другого. Все умудряются находить простые решения сложных проблем, а мы не можем...

А что бывает с теми, кто может? В известной мере в России ум — это наказание (стоит хотя бы вспомнить бессмертное «Горе от ума»), и довольно большое, особенно если это не удалось скрыть. И стоит только выделиться своей теорией, идеей, разработкой, как тут и начинается *работа* идеологов. Малейший признак живой мысли сразу же давился, еще в зародыше. Для этого заранее были подготовлены контрходы: «В те годы в науке, преподавании, пропаганде в

большом ходу было слово «отсебятина». Им клеймили всякого, высказывавшего свои, не вычитанные в «нормативных» изданиях мысли» [2.136. С. 40]. Этот же автор вспоминает, что стоило ему (работнику центральных органов) только раз выступить перед провинциальной аудиторией, где ему были заданы довольно-таки простые вопросы, на которые он тут же дал конкретные ответы, как его пригласил к себе местный партийный секретарь и спросил: на основе каких таких директивных установок партии он отвечал? Но вопрос этот осмелился задать товарищ из провинции у человека из

Центра, а если бы этот товарищ был из вышестоящих?

Итак, думать было нельзя, знать что-то тоже, говорить-то было можно, но только от имени и по поручению. Что делать тем, у кого своя голова на плечах, и не только для того, чтобы шляпу носить. Все условия были созданы только для тех, кто писал в стол... А если что-то отнес в редакцию, то «тут на меня и накинулись. Меня вызвали для дачи объяснений в журнал «Вопросы истории». «Объясните, где у вас производственные отношения? Где производительные силы? Где классовая борьба? Ничего нет!» Я спрашиваю одного: «Где вы живете?»

Он удивился. Я говорю: «Вы живете на планете Земля, а Земля имеет четыре оболочки. По одной вы ходите — это литосфера. Другая проникает во все клетки вашего организма — это гидросфера, вода. Третьей вы дышите — это атмосфера. Это вы сами со всеми живыми растениями, микроорганизмами, со свободным кислородом воздуха. И вне этой биосферы вы доли секунды прожить не сможете». Мне говорят: «А ведь это материализм!» — «Да, говорю, конечно». — «Тогда продолжайте» [2.137. С. 2]. Л. Н. Гумилеву в этот раз повезло: ему попался хоть один(!) здравомыслящий(!) человек. То есть вначале-то он повел себя как

типичный чиновник от идеологии, но хоть задал вопрос так, чтоб получить ответ. И дальше пошел разговор: пусть по накатанному сценарию, но все же был и результат. А ведь можно попасть туда, где не будет ни одного человека и никакого разговора.

Конечно же, при всех разных трактовках такого большого явления, как марксизм-ленинизм, мы не можем не добавить к ним еще одну: для нас это было не средство построения коммунизма, а он больше создан для того, чтобы был некий общий язык для ученых разных специальностей общественных наук. Не больше, но и не меньше. Этим

пользовались, но с ним просто переборщили. А учитывая его всепроникновение, так и вовсе сделали из него фетиш:

«Многозвенная бюрократизированная система информации, жестко замкнутая на затратно-учетной стороне хозяйственной жизни, вытесняет факторы социального порядка из поля зрения административного аппарата, где они представляются чем-то нереальным или попросту несущественным. Здесь царит количественный анализ многочисленных, но давно ставших бессмысленными (с точки зрения конечных целей хозяйственной

жизни) показателей. Социальная информация не пользуется спросом уже потому, что она заранее исключена на уровне принятия стратегических хозяйственных решений, а господствующий информационный механизм действует в режиме фильтрации, устраняя из поля зрения целые классы явлений социальной и политической среды» [2.138. С. 44].

Свою линию они насаждали административным путем, через проработки, блюли партийную линию, но, как ни странно, эта линия часто противоречила бородатой троице классиков, которых жрецы в подлиннике и знать не знали: они

читали только инструкции и передовицы. Каково при этом было тем немногим представителям чванливо игнорирующей, шельмовавшейся и «невостребованной» науки?

Но совсем одно дело, когда кто-нибудь из них отмалчивался, терпел, сам руку поднимал, а совсем другое дело, это когда кто-то «отстреливался», да еще и так удачно: «Социально N есть демагог, дурак, карьерист, а официально — серьезный хороший оратор, прекрасный руководитель. Когда N выбирали в Академию, в кулуарах все плевались, разводили руками. Но с трибуны все превозносили N, потом

жали руку, поздравляли с заслуженным избранием. Если N ездит в заграничные командировки, то социально это означает, что он урвал, ухитрился, устроился, а официально это означает, что он проделал большую работу, участвовал, принес пользу» [2.139. С. 101]. И как вы думаете, долго ли можно терпеть такие художества? Разумеется, такому автору уготовлено что-то из привычного набора: аутодафе, высылка, смерть. Хорошо, что хоть не костер... Дрова у них, что ли, закончились?

Было ли еще такое где-либо и когда? Мы начали рассказ с примера свертывания разработки оружия в

гитлеровской Германии. То, что Рунге и тому подобным не давали создать wunderwaffe, закономерно, напомним, что «сама судьба мешала Германии получить новое оружие: Гитлер после Сталинградского сражения отказывался финансировать научные исследования в области обороны, если ученые не обещали ему реальной, практической отдачи через три, максимум шесть, месяцев» [2.07. С. 205–206].

Да и в тех же Штатах у экспертов даже самой RAND Corporation тоже были проблемы, но далеко не в тех масштабах... У них практика была критерием истины, а

не партком. Они недаром подвизались возле Военно-воздушных сил. Вопрос решался на аэродроме и сразу: *полетит — не полетит. Полетит* — пополнялся счет в банке, а если *не полетит*, то: «*Что поделаешь, конечно же, это неприятно, но разумеется, что уволены вы не будете — мы только что заплатили десять миллионов долларов за ваше обучение! Оставайтесь, может быть, когда-то вы и отработаете эти деньги*».

Смею предполагать, что ни одна страна мира не знала таких масштабов уничтожения научных школ, диктата идеологов, запрета разработок и проч. и проч., о чем мы

только что рассказали, пытаюсь охватить все эти вопросы понемногу. И тому есть несколько объяснений. Масштабы научного прорыва в век научно-технической революции вели к все более увеличивающемуся числу научных коллективов, напомним, что каждый четвертый научный работник мира был в позднем СССР, то есть научный фронт был очень широк. Значит, объективно было что уничтожать и кого затаптывать.

Анекдот, что называется, в тему, слабо утешает. 26 октября 1917 года. Петроград. Смольный. Ленин на трибуне:

— Товарищи, революция, о необходимости которой говорили

большевики, совершилась!

Буря аплодисментов.

— Отныне на всей территории России вводится восьмичасовой рабочий день и обязательный выходной день — воскресенье!

Зал отвечает криками «Ура!» и бурей оваций.

— Но если мы, товарищи, сумеем наладить работу по-новому, то мы можем себе позволить еженедельно два выходных!!!

Шквал аплодисментов. Вверх полетели папахи, бескозырки и кепки.

— А вот если мы сможем ввести систему Тейлора, технологии Форда и трактора на наших полях, то можно

отдохнуть и три дня в неделю!!!

В ответ — стрельба вверх.

Потом, в узком кругу Ленин говорит:

— Ну что? Я был, как всегда, прав, батенька: ни хрена не хотят работать. Поэтому ни в коем случае не вводите для них ни систему Тейлора, ни технологии Форда, ни трактора.

Может быть, заветы Ленина были именно такими?

Была еще и субъективная картина: и в Политбюро, и среди обществоведов, и в академических институтах ведущие позиции занимали люди, чье мировоззрение сформировалось в 1930-е годы, и

тогда марксизм-ленинизм в его традиционных формах был не только ведущей, но и единственной формой общественной мысли как в широком, так и в узко прикладном отношении. Люди эти состарились, заглохла вместе с ними и их наука, выродилась в идеологию. Всякое новое они не могли не воспринимать как явную крамолу и боролись против этого всеми известными средствами. «Сверху» это особенно удобно.

...Много чего еще произошло у нас в интеллектуальной сфере, а в результате получилось, как в известной шутке: *«Да-а-а, батенька, то-то я смотрю: информационный*

взрыв вас обошел стороной!» — и это в самой читающей стране мира... Что надо было уметь, тому не учились сами и не давали другим. Теперь только вздохнуть остается: [1. С. 34; 02. С. 305; 12. С. 131; 2.136. С. 54; 2.96. С. 21; 2.140. С. 6–7].

Когда-то граф де Сен-Симон писал, что в будущем «правительства будут устранять все то, что мешает полезным работам» [2.141. С. 316]. Эх, ваше сиятельство! Так-то оно так, но вы не рассмотрели вопрос о том, когда само правительство не будет знать, что есть полезное, а что наоборот.

Разумеется, как и во всякой науке, главное остается за одним:

«Проверка полученных научных результатов, их убедительное доказательство, как и защита общества от псевдонаучного шарлатанства (...) — разработка надежной методологии его разоблачения есть большая и относительно самостоятельная задача» [2.136. С. 72]. Но при этом важно понимать, что мы принимаем за науку, а что — нет. Если у соседей это числится научным знанием и есть конкретные результаты, а мы с чванливым видом все отвергаем, то расплачиваться придется нам, а не им...

Недаром это называли научным фронтом. Теперь такое явление

стоило бы назвать некоторыми периферийными областями национальной безопасности. А значит, уместно следующее: «Те страны, которые сделали упор на преимущественно военные средства обеспечения национальной безопасности, оказались в проигрыше» [2.142. С. 31]. Пока только немногие специалисты делятся информацией по этому поводу: «А если спросить, кто и, главное, почему выиграл «холодную войну», то надо однозначно ответить — американцы, и выиграли не количеством танков, а числом «фабрик мысли» [2.143. С. 132]. Максим Калашников, который очень

подробно, хотя и чуть эмоционально разбирался с операцией «Свертывание» в военно-технической области, тоже дает подобные послы: «Я знаю: битву за Империю мы проиграли в умах» [2.144. С. 68].

В дальнейшем эти факторы будут только возрастать. В наше время люди, вооруженные информационным сверхоружием, противостоят жертвам экспериментов. И эта ситуация для последних куда как хуже, как если бы против разоруженного (в обычном смысле) стоял автоматчик: в этом случае можно еще догадаться о разнице, а в случае нехватки

информации человек не должен знать о своей ущербности потому, что информация скрыта в голове, она не видна и ее не надо припрятывать. И само информационное оружие направлено не против людей, а против того, что у них в головах.

Прочитав главу, читатель может подумать, что на сегодня после ухода коммунистов что-то переменялось. Ничего подобного — стало еще хуже, гораздо бессистемнее и затруднительнее для анализа. «Отказавшись от этикетки исторического материализма, постсоветская гуманитарная интеллигенция внедряет в сознание людей ту же самую структуру

мышления, что и раньше. На деле получается гораздо хуже, чем раньше. Профессора, превратившиеся в «либералов», при отказе от истмата вовсе не выплеснули с грязной водой ребенка. Они выплеснули только ребенка, а грязной водой продолжают промывать мозги студентам. И грязь этой воды при отсутствии материализма истмата порождает чудовищную мыслительную структуру» [9. С. 170]. О! Это еще довольно комплиментарно сказано. И все это прекрасно понимают, даже самое высокое начальство в стране, когда его элементарно дурят, призывает к конкретностям, требуя предельной

точности: «Фамилии, адреса, пароли, явки!» или «Ты сам-то понял, что сказал?» (В. В. Путин).

Сегодняшнее положение нашего аналитика мало чем отличается от дня прошлого. Если вчера давили и не пускали ретрограды из парткома, то сегодня возможность разрабатывать упирается в прозаические деньги и условия труда.

В тех же Штатах american expert просыпается в своем доме, завтракает и с удобствами добирается до рабочего места, где его ждет секретарша, кабинет, компьютер, подключенный к Интернету, и прочий набор

минимальных удобств. Там давным-давно привыкли ценить american expert и носят его чуть ли не на руках... «Помню дни, когда я начал работать в одном крупном деле. (...) Поначалу казалось, что за мной все время следят: возьму в руки перо — сейчас же подходит стенографистка: «Диктуйте, пожалуйста!» Начну подсчитывать цифры: «Нет, нет, скажите, и вам подсчитают». Иду в библиотеку за справочником: «Ну зачем же вам тратить на это время, скажите Мари, и она принесет» [2.44. С. 176]. Наш аналитик не имеет ничего: работает чуть ли не в подвале, спит вполглаза и вполуха, ест, если только подработает где-то

на разгрузке вагонов, а пишет что-то на коленке. Но и не это, в конце концов, главное. А главное то, что american expert встроен в большой политический механизм (напомню еще раз термин А. А. Зиновьева — *западное сверхобщество*) и каждая его идея исполняется в десятки раз быстрее, чем прихоть. Стоит только дать сигнал информации на одном конце такой системы, как он тут же откликается на другом действием. Наш аналитик говорит, как будто ворон каркает: все слышат, но никакой реакции нет!

В свое время их не слушали, им не давали работать и не хотели их кормить. К чему это привело?

Разумеется, к одному: кто не хочет кормить своих аналитиков, тот кормит чужих. Сейчас та же самая картина... Пока у нас еще есть «сегодня», но скоро его не будет, как и не будет «потом». Наступит день, когда новый разгром России приведет к финальной черте, тогда прибегут (выпятив глаза) и скажут: *«Вот тебе... то есть вам, (имярек), самый совершенный компьютер, о котором вы мечтали, вот тебе то, вот тебе это — но только сделайте хоть что-то, спасите нас...»* И услышат в ответ: *«Поздно...»*

И на последней братской могиле русского народа будет надпись в назидание прочим:

**ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ТЕ, КТО НЕ
ЗАХОТЕЛ КОРМИТЬ-ПОИТЬ
СВОИХ ВОЛХВОВ, ПРЕДПОЧТЯ
СЛУШАТЬ ЧУЖИХ!**

Есть такие, кто утверждает, что это пустое, я только наговариваю на американцев. Они нас не трогали и не тронут. Они такие хорошие, победили этих ужасных Милошевича и Саддама. Но их роль по-своему первична в разгроме СССР и всего социалистического лагеря за 1985–1991 годы, они нанесли нам колоссальный ущерб, и за счет этого успеха им теперь принадлежит роль «большой дубинки», которая будет и дальше только наращиваться: «В будущем потенциал одного человека

может сравниться с потенциалом разведывательно-ударного комплекса. Вот о чем идет сегодня речь, и американцы этим, кстати, всерьез занимаются. Они, например, создали очень интересную группу из представителей разведсообщества, объединили аналитиков и военных и сделали прогноз на 15–20 лет вперед. Выводы ошеломляющие. Например, предполагается, что 15 % населения США — интеллектуалы — будут обеспечивать американское лидерство в мире. (...) Вот она — роль личности, которую следует изучать» [2.145. С. 5]. Вот к чему готовятся их «штирлицы»: они будут и дальше подрывать информационно-

интеллектуальное могущество, изменять ход истории, уничтожать целые империи. Явные враги СССР («системные диссиденты») нашли себе союзников среди безмозглых идеологов и тесно с ними взаимодействовали. Уже объединенными усилиями они смогли подавить зрелую научную мысль, не допустить ее роста, прорыва в общество и широкого применения достижений науки. И теперь они не считают нужным для себя скрываться: «Мы не выходили с плакатами на улицу. Но расшатывали догмы аналитическими «фомками» [2.146. С. 3]. Да, господа победители, в 1985–1991 годы вы все сделали

правильно, по-своему вы правы, и я вас поздравляю! Но наши-то если не мозги, то хотя бы глаза где были? Ответьте хоть кто-нибудь мне на этот вопрос...

**ШАГ ТРЕТИЙ,
СТРУКТУРНЫЙ:
«ОГОНЬ ПО
ШТАБАМ!»»**

ТОЧКА ОТСЧЕТА — 3: ОРГАНИЗАЦИЯ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

*Организации —
активные члены общества.*

*Р. Холл (Hall)
[3.01. С. 44].*

Тема нынешней главы — структуры, организации и функции. Люди и события в ней будут занимать место самое что ни на есть подчиненное. Речь пойдет о перестройках, реорганизациях, восстановлении старых или создании

новых структур, о потере управляемости ими.

В социальной среде организации возникли еще в первобытное время. Как только две обезьяны «договорились» с помощью жестов и визга сделать совместно то, что одной не под силу, как только одна обезьяна показала второй, что и как надо сделать: «ты делай так-то, а я сделаю так-то», и в совместности их усилий возник синергетический эффект, так сразу же возникла организация. В живой природе такое наблюдают у муравьев, пчел, термитов и прочей коллективной живности.

Еще в школе, проходя историю,

мы разбирали и некоторые организационные вопросы: древние империи, монастыри, средневековые цехи, строительство пирамид, почта (А. Ж. де Ришелье говорил, что, пока существует почта, существует и государство — но мы со своим печальным опытом должны ему сказать: *к сожалению, ваша светлость, ошибаетесь*), муниципалитеты, армии. Организации выполняют определенную работу, выпускают ту или иную продукцию или оказывают услуги, исполняют функции: государственное управление, благотворительность, безопасность. Особенно важна последняя. Именно

в ней очень важен эффект совместных действий, а победу часто приносит именно успешность построения и на поле боя.

Считается, что первым полководцем, создавшим эффект многофункциональных войск, способных выполнить любую на тот момент задачу, был ученик Аристотеля Александр Македонский. В его армии были следующие виды и рода войск (как сказали бы сейчас): легкая, средняя и тяжелая кавалерия, легкая, средняя и тяжелая (знаменитая фаланга) пехота, боевые колесницы. Кроме того, они тесно взаимодействовали на поле боя и добились победы над вторым

превосходящими силами Дария.

Иногда бывает, что главный герой книги — именно та или иная организация. Если в названии встречаются слова «масонская ложа», «разведка», «бюрократический аппарат», то это книга об организациях. Но если в такой книге не упоминаются *руководство* (*командование*, *иерархия*), *линейные отделы*, *коммуникации (связи)*, *информация*, то такая Книга мало будет иметь отношения к сути названия.

Люди не свободны от организаций. Наиболее независимы от них социальные низы, но и они могут получать Помощь со стороны

разного рода благотворительных обществ, или им оказывает внимание милиция. Чем выше статус человека, тем больше он будет включен в деятельность одной или нескольких организаций.

Государственная служба, центральный аппарат, политические партии (не суть важно — правящие или нет), фирмы сервиса, Генеральный штаб, посольство, библиотека, метрополитен — все эти организации имеют разную структуру. Но, с другой стороны, парадоксально, что завод, выпускающий зубочистки, и завод, выпускающий, скажем, ракеты, могут иметь одинаковую или хотя бы

близкую структуру...

История организаций весьма любопытна — так же как и история людей, которые всегда туда входят. Даже двадцатый век, который, казалось бы, был уже временем, к которому человечество пережило все или многое, тоже принес новые открытия в этом отношении. Кто-то весьма справедливо, на мой взгляд, сказал, что двадцатый век — век организаций.

Например, в самом начале Второй мировой войны обратили внимание на ощутимые потери в воздухе. Стали разбираться. Самолеты-истребители летали по трое: один, самый опытный —

ведущий, двое, что называется, «послабее» — ведомые, летят за ним в хвосте. В процессе боя один из ведомых оказывался не у дел — «болтаться» в хвосте ему мешал второй, он выпадал из общего строя и сбивался врагом. Стали летать по двое — потери тут же уменьшились.

Англичане вообще в этом деле «отличились». На фронт прибыли ученые. Они обратили внимание на то, что в орудийном расчете есть некий боец, который ходит с кнутом (!), иногда чем-то еще помогает, а так больше ничем не занят. Спрашивают: *это еще что за синекура? — О, сэр! Это бывший ездовой, лошадей нет, пушку таскает теперь тягач, но*

оставили из-за традиции... — А не лучше ли его убрать в пехоту? — Мы как-то над этим не думали... Так рождалась наука исследование операций. Данный случай относится к приложению по вопросам штатного насыщения. Разумеется, не стоит саркастически улыбаться над ним. Те же самые ученые решили немало других важных задач, но об этой, самой простой, любят вспоминать в первую очередь.

Есть организации, которые устроены по уму, но сохраняются и такие, которые сложились традиционно. Вот, например, такой вопрос: почему абсолютно одну и ту же работу в одном месте выполняют

десять человек и справляются, а в другом — двадцать и ничего не получается? Еще вопрос: одна организация насчитывает в своих рядах десять миллионов человек и имеет простую структуру: десять тысяч *руководителей* и остальные — *исполнители*. Другая: число членов всего-то миллион, но сто тысяч из них приходится на *специалистов*, десять тысяч — *руководство* разного уровня, остальное — *исполнители*. Какая организация из них богаче в организационном смысле и от кого больше будет проку?

Срок жизни структур тоже бывает разный. «Организации рождаются, растут и приходят в

упадок. Иногда они пробуждаются снова, а иногда полностью исчезают», — пишут в предисловии к одной книге американские ученые Дж. Кимберли (Kimberly) и Р. Милз (Miles) [3.02. Р. ix]. (Цит. по: [3.01. С. 299].)

Пространственные характеристики тоже разные: от глобальных типа Римской католической церкви и Интернета до двух-трех человек, размещающихся в одной комнате. Но везде важную роль играет структура, которая «представляет собой совокупность устойчивых связей, обеспечивающих целостность государственной службы, т. е. сохранение ее основных

свойств при различных внешних и внутренних изменениях. Структура придает государственной службе устойчивость, стабильность, способность выдерживать воздействия со стороны окружающей среды, не теряя при этом своей качественной определенности. В научной практике выделяют следующие структуры: нормативную, формальную, неформальную, ролевую, функциональную, дивизионную, механическую, органическую, вертикальную, горизонтальную, проектную, матричную, социальную, штатную, закрытую, открытую. Каждая из перечисленных структур имеет свою

специфику построения, каждая содержит свойственные только ей элементы, стандарты и компоненты» [3.03. С. 98–99].

Важно иметь правильный подход к исследованию организаций, правильно понимать их суть. Для разведчика (*нежелательного наблюдателя*) мы можем подсказать, что отражением организаций может служить штатное расписание, телефонный справочник или — с недавних времен — компьютерная сеть. Если у вас это есть, то вся она как на ладони. Но организации засекреченные (*«хитрые конторы»*) не так просты, хотя и их можно рассчитать, чем они на самом деле

занимаются, — но для этого как минимум нужно предельно четко знать, что именно и сколько она потребляет на входе и что именно и сколько она выдает на выходе...

«Создание системы управления требует выявления таких элементов и отношений между ними (внутреннего устройства системы), которые реализуют целенаправленное функционирование системы. Элементы любого содержания, необходимые для реализации функции, называются частями, или компонентами, системы. Совокупность частей (компонентов) системы образует ее элементный

(компонентный) состав.
Упорядоченное множество
отношений между частями,
необходимое для реализации
функции, образует структуру
системы.

Понятие структуры происходит
от латинского слова structure,
означающего строение,
расположение, порядок, а наиболее
точное определение структуры
выглядит, как известно из
системного анализа, следующим
образом: «Под структурой
понимается совокупность элементов
системы и связей между ними.
Понятие «связи» может
характеризовать одновременно и

строение (статику), и функционирование (динамику) системы» [3.04. С. 251].

В прикладной диалектике структура уходит на второе место. А на первое становится понятие «*организационное оружие*», то есть когда рассчитывается сила устройства, которая требуется либо для того, чтобы атаковать, либо для того, чтобы удержать удар. Для достижения тех или иных целей требуется тот или иной строго соответствующий механизм. Или, по-иному говоря, механизм, который должен быть построен для достижения *такой-то* цели. Когда структура задумывается, то она

должна быть адекватна исполняемой функции. Верно заложенная структура приводит к тому, что выполняется определенная функция. Но можно структуру изменить так, что функция перестанет исполняться, тогда и вся система деформируется и разрушается. Понимание этих правил, которых достигла современная наука, очень важно — пренебрежение ими ведет к провалу любой, даже относительно простой операции. Организационное оружие — понимание довольно широкое. Мы будем рассматривать только аспект, касающийся уничтожения одних структур в пользу других.

Перейдем теперь к теме. «Наша» перестройка есть продукт деятельности именно специфических органов — разведывательных и разведкоподобных структур. Есть, правда, лица, которые, понятия не имея обо всем этом, настойчиво пытаются внушить нам, что во всем виноваты еврейские общины и синагоги(!), но это — их *мнение*, подкрепленное только домыслами таких же. У серьезного ученого мнений быть не может — у него есть **результаты научного исследования.**

Это только традиционным историкам, которые заняты двумя вещами: фактурой и ролью личности

в истории, — кажется, что те или иные лица решают все. На самом же деле, «кадры не всегда решают все. Они решают все только тогда, когда действуют в рамках структуры, подчиненной достижению определенной цели. У Сталина кадры действительно решали все, потому что он знал, в какую организационную обойму их нужно вогнать» [24. С. 81].

Само словосочетание, применяемое до сих пор к перестройке — «неудачное политическое реформирование СССР Горбачевым», не предусматривает злого умысла и вообще какую-то волю: все-де

случилось случайно, никто не знал, что такое может случиться. Мы разберем, так ли это. Потому что абсолютное большинство до сих пор пользуется не знанием, а как в старом анекдоте. В камере для политических сидят двое: отпетый диссидент и простой сантехник. Знакомятся: «А тебя-то за что посадили?» — «Да вот, вызывают из-за течи, я прихожу, а дом старый. Я посмотрел и говорю: *вам тут надо менять всю систему!* Поняли по-своему и на меня настучали...» Вот эту-то систему и поменяли...

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

*Не та
государственность.*

А. Н. Яковлев

Управленческий опыт России, как и любой другой страны, не был идеальным. Так, «по закону 1861 г. (...) Совет министров должен был заседать непременно под председательством царя и состоял из министров, главноуправляющих ведомствами, пользующихся правами министров, а также других назначаемых царем лиц.

Вся история Совета министров

показывает, что самым сложным и даже роковым для его существования всегда было стремление самодержца не выпускать из-под контроля сколько-нибудь существенных государственных дел. Александр II неизменно со всей решительностью пресекал попытки создания кабинета, который обсуждал бы дела до рассмотрения их царем, и не допускал учреждения премьерского поста, опасаясь умаления царской власти. Александр III и вовсе не собирал Совет министров, избегая их объединения даже под собственным председательством» [3.05. С. 158–159]. Точно также первые 10 лет своего царствования поступал и царь

Николай II.

И только кризис заставил его понять, что нужно действовать по-иному. Тогда по указу от 19 октября 1905 г. был создан первый настоящий полномочный Кабинет министров во главе с С. Ю. Витте. Как пишут бытописатели царя Николая II, у Его Императорского Величества не было своего аппарата: ни секретарей, ни верных помощников или толковых советников. Кое-какие функции исполнял только дежурный флигель-адъютант: следил за лицами, прибывающими на аудиенцию, за соблюдением правил субординации — вызов к государю лиц, не имевших генеральского звания, считался

«дурным тоном», подавал бумаги для чтения. Царь и его августейшая семья, спасаясь от террора, жили за городом — чтобы доехать до Царского Села, требовался еще час. Добавьте к этому управленческий кризис во время войны: ротацию премьеров, прозванную «кувырк-коллегией», а там и до революции недалеко...

Одно крыло внутренних политических противников царя, причем весьма агрессивно-настроенное, — анархисты вообще были заняты только одним: уничтожением всех государств «в мировом масштабе», как тогда любили говорить. А у победившей

партии большевиков принцип
высокой организации был
изначально заложен в основу.

Знаменитый удачный ответ,
данный В. И. Лениным при первом
аресте: «Стена, да гнилая — ткни и
развалится», видимо, не более чем
поздняя приписка, потому что он
далее в возрасте 29 лет(!) написал
статью «Насущный вопрос», и в ней,
в частности, говорится: «Против нас
(...) стоит гигантский механизм
могущественнейшего современного
государства, (...) чтобы вести
систематическую борьбу против
правительства, мы должны довести
революционную организацию,
дисциплину (...) до высшей степени

совершенства» [3.06. Т. 4. С. 194]. Внутренне, для себя он исходил из того, что более крепкая организация рабочих, как таран, должна пробить эту более рыхлую структуру, которая может быть представлена в виде *стены*. Когда В. И. Ленин говорил о революционной ситуации (сейчас бы сказали о *точке бифуркации*), то и ее он тоже рассматривал через управленческий подход: «Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» [3.06. Т. 23. С. 300]. В разных редакциях он будет еще неоднократно возвращаться к

этой удачной мысли. Фраза В. И. Ленина из книги «Что делать?» «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» как нельзя лучше передает суть сделанного В. И. Лениным организационного открытия. В своем выступлении на предварительном обсуждении вопроса об Уставе партии на II съезде РСДРП он, в частности, сказал: «Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов, оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных, кончая весьма широкими организациями» [3.06. Т. 7. С. 287].

В конце концов, ему на практике

удалось сколотить революционную пролетарскую партию нового типа, где была поставлена именно организация, новая структура политической силы. Сколько бы ни говорилось В. И. Лениным о сознательном пролетариате, но имелись в виду при этом не рассеянные массы, а организованные рабочие под большевистским руководством, прежде всего в обеих столицах и на крупнейших предприятиях. И именно поэтому, когда подошла революция, эта партия победила своих конкурентов.

По итогам самоорганизации снизу такого политического механизма сам В. И. Ленин отмечал

его *синергетический эффект* (как это сейчас называют): «Если я говорю, что партия должна быть суммой (и не просто арифметической суммой, а комплексом) *организаций*, то... я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собой нечто возможно более *организованное...*» (Цит. по: [8. С. 46]). Что ж, тот, кто сделал, только тот и может четко дать объяснение своих действий. Сочетание такого организационного таланта и интеллектуальных возможностей — большая

редкость...

В 1917 г. ситуация частой смены руководства продолжалась, только в геометрической прогрессии. За год в стране сменилось 8 правительств: последнее царское, Временный (на 3 дня) комитет, составленный из членов Госдумы, два состава правительств князя Львова, первое правительство Керенского, Директория, последнее Керенского, Временное рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров. То есть степень обрушения государства была такова, что А. Ф. Керенский просто не сумел воссоздать его до такого уровня, чтобы успешно противостоять своим

конкурентам — большевикам, которые двинули своих агитаторов на крупнейшие заводы Петрограда, а далее — везде. Поэтому полагаю справедливым частое замечание о том, что власть просто лежала и ленинцы ее подобрали...

Сама советская власть зарождалась в условиях организационной войны только в ее открытой форме: служащие бывшего Временного буржуазного правительства объявили бойкот новой власти и устроили саботаж, в котором приняли участие банковские работники, почтовики, телеграфисты и конторщики. Их требовалось призвать к порядку. Имелся и еще

один существенный минус — большевики по целому ряду причин не имели достаточного числа своих членов партии, кто мог бы управлять страной, — часть довольно значительных должностей, в том числе и в Совнаркоме, пришлось предоставить союзнику — партии левых эсеров. *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.* «Задумана прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Впоследствии слова «и саботажем» в названии комиссии были заменены

на «и преступлениями по должности» [9. С. 362–363, прим.]. Совершенно верная справка.

Следующее усилие для большевиков по удержанию власти в своих руках — это разгон *Учредительного собрания*. Значит, именно сокрушение структуры, целой, по сути, ветви власти, кстати сказать, довольно-таки легитимной.

Те практические навыки, что В. И. Ленину помогли сделать революцию, он применял, будучи главой правительства. Под его руководством Совнарком РСФСР стал самым успешно действующим правительством, при этом, конечно же, требовалось и разъяснять

окружающим азы своей науки: «Каждый политический вопрос может быть организационным и наоборот» [3.06. Т. 45. С. 122]; и указывать на «текущий момент»: «Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы» [3.06. Т. 44. С. 224]; и замечать негатив: «Я смертельно боюсь переорганизаций. (...) У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад. И от этих перестроек получается такое бедствие, что я больше бедствия в своей жизни не знал» [3.06. Т. 44. С.

326]. Что можно сказать про последнее? Как в воду глядел Ильич!!!

Кроме того, что новый аппарат никак не мог наладить свою работу на хорошем уровне, добиться качественных результатов, на В. И. Ленина и его команду давили оппозиционеры, так называемые «демократические централисты» — по сути дела, разновидность троцкизма — с навязыванием идеи: давайте вообще обойдемся без партийного аппарата.

Борьбу с ними продолжал И. В. Сталин. В докладе «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» на XV Всесоюзной

партконференции ВКП(б) 1 ноября 1926 г. он говорил: «Несколько слов о борьбе оппозиции против партийного аппарата и «режима» в партии.

К чему сводится на деле борьба оппозиции против партийного аппарата, представляющего руководящее ядро нашей партии? Едва ли нужно доказывать, что борьба оппозиции в этой области сводится, в конце концов, к попыткам дезорганизовать партийное руководство и разоружить партию в ее борьбе за улучшение государственного аппарата, за изгнание бюрократизма из этого аппарата, за руководство

государственным аппаратом. К чему ведет борьба оппозиции с «режимом» в партии? К тому, чтобы разложить железную дисциплину в партии, без которой немыслима диктатура пролетариата, к тому, чтобы расшатать, в конце концов, основы диктатуры пролетариата» [33. Т. 8. С. 292–293].

Осенью 1923 г. «было выпущено письмо Троцкого, где он обливал грязью партийные кадры и в котором был выдвинут целый ряд новых клеветнических обвинений по адресу партии. В этом письме Троцкий повторял старые меньшевистские перепевы, которые партия слышала от него не впервые.

Прежде всего троцкисты обрушились на партийный аппарат. Они понимали, что партия не может жить и работать без крепкого партийного аппарата. Оппозиция пыталась расшатать, разрушить этот аппарат, противопоставить членов партии партийному аппарату, а молодежь — старым кадрам партии. В своем письме Троцкий делал ставку на учащуюся молодежь, на молодых членов партии, не знавших истории борьбы партии с троцкизмом» [8. С. 254]. Да, надо признать, что в последующем молодежь не знала истории борьбы партии с троцкизмом: детали были сокрыты в «Кратком курсе», и этих

строк мы не читали, но «старые кадры партии» — те же Е. К. Лигачев и его команда почему-то стали громить партию именно по троцкистским лекалам и сильно преуспели в этом...

В последующих работах отмечалось, что оппозиционные группировки «атаковали испытанный ленинско-сталинский принцип руководства партии всем государственным аппаратом. Враги партии отстаивали по существу контрреволюционные требования независимости государственного аппарата от партии, т. е. стремились к разрушению диктатуры рабочего класса. Они противопоставляли

Советское государство, опирающееся на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса, они противопоставляли государство партии. XII съезд в резолюции по отчету Центрального Комитета указал, что «особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют Советское государство рабочему классу и партию — Советскому государству», что это противопоставление «является ныне главным агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контрреволюционный характер»

(ВКП(б) в резолюциях. Ч. I. Изд. 6-е. С. 475).

«Свою атаку на ленинско-сталинские принципы руководства партии социалистическим государством троцкисты продолжали, стремились контрреволюционной демагогией восстановить отсталые элементы, мелкобуржуазную стихию против партии. Эту же контрреволюционную цель преследовал Троцкий атакой на партийный аппарат, предпринятой в 1923 г., зная, что сокрушить партийный аппарат — значит сокрушить руководство партии» [3.07. С. 42–43]. Ленинские

организационные положения должно было доводить до практики так называемое Оргбюро — третий орган по значимости в партии после Политбюро ЦК и Секретариата ЦК, которое было создано в 1919 г. Прекратило оно свою деятельность только на XIX съезде партии (1952 г.), но третьи секретари любого партийного органа являлись секретарями по организационной работе, они обязательно курировали орготдел и все связанные с ним вопросы партийного строительства.

И еще один аспект. При жизни И. В. Сталина сообщалось о структуре аппарата ЦК и отделы ЦК периодически отчитывались о своей

работе в открытой печати. Одно время — до убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. — в здания ЦК и другие учреждения партии можно было попасть, имея на руках только партийный билет — считалось, что так рядовой партиец мог контролировать работу главного партучреждения. Поэтому, когда некоторые бывшие партаппаратчики говорят, что, дескать, «Сталин ввел режим абсолютной секретности» [24. С. 7], то это абсолютная ложь. При открытости и гласности просто соблюдался режим секретности там, где это было надо. И только.

Выступление на XVII съезде по оргвопросу секретаря ЦК

Л. М. Кагановича всем известно [3.08. С. 561–562, 672, 676]. Разукрупняется структура Культпропа ЦК на 5 новых отделов — об этом печатается на первой странице «Правды»: видимо, этому придается большое значение [3.09. С. 1].

Это потом совершенно необоснованно стали скрывать и суть, и структуру центрального партаппарата. Почему? Непонятно! Ее отлично и досконально могли знать на Западе, но для СССР ее закрывали.

СИЛА СТАЛИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Штат ЦК был небольшим: в 1919 г. — 30 человек, 1922 г. — 56, 1923 г. — 62. Во главе ЦК, а значит, и всего партийного аппарата поставлен Генеральный секретарь И. В. Сталин. Случилось это в апреле 1922 г.

С раздуванием штатов боролись. Первым в этом ряду было принято постановление ЦК «О недопустимости изменения структуры совпартаппаратов». И таких потом было много. Вопросами партийного строительства занимались одно время очень

плотно. Так, постановления с однотипным названием «О партийном строительстве» принимались на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 декабря 1923 г.; на XIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) (16–18 января 1924 г.), и эта резолюция была подтверждена XIII съездом ВКП(б) (23–31 мая 1924 г.); на XIV Всесоюзной партийной конференции (27–29 апреля 1925 г.)

Трудно переоценить постановление «О выдвижении рабочих в соваппарат и массовом рабочем контроле снизу над соваппаратом», И. В. Сталин воспользовался им практически тут же. Был разработан первый

пятилетний план. Этот документ доложили И. В. Сталину, тот с группой специалистов просмотрел его и не утвердил — план не был напряженным: страна могла сделать значительно большее. 10 ноября 1930 г. первый состав Госплана был разогнан (в его число, кстати, входил и некто М. З. Лурье — второй тесть Н. И. Бухарина). Председателем назначен В. В. Куйбышев, в число работников были зачислены и 50 бывших рабочих с завода «Авиаприбор» — куратора Госплана от московского пролетариата.

Тогда же примерно именно И. В. Сталин первым применил термин «организационное оружие» в

своем довольно известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» [32. С. 359]. Причем первое применение термина имелось в виду как *организационное оружие* троцкистов, помогавших мировой буржуазии в виде устройства подпольных антисоветских организаций. В дальнейшем им пользовались уже при описании эффектов успешного построения социализма: «Отточив свое организационное оружие, партия, вооруженная передовой теорией марксизма-ленинизма, идет во главе всего советского народа, под руководством своего вождя и учителя

— великого Сталина к новым боям за полную победу коммунизма» [3.07. С. 148].

Весь аппарат — это не только структура, но равной составляющей являются и люди, и тут равного И. В. Сталину в оценке их качеств нет: «Что значит правильно подбирать кадры? Правильно подбирать кадры это еще не значит набрать себе замов и помов, составить канцелярию и выпускать оттуда разные указания. (Смех.)

Это также не значит злоупотреблять своей властью, перебрасывать без толку десятки и сотни людей из одного места в другое и обратно и устраивать

нескончаемые «реорганизации».
(Смех.)

Правильно подбирать кадры это значит:

Во-первых, ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение.

Во-вторых, знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника, знать, на каком посту смогут легче всего развернуться способности работника.

В-третьих, заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени

для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост.

В-четвертых, вовремя и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть.

В-пятых, расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя

проведения которой производится эта расстановка» [32. С. 595–596].

Этот фактор потом показывался так: «...товарищ Сталин как в области теории, идеологии и тактики, так и в вопросах постановки всей нашей организационной работы на научные рельсы развил далее основы организационного учения о партии, данные Лениным, пополнил организационное учение о партии новыми положениями, новыми законами, двинул организационную науку большевизма вперед и тем самым вооружил партию и рабочий класс» [3.10. С. 513–514].

Действительно, И. В. Сталин

много уделил из своего теоретического наследства вопросам науки построения партии. Его высказывания в этой области известны, они (равно и как его оценки по другим вопросам) предельно понятны. Таков, например, его знаменитый тост на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г.: «Не подумайте, что я скажу что-нибудь необыкновенное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незavidное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без

которых мы все — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился — и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не напишет, звания у них нет, чинов мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших

уважаемых товарищей» [3.11. С. 212–213].

На пике своего могущества можно было подводить кое-какие итоги: «Коммунистическая партия всегда придавала партийному аппарату исключительное значение. Да это и понятно. (...) Работа партии сложна и многостороння. Как, с помощью какого орудия партия руководит своими организациями и всеми формами социалистического строительства?

Этим орудием является партийный аппарат.

Что такое партийный аппарат?

Это Центральный Комитет и его отделы. Это обкомы, крайкомы,

райкомы, парткомы, парторги, Комиссия партийного контроля, политотделы. (...)

Можно ли представить себе партию без аппарата?

Каждый понимает, что партия без аппарата немыслима» [3.07. С. 136–137].

Коммунистический партийный аппарат был огромным, чрезвычайно разветвленным, пронизывающим все стороны жизни. Весь его описывать мы не намерены — это тема отдельного исследования, — выделим только то, что нас интересует.

Успех на местах — а это чрезвычайно важно в огромной,

поистине необъятной стране — обеспечивали полномочные представители Центра внизу. Причем такая проблема встала буквально на следующий день после прихода к власти.

Комиссары в Гражданскую войну были не только в военной сфере. Их отправляли и во все места: добывать продовольствие; утихомиривать мятежи (которые часто возникали после того, как в этой местности предшественники уже «добыли *продовольствие*»); разбираться с военными поражениями; вести пропаганду среди населения, поднимая людей на партизанскую борьбу, и проч. и проч.

И. В. Сталин и сам бывал на таких ролях во время Гражданской, причем неоднократно.

Неподотчетность местным органам власти, чрезвычайные полномочия, возможность в случае острой необходимости тут же напрямую выходить на самый «верх» за нужной информацией, требовать материалы, транспорт и что-то еще из резервов позволяло решить практически любую по сложности задачу: строительства, создания уникальной техники, вопросы, связанные с обороной и безопасностью.

В 30-е появился институт *парторгов ЦК*, что закреплено в

Уставе партии: «В целях усиления большевистского руководства и политической борьбы Центральный Комитет ВКП(б) имеет право создавать политические отделы и выделять партийных организаторов ЦК ВКП(б) на отстающих участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства и страны в целом, а также, по мере выполнения политическими отделами своих ударных задач, — превращать их в обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку.

Политотделы работают на

основе особых инструкций, утвержденных ЦК ВКП(б)» [3.12. С. 17–18]. Почти такое же определение парторгам дано и в Большой советской энциклопедии [3.13. С. 181].

Некоторым парторгам удалось сделать заметную карьеру. Так, будущий второй секретарь ЦК Ф. Р. Козлов в 1949 г. был послан из аппарата ЦК парторгом на Кировский завод, однако пробыл на этой должности несколько месяцев, а потом был избран вторым секретарем горкома. Будущий член Президиума ЦК С. Д. Игнатьев был секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) и уполномоченным ЦК

ВКП(б) по Узбекистану. Не все, конечно же, переходили потом на партработу, кое-кто и оставался на предприятии навсегда.

Депутат Верховного Совета СССР и проч. и проч. М. П. Панфилов в 1948–1949 гг. был парторгом ЦК, а затем главным инженером и с 1951 г. — директором ЛОМО. А. А. Епишев — парторгом на Заводе им. Коминтерна, одновременно — первым секретарем Коминтерновского райкома КП(б)У г. Харькова, и при этом он оставался в кадрах армии. Чтобы подобные люди могли безукоризненно выполнять установки Центра, для их обучения в 1936 г. была открыта *Высшая школа*

партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Союзные республики посылали своих парторгов на заводы помельче. Комсомол не отставал. Одним из таких посланников был *комсорг ЦК ВЛКСМ* на судовой верфи в Рыбинске Ю. В. Андропов. До последнего комсорги ЦК оставались на *всесоюзных ударных комсомольских* стройках. Например, на строительстве Красноярской ГЭС такую *должность* исполнял известный Ю. Афанасьев. Но времена уже были другие. Теперь такие *люди* заведовали распределением талонов на дефицит и делали карьеру, пока другие за них работали...

Кроме них был еще институт
Уполномоченных Советского
Контроля при Совнаркоме по
областям и проч.; институт
Уполномоченных Комитета
Партийного Контроля при
ЦКВКП(б), в годы войны
устанавливался институт
Уполномоченных Государственного
Комитета Обороны для решения
проблем регионального и
отраслевого значения, а партторги ЦК
были на всех заводах, выпускающих
итоговую военную продукцию (также
как и *военпреды* от Наркомата
обороны), а в Действующей армии и
флоте координацию крупными
объединениями осуществляли

*Представители Ставки Верховного
Главного Командования*; временно на
период уборки назначались
Уполномоченные ЦК по заготовкам
— одним из таких был будущий член
Политбюро и первый секретарь
Компартии Казахстана Д. А. Кунаев.

Причем эта практика не
растянута во времени, это делается
сразу же и согласованно: вводится
структура в Центре и сразу
предусматриваются штаты на местах.
Так, например, в 1934 г. Наркомат
РКИ переделывается в *Комиссию*
Советского Контроля, и сразу
говорится, что это будет Комиссия,
«имеющая на местах независимых от
местных органов представителей. А

чтобы у нее был достаточный авторитет и чтобы она могла в случае необходимости привлечь к ответственности любого ответственного работника, — необходимо, чтобы кандидаты в члены КСК намечались съездом партии и утверждались СНК и ЦИК'ом Союза ССР» [32. С. 482]. Очевидно, что И. В. Сталин при этом опирался на свой опыт. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 декабря 1920 г. «Об учреждении представителей Народного Комиссариата по делам национальностей в автономных республиках и автономных областях» (см. [3.14. С. 195]) вводился институт

представителей, эти люди были направлены в соответствующие места. От них было много пользы. И. Сталин усвоил это навсегда.

Забегая далеко вперед, надо сказать, что к 1985 году тоже были люди, не подотчетные местным органам, — это *Уполномоченные по экономическим районам* Министерства внешней торговли со своими аппаратами, они разъезжали везде и высматривали: что еще можно было бы продать за рубеж. Как говорится, почувствуйте разницу.

Бесценный опыт, приобретенный И. В. Сталиным, позволял ему с ходу решать организационные задачи любой

сложности. 13 мая 1947 г. писатели А. А. Фадеев, Б. Л. Горбатов и К. М. Симонов были вызваны в Кремль к И. В. Сталину и А. А. Жданову. Первый вопрос был об изменении системы гонораров. Второй — об изменении штатов Союза писателей СССР.

После решения о создании комиссии по первому вопросу (известна реплика И. В. Сталина при этом: «Денег для наших писателей нам не жалко!») перешли ко второму. Вопрос был решен положительно. «Хорошо, — сказал Сталин. — Теперь второй вопрос: вы просите штат увеличить. Надо будет увеличить им штат. — Жданов

возразил, что предлагаемые Союзом писателей штаты все-таки раздуты. Сто двадцать два человека вместо семидесяти. — У них новый объем работы, — сказал Сталин, — надо увеличить штаты. — Жданов повторил, что проектируемые Союзом штаты нужно все-таки срезать. — Нужно все-таки увеличить, — сказал Сталин. — Есть отрасли новые, где не только увеличивать приходится, но создавать штаты. А есть отрасли, где штаты разбухли, их нужно срезать. Надо увеличить им штаты. На этом вопрос о штатах закончился» (Цит. по: [3.15. С. 110–111].)

Как известно, XVIII съезд

ВКП(б) (1939 г.) отменил чистки партии, сформулировав это так, что партия и в обычном порядке способна очищать свои ряды от лиц, нарушающих Программу и Устав партии, недостойных высокого звания коммуниста. Но необходимость в функции-то не отпала. И 28 марта 1947 г. принимается решение Совета Министров СССР «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах СССР». Потом «суд чести» был создан и при ЦК. И. В. Сталин старался придать чиновникам понятия *гражданских офицеров* примерно так же, как в годы Великой Отечественной войны

красным командирам и (страшно сказать!) политрукам старались придать понятия военных офицеров. «Суды чести» просуществовали только два года [3.16. С. 135–137].

Последнее нововведение И. В. Сталина относится к 1952 г.: по итогам работы XIX съезда ВКП(б) — КПСС было создано три *отдела ЦК: философии и истории, экономики и права, естественных и технических наук* [3.17. С. 3]. После смерти И. В. Сталина они были сразу же упразднены.

ОПЕРАЦИЯ «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ»

По всей видимости, не только в сфере наших исследовательских интересов, но и в других общеполитических Делах сразу же после смерти И. В. Сталина понемногу начиналось явление, которое можно назвать своеобразной *ревизией сталинских указов*, когда чуть ли не по каждому было принято решение противное.

Разберем только то, что происходило в сфере государственного и партийного

устройства. Нами отмечалась роль и значение *парторгов ЦК* как эмиссаров на местах, которые не только выполняли какие-то действительно «ударные» задачи, но и информировали Центр о положении на местах. При таких информаторах первые секретари и прочие чиновники не могли чувствовать себя вольготно. Любому генеральному секретарю было невыгодно терять парторгов ЦК, но Н. С. Хрущеву приходилось заигрывать с местными удельными князьками — на пленумах ЦК он должен был иметь стопроцентную поддержку: когда в 1956 г. настала схватка с коллегами по Президиуму,

то «решающую роль на Пленуме сыграли секретари обкомов, которые стали приобретать со временем все больший вес. Постепенно формируется партийная олигархия. Если во времена И. В. Сталина при потере действенного контроля снизу был крайне жесткий контроль сверху, что заставляло руководителей разных рангов интенсивно работать и думать, то на рубеже 50–60-х годов он приобретает формальный характер. Возникает и постепенно проникает во вся и все система связей, которая раньше в какой-то мере сдерживалась жесткой централизацией, возможностью отставки лица, какое бы положение

оно ни занимало» [3.18. С. 129–130].

И тут же было принято постановление ЦК от 17 августа 1956 г. «О парторгах ЦК КПСС». Пункт первый: в целях дальнейшего расширения внутренней демократии и повышения ответственности местных парторганов...; пункт второй: сохранить зарплату... Тогда же были ликвидированы и надзирающие политорганы в МВД, МПС и Министерстве морского флота. Но стоит понимать, что, с другой стороны, самому Н. С. Хрущеву это «аукнулось» через 8 лет, когда его сняли благодаря тому, что не было действенного контроля за членами ЦК на местах. Замысли

кто-нибудь такое при И. В. Сталине — о всяких разговорах ему бы стало известно в самое кратчайшее время.

Постановления сыпались как из рога изобилия, и на местах должны были только успевать поворачиваться, исполняя их, — задумываться, обобщать или анализировать было невозможно: от 14 октября 1954 г. «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению государственного аппарата»; от 24 марта 1956 г. «О сокращении штатов обкомов, крайкомов КПСС и ЦК компартий союзных республик» (на 25–30 процентов); «Об упразднении

Министерства юстиции»; Пленумом ЦК КПСС 20–24 декабря 1956 г.: «Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР»; Пленумом 13–14 февраля 1957 г.: «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством»; от 8 февраля 1957 г. «О предоставлении ЦК компартий союзных республик права решения некоторых организационно-партийных и бюджетно-финансовых вопросов»; от 19 сентября 1957 г.: «Об изменении структуры и штатов аппарата сельских райкомов партии»; от 11 октября 1957 г.: «О некотором упрощении структуры аппарата и сокращении штатов

горкомов и городских райкомов партии»; от 30 сентября 1958 г.: «О дальнейшем расширении прав ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии и первичных парторганизаций в решении некоторых организационно-партийных и финансово-бюджетных вопросов»; Пленумом 19–23 ноября 1962 г.: «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством»; от 28 ноября 1962 г.: «Об образовании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР», и это еще далеко не все, а имевшие

наибольшее значение.

Разветвленную и
разностороннюю Систему
Государственных трудовых резервов
превратили в типовой *Госкомитет*
профтехобразования.

29 мая 1957 г. законом,
принятым Верховным Советом
РСФСР, в республике было
образовано 70 экономических
административных районов (к концу
1957 г. 2 ликвидировано). В мае —
июне 1957 г. были созданы
Азербайджанский, Армянский,
Белорусский, Грузинский,
Киргизский, Латвийский,
Литовский, Молдавский,
Таджикский, Туркменский,

Эстонский *экономические административные районы*, кроме того, на территории Казахской ССР было образовано 9 районов (к 1964 г. осталось 7); на территории Узбекской ССР — 4 района (с 11 января 1958 г. — 5); на территории Украинской ССР — 11 (к 1964 г. — 3). Эту стадию те, кто работал в этой системе, не критикуют, ибо в ней объявились и свои положительные стороны для руководителей низового уровня: «Как известно, существующая в стране система управления экономикой не была достроена до конца и вызывала многие трудности. Возьмите отраслевое министерское управление

по вертикали из Центра, через Советы Министров республик с прямым выходом на подведомственные предприятия. Тот, кто работал в регионах, знают, что в рамках области предприятия промышленности практически не имели какого-либо государственного управления, ибо в ведении местных советских органов находились лишь сельское хозяйство, местная промышленность, коммунальное и бытовое обслуживание. В силу этого предприятиями и легкой, и тяжелой промышленности руководили партийные комитеты, вмешиваясь в содержание их деятельности. Эта несовершенство государственного

управления хорошо осознавалась Хрущевым, когда он пошел на создание совнархозов — региональных органов управления народным хозяйством. На первом этапе, когда совнархозы создавались с учетом существующего административного деления в каждой области, они оказали благоприятное влияние на экономическую деятельность регионов тем, что успешно преодолевали межведомственные и региональные барьеры, способствовали оперативному решению многих хозяйственных вопросов, развивали инициативу и самостоятельность местных

советских и хозяйственных органов.

К сожалению, этот период оказался непродолжительным, вскоре «черт» толкнул Хрущева под руку, и он, послушав советы тех, кто больше всего боялся децентрализации управления, пошел на укрупнение совнархозов. Теперь они уже создавались как межобластные управления народным хозяйством и, естественно, вызывали конфликты местных и областных партийных, советских органов с руководителями совнархозов. Начались многочисленные споры и дразги, которые было непросто преодолеть» [23. С. 144–145].
Общесоюзный Совет народного

хозяйства СССР, руководивший всеми совнархозами страны, имел коллегиальность: во главе стояло бюро численностью до 15 человек, и образован он был в составе 50–60 человек; однако сделано это было поздно — на основе решений мартовского (1962 г.) Пленума ЦК [3.19. С. 26].

5 февраля 1963 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Среднеазиатского экономического района». Через год указ отменен местными Верховными Советами в тот же день и позже возвращена старая сетка. Также был создан единый Прибалтийский район (при

сохранении республиканских совнархозов).

В январе 1960 г. было ликвидировано *МВД СССР*. И это понятно: идеологи твердили, что с преступностью вот-вот будет покончено, зачем оно нам? Партия и так справится с любой задачей — достаточно только коммунизм построить... Только в августе 1966 г. *МВД СССР* было воссоздано на базе Министерства охраны общественного порядка РСФСР, то есть, по-иному излагая этот момент, республиканское министерство ликвидируется и его функции передаются союзному. Как же так могло получиться? Разве практики не

понимали, к чему это приведет? Ведь 2/3 преступлений давала именно Россия? [4. С. 293].

Вершиной академической деятельности шахтера — борца с бюрократами стал Пленум ЦК 19–23 ноября 1962 г., принявший решение о разделении территориальных партийных и государственных организаций по производственному принципу: на промышленные и сельскохозяйственные обкомы и исполкомы. (Были впоследствии объединены на основе решений Пленума 16 ноября 1964 г.) На своем предпоследнем Пленуме (июль 1964 г.) Н. С. Хрущев давал непонятные установки на новые

реформы. Отмечают, что в те годы «партийное делопроизводство, равно как и работа аппарата в целом, были запущены, велись без должной системности, хаотически» [12. С. 127–128].

Что еще мы имеем на октябрь 1964 г. в свете уже «перестроечных» событий?

Как должны были дальше развернуться события в свете, если бы не октябрьский Пленум?

В декабре 1962 г. создано *Средазбюро ЦК КПСС*, которое объединяло 6 азиатских республик. Председатель — В. Г. Ломоносов. Было создано и *Бюро ЦК КПСС по РСФСР* [3.20. С. 1]. Председателем

был сам Н. С. Хрущев, первыми заместителями в разные годы были: Г. И. Воронов (1961–1962 гг.), Л. Н. Ефремов (1962–1964 гг.), А. П. Кириленко (1962–1966 гг.). В соответствии с этим аппарат ЦК был раздроблен на три группы: Бюро ЦК КПСС по РСФСР; Бюро ЦК по союзным республикам и отделы, общие для всего ЦК.

Вполне допустимо, что по этому признаку мог пройти раскол партии и страны. Кто-то должен был сыграть роль Ельцина и отколоть Бюро ЦК по РСФСР от основного ядра... Но это не состоялось, а Н. С. Хрущев своей деятельностью по разрушению информационно-организационного

центра партии и государства словно дал прямые рекомендации М. С. Горбачеву в этой области.

КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ОТСУТСТВОВАЛ «АНТИПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ МЕХАНИЗМ?»

*Не было гвоздя —
подкова пропала,*

*Не было подковы —
лошадь захромала,*

*Лошадь захромала —
командир убит,*

*Конница разбита,
армия бежит.*

*Враг вступает в город,
пленных не щадя,*

*Оттого что в кузне не
было гвоздя.*

*Из английского
народного
творчества*

Почему все же мы проиграли организационную войну? СССР, при всем обилии контор и прочего, оказался в роли системы, где не было очень важного элемента. Деятельность Л. И. Брежнева характеризуют тем, что при нем часто выдвигались проблемы, описывались вызовы и т. п., все это доводилось до самых «верхов» и умело задвигалось «на потом», а пока решались задачи только количественного роста. Наша область не стала исключением.

Целый ряд ученых-кибернетиков, специалистов по управлению экономикой и правоведов самыми доступными способами — через книги и печать — били в колокола, требуя создать орган по оргпроектированию, и не смогли добиться своего! Итог — страна проиграла эту самую организационную войну [3.21. С. 194; 3.22. С. 134–135; 3.23. С. 29; 3.24. С. 173; 3.25. С. 32; 3.26. С. 245; 3.27. С. 2; 3.28. С. 115]. То есть к моменту начала войны у нас не оказалось столь нужного рода войск.

Сравнения не в нашу

ПОЛЬЗУ

Тут объективности ради надо сказать, что такие казусы имеют в своей истории многие (если не все) государства, в том числе и те, кто в новейшей истории причислен к государствам-победителям. Так, например, в 1929 г. госсекретарь США Г. Стимсон (Stimson) ликвидировал «черный кабинет» — службу дешифровки Государственного департамента США. Основания? — «A real gentleman should not read other people's letters!» («Настоящим джентльменам не следует читать чужие письма!») А что? Это так благородно... Жаль, что

с тех пор джентльменов совсем в Америке не осталось. У. Черчиллю (Churchill) во время войны часто совали копии немецких шифровок, где были ряды непонятных цифр, и он с теми же словами воротил нос, но как только англичане достали «Энигму» и начали дешифровывать телеграммы, то он сразу же забыл о своем лордстве и живо стал интересоваться гитлеровскими секретами.

Однако вернемся в Америку. Сам *аппарат Белого дома* возник только в 1939 г. при Ф. Д. Рузвельте [3.29. С. 14], до этого как-то обходились руководством страны только через министров.

Г. Трумэн (Truman) в своих мемуарах жаловался: «Необходимая информация поступала от различных ведомств. Военное министерство имело свое разведывательное управление — Джи-2, у флота своя разведка — Управление военно-морской разведки. С одной стороны, Госдепартамент получал информацию по дипломатическим каналам, с другой стороны — министерства финансов и сельского хозяйства имели собственные источники информации из различных частей мира о валютных, экономических и продовольственных проблемах. В войну ФБР вело некоторые операции за рубежом, и в

довершение всего Управление стратегических служб (УСС), созданное президентом Рузвельтом и отданное под руководство генерала Уильяма Д. Донована, собирало за границей информацию. Разнобой в методах получения информации свидетельствовал, на мой взгляд, о дурной организации» [3.30. Р. 73–74]. Давайте в этом согласимся с г-ном Г. Трумэном.

В центре нашего внимания из всех возможных подразделений вашингтонского центра должен быть *Совет национальной безопасности (СНБ) США*. Он был создан в 1947 г., и его регулярные заседания стали проводиться с сентября того же года,

но сам Трумэн редко их посещал и председательствовал госсекретарь. За первые пять с половиной лет было проведено 128 совещаний и принято 699 решений [3.31. С. 61] (со ссылкой на: [3.32. Р. 442]). Однако в наиболее критические моменты СНБ собирался чаще [3.30. Р. 124, 3.31. С. 42–72]).

«Во времена Эйзенхауэра в структуре СНБ существовало 2 главных органа: Совет планирования и Совет по координации операций. Вся деятельность системы строго подразделялась на «политику» и «операции». Рекомендации по вопросам «политики» и «операций» должны были постепенно

подниматься через ведомства и межведомственные комитеты до Совета планирования, который согласовывал их и предоставлял на рассмотрение СНБ. Затем эти решения утверждались президентом. Совет же по координации операций должен был переводить уже принятые решения по вопросам политики на язык конкретных внешнеполитических мероприятий. (...)

...Заседания Совета национальной безопасности, на которые собирались иногда до 60 человек (Hughes E. J. The Ordeal of Power. NY, 1963. P. 127) (руководителей ведомств и их

советников), не могли служить подходящим форумом Для оперативного решения крупных международных вопросов. (...)

Слабейшим звеном в системе СНБ специалисты единодушно признали Совет по координации операций. Лишенный вообще права принимать решения, этот Совет потонул в процедуре межведомственных согласований (всего в системе СНБ при Эйзенхауре действовало до 160 межведомственных комитетов) и вообще потерял способность осуществлять свои функции. За этим органом закрепился ярлык «бумажной мельницы» [3.31. С. 73—

Д. Кеннеди стал использовать заседания СНБ от случая к случаю, да и то для сообщения о принятых решениях. Л. Джонсон использовал СНБ часто, но там не принимались решения. Зато вошли в практику «завтраки» по вторникам, где не велись протоколы [31. С. 49–52].

При Р. Никсоне аппарат был реорганизован и увеличен в 1971 г. до свыше 110 человек. При этом резко возросло значение помощника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера [3.31. С. 58–66]. В связи с общей реорганизацией разведывательных служб в те годы аппарат пополнился

бюро оценок разведывательной информации (группа итоговых оценок).

Копируя деятельность Р. Макнамары на посту министра обороны, была введена должность помощника Г. Киссинджера по системному анализу, ее занял У. Смит (Smith) [3.31. С. 66]. Кроме СНБ в штате Белого дома появляются другие помощники президента. Это новый директор по информации (до этого — пресс-секретарь), помощник по связям с конгрессом, директор «ситуационной комнаты» и другие [3.31. С. 67]. Чтобы поднять эту деятельность на подлинно научный уровень, корпорация РЭНД взялась

за исполнение проекта для создания информационно-коммуникативной подсистемы для СНБ и изложила рекомендации в специальном меморандуме (RM-6054, август 1965 г.). Диктовал организационную политику *Координационный Совет по вопросам организации исполнительных органов*, председателем которого был избран глава компании «Litton Industries» Р. Эш (Ash), который использовал при работе в своей фирме интересные построения оргсистем, принципы подбора кадров и создания для них карьерного роста.

В *Государственном департаменте* одна из ключевых

проблем — это большой поток информации на линии Вашингтон-посольство. В 1968 г. через центр связи проходило в общем 1200 телеграмм, 51 % которых были шифрованными. Крупное посольство получает ежедневно такое число материалов, что если их объединить, это составит книгу в 850 страниц [3.33. P.301].

Такова общая картина в обычный день. Но внутри внешнеполитического аппарата бывают резкие всплески, когда на отдельных направлениях потоки информации возрастают в десятки раз — так отражаются на работе кризисы. На этот случай в

дипломатическом ведомстве США проводилась директива «limited-tel». По получении ее посольства прекращают посылать в Центр информацию, кроме чрезвычайно важной и срочной, зато информация из посольства, которое находится внутри кризисного района, идет и перерабатывается во всей полноте. Таким моментом, например, был июнь 1967 г. — варварское нападение Израиля на арабов. Предпринимаемые усилия позволили стабилизировать информационные потоки в нужном русле [31. С. 111–114].

Хотя иногда и говорят, что *Совет безопасности России* — это

некая копия СНБ США, но на самом деле они весьма сильно отличаются. Хотя бы количеством — в аппарате СБ РФ служат всего-то 200 человек [3.34. С. 8, 07. С. 73]. Впрочем, в отделе административных органов аппарата ЦК было и того меньше: называют цифру в 52 и в 69 человек. Аппарат СНБ — 610 человек (при Г. Киссинджере, 1969–1974 гг.), 100 (при З. Бжезинском, 1977–1981 гг.). Структура и функции СБ РФ гораздо беднее [7. С. 66–75].

В целом деятельность Президента США обслуживает *Исполнительное управление*. Так, при Дж. Буше-старшем в его системе работало 1700 человек. Туда входили

аппарат Белого дома, Совет национальной безопасности, административно-бюджетное управление, экономический совет при президенте, управление по разработке политики в области науки и техники, совет по качеству окружающей среды, управление представителя США на торговых переговорах, отдел административной поддержки и другие, менее значимые подразделения. Численность аппарата Белого дома всего 84 ответственных чиновника. Среди них: специалисты по бюджету и управлению, национальной безопасности, экономике, конгрессу,

науке и технологии, профилактике наркомании, межгубернаторским отношениям, охране окружающей среды, национальным целям, телекоммуникациям, потребительству, военным делам, гражданским правам, разоружению, образованию, международной торговле и тарифам, помощи престарелым, здравоохранению, питанию, физкультуре, добровольным обществам, интеллектуалам, молодежи, женщинам, Уоллстриту, губернаторам, мэрам, этническим группам, по регулирующим учреждениям, то есть по всем вопросам, которые курирует

президент.

Дж. Буш-старший начинал свой день с чтения документа от ЦРУ National intelligence estimates (национальной разведывательной сводки), и первым он принимал своего помощника по национальной безопасности Б. Скоукрофта (Scowcroft). Его сын продолжал эту традицию: утром он по полчаса беседовал с К. Райе (Rice), о которой он весьма высокого мнения. «Ныне рабочий день американского лидера начинается 40-минутными консультациями с мисс Райе. (...) Да и после в течение дня президент по несколько раз обращается к своей советнице, что делает их поистине

неразлучными... «Она — единственная, кто может объяснить мне суть дела так, чтоб я понял, — приводятся слова Буша-младшего там же. — Райе — превосходный администратор и генератор идей» [3.35. С. 13].

По наводке из-за рубежа

1990-е. На нейтральной территории встречаются два генерала в отставке, один — КГБ, другой — ЦРУ. Советский спрашивает: «Дело прошлое, ничего уже не вернешь, поэтому скажите прямо: Чернобыль — ваших рук дело?» — «Совершенно ответственно

заявляю, что к Чернобылю мы не имеем никакого отношения, дело наших рук — Агропром...»

На основании анекдота трудно строить какие бы то ни было доказательства. Но мы не ищем себе легких путей. Доказывать, что рекомендации по разрушению СССР текли прямо из-за границы, трудно, но можно. Главное здесь по-прежнему одно: знание некоторыми центрами принципов работы механизма самоорганизации разрушения.

Была (и, трансформировавшись, остается) такая наука, которая называется кремлелогия (kremlology), или кремленология (kremlinology), по

сути, она является только частью советологии (sovietologists), или советологической теории (sovietological theory). В RAND Corporation, например, предпочитали говорить о кремлеологическом подходе (Kremlinological approaches) [3.36. P. viii].

В рамках рассматриваемой нами здесь узкой темы представители этой науки занимались разработками последующего сокрушения систем управления СССР, а не только изучением состояния здоровья очередного генсека, как ернически пишут до сих пор.

В отличие от наших идеологических жрецов кремлеологи

действительно жили в свободном мире, где они могли возвращаться к одной и той же ключевой проблеме Советов по 100 раз. Сами Советы обходились штампами типа: «*Но такой-то съезд сказал об этом все и страна уверенно пошла дальше*», понимай: не стоит-де эту тему поднимать еще раз.

В объект их изучения входили явления, которые на Западе знали только они, да еще те, кто читал их труды; были вещи, которые они еще могли перевести на английский: *apparatchiki* — men of the apparatus; *gorkomy* — city party committees; *samokritika* — self-criticism; *podbor*, *podgotovka i rasstanovka kadrov* —

selection, training and placement of cadres; *perestrojka* — restructuring; а были и термины, понятные только посвященным: *nomenklatura* (номенклатура), *ortodoxy* (ортодоксы), *kampainshchina* (кампанейщина).

Избранные ученые — международники — могли еще почитать кое-что из их трудов в первоисточнике, но понять их терминологию, что такое System Architecture, смогли только тогда, когда эта самая *системная архитектура* была уничтожена.

«Деятели холодной войны с самого начала изучали советскую систему власти и управления,

особенно высшее руководство, обозначаемое словом «Кремль». В составе советологии возникла особая ее отрасль — кремлелогия. Она самым педантичным образом изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, центральный партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти» [6. С. 3].

Были кремлеологи, которые сделали своей специальностью изучение тех или иных лиц среди советского руководства, достаточно хорошо известные андроповеды или брежневеды. Но, будучи только таковыми, они неминуемо

превращались в откровенных халтурщиков, или же они должны были подрабатывать на этом только для того, чтобы не противоречить основным подходам. Но были и те, кто был занят серьезными вещами: изучением советского организационного феномена.

Мировая история еще не знала сверхобщества (термин А. А. Зиновьева, описывающий советский организационный феномен, а ныне и современный западный) — требовалось всесторонне его изучить. И тут исследовались как вся советская система в целом, так и ее отдельные фрагменты: для того чтобы вообще

ПОНЯТЬ МОТИВЫ ЧИНОВНИКА — ЕГО административное поведение (administrative behavior), совсем не обязательно ехать в Союз, можно зайти в любое учреждение в любой стране мира и понять, что представляет собой любой чиновник — тут, как говорится, всеобщее. Но то, как именно ведут себя цекисты, — это явление особенное, и тут надо было иметь выход на такого человека, который бы хоть раз переступал порог зданий в центре Москвы. Таким незаменимым был, например, А. Г. Авторханов, работавший в ЦК в 1930–1940-е, ряд диссидентов-перебежчиков уже в 1960–1970-е годы.

Сам по себе хорошо развитый менеджмент, особенно с диалектическим подходом (управление кризисом, перехват и удержание контура управления, межведомственные войны), был способен дать четкие рекомендации по разрушению любого государственного устройства. Совсем не исключается помощь кремлеологам обычных западных политологов, специально посвятивших свои исследования *структурно-функциональному подходу к политическим системам*. Их имена хорошо известны из традиционной литературы: Г. Алмонд (Almond); Т. Пауэл

(Powell); Д. Истон (Easton); Ф. Кларк (Clarke); А. Вуд (Wood).

Как раз один из таких подходов был воплощен в любопытной работе советолога М. Рэша (Rush): «Задача организаций. Заказанная программа требует, чтобы учреждения диктатуры были устроены таким образом, чтобы в течение периода выполнения программы они не были в конфликте между собой. Если унаследованная система власти не может работать эффективно в этот период, то кризис программы принуждения через лица и фракции и вызовет борьбу за власть, в которую будет вовлечена большая часть организаций. Сталинская система

власти стала настолько личностной, что не могла существовать без него. С другой стороны, хрущевская система власти, хотя и отражала его сильную личность, не была уникальной: в своей сущности она имела сходство с системой власти, которую применял Сталин в первые годы своей диктатуры. Сейчас, если такие разные личности, как Хрущев и Сталин, руководили такой системой, вероятно, что какой-нибудь будущий диктатор, должным образом квалифицированный, смог бы сделать так же. Кроме того, эта форма власти продемонстрировала свою гибкость, потому что доказала, что является эффективным

инструментом для проведения и социальной революции Сталина, и социальной реформы Хрущева. Для Хрущева решение задачи организации заключалось в том, чтобы гарантировать, что его система власти осталась неповрежденной в период выполнения его замысла. Центральной фигурой в этой системе, как отмечено выше, была гегемония партийной машины.

Сам приход к власти Хрущева во время руководства Сталина был основан на использовании партийной машины. Она была инструментом не только в программной борьбе, но также инструментом, который выбрал

Хрущев для выработки тактики и диктатуры управления. Несмотря на его частые административные преобразования и экспериментирование с различными методами управления советским обществом, партийная машина не только оставалась независимой, но и усиливала свое влияние на другие управленческие организации. Администраторы и технократы из числа лучших были приглашены в партийный аппарат для того, чтобы улучшить его способность контролировать экономическую бюрократию сверху донизу. Последняя тенденция к переориентации несколько усилила

основные части государственной экономики, но способность центрального партийного аппарата вмешиваться в экономику возросла даже больше. После 1958 г. политическая полиция возглавлялась периферийными *аппаратчиками* вместо людей, как было до этого, которые сделали карьеру в службе государственной безопасности. Контроль партии над Вооруженными Силами увеличился, и число руководящих организаций возросло, для того чтобы обеспечить очень запутанную систему под непосредственным руководством партийного секретариата.

(...) Кроме своего

политического потенциала, Вооруженные Силы могли бы быть призваны играть более прямую и действительную роль, если бы была сделана угрожающая попытка захватить власть. Однако, начиная с того насилия, которое играло столь маленькую роль в программе Сталина, когда были прямые обстоятельства для его использования, маловероятно, что программа Хрущева будет отмечена насилием. В случае если Вооруженные Силы действительно вмешались бы насильственно, то маловероятно, что они могли бы быть инструментом политической фракции, но не прямым усилием

захвата власти для себя.

КГБ, или политическая полиция, так как она была недавно образована в эпоху пост-Сталина, будет практиковать, конечно, свои определенные профессиональные навыки в программе, взятые из политического шпионажа, если не из поремщины. Ретроспективно,

кажется, Хрущев имел значительный успех в управлении политической полицией, и это, возможно, играло большую роль в его победе, чем обычно предполагалось. Более того, вероятно, что политическая полиция играла роль в его поражении, и это предположение, если его рассматривать более широко,

увеличит тень, брошенную КГБ на советскую политику. Вопрос не в том, будут ли политический шпионаж и принуждение использоваться, а в том, кем и как. Будут ли главы КГБ преуспевать в обслуживании своих политических хозяев? Или будет ли КГБ эффективно нейтрализован как инструмент борьбы фракций, по крайней мере со временем?

Хотя политическая полиция будет включена в программу, но из-за ее сокращенных сил ее роль будет ограничена. Никакой соперник, вероятно, не сделает политическую полицию главным средством в своей заявке на власть, как сделал это

Берия в 1953 г. Такой потенциальный фактор раскола в программе был удален, и вероятность кровопролития уменьшилась. Нельзя сказать, что сокращение роли политической полиции — это тенденция времени, которая должна продолжиться. Наоборот, при определенных обстоятельствах использование политической полиции как средств репрессий может увеличиться» [3.37. Р. 118–119, 160–161]. (Здесь и далее перевод Теряевой С. А.)

Насколько прав оказался этот американский советолог, мы видим сегодня. Он говорит о том, что «вопрос не в том, будут ли политический шпионаж и

принуждение использовать, а в том, кем и как». Он считает очень важным, чтобы «учреждения диктатуры были устроены таким образом, чтобы в течение периода выполнения программы они не были в конфликте между собой», то есть не было *межведомственной войны*. Насколько американец преуспел в своем прогнозе, мы видим только сейчас...

Кто это там докладывает: «Операция по внедрению на вершину власти завершена!»? Тот, кто завершает дело, начатое Ю. В. Андроповым. Что такое вообще вся эта перестройка, как не межведомственная война по линии

КГБ СССР — против всех союзных структур, выигранная инициаторами такого противостояния? Сделана она была не за один ход. А при помощи «Лиотэя». Где за первой фазой «*свой председатель КГБ*» открывалась фаза вторая «*свой генеральный секретарь*», но при этом не отрицала фазу вторую со штрихом «*другой свой председатель КГБ*».

Самая, пожалуй, лучшая работа по раскрытию коммунистического организационного феномена сделана в работе исследователя из Корпорации РЭНД (social science research staff The RAND Corporation) Ф. Селжника «Организационное оружие в большевистской стратегии

и тактике» [3.38]. Это довольно объемная и добротная работа: на нее ссылаются даже те, кто занимается только вопросами организации. Вся история ВКП(б) в ней проработана именно с этой позиции. В СССР доктора юридических наук из Института государства и права АН СССР описывали все формально и предельно обобщенно: *«С точки зрения Конституции это так-то и так-то»*. В Америке все считали до последнего человека. И смотрели на всю систему: начальники, равные, подчиненные. Другой аспект — это разные подходы к разным ипостасям: какой-нибудь министр у себя в кабинете — одно поведение, но он

же одновременно и член ЦК — другое поведение, депутат Верховного Совета — третье... Тут же к этому налагается еще неформальная сторона дела, и получается четкая мозаика. Случались и ошибки: «... кремленологи произвольно или по наитию делят членов Политбюро на соревнующиеся группы, причем так самоуверенно и безапелляционно, словно авторы сами присутствовали на заседании Политбюро во время бурных дискуссий там. К тому же кремлевские астрологи, толком не зная функционирования партийного аппарата и его устоявшихся традиционных норм, все внимание

сосредотачивают на оценке отдельных личностей, которых ведь тоже никто толком не знает. Поэтому получается произвольное деление членов Политбюро по западному образцу на «голубей» и «ястребов» или просто на сторонников и противников генсека. Свои знания кремлевские астрологи черпают из двух источников: 1) кто где стоял или сидел по отношению к генсеку, что только отчасти отражает действительную картину (...) 2) кто какие речи произнес и сколько у него было ссылок на генсека» [3.39. С. 53–54].

Но в целом надо признать их работу виртуозной и одновременно

посочувствовать: что можно было изъять ценного и как нужно было уметь работать с информацией, чтобы, например, что-то найти в книге Pervichnaya partiinaya oiganizasiya — avangard trudovogo kollektiva? [3.40]. Но искали и находили... И давали верные рекомендации.

В 1990 году в СССР подводили итог их деятельности: «Один любитель статистики подсчитал, что с октября 1917 года по 1988 год политиками-профессионалами Запада, журналистами, военными, просто советологами-любителями предложено 500 вариантов уничтожения Советского Союза. (...)

Именно сегодня мне хочется напомнить об одном из вариантов 60-х годов, бывшем довольно популярным среди тогдашних, да и некоторых нынешних политиков. (...) Военная победа Запада над СССР неприемлема из-за большой цены этой победы. А вот вернейшей возможностью расколоть могучий советский монолит является проблема ликвидации трех опор, на которых он зиждется: партии, армии и КГБ» [3.41. С. 26].

Невероятная трагедия, свершившаяся с СССР, стала «возможной лишь постольку, поскольку разгром советской государственности был осуществлен

самими ее руководителями под диктовку западных манипуляторов» [6. С. 3].

Операция «Зеркало»

Для качественного анализа всего советского лагеря требуется хотя бы ограниченный сопоставительный анализ систем Запад — СССР, для чего надо поискать симметричные (свойственные тому и другому) структуры. Причем нас интересуют не абсолютно все, а только те, которые успешно функционировали до какого-то времени, а потом в СССР вдруг по какой-то причине они были закрыты, их деятельность

приостановлена и больше, как правило, не возобновлялась. Полный сопоставительный функционально-структурный анализ по линии Запад-СССР мы проводить не будем — дело это весьма громоздкое и хлопотное, обойдемся. И там и здесь есть что-то общее, а что-то отличное. Какие-то функции выполняются совершенно одинаково, что-то есть у нас, и этого нет на Западе, но что-то и наоборот.

Приведем лишь один случай. В 1919–1943 гг. в мире существовал *Коммунистический Интернационал*, функция которого должна была сводиться к осуществлению мировой революции, и таковая цель не скрывалась. И. В. Сталин на

основании договоренностей с Ф. Д. Рузвельтом и У. Черчиллем в мае 1943 г. прекратил деятельность Коминтерна в обмен на обещание открыть второй фронт в Европе, с чем союзники все равно не торопились еще больше года.

По окончании же Второй мировой войны было основано *Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро)*. Его заявленной целью был только обмен политическим опытом и координация в деятельности партий на международной арене. Образовано оно в г. Шклярска-Поремба (Польша) в 1947 г. Однако

просуществовало недолго. О
прекращении деятельности
сообщалось в газете «Правда» за
подписью Центральных Комитетов
компартий: «Центральные Комитеты
коммунистических и рабочих
партий, входящих в Информбюро,
обменявшись мнениями по вопросам
его деятельности, признали, что
созданное ими в 1947 году
Информационное бюро исчерпало
свои функции. Как по своему составу,
так и по содержанию своей
деятельности, Информбюро уже не
отвечает новым условиям борьбы
рабочего класса. По взаимному
согласию партий принято решение
прекратить деятельность

Информационного бюро коммунистических и рабочих партий и издание его органа — газеты «За прочный мир, за народную демократию!»).

Это решение коммунистических партий, несомненно, облегчит выполнение задач, стоящих перед международным коммунистическим движением на современном этапе. Немаловажным результатом принятого решения следует считать и то, что оно наносит удар по реакционной пропаганде империалистических кругов, нагромоздивших всякие небылицы вокруг Информбюро» [3.42. С. 3]. Комментарии не требуются.

С 1955 г. социалистический блок имел в своем распоряжении только *Политико-консультативный комитет организации Варшавского договора*, где было представлено высшее партийно-политическое руководство стран-участниц, но при этом не имелось других постоянно работающих политико-управленческих структур. Прошло несколько разовых Международных совещаний коммунистических и рабочих партий. В 1970-е годы, во время отдыха Л. И. Брежнева, в Крым прибывали его коллеги из соцстран Восточной Европы, и проводились так называемые Крымские встречи.

И это в то время, когда западный

мир имел такие мощные
надгосударственные образования,
как *Бильдербергская группа,*
Международный банк
реконструкции и развития,
Международный валютный фонд,
Совет по международным делам,
Трехсторонняя комиссия.

ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

*Если нам известны
причины, ведущие к гибели
государственных
устройств, то мы тем
самым знаем и причины,
обуславливающие их
сохранение:
противоположные меры
производят
противоположные
действия.*

Аристотель

*В управлении
государством мы создадим
хаос и неразбериху...*

Аллен Даллес

Организационная война вместо обычных боевых действий направлена на захват или уничтожение контура управления. В ходе ее предполагается уничтожить наиболее опасные для противника подсистемы. По окончании предварительной фазы начинается активная фаза, когда в процессе большого политического давления инициируется уничтожение прочих структур, а по достижении победной

фазы в ней открывается возможность велеть поработенным уничтожить что-то еще. Для того чтобы организационная мощь не вернулась.

Совсем коротко это назвать так: **убийство государства**. Не сразу, как это бывает в обычной военной агрессии. А по частям. И не в плане поэтапного территориального захвата, а в плане функциональном. Сегодня — это одна уничтоженная функция, завтра — другая. Возникают зияющие черные бреши в системе управления государством. И так до полного исчезновения, или, вернее, до тех пор, пока не наступит тот порог, за которым уже можно атаковать систему без опасения, что

она сможет отстоять свою независимость или не утратит способность к стойкому сопротивлению.

То есть в идеале должна быть полноценная структура. В ней не должно быть зияющих брешей или, наоборот, дублирования функций и др.

Такого рода явления, как перестройка, относятся к специальным действиям, таким как «Консциентальная операция — хорошо скоординированные, психологические по форме, цивилизованные по содержанию и информационные по средствам широкомасштабные действия по

дезориентации противника, подмене его ценностных ориентиров» [27. Т. 1. С. 1004].

В изложении этого вопроса есть одна весьма значимая трудность — а именно восприятие самой сущности явления. У нас еще до сих пор толком не рассказана вся управленческая сторона истории СССР, — уверен, что тема эта не только поучительная, но и интересная и со временем могут появиться книги по этому вопросу. Увы, рамки настоящей главы не позволяют это сделать полностью. Причем здесь нужно сотрудничество как классического историка, так и специалиста в области менеджмента.

Перечисление фактов еще не даст всей картины тех глубоких антагонизмов, которые развернулись на этом «фронте». Нарушение правил науки управления еще не есть злой умысел, а может выглядеть и как дело совершенно случайное. Именно за это цепляются некоторые недобросовестные исследователи, уходящие в далекую от диалектики область, и их обычная формулировка *«Советский Союз рухнул под воздействием внутренней несостоятельности»* кочует из статей в книги, оттуда в учебники и в сознание людей. Возникает встречный вопрос: *«Что это за несостоятельность?»* В ответ

говорят только как о более-менее крупных и не очень ошибках, повлиявших так или иначе на катастрофу страны. А злой умысел не признается ни в частностях, ни в целом...

Случаются близкие факты и в обычных войнах. Допустим, налетом авиации полностью уничтожен штаб вместе со всем персоналом! Конечно же, это неприятно, особенно когда это происходит в самый нужный момент (собственно говоря, штаб — самая необходимая единица в любой момент, даже при реформировании и в глубоком тылу), но это только неприятность, и не более. Людей, желающих служить

в штабе, всегда найдется с избытком, из их числа найдут наиболее подходящих, и проблема на этом будет исчерпана. В нашем деле все не так просто. В нашем деле штаб надо так уничтожить, чтобы его уничтожение выглядело благом! И ни в коем случае не вызывало желания набрать новых людей.

При М. С. Горбачеве активно продолжалось не доделанное при Н. С. Хрущеве. Системе управления наносился один удар за другим. Почему было возможно повторение «организационной чехарды» в 1980-е? Да потому, что во времена Л. И. Брежнева не был проведен четкий анализ, не было изучено

прошедшее во всей полноте и взаимосвязи, не даны оценки от самых мягких до «военной» терминологии, не были даны рекомендации, как этого избежать впредь.

Воспрепятствовать деятельности возможно необязательно по приказу начальника «сверху» или упустив нити управления. Можно добиться подобного через больший, чем это необходимо, диктат. Таковым, например, оказалась работа с депутатами-коммунистами из Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 гг. Первое время они собирались в 206-й комнате ЦК КП

РСФСР: «...стиль работы с депутатами был явно заимствован из прошлого. Собирали нас часто, обычно после заседаний съездов или сессий. Приходил И. К. Полозков, открывал собрания, садился и молчал. Говорил Соколов (секретарь ЦК. — *А.Ш.*). Он четко, самоуверенно давал нам инструкции, как себя вести, что говорить при решении того или иного вопроса.

Возражений не терпел, требовал неуклонного проведения линии, выработанной секретариатом.

Сначала мы нервничали, затем стали возмущаться, потом наиболее смелые ходить на эти собрания перестали. Через некоторое время

перестали ходить все, кроме освобожденных партийных работников...» [3.43. С. 60–61].

Отсюда и делаются глубокие обобщения, что «одной из причин распада Советского Союза стала, по-видимому, чрезмерная устойчивость, окостенелость его отжившей политической системы» [36. С. 59].

Здесь произошло слияние стольких факторов, что их все и не перечислить. Хотя они довольно ограничены и в конечном итоге имеют одну природу, но вычислить их все мы не стремимся. Здесь все слилось: и грустное, и смешное. Построили мост. Признали объектом военного назначения. Ввели

должность (на языке бюрократов — строчку, имеется в виду в штатном расписании) сторожа. Потом смотрят, что ж такое? Он же стоит без присмотра. Поставили над ним директора. Потом ввели «строчку» бухгалтера, чтоб начислял им зарплату. Тут прошла кампания сокращения раздутых штатов. Сократили... сторожа. Было ли такое или случай придуман от начала и до конца? Не знаю. Но мораль здесь такая: в 1991 году сократили кого-то, кто был нужней всех. А директора остались...

Межведомственная война

Потенциальная возможность раскола кроется в самой сути любой целостности. В любом государстве есть подразделение всего госаппарата на части: «Вся огромная страна на глазах расщеплялась на удельные владения-ведомства, и они имели только свои местнические интересы. СССР становился чем-то вроде апельсина, который снаружи походил на красивый монолит, а сними кожуру — и представал перед глазами в виде долек, каждая из них была либо ведомством, либо союзной республикой» [18. С. 158].

Удивительно и то, что малейшее отклонение от обычного состояния системы приносило с собой прямо-

таки резонансные явления. Ну, скажите, как могут отразиться на высшем руководстве в Москве события в далеком, полузарубежном Афганистане? Оказывается, могут, да еще как: «...В Москве так и не был решен вопрос, кто же будет главным представителем советского руководства в самом Афганистане, кто будет своего рода военно-политическим руководителем всей кампании. Вопрос не был решен потому, что и в самой Москве никто не знал, кто же несет основную ответственность за афганскую войну. Существовала Комиссия ЦК по Афганистану, в которую входили Громыко, Андропов, Устинов и др.

Это был типичный по тем временам «коллективный орган безответственности», носивший, по сути дела, консультативный характер при генеральном секретаре. А практическое каждодневное руководство осуществляли министры по своим линиям, не спрашивая коллег и часто не советуясь с ними. Этим ловко пользовались афганцы, находившие себе покровителей среди ведомственных начальников. Скажем, в течение всех лет войны представители КГБ ориентировались преимущественно на группировку «Парчам» Народно-демократической партии Афганистана. Эту группировку возглавлял Бабрак

Кармаль, стоявший во главе партии и государства. В то же время представители Министерства обороны неизменно симпатизировали «халькистам», потому что подавляющее большинство военного командования афганской армии принадлежало именно к этой группировке.

Роль посла Советского Союза была достаточно принижена, что, по-видимому, устраивало МИД СССР и А. А. Громыко, не желавшего глубоко погружаться в афганскую пучину» [18. С. 321]. Если уж раскол шел по такой линии, то и далее он был неизбежен. И стоило только чуть усугубить эти явления, как волну

столкновений уже нельзя было остановить. Нужно было иметь только знание о природе такого противоречия и дать толчок в нужном направлении. Люди, которые пережили не одну организационную войну, могли предупредить новичка: «Если потребуется, то для ликвидации твоего управления могут упразднить само министерство. Такие случаи были» [4. С. 218].

То, что произошло в СССР, можно назвать так: реорганизация, равная ликвидации. Нам выдают тонкую технологию: «Если хочешь разрушить систему — сделай две ее реорганизации. По законам управления, после третьей

реорганизации система гибнет. Таким образом, если рассуждать логично, то получается, что решения принимаются как бы в противовес здравому смыслу. А может быть, они хорошо продумываются с помощью иного здравого смысла?» [4. С. 294].

Все началось еще на первой стадии, когда шла зачистка аппарата под лозунгом освободить его от бюрократов, разложившихся за время правления Л. И. Брежнева. Уже тогда был взят опасный курс на переделку в масштабах всей иерархии системы. Если при И. В. Сталине была проведена чистка сначала на уровне отдельных предприятий от старых специалистов и бюрократов, а потом

примерно в 1937 году были вычищены старые большевики в «верхах», то начиная примерно с 1982 года зачистка аппарата проводилась по всей глубине. Тут было бы уместно сравнить такую ситуацию с тем, как подлодка уходит на недопустимую глубину. В результате получилось, что зачистка организаций отождествилась с ликвидацией. Разразившаяся межведомственная война была проиграна партийным аппаратом, который просто был вынужден покинуть занимаемые помещения.

Важно только, чтобы был выдержан «иной здравый смысл»: есть смысл поместить критическую

статью против соседа? Есть! Но нет смысла писать и публиковать самокритичную статью о себе. Даже центральный орган партии — газета «Правда» — может критиковать всю КПСС. И ничего, в порядке вещей. В конечном итоге все это при желании может считываться, корректироваться и направляться.

Можно, конечно же, поручить КГБ СССР арестовать какого-нибудь провинившегося офицера или даже генерала, даже своего руководителя могут арестовать, но поручить сделать что-то в масштабах всего ведомства нельзя. В стране уже были проведены межведомственные войны. Например по схеме: *органы*

против армии (1937 г., дело Тухачевского и др.) или *реванш: армия против органов* (1953 г., дело Берия и др.).

Но некоторые смогли противостоять всем. Так, например, сложилась ситуация *вся пресса против аппарата*: откликнувшись на зов «у нас нет закрытых тем», в газетах и на телевидении вышло несколько статей против бюрократов, «с другой стороны, и в ЦК, парткомах прибегали к окрику, безосновательным нотациям, поучениям. В ответ на резкую реакцию журналисты стали защищать «честь мундира». Их выпады стали еще более грубыми,

что исподволь кое-кем и поощрялось» [3.44. С. 87].

О малейших нюансах в этом деле писалось интеллектуалами из RAND Corporation [3.45.-3.52]. ЦРУ собирало фактуру.

Помощь американцев была в этом деле самой широкой. Если в СССР до поры было действительно некое хотя бы видимое единство, то в Штатах шел постоянный, но хорошо сдерживаемый разброд по линиям: *Демократическая партия против Республиканской партии; конгресс против разведки; конгресс против президента* (пример: Уотергейт); *пресса против всех* и т. д. Они давали море рабочего материала, которое

стоило только изучить на хорошем уровне и дальше запустить на русском политическом поле, что и было реализовано через разного рода посредников.

Советские философы, которые лишь различным образом объясняли мир, несколько раз писали о противоречиях при социализме (им это право было дано В. И. Лениным, который сказал, что при социализме исчезают только антагонизмы, а противоречия все равно остаются), не могли, конечно же, опуститься со своих высот до того, чтобы описать противоречия между аппаратами разных московских контор. Практики знали о спорах вокруг бюджета,

причем не стоит это обязательно понимать формально на уровне отдельных ведомств, это же может происходить и внутри оных, в ранге, скажем для примера, Главкоматов ВМС и ВМФ.

Затем ситуация была создана искусственно, и сеяли раздрай в самых высших эшелонах власти: «... Политическая тактика, которую иногда называли тактикой «блуждающего центра власти», особенно ярко проявилась тогда, когда была искусственно создана ситуация промежуточного двоевластия, подогревшая борьбу между Пленумом ЦК КПСС и Верховным Советом СССР. В тот

период власть полностью переместилась к Верховному Совету, а Пленум ЦК был фактически изолирован. Но единовластие парламента оказалось поистине мимолетным. Горбачев немедленно создал новую переходную ситуацию в сфере власти. Был выдвинут на авансцену так называемый «Новогогаревский процесс» [25. С. 158].

Так партийное и советское организационное оружие обращалось против его же обладателей. Так началось исполнение векового правила: «Разделяй и властвуй!»

Аресты

Кадровую составляющую организационной войны начали вести еще при жизни Л. И. Брежнева. Остававшиеся без должного уровня контроля первые секретари могли позволить себе многое, и, естественно, на местах был высокий уровень коррупции и прочих злоупотреблений.

В Среднюю Азию был послан целый десант из прокуратуры и КГБ. Итогом стало шумное дело. В Краснодарском крае, как сообщил на заседании Секретариата ЦК 20 июля 1982 г. Ю. В. Андропов, было арестовано 152 человека, а под следствием находилось 99. Через три дня — на первом же заседании

Политбюро — первого секретаря С. Ф. Медунова сняли. Позже его исключают из членов ЦК, а реабилитируют только в 1990 г.

В центре начали позднее... В 1985 году «при возвращении из Японии один из работников Министерства внешней торговли был задержан на таможне и арестован КГБ. Сотрудники Минвнешторга, связанные с органами, передали мне, что охотятся на самом деле за мной.

Формальной причиной моего ареста стало несоблюдение ведомственной секретной инструкции о правилах обращения с подарками, полученными от иностранцев. Реальная причина —

попытка пришедшего к власти нового лидера Горбачева показать народу, что КПСС готова «очиститься», разоблачить «коррупционеров» и начать перестройку. Случайной искупительной жертвой этого процесса среди прочих высокопоставленных оказался и я, в тот роковой год 65-летний заместитель министра внешней торговли СССР. Почему случайной? Этот «тонкий» момент мне разъяснил следователь: «Мы могли арестовать любого замминистра. Но попался один из твоих подчиненных. Ну, сам посуди: какая разница, кого бы из замов мы арестовали?»

Аресты в МИДе, ГКЭС,

Минвнешторге были, видимо, заранее спланированной акцией, и арестовывали, как правило, чиновников на уровне замминистра» [3.53. С. 4–5]. За всем этим стоит КГБ. Зачем его руководству было нужно проводить такие акции? Каковы эффекты? Е. К. Лигачев первым начинает снимать всех без разбору. Народ кричит: *правильно, дави их — они же воры!* Бюрократы молчат: кому охота идти в тюрьму? Будешь послушным — авось и пронесет... У М. С. Горбачева и К^о всегда есть алиби: воюем с коррупционерами, а не с советской властью — не мешайте... Любопытно то, что потом уже

самого Е. К. Лигачева начинают обвинять в коррупции — цикл под названием «змея кусает себя за хвост» замкнулся... Гдляны-ивановы делают себе карьеру, и потом их используют как таран на митингах.

Дилетанты из провинции

После длительного застоя в кадрах началась их непрерывная ротация. Она шла под флагом замены прокорректированной и разложившейся верхушки. Но осуществлялась весьма избирательно, точно скорректированно. В Москву брали людей, которые не всегда

соответствовали своей новой работе. Ведь руководство или, по крайней мере, работа в центральном аппарате требует других навыков, понимания масштабов всей страны. А учитывая, что СССР был еще и супердержавой, то на таком руководстве лежало решение и глобальных проблем. Это подразумевает, что у таких людей должно быть понимание политического пространства и его расширение до масштабов всей Земли! И вот за столом, откуда виден весь мир, появляется человек, с умом секретаря райкома или того меньше. Е. К. Лигачев тут как олицетворение всего этого явления. Будучи вторым человеком в стране, он бесконечно

ссылался на свой «томский опыт» [5. С. 8].

Из глубинки подтянули новичков, которых потом использовали столичные кукловоды. Рука опытного режиссера выбирала кого-то, вырывала из провинциальной глуши, выводила на сцену новичка, и первое время он только озирался, оказавшись в центре внимания к своей персоне. Этот новичок начинал думать, что без него теперь страна не обойдется, начинал строить из себя большое начальство, все пугаются, а у него ничего не получается. На него начинают показывать пальцами, его критикуют, потом от него

избавляются — и это происходит сравнительно легко. Он уходит на пенсию, так ничего и не поняв. А его просто вызвали на сцену, чтобы он отыграл свою роль, дискредитировав свой пост, свою контору, после чего он не нужен и вместо него новый актер играет свою точно такую же роль... Ниже мы приводим только некоторых таких людей.

Г. А. Алиев с поста кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПАз на пост члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР в декабре 1982 г.; этот пост он занимал по 1987 г., потом перешел на пенсию, но после

вернулся к активной политической жизни и с 1991 г. он — Председатель Верховного меджлиса Нахичеваньской автономной республики в составе Азербайджана, а затем — Президент Азербайджана. В дальнейшем мы только указываем фамилию и дату переезда.

С. С. Алексеев — декабрь 1989 г.;
В. И. Алкснис — май 1989 г.;
В. В. Бакатин — ноябрь 1988 г.;
Г. Э. Бурбулис — май 1989 г.;
А. В. Власов — январь 1986 г.;
В. И. Воротников — 1983 г.;
А. Н. Гиренко — сентябрь 1989 г.;
А. С. Дзасохов — февраль 1990 г.;
А. Ф. Добрынин — февраль 1986 г.;
Б. Н. Ельцин — апрель 1985 г.;

В. А. Ивашко — июль 1990 г.;
В. А. Купцов — апрель 1990 г.;
Е. К. Лигачев — декабрь 1982 г.;
Ю. А. Манаенков — сентябрь 1989 г.;
Б. К. Пуго — 1988 г.; Н. Н. Слюньков
— 1987 г.; Е. С. Строев — сентябрь
1989 г.; Э. А. Шеварднадзе —
июнь 1985 г.; О. С. Шенин — июль
1990 г.; Д. Т. Язов — январь 1987 г.;
А. Н. Яковлев — 1983 г.

Отставки

Если ранее первые лица были действительно «зоной вне критики», то теперь они стали объектом психологической войны. Их стали называть не по имени-отчеству, а

только так: *удельный князь, генерал-губернатор, «хозяин»*. От лести перешли к хамству, что одинаково неприятно.

Процедура снятия первого секретаря проходила по сценарию: статья в прессе — возмущение читателей и/или решение нижестоящей организации об отставке — пленум — отставка первого секретаря (или всего бюро). «Правда» участвовала в снятии Ворошиловградского, Днепропетровского, Львовского, Ивано-Франковского, Черкасского ОК. Первый секретарь Сахалинского ОК П. И. Третьяков ушел после митинга у местного драмтеатра 21

мая 1988 г., на котором выступили с требованием провести выборы делегатов на конференцию демократическими, то есть альтернативными, методами. Было принято письмо в «Правду», и таким образом это событие приобрело всесоюзное звучание. Первый секретарь Астраханского ОК Л. А. Бородин был подвергнут публичной критике на пленуме обкома, когда шло выдвижение кандидатов в депутаты на партконференцию, но «первый звонок» для него прозвенел годом ранее, когда было принято постановление ЦК «О серьезных недостатках в перестройке работы

Астраханского обкома КПСС» [3.54. С. 3].

Ф. Лощенков, который в 1961–1988 гг. был первым секретарем Ярославского ОК, был переведен в Москву на пост председателя Госкомитета по материальным резервам, его включили в состав делегации на XIX партконференцию, однако после возмущения и переголосования на обкоме он был выведен из числа депутатов. В какой-то мере это был и щелчок по носу самому Е. К. Лигачеву: Ф. Лощенков был его старым знакомым, они учились в МАИ, только последний по окончании отправился на фронт, а Егор Кузьмич был нужнее в тылу...

И это было только начало. С постов первых секретарей ЦК партий союзных республик были удалены: в Эстонии — Р.-Б. И. Сонгайла; в Азербайджане и Армении (одновременно — за беспорядки в Нагорном Карабахе) 29 мая 1988 г. состоялось то, что потом назовут «размен ферзей»: со своих должностей сняты первые секретари И. Демирчян и К. Багиров, а избраны С. Аратюнян и А. Везиров. В Эстонии накануне XIX Всесоюзной конференции КПСС К. Г. Вайно заменили на В. И. Вяляса. В Грузии после кровавых событий 9 апреля 1989 г. Д. Патиашвили — на местного председателя КГБ

Г. Гумбаридзе. В Азербайджане А. Везиров будет снят за то, что не смог упредить по сути дела, захват власти в Баку силами Народного фронта и армянские погромы, что привело к последующему вводу войск в январе 1990 г. И в прошлом были такие процедуры: 24 октября 1981 г. за беспорядки в г. Орджоникидзе сняли первого секретаря Северо-Кавказского обкома партии Б. Е. Кабалоева. Потом он был исключен из партии.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: В ПРИЦЕЛЕ — ПАРТОКРАТ

Хорошо известно из практики, что каждое управленческое нововведение дается с известной долей трудности в ходе его внедрения: «Нет ничего труднее, опаснее и неопределеннее, чем руководить введением нового порядка вещей, потому что у каждого нововведения есть ярые враги, которым хорошо жилось по-старому, и вялые сторонники, которые не уверены, смогут ли они жить по-новому». Макиавелли. Цит. по:

[3.55].

Правило «Сила действия равна силе противодействия» не сработало... Почему? — вот вопрос. Почему разрушительные и самоубийственные по своей сути технологии прошли так быстро и относительно легко? Во-первых, потому, что нижестоящие партийные организации и другие, тесно с ними связанные, были стянуты жесткими традициями партийной дисциплины. Второе. Началось и было успешно проведено узконаправленное воздействие психологической войны по сковыванию здорового сопротивления аппарата.

В ее ходе советская бюрократия

не смогла убедительно показать, чем она на самом деле занимается, какая от нее польза. И тут было несколько уязвимых моментов. Хотя в предшествующие годы вся пресса была в ее руках, но она была занята преимущественно тем, что описывала реальные успехи в строительстве, работу «Его Величества рабочего класса». Первый секретарь партийного комитета того или иного уровня не мог организовывать в местной прессе материалы пиаровского содержания. Да, их хвалили и на них много ссылались в официальных докладах, которые потом печатали в прессе, — но многоходовых

кампаний не было, как не было и постов пресс-секретарей и проч. Стоит понимать, что всего не предусмотреть. Такие вопросы не поднимались в ходе общественно-политической жизни. А после смерти И. В. Сталина не было и подобающего уровня критики и самокритики. Когда же в ходе психвойны встала такая необходимость, то бюрократия не смогла быстро ответить на вопросы, которые были навязаны демпрессой: какова реальная отдача от принимаемых решений, насколько верны и научно обоснованны методы работы?

Громили потому, что говорилось

примерно так: «Вчера был тоталитаризм. Сие, естественно, плохо. А сегодня у нас — демократия. Это — хорошо. Поэтому будем делать совсем не так, как вчера!» Чиновник терял ориентиры и сам начинал пилить сук, на котором сидел. Противопоставляли личность и государство, обвиняли в том, что все беды от того, что у нас примат государства, а личность на последнем месте, нужно все переставить (сделать, как на Западе), и все у нас пойдет хорошо...

Чрезвычайно важное значение имеет то, что практически всегда били *ниже пояса*, что, например, можно было возразить против такого:

«Неосталинисты заинтересованы в сохранении граждан в бедности, терпеливо, послушно стоящих в очередях перед их кабинетами в ожидании благодеяний в виде полубесплатных квартир, путевок в санатории, места для ребенка в детсаде и т. д.» [3.56. С. 8]? Тут ложь не просто сама по себе, а ложь в квадрате! Все вывернуто до нереальности...

Травля аппарата впервые развернулась в преддверии XXVII съезда КПСС. Тогда шла отчетно-выборная кампания. Критика, попавшая на страницы «Правды», имела место в ходе отчетно-выборной Тульской областной

конференции. Видимо, способствовало этому и то, что в президиуме находился заместитель Е. К. Лигачева по отделу К. Н. Могильченко. Следом в газете «Правда» появилось письмо рабочего В. Иванова из той же области. По его мнению, «между Центральным Комитетом и рабочим классом все еще колышется неподвижный, инертный и вязкий партийно-административный слой» [3.57. С. 3]. Вся страница была выпущена под шапкой: «Навстречу XXVII съезду КПСС. Всенародная трибуна. Обсуждаем проект новой редакции Программы КПСС и проект Устава КПСС с предлагаемыми

изменениями». Эта статья потом дала возможность уже на съезде начать огульную критику всего и вся. Сама ситуация с появлением такой статьи могла быть и очень прозаической. После смерти тогдашнего редактора «Правды» В. Г. Афанасьева неоднократно, в том числе и его дочерью, писалось, что главный редактор был весьма равнодушен к слабому полу. Потому-то и его пассиям позволялось многое. Автор обзора «очаровательная женщина», «Таня» [1. С. 80, 81] Самолис вполне могла попасть в их число. За эту статью «Правда» удостоилась критики Е. К. Лигачева за нападки на партию

в выступлении на XXVII съезде. Видимо, только один Егор Кузьмич определял, сколько и как нужно критиковать так, чтобы не вынести сор из партийной избы...

Почему-то самой ненавистной категорией в демократической печати оказались парработники в армии. И это непонятно. Взять хотя бы историю. Плененные евреи — кстати сказать, предки авторов статей, — и комиссары, по установкам Гитлера, должны были уничтожаться на месте. Можно понять (хотя объяснить это все равно нельзя!), если бы эти самые журналисты служили и натерпелись естественных неприятностей от

замполитов, но ведь они в армию, как правило, не попадали. Парадокс!

Надо откровенно признать, что в русской литературе чиновник есть один из самых отрицательных персонажей: «Прозаседавшиеся» В. В. Маяковского, «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «История одного города» Н. Е. Салтыкова-Щедрина, а также «Собачье сердце» М. Булгакова — это классика, причем на уровне школьной программы, а согласитесь, что трудно критиковать одних бюрократов и при этом выделить положительных чиновников —

критикуют всех одним чохом.

К школьным «знаниям» добавили новое: кинофильм «Забытая мелодия для флейты» Э. А. Рязанова; повесть А. А. Бека «Новое назначение», тут же экранизированную; в журнале «Юность» вышла первая повесть Ю. М. Полякова «ЧП районного масштаба» (он в отличие от остальных, как человек глубоко совестливый, сильно раскаивается, видя в выходе своей книги одну из граней негатива, что обрушился на головы читателей; лично я далек от прокурорского подхода и потому не вижу какой-то его вины).

В публицистике начались

сравнения с западными системами управления: «там»-де на работу государственных служащих принимают после экзаменов, их периодически аттестуют. В странах с западным типом демократии министры не входят в законодательные органы — объяснение-де этому простое: правило «сами пишем — сами исполняем» ведет к порочному кругу. С серьезным видом доказывалось, что министр не должен быть специалистом-технократом, а он непременно должен быть политиком. Раз у нас этого нет, то все на основе личных взаимоотношений. На синекуру обязательно поставят

«своего». Коррупция, взятки, подарки и ничем не обоснованные привилегии.

Разумеется, привилегии — явление отвратительное. А если еще и на фоне общих бедствий или тотального дефицита, устроенного в русских областях, то это тем более неприглядно. Можно привести и такой пример. Единственный случай, когда у И. В. Сталина сорвались с языка неприличные выражения, был момент, когда в 1941 году к нему на прием прибыл кто-то из Куйбышева, куда только что эвакуировалось правительство. «Как они там устроились?» — поинтересовался И. В. Сталин. «Устроились хорошо,

товарищ Сталин, но есть перегиб...» — «Ачто такое?» — «Да вот своих детей они устроили в школу в центре города, а чужих детей уплотнили по всему городу...» — «Эх, каста проклятая!» Вот тут-то и были произнесены И. В. Сталиным те слова, которые мы адресуем всем этим крохоборам...

Последнее — вообще *тема номер один* в демократической печати тех времен.

Массированная атака СМИ на читателей удалась. Потому что кое в чем пресса была права, а потребителю информации оказалось трудным отделить справедливую критику от антисоветчины. В

результате, как это часто говорится, ребенка выплеснули вместе с водой. Потому что инициаторы пользовались столь изощренными методами дезинформации, что и до нынешних времен нашелся только один человек, который в своей специальной книге «Потерянный разум» оказался в состоянии разгрести завалы лжи [9].

А у объекта воздействия слова «торговля без рынка — это абсурд», «Аэрофлот — типичная монополия» вызывали озлобление; а после слов «ускорение» и «самоуправление», «третья модель полного хозрасчета» и «сбалансированная модель управления» и самого главного

«прибыль» начинала сладко кружиться голова. Для достижения намеченных целей надо было, по словам авторов, сделать немного: добить тех, кто мешает — командно-административную машину. Ох, скорее бы ее не стало, а уж там заживем!.. «У интеллигенции было очень сильно расплывчатое убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилие бюрократов», «уравниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» — причины, для массового сознания не так уж существенные. И вот, опираясь на эти стереотипы, Г. Х. Попов запустил

в обиход как нечто сущее туманный термин *«административно-командная система»*. Если вдуматься, смысла в этом никакого, но словечко было подхвачено прессой, духовными авторитетами, даже получило аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет в советском строе. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР и предопределяющее жизнь именно советского человека.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени

Свешникова — все имеет свою административно-командную ипостась наряду с другими. Антисоветские идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС... — намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо — любой банк, любая корпорация, не говоря уже о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система»...» [9. С. 38–39].

В СМИ верхушка и партработники назывались не иначе

как партократы, а рядовые члены партии — коммуняки и/или красно-коричневые.

Шла постоянная дискредитация всего и всех. Предлагался то суд по типу Нюрнбергского (вот откуда идет сравнение гитлеровского рейха и сталинского СССР), то запрет на профессию (это ключевое предложение озвучено в момент разбирательства обстоятельств ГКЧП на сессии Верховного Совета РСФСР в августе 1991 г.). На людей, которые своими талантами и неустанной работой на пользу Отечества пробились из низов, наклеивался ярлык «кухаркины дети». Хочется спросить этих господ: а как в этой

связи то, что лучше всех руководил
сын сапожника? О

партфункционерах говорилось, что
вся их служба — это только
трамплин для продвижения по
карьерной лестнице, а не работа.

К этому добавлялись и
наглядные спектакли: то
демонстративный разворот Ельцина
на XXVIII съезде КПСС; то сжигание
партийного билета режиссером
М. Захаровым, тут же
зафиксированные телекамерами; то
убойный ответ Р. Медведева на
провокационный вопрос в
«Аргументах и фактах» о том, что
вся-де КПСС виновна за все беды в
советские годы, и т. д. и т. п. — все

было по сознанию, раскалывало партию и остальную часть общества, приводило к выходу из партии.

Лозунг «Народ и партия — едины!» давно уже трещал по всем швам и никак не соответствовал действительности. В апреле — мае 1990 года подняли зарплату аппаратчикам — жизнь-то дорожала, — опять крики недовольства, причем явно тех, кто не кормился с опустевших прилавков.

М. С. Горбачевым был доведен до своего наивысшего совершенства принцип «Разделяй и властвуй!». В то время как ученые предпочитали ничего этого не замечать и между тем подхалимски называли все

«подлинно научным подходом к управлению»! Чего стоят все эти доктора наук?

Была выпущена книга — сборник статей «Самый худший внутренний враг» [3.58]. Название-то взято не откуда-то, а у Ленина. Собрано 59 материалов из газет, в основном из «Правды», «Советской России», «Социалистической индустрии». Обратите, пожалуйста, внимание на названия газет — это не «Огонек», не «Аргументы и факты», не какие-то небольшие демократические газетенки. Это — газеты, которые сохранили и имеют исключительно коммунистическое реноме, они были рассчитаны на

рабочую аудиторию. К многим миллионам экземпляров газет добавили немного — всего-то 100 000 — книг.

Один только ответработник ЦК Леон Оников опубликовал около 20 статей в центральных газетах [24. С. 10, 61]. Думаете, он там хвалил аппарат, к которому все время принадлежал сам? М. С. Горбачев позволял себе еще и поиздеваться над людьми. В ходе визита в Красноярск, во время доклада первого заместителя председателя исполкома крайсовета — начальника планово-экономического управления Ю. Абакумова он прервал его: «М. С. Горбачев: (...) чем же у вас

занимался крайисполком?

Ю. К. Абакумов: Мы сражались...

М. С. Горбачев: Как же вы сражались, если нет среди вас ни одного «погибшего»? (*Оживление. Смех*)» [3.59. С. 1].

Много сидит в зонах — значит, полицейское государство. А нужно во что бы то ни стало сделаться правовым! Депутаты отвергли самоубийственный план «500 дней» — ретрограды, не хотят, чтобы народу было хорошо!

Был быстро запущен миф о том, что аппарат-де сопротивляется благим для всего населения реформам — и от этого у кого хочешь

опустятся руки. Прежде всего у тех, кто еще был на что-то способен. Парализована была всякая контрдеятельность. Была ли проведена контроперация «Тихий саботаж» в ответ на давление или нет?

Советологи писали, что саботировать начинали еще нововведения Ю. В. Андропова. Так, «андроповед» С. Биалер (Bialer) в книге «Советский парадокс» (вся книга посвящена такому действительному парадоксу: СССР имеет войска за рубежом, но при этом не в состоянии прокормить собственных граждан) сообщал: «Зимой 1983 года в Москве я узнал о

двух эпизодах, связанных с сопротивлением инициативам Андропова в плане проведения экономической реформы и его новаторским идеям относительно чиновничьего аппарата. Местный партийный аппарат, в основном районные секретари, которые составляли превалирующее большинство в партийной машине, забросали ранней осенью Центральный секретариат партии письмами, выражавшими неприятие изменений в политике партии и стиле работы. Их основной аргумент сводился к необходимости учета опасности международной ситуации, что требует заниматься

экономической мобилизацией, а не включаться в экономическую реформу или менять стиль работы партии. Второй инцидент связан с обращением, переданным Андроповым на места, в котором говорилось, что он не потерпит формального отношения к экономическим реформам и требует от чиновников ответственности за порученное дело, а те, кто не согласен с такой постановкой дела, не должны удивляться, обнаружив себя однажды без работы. Эти эпизоды, как, возможно, и многие другие, раскрывают нежелание чиновников на местах что-то менять» [З.60. Р. 96—97].

Еще в августе 1985 г. на совещании в ЦК прозвучал тезис о «тихом саботаже линии партии со стороны отдельных руководителей» [17. С. 70].

Постоянная риторика насчет того, что реформы М. С. Горбачева по развалу сверхдержавы вызывают сопротивление бюрократии, помогла потом тем, кто планировал «август-91». Им достаточно было указать в своих рекомендациях: события должны будут выглядеть в глазах общественного мнения так, как будто речь идет о пике недовольства политических консерваторов. Советологам было легче увидеть эту тенденцию.

С. Старр (Starr) в своей статье «Меняющийся характер перемен» указывает: «Нужно заметить, что даже самые ограниченные реформы могут вызвать сопротивление (...) со стороны управленческо-бюрократического аппарата. Именно на него ополчился Горбачев в самой резкой из своих речей. Пожалуй, ни один советский руководитель, кроме разве что Сталина времен массовых репрессий, не предпринимал подобной атаки на служащих собственного правящего аппарата. Судя по тому, что в 1987 году было уволено 10 тысяч милицейских работников, при Горбачеве основным объектом принуждения стал

государственный аппарат» [3.61. С. 43].

Во время выборов зимой 1988/89 г. одним из первых начал атаку на аппарат некий юрист из Ленинграда: «На решающем предвыборном собрании мне выпал неудачный жребий: я должен был выступать с изложением своей предвыборной программы предпоследним. Было уже около полуночи, когда очередь дошла до меня. Все устали от выступлений и ответов на вопросы предыдущих девяти кандидатов. (...)

И тут я вспомнил, как начинал многие свои выступления Мартин Лютер Кинг. «У меня есть мечта!» «I

have a dream!» — говорил он и далее объяснял, в чем она состоит.

Я так и начал свое выступление: «У меня есть мечта, что следующие выборы будут организовывать не структуры компартии, а сами избиратели и их объединения...» [30. С. 46–47].

Фигуры помельче также пользовались таким приемом достаточно примитивно, но стоило только на митингах покричать (да погромче!), что его обижают, как тут же была гарантирована «зеленая улица» и хор голосов в поддержку. Вот, например, некий человек из их числа, но только всеми забытый: В. П. Миронов, 1949 года рождения,

русский, юрист и журналист. С 1980 г. работал следователем Московской транспортной прокуратуры, затем инспектором комитета народного контроля Калининского р-на г. Москвы. В 1988 г. исключен из КПСС за то, что на партсобрании назвал фамилии членов бюро РК КПСС, злоупотреблявших служебным положением. Создатель и главный редактор бюллетеня «Хроника борьбы кандидата с аппаратом» (в ходе избирательной кампании 1989 г. по выборам в народные депутаты СССР). С первого захода ему это не удалось, но потом был поддержан и в марте 1990 г. избран народным

депутатом России и Моссовета.

Народ стал на сторону таких «страдальцев» еще и по одной простой причине. Активная часть населения давно ждала такого момента, ибо о партаппаратчике, вообще о начальстве сложилось далеко не самое лучшее мнение: «Сравним двух одинаковых по способностям коммунистов-руководителей в государственном аппарате и в партийном. Работник госаппарата, предположим, директор завода, прежде чем занять свой пост, работал рабочим, заканчивал технический вуз, затем снова учился всю жизнь своему делу, неспешно набирался знаний и опыта при

подъеме по служебной лестнице. При чем не учиться он не мог и не может, поскольку, во-первых, порученное ему дело его учит само, во-вторых, если дело не изучать, то карьеры просто не сделаешь.

Второй руководитель — работник партаппарата, допустим, секретарь райкома. Возможно тоже учился и окончил какой-либо вуз, но само по себе это было бесполезной потерей времени, поскольку кончить вуз и не работать по специальности — это в несколько лет потерять все знания, которые вуз дает. Начал работать в комсомоле, озвучивая в речах на собраниях передовицы из «Правды», затем в райкоме КПСС

выучил, что все предприятия и организации в районе работают хорошо, если в их отчетах все цифры более 100 %, и плохо — если менее 100 %. Стал первым секретарем райкома и по своему статусу — начальником всех руководителей района.

Но они-то руководители потому, что знают свое дело. А он почему?

Да, когда плохое управление ведет к потере власти, а потеря власти — к смерти, то это стимулировало секретаря райкома вникать во все дела в районе. Но после войны эта Угроза исчезла навсегда, так зачем партаппаратчику учиться, зачем ему лишняя работа?

При двоевластии ситуация автоматически развивалась так, что со временем во всей стране некомпетентные люди должны были руководить знающими. Далее. Некомпетентность может быть не только следствием отсутствия стимулов, но и следствием врожденной лени и тупости. На производстве, в живом деле такие люди работать не смогут, но в партаппарате компетентность и не требуется. Следовательно, партаппарат после войны становился вожаемой мечтой ленивого, но амбициозного дурака. И дураки в него поперли.

Возьмем, к примеру, Ельцина.

Он по глупости надиктовал мемуары «Исповедь на заданную тему». Из этих откровений следует, что Ельцин и в юности был туп (десятилетку сумел окончить за 12 лет, к 20 годам), подл (не стеснялся доносов), злобен (на мальчишеской разборке бросил гранату в сверстников, убив двоих, самому ему осколком оторвало пальцы). Тем не менее, благодаря влиятельному отцу и игре в волейбол, он получил диплом строительного института, но знаний из него не вынес ни на копейку. Строительные чертежи не способен был прочесть — то у него в строящемся им доме двери не в ту сторону открываются, то на чертежах

строящегося цеха не увидел подземного перехода. Работая в строительстве, за год умудрялся получать до двух десятков выговоров (выгнать с работы могли за три). В конце концов, благодаря знакомствам отца, переходит на работу в партаппарат. И начинается бешеная карьера тупого и ленивого кретина!» [3.62. С. 487–488].

Итоги были разные: от провала партократов на выборах в 1989 и 1990 г. и до появления политического экстремизма, чего не было в стране уже многие годы. Так, 18 июля 1989 г. теракт некоего Э. Чальцева: бросил «коктейль Молотова» в окно Горьковского ОК. В октябре ему дали

3 года лишения свободы. 11 января 1991 г. в Калуге был убит главный редактор областной газеты «Знамя» И. Фомин, а фотокорреспондент Г. Головков тяжело ранен. Убийство совершил убежденный, по его словам, антикоммунист, трижды судимый В. Воронцов, как-то раз сидевший с прибалтийскими националистами.

Но была еще и психвойна совсем другого толка. Прицельное, узконаправленное воздействие на самого чиновника с целью разложить его. Элита могла себе позволить красивую жизнь и при советской власти, но подлинный «кайф-лайф» и полную безнаказанность от

парткомов она могла себе позволить, только уничтожив эту власть. И для этого появились специальные журналы про красивую жизнь на Западе, в том числе и первые порнографические.

И теперь уже у объекта воздействия думы были не о том, как сдерживать рвущихся к власти «демократов» и прочем. У самого заурядного чиновника, совсем как у плейбоя, появляется соблазн: *классная машина, отдых на море, дача в лесу, клевая «телка»...* Что еще надо, чтобы тихо встретить старость... И он не ошибся (по-своему!): распродал доверенный участок Родины и все это теперь

имеет в избытке...

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ИМПУЛЬС: ОТ НАЧАЛА ИГРЫ И ДО XIX ВСЕСОЮЗНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Реальная власть в СССР совершенно не вписывалась в трактовки Конституции. И всякий призыв из ситуации *де-факто* перейти к *де-юре* означал начало государственного переворота.

Первым давал подсказки еще Ю. В. Андропов, разумеется, не напрямую, а напротив — под видом

предупреждений: «Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформаторскому пути развития» [3.63. С. 2]. Кто был в курсе его деятельности, тот все понял и повел именно в сторону ослабления роли компартии.

Тогда же еще только возможные структурные перемены отмечались и западными советологами: «В 1983 г. один советский социологический журнал опубликовал результаты (...) опроса по поводу реформы, проведенного среди аппаратчиков — управляющих производством и научных руководителей высокого уровня. Когда их спросили, можно ли

достичь значительного
экономического и технологического
прогресса без какого-либо
структурного изменения
существующего экономического
механизма и управленческой
системы, 48,5 % ответили
положительно, и только 35,5 %
отвергли такую возможность» [3.64.
С. 92].

Все началось, пожалуй, с
январского (1987 г.) Пленума, на
котором были запущены следующие
решения: 1) секретари парткомов
должны избираться тайным
голосованием, а не назначаться
сверху; 2) выборы директоров
должны проводиться на

альтернативной основе (в итоге пришли популисты — будущие приватизаторы); 3) выборы в Верховный Совет из нескольких кандидатов; 4) больше выдвигать беспартийных и женщин; 5) верховенство законов над людьми, а не наоборот.

5 марта 1987 г. принято постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 291 о проведении аттестации ответственных работников советских и общественных органов.

30 июня 1987 г. принято постановление Верховного Совета

«О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны».

17 июля 1987 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд постановлений, среди которых были: «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования», «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики», «О совершенствовании деятельности республиканских органов управления», «О повышении роли Государственного комитета

СССР по науке и технике в управлении научно-технического прогресса в стране», «О перестройке материально-технического обеспечения в деятельности Госснаба СССР в новых условиях хозяйствования», «О перестройке финансового механизма и повышении роли Министерства финансов СССР в новых условиях хозяйствования», «О перестройке деятельности министерств и ведомств сферы материального производства в новых условиях хозяйствования».

30 сентября 1987 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе

научных организаций на полный хозрасчет и самофинансирование».

30 сентября 1987 г.

М. С. Горбачев на своем выступлении в Мурманске приводит цифру общего количества чиновников в стране: «Поскольку на протяжении многих десятилетий в руководстве экономикой, да и в целом обществом делалась ставка на централизацию, на использование командно-административных методов, это привело к большому разрастанию аппарата управления — и государственного, и хозяйственного, и аппарата общественных организаций, и в какой-то мере партийного аппарата.

В сфере управления у нас сейчас занято около 18 миллионов человек, из них 2,5 миллиона — аппарат различных органов управления и свыше 15 миллионов — управленческий персонал управления объединений, предприятий и организаций. Это составляет 15 процентов от общей численности рабочих и служащих. На каждые 6—7 человек — управляющий. Теперь, когда мы переходим на экономические методы управления взамен административных, естественно, мы должны упростить непомерно разбухший аппарат» [3.65. С. 2].

На самом же деле это совсем не

так. Это была прямая подтасовка, которая стала основанием для создания «антигосударственных мифов. Одним из них был миф о невероятно раздутой бюрократии СССР. Советское государство было представлено монстром — в противовес якобы «маленькому» либеральному государству. Это был элементарный обман или плод невежества.

Либеральное государство («Левиафан») огромно и прожорливо, это было известно фактически и понятно логически. Весь либерализм (экономическая свобода) *по определению* порождает множество функций, которых просто не было в советском государстве,

например, США вынуждены держать огромную налоговую службу. Колоссальное число государственных служащих занимается в рыночной экономике распределением всевозможных субсидий и дотаций, пропуская через себя огромный поток документов, которые нуждаются в перекрестной проверке.

Советская бюрократическая система была поразительно простой и малой по численности. Очень большая часть функций управления выполнялась на «молекулярном» уровне самими гражданами в сети общественных организаций (например, партийных). В журнале «Экономические науки» (1989, № 8,

с. 114–117) была опубликована справка о численности работников государственного управления СССР в 1985 г.

Всего работников номенклатуры управленческого персонала (без аппарата общественных и кооперативных организаций) было в СССР 14,5 млн человек. Если добавить работников охраны, курьеров, машинисток и других работников, не входящих в номенклатуру должностей, то это число вырастет на 2,8 млн человек. Из 14,5 млн государственных управленческих служащих 12,5 млн составляли управленческий персонал предприятий и

организаций, которые в подавляющем большинстве действовали в сфере народного хозяйства. Так, например, в это число входили главные специалисты (0,9 млн человек), мастера (2,1 млн человек), счетно-бухгалтерский персонал (1,8 млн человек), инженеры, техники, архитекторы, механики, агрономы и ветврачи (2,1 млн человек) и т. д. Таким образом, численность чиновников в строгом смысле этого слова была очень невелика» [9. С. 267].

19–20 октября 1987 г. 8-я сессия Верховного Совета СССР 11-го созыва внесла изменения в Закон «О порядке обжалования в суд

неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан».

22 октября 1987 г. вышло постановление Совета Министров о серьезных недостатках в деятельности азербайджанского Института народного хозяйства им. Д. Буният-заде.

С этого начиналась кампания, обернувшаяся крахом государства. «Отдельно бы хотел сказать о затеянной руководством страны в 1987–1988 годах кампании по реорганизации управления и сокращению управленческого аппарата. Она замышлялась как крупномасштабная акция,

призванная упростить и удешевить государственный аппарат, сделать его мобильным, эффективно действующим.

Развертывалась эта работа по испытанным канонам существовавшей тогда системы: проценты сокращения аппарата (к слову, одинаковые для всех республик, а также для организаций областного, краевого и районного, городского уровня — без учета специфики, ибо стригли всех под одну гребенку) были установлены решениями Политбюро, сверху было продиктовано, какие министерства, ведомства в республиках, какие отделы и управления в областях и

краях упразднить, какие — оставить, жестко регламентированы сроки проведения этой работы.

Организация выполнения принятых решений была поручена Секретариату ЦК КПСС, Организационному и Экономическому отделам Центрального Комитета. (...) Началось «выкручивание рук», никакие возражения и доводы республик не воспринимались. (...)

К сожалению, доказывать неразумность предпринятой реорганизации ни Горбачеву, ни его услужливым помощникам в Политбюро ЦК КПСС, тогда нам не удалось» [21. С. 30–31]. Только в

одной РСФСР на 31 марта 1988 г. сокращение коснулось 40–42 % [3.44. С. 204].

М. С. Горбачев в своих выступлениях частенько выливал компромат разного рода на бюрократию и требовал, чтобы именно она и «перестроилась» [3.66. С. 265; 3.67. С. 3; 3.68. С. 345]. Б. Н. Ельцин не отставал и также пользовался каждой возможностью, выступая на больших форумах с речами, направленными против партийного и советского аппарата. Помимо основной цели, он одновременно зарабатывал и на дешевом популизме. Небольшой контент-анализ публичных

выступлений и писем Б. Н. Ельцина легко позволяет увидеть *тему номер один* [3.69. С. 3; 05. С. 8; 3.70. С. 240; 3.71. С. 9; 3.72. С. 6]. Разумеется, это только неполная выборка.

Эти тенденции были быстро и легко подмечены за рубежом. Но и советологи, не знающие замысла, могли только оставаться в непонимании от всех импровизаций М. С. Горбачева: [3.73. С. 22, 3.74. С. 75–76, 81–84, 3.75. С. 93].

Вот так — партией по государству, государством по партии — и покатилась перестройка под уклон, по ходу действия рассыпаясь, застревая в зыбком песке словоговорений, получаясь не в том

виде, как это хотелось бы некоторым инициаторам, а так и только так, как это реально бывает в политике: «Начиная с 1988 года (...) в сфере политики начались зигзаги, импровизации и расшатывания партии, государства, социальное и политическое перерождение начатого пять лет назад дела.

Страну все сильнее лихорадило, пока она не попала в разрушительный флаттер. Считаю, что этот специальный термин — флаттер очень хорошо характеризует случившееся со страной в последнее время. Он означает сильнейшую, вплоть до полного разрушения, вибрацию самолета при неверно

выбранном режиме полета» [19. С. 111]. (Егор Кузьмич, напомним, окончил в войну МАИ, ему ли этого не знать!)

Приведем наблюдение человека, который оказался в самом центре битв этой войны — начальника личного секретариата М. С. Горбачева тов. В. И. Болдина, человека, который с тщанием выполнял все указания своего патрона, а уж затем — после отсидки за ГКЧП — с глубоким сожалением он напишет, что «из некогда целостной системы партийного влияния были выбиты фундаментальные звенья. И вся многоэтажная постройка

перекосилась и начала рушиться. Партия с прежней силой уже не могла влиять на дела в народном хозяйстве, гласность вывела из-под ее контроля средства массовой информации. Альтернативные выборы по существу привели к невозможности влиять на кадровую политику» [3.76. С. 209]. Итак, **запомним: из некогда целостной системы были выбиты фундаментальные звенья.** Вот главное, что составляет сущность этой войны.

В. С. Павлов, говоря о том, что разрушение СССР шло через подрыв единой финансовой системы (то есть в рамках «гражданской» финансовой

войны), далее говорит о структурных изменениях, пришедшихся где-то на 1990–1991 гг.: «...Неспроста «демократическая» печать пустила в то время в оборот формулу «9 + 0», обозначая нулем Центр.

Наиболее рьяные демократы, в том числе такие, как Г. Попов, развернули яростную кампанию против Центра, окрестив его «черной дырой», в которую пропадают российские деньги. Но никто не мог ответить на вопрос: что такое Центр? А я, к слову сказать, многократно задавал его тогдашнему председателю Совета Министров РСФСР Силаеву и его заму Фильшину, которые были главными

исполнителями замысла по обособлению российской финансово-кредитной системы. Не думаю, впрочем, что именно они изобрели этот очень острый, бивший в самую точку по сути своей политический ход, поскольку их высказывания порой не свидетельствовали о глубине понимания этого замысла. Мне все время казалось, что они поют с чужого голоса. Некоторые тонкие вопросы на этот счет часто ставили их в тупик. Кто конкретно был истинным идеологом хорошо продуманной, дальновидной, стратегической идеи разрушения СССР посредством финансового

тарана, мне неизвестно.

Однако нельзя не вспомнить о таких фактах. Особенно активную политическую карту борьбы с Центром разыгрывали Прибалтийские республики, Украина и Россия. При этом было хорошо видно, что они атакуют Центр скоординированно. Поскольку основная деятельность в этом направлении идет через новое радикальное политическое движение, назвавшее себя в Российской Федерации «Демократической Россией», а в других республиках принявшее обличье народных фронтов. Между тем печать не делала секрета из того,

что на «ДемРоссию» очень активно работает солидная группа ученых, а конкретно — почти все отделение экономики Академии наук СССР, включая Аганбегяна, Шаталина, Петракова, Заславскую, Арбатова, других известных ученых и, конечно, самого активного из них — Богомолова. (...)

За каждым из этих ученых стояли крупные академические центры. И советники «ДемРоссии», вполне понятно, разрабатывали те задачи, которые перед ними ставили. Думаю, при выработке стратегии борьбы за российский суверенитет их компетентное мнение было учтено не в последнюю очередь.

Острием этой стратегии и стало создание обособленной российской кредитно-финансовой системы. Множество фактов указывает на то, что в тот период политики наши не смогли бы самостоятельно нащупать это самое уязвимое место федерального государства, его главный нервный узел. Доморощенные политики всех рангов, как отмечалось выше, мыслили исключительно категориями власти, а не финансов. Безусловно, им умело подсказали, что надо делать в первую очередь.

Таковы факты, и от них не уйти.

Помнится, несколько раз я говорил Силаеву, Фильшину:

— Давайте разберемся, что такое Центр? Вот есть Совмин и в его составе 113 министров, у каждого по пять замов. Прибавим к ним членов коллегий, и наберется всего-то две-три тысячи чиновников самого высокого ранга. В каждом министерстве в среднем по тысяче человек, значит, в общей сложности отраслевых чиновников наберется 150 тысяч. Ну, пусть полмиллиона — с большим запасом! Уж никак не больше. Вот это и есть «очеловеченный» Центр со всеми его потрохами. Теперь достаньте союзный бюджет и посмотрите в графу расходов. Там сказано, что на содержание Совмина, всех его

министерств и ведомств отпускается сумма в пределах трех миллиардов рублей в год. А весь бюджет — 350 миллиардов. Речь, выходит, идет о сумме, составляющей менее одного процента. И этот Центр пожирает все российские деньги?

Вдобавок надо учесть, что советские правительственные чиновники в значительной мере выполняли те функции, которые на Западе входят в компетенцию персонала частных компаний. Поэтому, если сопоставить численность аппаратов управления в СССР и в США, то в действительности наш аппарат в силу своей централизации был

гораздо меньше и обходился обществу гораздо дешевле. Однако для демпрессы, управляемой Агитпропом, истина никогда не была преградой для пропагандистского шоу. Данные об Америке либо скрывали, либо сравнивали несопоставимые цифры и величины. Зато бесконечно трубили о восемнадцати миллионах чиновников, пожирающих львиную долю национального дохода страны. В их число включили даже заводскую итээровскую прослойку, без которой вообще немыслимо управление любым производством. И все это зачислялось на счет монстра «командно-административной

системы», ассоциируемой с Центром. После такой артподготовки Центр, конечно же, подлежал не просто реконструкции, а исключительно ликвидации, изничтожению. (...)

Лозунговые, митинговые демороссовские аргументы тех лет общеизвестны: «Россия сама проживет!», «Мы больше не должны кормить других!» Такое игнорирование очень тесных народно-хозяйственных связей между союзными республиками, которые сегодня судорожно пытаются восстановить страны СНГ, было очень характерно для радикалов. Но поразительно, что эти же доводы

высказывал и Силаев. Он утверждал, что экономика РСФСР построена по принципу единого народно-хозяйственного комплекса, в силу чего может прекрасно развиваться, выделившись из общесоюзного контура.

Обратите внимание, это говорил бывший министр авиационной промышленности СССР. Заводы этого министерства размещались во многих республиках» [25. С. 102–105]..

Уже первые нововведения в этой области дали огромный разрушительный эффект: подорвали некоторые звенья в структуре и ликвидировали потоки информации:

«В рамках перехода к «экономическим методам управления» и полному хозрасчету предприятий было проведено радикальное изменение всей структуры управления. За один год в отраслях было полностью ликвидировано среднее звено управления с переходом к двухзвенной системе «министерство — завод». В центральных органах управления СССР и республик было сокращено 593 тыс. работников, из них только в Москве 81 тыс. (они были трудоустроены в других учреждениях отраслей). На 40 % было сокращено число структурных подразделений центрального

аппарата. Прямым результатом этой акции было разрушение информационной системы народного хозяйства.

Поскольку компьютерной сети накопления, хранения и распространения информации в СССР еще не было создано, опытные кадры с их документацией были главными элементами системы. Когда эти люди были уволены, а их тетради и картотеки свалены в кладовки, потоки информации оказались блокированы. Это стало одной из важных причин разрухи.

Предприятия, нуждаясь в информации о сотнях смежных производств и тысячах продуктов,

начали лихорадочно искать новые источники. Например, Всесоюзное химическое общество вдруг стали досаждают командированные с заводов — искать нужных им смежников через картотеку Общества, так как его ячейки имелись на каждом предприятии химического профиля. Некоторые уволенные работники министерств, догадавшиеся захватить с собой картотеки, стали торговать информацией» [10. С. 277, текст и сноска].

Автор этой цитаты — доктор химических наук, специалист в своем деле и наблюдал все своими глазами, о других отраслях он не

знает, поэтому ничего сверх того не сообщает, как и положено надежному свидетелю. Но любопытно здесь то, как была найдена замена основным источникам информации — база данных оказалась продублирована в общественной организации. Хотя еще и не все было трагично и необратимо, ибо во многих мероприятиях пока еще видно не преддверие кризиса, а только запуск самоорганизационного разрушения: «Вообще в этот год с небольшим было принято множество целесообразных, чрезвычайно нужных в стране решений, которые, однако, сплошь и рядом несли на себе печать поспешности,

практической непроработанности, а иной раз — и очевидной некомпетентности. Самое же главное — выполнение этих решений не доводилось до конца. В них вкладывали ресурсы, силы, а потом все бросали на одной десятой пути и суетливо перепрыгивали к следующей идее, в надежде получить от нее скорый впечатляющий эффект. (...)

Одной из наиболее экзотических, на мой взгляд, кампаний этого периода, начатых по инициативе М. С. Горбачева, явилась борьба за решительное уменьшение государственной отчетности, что должно было, по задумке,

способствовать сокращению управленческого аппарата. Велась эта работа без каких-либо точных критериев. Просто на основании чьих-то субъективных ощущений начали устанавливать волевые задания по сокращению отчетности. По системе Минфина СССР требовалось, помню, сократить бухгалтерскую отчетность на 40 процентов. При этом никто не мог объяснить, почему нужно сократить число показателей именно на 40, а не на 35 или, скажем, 45 процентов. И так по всем министерствам. В конечном счете эта кампания привела к дезориентации статистической службы страны и

ничем толковым не завершилась» [17. С. 62–63].

То есть коммуникативная подсистема просто была разодрана и перестала существовать как целое. Все еще можно было на той стадии вернуть, но «авторы реформы двинулись по пути, более легкому и для них привычному, то есть принялись за очередную реорганизацию управленческого аппарата. Этой работе был придан всесоюзный размах, в официальных документах она называлась «совершенствованием генеральных схем управления». Однако ни для кого не было секретом, что речь идет в первую очередь о существенном

сокращении кадрового состава государственных и производственных управленческих структур. Сокращение велось по неясным для людей критериям, сопровождалось оскорбительной для государственных служащих кампанией в печати. Что не могло не вызывать и вызывало со стороны многих работников подспудное сопротивление происходящему, которое, в свою очередь, давало поводы говорить о сопротивлении из лагеря бюрократов. (...)

Из выступлений Генерального секретаря цифра 18 миллионов перекочевала на страницы печатных органов, и, поскольку нигде не

анализировалась по составу (чуть выше мы приводили цитату из С. Г. Кара-Мурзы, где говорилось, что в журнале «Экономические науки» приводилась точная статистика. — *А.Ш.*), в общественном мнении ее воспринимали с огромным возбуждением как численность по преимуществу государственного и партийного аппарата. На самом деле, как видим, подавляющее большинство было здесь за управленческим персоналом предприятий и организаций. Партийный аппарат, насчитывающий в ту пору в райкомах и выше около 108 тысяч ответственных работников, в число управленцев

вообще не включался» [17. С. 114–115].

Нижние этажи власти также подверглись изменениям: «Первым нерадивым шагом была норма Закона «О государственном предприятии», принятого в 1988 году, установившая принципы выборности руководства предприятий. Статья шестая этого закона гласила: «На предприятии осуществляется выборность руководителей, обеспечивается улучшение качественного состава руководящих кадров и усиление их ответственности за результаты деятельности. Принцип выборности применяется в отношении руководителей предприятий,

структурных единиц, объединений, производств, цехов, отделений, участков, ферм, звеньев, а также мастеров и бригадиров...»

Чего-чего, а «улучшения качественного состава» и «усиления их ответственности за результаты деятельности» в результате принятия этого закона не произошло. Зато выборная лихорадка охватила все предприятия от мала до велика. (...) На смену знающим и хорошо подготовленным руководителям предприятий и их структурных единиц часто приходили обычные болтуны. (...)

Воля коллектива — закон. Число директоров-дилетантов, не

отягощенных ответственностью (лицо-то выборное, и снять его министерство не может даже в случае полного выявления несоответствия должности!) пополнилось еще одним. И несть им числа.

(...) На заводе РАФ в виде эксперимента еще до принятия закона провели выборы директора, сильно нашумевшие. К участию в конкурсе на вакансию пригласили всех желающих. Объявление опубликовали в средствах массовой информации. И что же? Четыре тысячи заявлений пришло со всех концов в Елгаву. От доярок, школьниц, шоферов и еще сотен и

сотен доверчивых простаков, поверивших в свой шанс...» [3.77. С. 154–155].

Так что выборы не приводят автоматически к власти лучших руководителей, а за каким-то порогом всякие игры в демократию теряют здравый смысл и переходят в трагикомедию. После выборов директоров начала размываться прежде единая государственная форма собственности на средства производства. На небольшое время появилось многообразие форм собственности: акционерная, коллективная, смешанная. Потом опять пришли к одной — частной. В руках избранных директоров.

Советы на местах все больше переводили на себя руководство экономикой, городское хозяйство, деньги, информацию. По словам бывшего первого секретаря Ленинградского горкома партии Б. В. Гидаспова, «управленческая «сетка», совпадающая с партийными структурами, разрушена буквально в три приема. Закон о госпредприятии, выборность директоров — раз, и выбита промышленность. Закон о кооперации — два, и закручен первый виток инфляционной спирали. Законы о суверенитете республик — три, и оборвались хозяйственные связи» (Цит. по: [3.78. С. 393–394]).

В том-то и был весь фокус М. С. Горбачева по сравнению, скажем, с Н. С. Хрущевым, что если последний только раздражал свое руководство бесконечными перестановками, то за годы перестройки были заблаговременно созданы СП, концерны, АО и проч. запасные аэродромы, куда основная масса могла спокойно переправиться после того, как были уничтожены государственные структуры. Все те, кто не мешал М. С. Горбачеву, кто не занимался политическим противодействием его курсу, кого не надо было сажать в «Матросскую Тишину», аккуратно пересели в кресла директоров, президентов и

проч. Вы ведь еще не видели на улице бывших министров СССР, просящих подаяние? Нет? Вот и не увидите... Министр финансов (а в 1991 г. — премьер-министр) В. С. Павлов, например, одновременно был директором концерна «Деловой мир» [28. С. 28]. В этом концерне одним из структурных подразделений было одноименное издательство, которое и выпустило книгу В. С. Павлова по выходе его из тюрьмы.

8–9 июня 1987 г. проведено совещание в ЦК КПСС по вопросам коренной перестройки управления экономикой. Докладчик — секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков. 25–26

июня 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на него был вынесен вопрос «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой».

Сам первоначальный импульс уже вносил элементы разлада прежней системы: «В руководящих сферах зарождались амбициозные проекты, осуществление которых, несмотря на их фантастическую сложность, представлялось тогда возможным.

Вообще надо сказать, что перестройка принесла с собой какое-то слишком легкое отношение к важнейшим партийным и государственным документам,

планам, директивам, уставам, нормативам, процедурам. С приходом М. С. Горбачева все как-то стало необязательным, несерьезным, доступным скорой переделке» [17. С. 56–57].

«ЭКВАТОР ПЕРЕСТРОЙКИ». XIX ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Практически все выступавшие поднимали вопросы негатива в работе аппарата и о борьбе с этим явлением путем его... сокращения. Других рецептов не предлагалось.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев: В разделе «Демократизация государственного управления» (Это как?!) им говорилось: «Рассмотрены и

утверждены новые генеральные схемы управления. В соответствии с ними аппарат союзных ведомств сокращается на 40 процентов, в союзных республиках наполовину, а в автономных республиках, краях и областях — на треть (...)

Процесс этот, однако, протекает небезболезненно, встречает сопротивление». Первый секретарь Кемеровского обкома КПСС **В. В. Бакатин**: «...следует уйти от регламентации сроков проведения партсобраний и пленумов. Вообще этот вопрос не оговаривать...».

Первый секретарь КП Казахстана **Г. В. Колбин**: «...отказ от функциональной подмены

партийными комитетами советских и хозяйственных органов воспринят коммунистами республики с глубоким пониманием».

Секретарь Московского горкома КПСС **В. К. Белянинов**: «Для того чтобы найти виновных в безобразном снабжении города картофелем и овощами, потребовалось собрать на днях в горкоме партии представителей почти двух десятков министерств и ведомств. И, как в прежние годы, столкнулись с разобщенностью действий, раздробленностью ответственности, с отсутствием единой системы...».

Директор Института экономики **Л. И. Абалкин**: «Нужна совершенно

другая система, а именно та, о которой мы договорились год назад на Пленуме ЦК, то есть переход к экономическим методам регулирования экономических отношений».

Директор Института США и Канады АН СССР **А. Г. Арбатов**: «... монополия у нас господствует ужасающая. А ведь монополия всегда ведет к загниванию, в том числе и при социализме».

Председатель правления Союза театральных деятелей СССР **М. А. Ульянов**: «Либо диктат аппаратчика со всеми вытекающими последствиями, вплоть до культа и репрессий, либо народовластие...».

Секретарь ЦК КП Украины

Б. В. Качура: «...необходимо ускорить перестройку стиля и методов работы центральных министерств и ведомств, где в последнее время, по существу, идет борьба за выживаемость, аппарат как бы «сидит на чемоданах».

Директор Ивановского
станкостроительного НПО

В. И. Кабаидзе: «А теперь я хочу сказать о министерствах. (*Оживление*). Если честно говорить, мне министерство не нужно. (*Аплодисменты.*)».

Оператор стана

Нижнетагильского
металлургического комбината имени

В. И. Ленина В. А. Ярин: «Раз речь сегодня идет о революции, то очень важно правильно увидеть и угадать противника. В 1917 году враг был очевиден — вон он там, за баррикадами. А сегодня он где? В бюрократе? Да, верно. В руководителе, топчущемся на месте? Правильно. То, что печать бьет по ним, все это верно».

На XIX Всесоюзной партийной конференции и закончились импровизации: «Партийный центр практически самоустранился от руководства партийными комитетами, неспешно, отрешенно занявшись внутренней реорганизацией: переменами в

структуре, сокращением штатов, ликвидацией отделов. Исполнительный Секретариат ЦК не работал, а Политбюро превратилось в бездеятельный политический совет при Президенте СССР.

Чтобы понять формирование кризисных явлений в партии, читателю нужно понять их своеобразную антилогику. Возьмем, к примеру, обоснованное, диктуемое условиями времени решение об освобождении партии от административных и хозяйственных функций. Оно сразу стало рассматриваться и в аппарате ЦК КПСС, и непосредственно в партийных комитетах как полное

неучастие и невмешательство в сферу экономических и социальных проблем общества. Большинство работников партийного аппарата многолетней практикой были подготовлены лишь командовать, непосредственно руководить народным хозяйством, вмешиваться в область экономики, других методов и форм участия в экономических и социальных процессах общества они не знали. В результате стало складываться такое положение, когда большая часть огромного кадрового потенциала партии снизу доверху оказалась просто невостребованной и тратилась главным образом на защиту и оборону старых, привычных

методов работы. Для проявления инициативы, активных политических действий в новых условиях работы аппарат не был перегруппирован и сориентирован, ибо партийный центр во главе с генсеком сам плохо себе представлял, как это должно было происходить на практике» [22. С. 113].

Далее пошло более целенаправленное и прицельное убийство структур.

«ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА»: ПОГРОМ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

Генеральный секретарь ЦК КПСС

Захватить этот пост — задача номер один. Потом разрушающая волна на уровне всего Союза и всей партии пойдет отсюда.

«...высшая власть в стране принадлежала Генсеку — «царю и богу», по известному выражению. Имея своего человека в лице

Генерального секретаря, можно было быть почти абсолютно уверенным в победе...» [3.79. С. 715–716].

«Ни в каких официальных партийных документах нет описания прав и обязанностей Генсека. (...) В партийном уставе всегда указывались только органы коллективной диктатуры — Пленум ЦК и Политбюро, им подобные органы — Оргбюро и Секретариат ЦК, но никогда не указывался Генсек ЦК. Отсюда понятно, что не было надобности фиксировать в уставе его права и обязанности» [3.80. С. 9, 12–13].

Стоит отметить прежде всего, что роль первого человека —

Генерального секретаря ЦК КПСС — была явлением с точки зрения управленческих подходов довольно исключительным. В мировой истории довольно часто бывает, что занятие первого поста в государстве предполагает совмещение многих обязанностей, но в СССР по целому ряду обстоятельств это было возведено в чрезвычайно большую степень. По нашим представлениям Генсек был един как минимум в девяти(!) лицах. Давайте вместе подсчитаем, сколько разных постов совмещал человек, занимающий эту строчку в «табели о рангах».

Итак, Генеральный секретарь
Центрального Комитета

Коммунистической партии
Советского Союза:

1. Он — наивысшее
должностное лицо правящей партии
в СССР — первый среди
коммунистов в СССР.

2. Высшее должностное лицо
(де-факто) в Советском Союзе,
именно в этом качестве он
воспринимался на международной
арене.

3. Первый среди членов
Политбюро ЦК КПСС,
председательствует на заседаниях
Политбюро ЦК КПСС.

4. Глава членов и кандидатов в
члены ЦК КПСС, контактирует с
ними и дважды в год ведет Пленум

ЦК КПСС.

5. На уровне республик надо иметь в виду, что в РСФСР, например, до 1990 г. не имелось своей Коммунистической партии, Генеральный секретарь являлся главой коммунистов этой республики, на него выходили в случае необходимости более 100 первых секретарей обкомов, крайкомов и окружкомов. Причем Н. С. Хрущев и М. С. Горбачев оформили это и юридически: Н. С. Хрущев занимал пост председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, М. С. Горбачев — председатель Российского бюро ЦК КПСС, генсеку подчинялись 14

первых секретарей ЦК компартий остальных республик.

6. Глава аппарата Центрального Комитета (эти обязанности также частично лежали на втором секретаре ЦК КПСС, ведущем заседания Секретариата ЦК, но Генсек имел полное право руководить любым человеком в аппарате ЦК через его голову; стоит также вспомнить, что сама должность, создаваемая в 1922 г., подразумевала, что Генсек будет координатором аппарата).

7. Как руководитель самой влиятельной партии, как «старший брат» пользовался большим влиянием среди всех стран — членов

СЭВ и ОВД, а также других стран, входивших в советский контур управления и влияния в тот или иной период времени: Ангола, Афганистан, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германская Демократическая Республика, Гранада, Камбоджа, Куба, Лаос, Мозамбик, Монголия, Никарагуа, Польша, Румыния, Северная Корея, Сирия, Чехословакия, Йемен, Эфиопия, а также в странах, где имелись коммунистические и рабочие партии — тут список поистине безграничен, включая те же Соединенные Штаты.

8. Совмещал высшие посты в Вооруженных Силах СССР —

назывались они то председатель Совета обороны, то более откровенно — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР. Л. И. Брежнев, кроме того, с марта 1980 г. стал Верховным Главнокомандующим Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского договора. Неизвестно, правда, распространилась ли эта должность на его преемников.

9. Как и в государствах традиционного типа, где глава правящей партии имеет право на занятие поста либо председателя парламента, либо главы правительства, генсеки имели право

на совмещение таких постов и активно им пользовались — председателем Совета народных комиссаров (а с 16 марта 1946 г. — Совета Министров СССР) был И. В. Сталин, а с 27 марта 1958 г. по 14 октября 1964 г. этот пост занимал Н. С. Хрущев. Председателями Президиума Верховного Совета СССР являлись Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев.

Налицо была сверхцентрализация высшей партийной, государственной и военной власти в руках одного лица. Генеральный секретарь ЦК КПСС был чрезмерно загружен. Один

человек «в девяти лицах» физически не должен бы справиться с объемом работы. Обычно в таких случаях выручает разделение власти и делегирование полномочий, но этого не делалось. М. С. Горбачев и не собирался руководить, он только боролся с нижестоящими, и, надо признать, весьма успешно: «Прекращение деятельности Секретариата, создание комиссий ЦК, перемещение Лигачева, Яковлева в полной мере отвечали тактическим и стратегическим намерениям Горбачева. В них четко проявилось стремление Генерального секретаря к таким маневрам, которые бы позволяли ему держать все нити

управления партией в своих руках и не позволять сильнейшим личностям типа Лигачева, Яковлева, за которыми стояли определенные партийные и общественные силы, проявить себя, оказать влияние на перемены в партии. Это были выверенные тактические шаги Горбачева, преследующие определенные стратегические цели...» [22. С. 103–104].

Те, кто пристально изучал этот вопрос (естественно, на Западе), выделяли самым особым образом связку *Генеральный секретарь — заведующий Общим отделом ЦК* (первое время — особый сектор): И. В. Сталин — А. Н. Поскребышев;

Н. С. Хрущев — В. Н. Малин;
Л. И. Брежнев — К. У. Черненко,
Ю. В. Андропов — П. П. Лаптев,
М. С. Горбачев — А. И. Лукьянов, а
затем с 1989 г. — В. И. Болдин.
Советолог А. Браун (Brown) в
заключении к книге [3.81. Р. 226–
228] в пункте «Элементы силы и
авторитета генеральных секретарей»
указывает на то, что все генсеки
прежде всего опираются на
ближайших помощников и
советников. То есть опять же вся
сила генсеков — в аппарате! А
генсек бил по своей опоре...

Политбюро ЦК КПСС

И. В. Сталин все дела предпочитал решать со специалистами, запрашивая их знания по обсуждаемому вопросу. Политбюро собиралось мало — только тогда, когда решались сугубо партийные дела. Как правило, члены Политбюро опрашивались вкруговую в основном по внутрипартийным назначениям (секретарь обходил кабинеты, и на документах ставились визы).

В декабре 1945 г. Политбюро решило навести систему в своих заседаниях — решено, что они будут собираться не реже одного раза в две недели, таким образом, 26 раз в год. Однако в 1946 г. Политбюро

собиралось 7 раз, в 1947 г. — 10, в 1948 г. — 7, в 1949 г. — 16, в 1950 г. — 6, в 1951 г. — 5, а в 1952 г.-4 раза [3.82. С. 100].

В 1952 г. Политбюро переименовали в Президиум и расширили: «...истинные причины переименования Политбюро (...) неизвестны.

Официальное объяснение, данное от имени ЦК Л. Кагановичем на XIX съезде, было куцым и невразумительным. Каганович сказал, что название Президиум ЦК лучше отвечает обязанностям, которые выполняет Политбюро.

Восстанавливая старое название Политбюро, брежневское

руководство повторило Кагановича, только в обратном порядке: название Политбюро лучше отвечает обязанностям, которые выполняет Президиум» [3.80. С. 10–11].

Н. С. Хрущев перенес центр принятия решений в Президиум, где испрашивалось не *знание специалиста*, а *мнение его члена* по тому или иному поводу. Его последователи оставили это правило.

На первых порах главным для М. С. Горбачева было кадровое переоснащение высшего партийного и государственного органа. И оно проходит быстро и напористо. Вместо проверенных и испытанных партийцев приходят явные враги

СССР и/или люди преданные, заглядывающие в рот говоруну. Из кандидатов в члены переведен В. М. Чебриков (23 апреля 1985 г.); тогда же Е. К. Лигачев из секретарей ЦК, минуя кандидата, становится сразу членом Политбюро и вторым секретарем. Из кандидатов полноправными членами становятся Н. И. Рыжков и Э. А. Шеварднадзе. Появляются кандидаты в члены Б. Н. Ельцин, А. И. Лукьянов, А. Н. Яковлев и тишайший В. Медведев. Были отправлены в отставку члены Политбюро (в хронологическом порядке): секретарь ЦК Г. В. Романов; председатель Совета Министров

СССР Н. А. Тихонов, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин; первый секретарь КП Казахстана Д. А. Кунаев (15 декабря 1986 г., официально освободят от обязанностей только на Пленуме ЦК партии 28 января 1987 г.).

До этого были кое-какие ошибки организационно-управленческого плана в работе Политбюро. Например, работа под управлением больного Л. И. Брежнева сводилась к недопустимо малому обсуждению проблем. Но оно оставалось в каких-то рамках приличия. При М. С. Горбачеве же даже эта неблагоприятная картина ухудшилась и обрела другой, самый трагический

вид: «После того как Генсеком стал М. Горбачев, заседания сделались более продолжительными. Сначала они шли 4–5 часов. А потом, начиная с 1987 г., когда многие заседания затягивались надолго, до позднего вечера, стали делать перерыв на обед. (...)

На заседании он давал возможность высказаться всем желающим. Но чем дальше, тем больше все это представлялось как псевдодемократия — говори, мол, говори, все равно толку мало. Многие пожелания все равно повисали в воздухе» [3.44. С. 62–63].

Политбюро просто исключили из управления партией: заседания

«длились долгими часами, с небольшим перерывом на обед. Говорил на этих заседаниях в основном Генсек. Любуясь собой, говорил и говорил без конца» [1. С. 79]. Но за этим скрывался не только вывод Политбюро из контура управления: все же нужно было принимать какие-то решения. И тогда «издавна у нас за образец коллективности руководства выдавалось Политбюро ЦК КПСС. По форме так и было. (...)

Однако стоило повнимательней присмотреться к механизму принятия решений, как становилось ясно, что всем заправляет Генсек. Он составлял повестку дня заседаний, то

есть намечал вопросы для обсуждения, стало быть, нежелательный для него вопрос мог просто не включать в повестку. Он единолично определял, кому из членов Политбюро или приглашенных давать слово, а кого следует придержать. Мог неоднократно прерывать оратора, раздражаясь при этом монологами. (...)

Дав ораторам выговориться, Горбачев обычно заключал, что обсуждение состоялось, и предлагал, не всегда вдаваясь в существо обсуждаемых проблем, образовать комиссию, которой поручалось на основе состоявшегося «обмена

мнениями» доработать или переработать представленный проект постановления. Комиссия на основе порой противоречивых и взаимоисключающих предложений, высказанных участниками заседания, по существу, на свой страх и риск готовила вариант документа. Затем новоиспеченный проект представлялся Генсеку, который единолично или с участием одного-двух помощников делал из него все, что хотел. Мнение членов Политбюро на этой (решающей) стадии работы над проектом зачастую уже не спрашивалось.

Таким образом, важный партийный документ —

постановление Политбюро — в конечном счете является единоличным изделием Генсека» [26. С. 86–87].

Зато, если этого до поры до времени не знали непосредственные участники событий, то это не значит, что такое не было заметно со стороны. Кремлеологи вычислили партийный «метод манипулирования решениями.

Для этого существуют два пути — создавать комиссии при (...) Политбюро, наделяя их правами высших органов (...), другой путь — это принимать решения (...) Политбюро «по опросу». Поскольку в графе «за» стоит подпись Генсека,

то рискованно подписывать в графе «против» [3.80. С. 55–56].

Более того, боясь разногласий, о которых писалось на Западе, Политбюро оказалось вовлеченным в его игру и, в частности, вывело решение спорных вопросов со своих заседаний. Раз было провозглашено, что Политбюро едино, значит, и нужно было следовать этому нелепому ущемлению. «Традиционно считалось неудобным, чтобы по вопросам, вызывающим разногласия, докладывал руководитель, входящий в Политбюро. Инакомыслие членов Политбюро не приветствовалось. Считалось, что это могло вызвать противоречия политического

характера. Поэтому в качестве докладчика должен был выступать не член высшего руководства, выступление которого могло быть более безопасным в политическом смысле. Он в состав Политбюро не входил, но проблему знал досконально. Кроме того, и разговаривать с ним, видимо, было проще» [3.83. С. 10].

А потом и вовсе по наблюдению Н. И. Рыжкова, «Политбюро с начала 90-го года практически прекратило свою деятельность». Произошло это, по его опять же сведениям, потому, что «Президентский совет, этот толком не созревший восьмимесячный плод перестройки

государственной власти, практически взял на себя функции, которые раньше осуществляло Политбюро ЦК. Естественно, что Политбюро с этого времени практически перестало функционировать» [28. С. 134, 155].

В 1989–1990 годы Политбюро, этот «некогда всемогущий орган партии превратился, по существу, в консультативный совет при Генеральном секретаре ЦК КПСС. (...) После съезда Политбюро превратилось лишь в формальный представительный орган компартий республик, который из пленума в пленум менял своих представителей от республик, ибо там шел распад

партийных структур. Практического влияния на деятельность партии Политбюро уже фактически не оказывало. Сам характер обсуждения вопросов на Политбюро напоминал больше своеобразный симпозиум, где продолжительный обмен мнениями по тем или другим вопросам не приводил к каким-либо обязательным для исполнения решениям. Складывалось мнение, что подобный порядок работы Политбюро в полной мере импонирует Генеральному секретарю ЦК КПСС, выступающему в роли руководителя этого симпозиума, ибо позволяет участникам свободно высказывать

наболевшее и тем самым облегчить душу, а ведущему успокоить участников заседания своими назидательными оптимистическими монологами» [22. С. 122].

Самому решительному разгрому главнейший партийный штаб подвергся на XXVIII съезде КПСС. «Однажды утром, перед началом очередного заседания, Горбачев проинформировал членов Президиума съезда, что первые секретари ЦК компартий союзных республик настояли на создании Политбюро по новому принципу: теперь в ПБ должна быть представлена каждая республика в лице первых секретарей их

компартий. Это был еще один сильный импульс к быстро развивающемуся сепаратизму республик. (...) Такое решение оказалось смертельным. Произошло фактическое расчленение партии по национально-территориальному принципу. Она превратилась из единой союзной политической организации в некую партийную федерацию или даже конфедерацию» [28. С. 139–140].

После смерти И. В. Сталина на первых пленумах после съездов КПСС Политбюро (а до 1966 г. — Президиум) избиралось числом 11 членов и 6 кандидатов, XX съезд в 1956 г.; 11 + 5, XXII в 1961 г.; 11 + 8,

XXIII в 1966 г.; 15 + 6, XXIV в 1971 г.; 16 + 6, XXV в 1976 г.; 14 + 8, XXVI в 1981 г.; 12 + 7, XXVII в 1986 г. Тут же были избраны в члены Политбюро все 15 первых секретарей ЦК компартий союзных республик и еще некоторые руководители центрального звена, итого: 24 человека. Зато ни одного кандидата. Кроме численности важен и состав — Политбюро сразу же утратило функциональные свойства, а превратилось в некий территориально-национальный Малый Хурал по отношению к большому — ЦК, если так можно выразиться. Пусть поздно, но об этом пишут так: «Неэффективной

проявила себя новая структура Политбюро и Секретариата ЦК. Вообще, как только из состава Политбюро и Секретариата были выведены высшие должностные лица государства (министр обороны, председатель КГБ и проч.), сам этот орган оказался в подвешенном состоянии» [17. С. 163].

Каковы были взаимосвязи внутри высшего органа, можно судить по тому, что, как пишут, первые секретари ЦК компартий Азербайджана и Армении Н. А. Муталибов и В. М. Мовсисян (а потом — с конца 1990 г. — С. К. Погосян) вообще не разговаривали друг с другом.

Секретариат ЦК КПСС

Его заседания проходили по вторникам. Среда, таким образом, отводилась на подготовку вопросов к Политбюро, которое проходило по четвергам. Было время, когда «содержание и стиль работы Секретариата от начала до конца определял М. А. Суслов. Большая часть присутствующих секретарей и тем более приглашенных на заседание Секретариата работников отделов исполняла обычно роль статистов, внимающих, поддерживающих, возражения были редким исключением. (...) По отношению к ЦК М. Суслов не был

«серым кардиналом», ибо умело, не выпячиваясь и практически неограниченно управлял аппаратом ЦК КПСС. По своей сути он был живым олицетворением партийного консерватизма, начиная от своей старомодной одежды и всем известных калош и до принципов, которые он исповедовал: не думай, не изобретай, делай только так, как было. (...) Всегда четко, лаконично, не позволяя славословить, вел Секретариаты. Только чрезвычайный случай мог стать причиной того, что Секретариат мог продлиться более часа. На выступление — 5–7 минут. Не уложился, уже через минуту М. А. Суслов говорил: «Спасибо», —

и смущенный оратор свертывал свои конспекты.

Признаюсь,

М. А. Суслова мы (...) вспоминали не раз, когда председательское место в Секретариате ЦК заняли Черненко, Горбачев... и неудержимые многочасовые словопрения захлестнули мутной волной заседания исполнительного органа партии.

Четкая организация работы Секретариата, следует, однако, признать, не отличалась особым творческим подходом. Его проявить было просто невозможно, ибо все шло по строго заведенному порядку и подчинялось только аналогам» [22. С. 78–79].

После смерти М. А. Суслова его вел К. У. Черненко, потом — Ю. В. Андропов, умер Л. И. Брежнев — опять К. У. Черненко, потом — М. С. Горбачев. И наконец, пришла очередь следующего: «... Е. К. Лигачев быстро сумел превратить этот некогда рутинный орган в энергично работающий, оперативный, близко стоящий к жизни, способный строго спросить с работника любого ранга. (...) Принцип работы Е.К. в Секретариате был таков: каждый, кто к нам обратился, должен найти конкретное решение хотя бы одного из поставленных им вопросов. Иначе к нам не будут ходить, пояснял он. И в

самом деле, в Секретариате до 1988 года шла бурная жизнь, а в приемной ведущего секретаря постоянно находились первые секретари обкомов, председатели облисполкомов, министры, руководители отделов ЦК, председатели творческих союзов, писатели, редакторы газет, театральные режиссеры, ученые из Академии наук, офицеры из фельдъегерской связи и другие нужные люди, которые всегда присутствуют там, где прощупывается пульс реальной власти» [17. С. 89–90].

Но такое положение дел устраивало не всех: «...Политбюро в

лице Генерального секретаря внимательно следило, чтобы со стороны Секретариата не было ни малейших поползновений на самостоятельную роль.

В 1986 г., сразу после первого горбачевского XXVII съезда, секретарями ЦК были избраны: Бирюкова, Добрынин, Долгих, Зайков, Зимянин, Лигачев, Медведев, Никонов, Разумовский, Яковлев. Самонадеянно доверив Лигачеву руководство этой разношерстной командой, Горбачев как Генсек совершил роковую для себя кадровую ошибку. Он породил энергию, управлять которой оказался не в состоянии. Под напористым

председательством Лигачева Секретариат ЦК быстро набрал недюжинную силу, обрел широкую поддержку областных комитетов партии и стал претендовать на самостоятельное участие от лица КПСС в делах не только сугубо партийных, но и государственных» [3.84. С. 5].

Надо отдать должное М. С. Горбачеву — терпения наблюдать это «безобразие» ему хватило надолго. Лишь 7 января 1988 г. на заседании Политбюро «в отсутствие Е. К. Лигачева, занятого подготовкой доклада к февральскому Пленуму ЦК по народному образованию, приняли решение о так

называемом упорядочении работ Политбюро и Секретариата.

Постановили проводить отныне заседания Политбюро по-прежнему еженедельно, а Секретариата — два раза в месяц. Раньше Секретариат ЦК собирался также еженедельно, то есть накануне каждого заседания Политбюро, а иногда и два раза на неделе. Отмена этого порядка явилась первым шагом на пути к фактическому приостановлению деятельности Секретариата. Первым, но не главным. Главным разрушителем оказался второй.

Он состоял в безобидной на вид договоренности впредь не рассматривать на Секретариате

вопросы, решения по которым подлежали последующему утверждению на заседаниях Политбюро. Обосновывалась такая мера необходимостью исключить дублирование в работе Политбюро и Секретариата.

Но что она означала на самом деле? Она означала прежде всего, что из сферы полномочий Секретариата изымались вопросы кадровой политики, поскольку все крупные кадровые назначения предварительно рассматривались на Секретариате и лишь потом принимались решения Политбюро. Далее, эта мера означала, что Секретариат лишился права

вырабатывать свое мнение по всем более или менее крупным общепартийным проблемам, вопросам экономической политики, государственного строительства, деятельности общественных организаций, по международным делам и проч. и проч. То есть границы новых полномочий Секретариата были сужены до выполнения им самых рутинных из всех внутрипартийных функций, например, организационного обеспечения общепартийных мероприятий: Пленумов ЦК, совещаний, семинаров.

Названная мера означала также, что отныне на заседаниях

Политбюро не могла быть представлена единая точка зрения Секретариата ЦК, поскольку ее при введенных ограничениях невозможно было сформировать. Теперь в работе Политбюро участвовал не Секретариат ЦК как целое, а отдельные, каждый сам по себе, секретари ЦК, большинство из которых не имело в Политбюро права голоса. (...)

Исключение Секретариата в качестве единого органа из Политбюро можно было трактовать де-юре как сильное ограничение на представление в точке схождения высшей партийной и государственной власти позиции

КПСС как таковой наряду с позициями, скажем, вооруженных сил, правительства или внешнеполитических ведомств. В этом смысле процесс отдаления партии от государственных рычагов начался у нас на уровне Политбюро еще в январе 1988 года. Прекращение работы Секретариата автоматически вызывало торможение деятельности аппарата ЦК КПСС, так как именно Секретариат выполнял важнейшую функцию взаимоувязывания работы всех подразделений ЦК, направляя их усилия в общее русло» [17. С. 124–125].

Но и это не все. Далее, как вспоминает один из членов

Политбюро: «В период очередного отпуска (сентябрь 1988 года) Горбачев разработал план реорганизации ЦК. Он предложил создать комиссии по идеологии, по организационным, экономическим, аграрным, международным и другим вопросам, причем каждую из них должен был возглавить член Политбюро. Естественно, такая реорганизация мотивировалась задачами улучшения деятельности ЦК КПСС. Однако на самом-то деле здесь преследовалась и другая цель. (...) Создание комиссий автоматически похоронило Секретариат.

Если вдуматься, было допущено

серьезное нарушение Устава КПСС, поскольку в нем прямо говорилось о Секретариате как о постоянно действующем органе ЦК. Это беспрецедентный факт в партии за последние десятилетия. При этом вольно или невольно хитрость состояла в том, что никто даже речи не вел о ликвидации заседаний Секретариата, никто вроде бы на них и не покушался. Однако после создания комиссий заседания Секретариата прекратились сами собой. Партия оказалась лишенной оперативного штаба руководства» [19. С. 93].

Другому запомнилось следующее: 3 октября 1988 г. на

Политбюро ЦК КПСС выступил
Генсек: О Секретариате. Было по
сути дублирование Политбюро. Не
следует определять ему жесткий
план. Заседать по мере
необходимости. Большие опираться
на совещания у секретарей ЦК
Необходимость проведения
Секретариата будет определять
Генсек. Вести заседания
Секретариата по очереди
ежемесячно. (Так Горбачев свел
функции секретариата на нет. Провел
сам пару заседаний, несколько
Медведев. И все [3.44. С. 232]). Такая
Комиссия ЦК обладала только
функциями совещательными, но
никак не директивными.

29 ноября 1988 г. по постановлению Пленума ЦК КПСС было создано 6 комиссий: *Комиссия по вопросам партийного строительства и кадровой политики* (председатель — Г. П. Разумовский; число членов — 24); *Идеологическая комиссия* (В. А. Медведев; 24); *Комиссия по вопросам социально-экономической политики* (Н. Н. Слюньков; 20); *комиссия по вопросам аграрной политики* (председатель — Е. К. Лигачев; заместитель председателя — В. П. Никонов; 21); *Комиссия по вопросам международной политики* (А. Н. Яковлев; 22); *Комиссия по вопросам правовой политики*

(В. М. Чебриков, 20). Затем, в 1990 г. учреждена *Комиссия ЦК КПСС по военной политике* (О. Д. Бакланов, 19). Все они были «с неясными полномочиями и задачами, оказавшимися в конечном счете чисто витринными, декоративными образованиями» [17. С. 146].

Но, может, был все же какой-то толк от работы комиссий? А как же! Но только не для партии... 16 октября 1989 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам партстроительства и кадровой политики приняла судьбоносное решение: упразднила учетно-контрольную номенклатуру должностей. Для нашего повествования это самый важный

рубеж. Ранее было правилом, чтобы все назначения на должности проводились через партийные органы, которые могли отследить весь предыдущий жизненный путь кандидата, его верность (хотя бы формальную) стране. Теперь этого не было, итог известен... 20 июня 1990 г. Верховный Совет СССР добавил к этому решение о запрете совмещения партийных и государственных должностей. Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС, как и всегда, оказался выше этого закона. А может быть, и не читал: не может же юрист знать все акты...

Однако и этого для

М. С. Горбачева и К° оказалось мало. Чтобы окончательно похоронить Секретариат, понадобилось расширить его, а чтобы этому придать вид законности, внесли изменения в Устав партии на XXVIII съезде КПСС. Ввели институт членов Секретариата. Кто туда вошел? Председатель колхоза из Московской области, рабочий из Мариуполя, секретарь парткома МГУ, секретарь парткома Новолипецкого комбината, ткачиха из Ферганы. На последнем Пленуме в истории КПСС 25–26 июля 1991 г. вместо секретаря парткома МГУ, избранного в полноправные секретари ЦК, членом избран первый секретарь

Нижегородского горкома.
Предпоследний в истории
Секретариат (7 августа 1991 г.), где
первым вопросом стоял вопрос об
энергоснабжении. На заседании
выступил новый член Секретариата
Мальцев: «Первая фраза, которую
произнес Мальцев, звучала так: «Я
не компетентен в этом вопросе, но
хочу сказать следующее». И говорил
почти десять минут. Мы
переглянулись с коллегами. Это было
первое выступление нового члена
Секретариата на первом в его жизни
заседании высшего руководящего
органа партии. Если ты не
компетентен, то о чем можно
говорить? Тем более, твои слушатели

— крупнейшие специалисты (...), руководители этой отрасли. (...)

Допускаю, что первое выступление могло быть неудачным, что по нему опрометчиво судить в целом о человеке. Но ведь важен стиль, подход. А он не отличался от прежних секретарей. Стремление всех и по любому поводу поучать, чувствовать себя выше и умнее, наверное, еще долго будет проявляться в начальниках. Глядя на оратора, подумал с горечью: эти люди как политики обречены на неуспех. Хотя в этом их вины нет» [3.78. С. 402–403].

Отсюда и горькая фраза О. С. Шенина (вел Секретариат в

1990–1991 гг. в отсутствие часто болевшего В. Ивашко) на одном из последних заседаний: «А зачем, собственно, нужен Секретариат ЦК? Что он решает? Кто эти решения выполняет?» (Цит. по: [3.78. С. 397].)

Центральный Комитет КПСС

При М. С. Горбачеве было три состава членов и кандидатов в члены ЦК КПСС. Они были избраны на трех съездах партии соответственно: XXVI (март 1981 г. — март 1986 г.); XXVII (март 1986 г. — июль 1990 г.); XXVIII (июль 1990 г. — ноябрь

1991 г.). Всего за 1985–1991 г. состоялось 23 Пленума. В их власти было снять Генсека-предателя. Почему такое не произошло, мы сейчас по возможности расскажем. Каждый шаг М. С. Горбачева был тщательно обдуман и отрепетирован.

Вот он готовится выступить на праздновании 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции с весьма крамольным для того времени докладом, составленным Агитпропом А. Н. Яковлева. Если пойти по стандартному пути: обсуждение на Пленуме, то тогда сам текст может вызвать протесты членов ЦК. Тогда Горбачев счел невозможным их

обойти: Пленум состоится. Но сам доклад Горбачев не будет зачитывать на Пленуме. Он подготовит нечто другое: доклад о докладе. Не обсуждение юбилейного доклада, а информация о нем — таков был замысел. С точки зрения формального одобрения доклада высшим партийным органом этого было достаточно: узнали, промолчали — значит, согласились. Формально членам ЦК не возбранялось и обсуждать доклад. Но Генеральный секретарь и Политбюро не предлагали начать обсуждение. Предложить это, если такое желание появится у членов ЦК, должен был на свой страх и риск кто-то из них.

Принятый в партии со сталинских времен стиль общения давал основания надеяться, что никто такой инициативы не проявит [16. С. 217]. Здесь можно сказать, что М. С. Горбачев воспользовался модернизированным методом Н. С. Хрущева, который выступал со своим антисталинским докладом на заседании после XX съезда вопреки воле части Президиума ЦК.

В состав членов ЦК на первом же горбачевском съезде, естественно, оказалось невозможным набрать 100 % предателей. И среди членов пошли разговоры, что линия М. С. Горбачева не совсем понятна и ведет страну к катастрофе. Выводы

тоже были сделаны — раскритиковать его и провести выборы нового Генсека, пока не поздно. Однако если в 1964 г. при схожей ситуации КГБ был на стороне советских патриотов, то ныне — после 15-летнего руководства им Ю. В. Андроповым он был на стороне предателей и, видимо, из прослушивания узнал об этом. Надо сказать, что, по информации одного из непосредственных наблюдателей, сначала чистку думали провести на XIX конференции, но потом отказались от замысла [17. С. 139].

И в апреле (1989 г.) все пенсионеры были выведены из высших органов партии: 83 члена

ЦК, 27 кандидатов в члены ЦК и 12 членов Центральной ревизионной комиссии: «Из состава ЦК ушло немало умных, опытных и принципиальных, преданных истинной перестройке людей» [З.44. С. 259].

После XXVIII съезда М. С. Горбачев сам лично назначил новый состав. Но и этот состав был нелояльным. На апрельском (1991 г.) Пленуме М. С. Горбачеву устроили обструкцию, но его поддержало «демократическое» крыло, и пост Генсека был за ним сохранен. Из события видно, что сторона, пытавшаяся атаковать, не была жестко консолидирована и не имела

даже самого простого продуманного плана выступлений, координации совместных усилий. Другая сторона просто не была готова к такому обороту событий — она могла бы как-то ликвидировать попытку в зародыше: от самых примитивных форм, скажем, убийства инициаторов, до каких-то виртуозных форм с применением всего набора технологий по оболваниванию членов ЦК.

Во время августовских событий в Москве мог быть собран и Пленум — условия для этого были, но он так и не состоялся. Картина предстает довольно пестрая: разные силы и представлявшие их разные люди

действовали в этом отношении довольно бессистемно. Да и что они могли сделать? Соберись он — не соберись, от этого бы ничего не менялось: он уже давно решал столь мало, что не мог бы повлиять на обстановку. На пресс-конференции 21 августа 1991 г. Дзасохов сказал: «...Мы в Секретариате ЦК КПСС выступили за то, чтобы Пленум ЦК, а это четыреста человек и география нашей страны, собрался бы немедленно, двадцатого числа. Многие члены Центрального Комитета уже прибыли в Москву, особенно из отдаленных районов. Но условия, которые подоспели (...), не позволили нам сделать это».

«Относительно проведения Пленума слухи по ЦК действительно ходили. Пленум предполагалось провести не в Кремле, как обычно, а в комплексе зданий на Старой площади. Точнее — в Малом конференц-зале в шестом «А» подъезде. (...)

Однако Пленум решили не проводить, и прибывшие члены ЦК из отдаленных районов покупали билеты на обратный путь. С некоторыми из них я столкнулся у железнодорожной кассы управления делами ЦК. Они были в недоумении: велено ехать назад».

Против проведения Пленума ЦК был и В. А. Ивашко. Причем объяснялось все причинами весьма

субъективного свойства: «Логика рассуждений заместителя Генсека такова.

— У меня перед глазами еще стоял апрельский Пленум, на котором М. С. Горбачев ставил вопрос о своей отставке, — признавался Ивашко. — Я председательствовал на этом Пленуме, там остался хороший кусок моей жизни, и впечатления были еще живы. Я отчетливо себе представлял, что Пленум сразу же поставит вопрос: «Где Генеральный секретарь?» На этот вопрос я, естественно, ничего вразумительного ответить не мог, тем более что пошли уже всевозможные слухи. Даже сам

факт созыва Пленума без Генерального секретаря означал бы своего рода переворот в партии...» [3.78. С. 299, 306, 307].

Рядовой член ЦК КПСС: «...Я безуспешно пытался дозвониться в ЦК: ведь на 20 августа предполагался созыв Пленума. Глухо. Наконец кто-то взял трубку и ответил, что Пленум... отменен» [3.85. С. 45–46].

Последний Пленум ЦК КПСС все же состоялся. Но только аж... 13 июня 1992 года в здании «Правды». Присутствовало 68 членов ЦК и 14 членов ЦКК. Но никакой абсолютно роли он уже не играл — поезд давно ушел и без машиниста.

Аппарат ЦК КПСС

Это была организация, о самом факте существования которой простым людям можно было только догадываться. Как только это позволили, то в открытых письмах спрашивали: «Можно ли покритиковать ЦК? Или хотя бы поинтересоваться, как работает этот орган? Какие изменения произошли в нем за три года, с апреля 1985 года? Как идет перестройка в самом ЦК КПСС? (...)

Мы не знаем, что такое его постоянно действующий аппарат, какова его структура, численность, организация работы, принципы

подбора кадров и их подготовки,
условия работы (...)

Мы не знаем элементарных
вещей о Политбюро и Секретариате
ЦК. Например, чем занимается, за
какой участок работы отвечает
каждый из членов Политбюро и
секретарей ЦК? (...) Об
американских сенаторах и
конгрессменах мы порой
осведомлены лучше, чем о своих
руководителях» [3.86. С. 3].

Как пишут о нем теперь, этот
орган «представлял собой весьма
сильную и авторитетную в глазах
общественного мнения организацию,
укомплектованную
высококласными и (...) хорошо

вышколенными,
дисциплинированными
сотрудниками. В структуре аппарата
было двадцать отделов с общим
числом ответственных работников в
них около двух тысяч человек.
Техническую сторону деятельности
этого, сравнительно небольшого
коллектива обеспечивали чуть более
тысячи технических работников.

По существу, аппарат ЦК КПСС
тех лет являлся ведущей структурной
единицей не партийного, но
партийно-государственного
руководства. Все крупные
государственные решения до их
принятия соответствующими
правительственными органами

проходили предварительную политическую, а также и техническую экспертную проработку в ЦК. В качестве экспертов в таких случаях ЦК имел возможность привлекать лучших специалистов науки, культуры, производства. С другой стороны, на аппарат ЦК с учетом его высокого управленческого авторитета нередко возлагалась по воле Политбюро ЦК КПСС заглавная организаторская функция при выполнении решений, принятых государственными органами. Особенно часто такое случалось в зимнюю пору для развязывания сложных узлов на железных дорогах и в энергетике, а в остальные месяцы

— для проведения ответственных сельскохозяйственных кампаний» [17. С. 4].

Кстати, как сейчас выясняется, аппарат ЦК КПСС был наделен и своей АСУ. Ее генеральным конструктором (системным администратором) был доктор экономических наук В. В. Соломатин [3.87. С. 3].

Аппарат ЦК пережил довольно длительную историю, где наиважнейшими моментами были его довольно перманентные преобразования (Приложение № 3). М. С. Горбачев заговорил о реконструкции аппарата ЦК КПСС уже 19 марта 1985 г. — меньше чем

через неделю(!) после избрания Генсеком. «Он сетовал — аппарат разбух невероятно. Особенно — Общий отдел, полно бездельников» [3.44. С. 59]. И это не удивляет, ибо, «став Генсеком, он первым делом повысил себе зарплату. Вторым — постановил, что его жена будет получать из партийной кассы командировочные деньги. На украшения. Эта мелкая деталь у многих в аппарате ЦК сразу же остудила жар завышенных ожиданий» [3.88. С. 5]. Хороша же мелкая деталь! Тем более для большевиков, где принцип нестяжательства считался высшим благом! Отсюда «в отделах ЦК уже в

1986 году в частных беседах можно было слышать из уст ответственных товарищей, что избрание Горбачева Генсеком — ошибка» [3.89. С. 6]. (Да, а ошибка, как мы помним от Талейрана, будет похуже, чем преступление!)

Содержание разговоров, естественно, доходит до М. С. Горбачева, и аппаратчиков-«бюрократов» начинают разгонять: начинается самая трагическая в истории страны карусель! 3 марта 1987 г. в ЦК состоялась встреча М. С. Горбачева с представителями (в ранге завсектором и выше) трех отделов ЦК: организационного, пропаганды и

сельскохозяйственного.

Присутствовали товарищи
А. Н. Яковлев, Г. П. Разумовский,
В. П. Никонов. Примечательно, что
Е. К. Лигачев в этот момент был в
командировке в Саратовской области.
«Впервые столь откровенно было
выражено негативное отношение
Генерального секретаря к аппарату
ЦК. Критика аппарата за
бездеятельность была воспринята
большинством работников как
вопиющая несправедливость. В
самом деле, начиная с 1983 года
нагрузки на людей многократно
возросли, особенно с момента, когда
во главе Секретариата ЦК стал
Е. К. Лигачев. Он, а в его лице весь

Секретариат, считался ответственным по линии Политбюро за организацию работы аппарата ЦК. При нем многие работники забыли об отдыхе, рабочий день продолжался нередко по 12–14 часов, одна на другую накатывались командировки» [17. С. 110].

Согласно записке М. С. Горбачева от 24 августа 1988 г. «К вопросу о реорганизации партийного аппарата», разосланной всем членам Политбюро, одоббившим ее, структура аппарата ЦК менялась: должно было остаться 9 отделов. Из 1940 ответственных и 1275 технических работников сокращение должно было коснуться

700 человек. С горечью теперь фиксируются «нововведения»: «Наибольшие перемены в деятельности ЦК КПСС последних лет были связаны с именами М. С. Горбачева и Е. К. Лигачева. Эти лидеры, как ни различны они в своих характерах, имели и много общего. Именно они (...) принесли в аппарат ЦК КПСС многословный и суетливый стиль обкомов с многочасовыми и многословными заседаниями Секретариата, нескончаемой чередой различного рода всесоюзных совещаний, конференций, встреч, слетов. Именно это время заполнили многочисленные всесоюзные

совещания по разным хозяйственным вопросам с утомительно-назидательными докладами-монологами секретарей ЦК КПСС. Носили они, как правило, агитационно-просветительский характер и были для дела маловразумительными.

(...) Вместе с упрощением и демократизацией громоздкого бюрократического механизма аппарата ЦК началось заметное снижение уровня организационной работы партии. Происходило это оттого, что, разрушая, охотно отказываясь от старых, отживших методов партийной работы, новые провинциальные лидеры не

предложили ничего конструктивного, ибо плохо себе представляли цели, пути реформирования партии» [22. С. 83–84].

М. С. Горбачева «вполне устраивал обстрел аппарата ЦК, казавшегося ему недостаточно послушным. К тому же в силу своего положения работники ЦК раньше других членов партии начали понимать истинный смысл маневров Горбачева, и это его беспокоило. Показательно, что несколько лет он не собирал аппарат ЦК, чтобы обсудить положение дел и начистоту поговорить о ходе перестройки. Лидер партии исколесил весь мир, облетел многие страны и

континенты, встречался с людьми разных убеждений, профессий и званий, однако не хотел встретиться и объясниться с работниками, которые были его естественной опорой и помощниками. Ему хватало времени лишь для того, чтобы ставить подписи под решениями о реорганизациях и переделках аппарата, держать его в состоянии тревоги и неуверенности» [26. С. 64].

«Форсированное разрушение по политическим мотивам аппарата ЦК КПСС и партийного аппарата в целом, осуществленное после XIX Всесоюзной партконференции М. С. Горбачевым и его окружением, имело, на мой взгляд, отрицательные

последствия для страны. Прежде всего оно привело к резкому снижению реального управленческого потенциала государственных органов. Вслед за этим наступило многократное увеличение численности управленческой бюрократии и одновременно — утрата какого-либо политического контроля за его стяжательскими устремлениями. (...)

В течение 1989 года штатная численность сотрудников (...) была сокращена по аппарату ЦК КПСС — на 536 ответственных работников. Проведено данное сокращение штатов было в два приема, совпадавших по времени, первый с

подготовкой к выборам народных депутатов СССР, второй — народных депутатов РСФСР.

Следующая, третья волна сокращений прокатилась по профессиональным структурам КПСС в 1990 году, вычеркнув из штатных расписаний около 45 тыс. работников, в том числе по штату ЦК — 603 из 1494» [17. С. 5, 145–146].

В то же время начались и нормотворческие нововведения: «Положением об Отделе организационно-партийной работы» (1986 г.) в обязанности отдела вменялась подготовка материалов (записки, проекты постановлений) к заседаниям Политбюро и

Секретариата, организация и контроль исполнения принятых решений, информация руководства ЦК о их реализации.

Стоило убрать эти функции — и работникам аппарата ничего не оставалось кроме, как протирать штаны» [26. С. 140].

В результате «все смешалось в нашем большом партийном доме» [12. С. 241].

Партийный аппарат

Во всей КПСС он был далеко не однородным. Он был разным по иерархии, по предназначению и возможностям: «Особыми

полномочиями в партийном аппарате пользовались оргтоделы. «Орговики» фактически осуществляли кадровую политику и в партии, и в государстве в целом. Цэковский орготдел монопольно решал ее в общегосударственном масштабе. (...)

Заведующий орготделом в партийном комитете был, образно говоря, «кум королю и сват министру». Все номенклатурные партийные и государственные кадры и весь депутатский корпус — от сельских Советов и до Верховного Совета СССР — были в руках «орговики». Орготделы были главным звеном в осуществлении кадровой политики партии» [3.90. С.

63].

Вот одно из «открытий» М. С. Горбачева: «В партии не главное аппарат. Главное — направленность, стиль работы, политика партии, ее динамизм». Уж чего-чего, а динамизма потом хватало...

«Первые секретари райкомов являлись главной силой партии. В сельских райкомах они, как правило, были выходцами из числа руководителей совхозов, колхозов, то есть людьми, хорошо знающими местные условия, местное население. В городских районах — это были в своем большинстве представители крупных рабочих или

научно-исследовательских
коллективов.

Их также не обвинишь в
незнании жизни. Значит,
отрицательное восприятие в
райкомах некоторых действий
Генсека не могло быть объяснено
одним лишь пресловутым желанием
сохранить «место и привилегии»,
тем более что председатели колхозов
или директора предприятий жили не
в пример лучше райкомовских
секретарей.

Выходит, дело было в другом. В
том, что отдельные новации
воспринимались на районном уровне
как умозрительные, надуманные, не
вызванные реальными

потребностями практики.

В этих условиях руководству КПСС в лице ее Генсека следовало пересмотреть свою политику: либо убедить райкомовский актив в ее жизнеспособности, либо устранить райкомы со своего пути. М. С. Горбачев и его ближайшее окружение сделали выбор в пользу третьей возможности, и в течение 1990–1991 г. штаты райкомов и горкомов подверглись сокращению на 50, 60, а то и на 70 процентов. Райкомы оказались фактически обескровленными» [17. С. 109–110].

Московский городской комитет КПСС. 24 декабря 1985 г. на место первого секретаря МГК КПСС был

избран Б. Н. Ельцин. Первым делом он провел подготовку к январскому Пленуму, который сместил все негодное ему бюро: «Я считал, что аппарат горкома, особенно те люди, которые проработали с Гришиным долгие годы, должны быть заменены. Эти аппаратчики были заражены порочным стилем эпохи застоя — холуйством, угодничеством, подхалимством» [5. С. 85].

Всего же из 33 первых секретарей райкомов будет снято 23 человека. В частности, 26 июля 1986 г. «за провал в организации работы по обеспечению населения плодоовощной торговли в районе, а также за ряд других серьезных

упущений» с поста первого секретаря Киевского райкома партии был снят А. Коровицын. Через семь месяцев он покончит с собой. После этого даже «Е. К. Лигачев сдерживал реформаторские порывы Б. Н. Ельцина (...) при его попытках решительно перекроить структуру партийных органов и партийного аппарата в Москве» [17. С. 117]. Кстати сказать, когда снимали Б. Н. Ельцина с поста первого секретаря МГК, никто ему не припомнил этой трагедии [3.91. С. 1–3]. Как-то забыли они своего «товарища»...

Коммунистическая партия

Советского Союза

Уничтожение КПСС есть организационный феномен. И оно было проведено очень точно, искусно и в кратчайшие сроки. Расчет производился давно, ибо главное свойство КПСС заключалось в ее роли колоссальных скреп, которыми держалась советская система. Это отмечалось как коммунистическими жрецами, так и (на более качественном уровне) американскими советологами: «Интеграция системы. Самая важная функция, выполняемая КПСС, и самая очевидная — это интеграция системы: обеспечение единства и

согласованности в политической системе, которая иначе может испытывать недостатки в этих качествах. Программа партии по социализации — это важная часть ее интегральной функции, а также является осуществлением политических прерогатив набора новобранцев, но вопрос тут намного шире.

Советский Союз — это обширная страна, охватывающая более десяти часовых поясов и тысячи километров с востока на запад и с севера на юг. Проблема коммуникации между Центром и населенными пунктами все еще затруднительна из-за нехватки

шоссейных и железных дорог И
резкого климата, который отрезает
большие территории (действительно,
большую часть сельской местности,
даже в европейской части России) на
существенную часть года.
Удерживание политической системы
представляет огромную проблему
для правительства, так же как для его
имперского предшественника.
Дисциплинированная армия
помощников, размещенная по всей
стране, может помочь создавать
лояльность и гарантировать согласие
с центральными директивами. Даже
в такой ситуации, как мы уже
видели, может считаться само собой
разумеющимся, поскольку возможно,

так было и при Сталине. Для них этот случай необязателен, когда необходимо руководствоваться тем, что говорит Кремль.

К тому же население СССР дифференцировано, что угрожает целостности общества. Этнически, лингвистически, культурно, традиционно, религиозно, исторически и экономически — по этим и другим критериям многие народы СССР отличаются друг от друга; некоторые серьезные наблюдатели видят более чем честолюбивые стремления в объявленном появлении исторически нового сообщества советских людей, характеризующегося новыми

гармоничными отношениями. Коммунистическая партия как центр политической системы служит одновременно символически и практически инструментом, который может охватить эти группы — и действительно, она стремится сделать свое членство более представительным для общества (которое она требует считать авангардом). Это в действительности символ уникальности Советского Союза. Наконец, объединенная структура КПСС служит мощным противовесом, чтобы уравновесить федеральные структуры Советского государства. Несмотря на то что существуют различные партийные

организации во всех республиках, за исключением Российской Федерации со своим Центральным Комитетом, Бюро и Секретариатом, советские авторы указывают, что партия — это не федеральная организация. Она имеет собственный устав, программу, собственный членский билет и партийные организации автономных республик и республик Союза — это территориальные организации КПСС. Это означает, что республиканские коммунистические партии подчиняются центральным органам, так же как и являются их представителями, что позволяет политическому центру использовать номенклатуру, чтобы распределять

персонал по всей стране. Определенные области в правительстве — особенно культурные и образовательные — делегированы и республиканским властям; различия в законодательстве отражают местные традиции и потребности. Но объединенный партийный аппарат, связанный сверху донизу демократическим централизмом, гарантирует, что ни одна республика или национальная единица не будет отступать далеко от линии, определенной центральными властями в Москве. Учитывая географические и социологические особенности страны, вероятно, неизбежно, что партия должна

выполнять такую роль.

В этой главе мы рассмотрели различные функции, выполняемые КПСС, которая играет руководящую роль в советском обществе и в советской политической системе, и мы видели различные уровни успеха, с которым она достигает выполнения своих функций. В действительности здесь остается много возможностей для совершенствования стиля, форм и методов работы партии. Но, несмотря на ограничения в работе партии, мы видим, что благодаря ее роли партия вступает в тесные взаимоотношения с другими организациями» [3.92. Р. 102–103].

Раскол единой партии был

списан с лекал троцкистских времен и начался по фракциям. Но КПСС была слишком большой организацией, чтобы ее всю одномоментно можно было расколоть на части, и поэтому было решено, что этого легче добиться не в рамках всей организации, а на уровне республиканских структур. На XXVII съезде разрешили компартиям союзных республик иметь свои программные документы.

А дальше процесс этот сам пошел и поехал. Особенно в Прибалтике... Добиться этого удалось не сразу, и только 7 декабря 1989 г. Верховный Совет Литвы отменил 6-ю статью Конституции. 19

декабря 1989 г. XX съезд КП Литвы объявляет свою партию независимой от КПСС. 25 декабря состоялся Пленум ЦК КПСС, который попытался разобраться с этим вопросом. Он постановил продолжить его изучение. Потом еще один Пленум, а Васька, как говорится, слушает да ест...

Раз некоторые слова о роли партии записаны в Конституции, то надо их оттуда вычеркнуть. Делалось это в несколько этапов, и первый из них — пропаганда. Как писал А. Собчак, еще на выборах зимой 1988/89 г. «именно я впервые поставил вопрос о необходимости отмены шестой статьи Конституции,

об отмене авангардной роли КПСС, показав, что нельзя реализовать лозунг о построении правового государства (...) в условиях однопартийной системы» [30. С. 46]. Так начался непонятный путь к отмене шестой статьи Конституции СССР, а закончился он 11 марта 1990 г., когда Пленум ЦК КПСС по докладу М. С. Горбачева решил отказаться от конституционных гарантий монополии КПСС на власть.

Был поднят вопрос о том, что Российская Федерация — единственная республика, не имеющая своей партии. Вопрос тут же с удовольствием подхватили

республиканские СМИ.
Состоявшийся 19 сентября 1989 г. Пленум по национальным вопросам решил создать *Бюро ЦК КПСС по РСФСР* и регулярно проводить российские партконференции. Все это очень красиво: как же так, в России должна быть своя партия: налицо ущемление прав русского населения! Но за этой красотой стояла опасность полного раскола, и надо было, оказывается(!), выбирать что-то одно из двух: либо иметь свою партию, либо иметь Союз! Поэтому раскольник М. С. Горбачев не так-то уж и препятствовал выделению КП РСФСР из КПСС и легко пошел на это. «Почему Российская Федерация

не имеет своей коммунистической партии? Вопрос этот обсуждался, и не раз. Проблема здесь есть. Посчитали, однако, что если мы такую партию создадим, то в стране может возникнуть двоевластие, российская партия была бы настолько сильна, что ее руководство скорее всего стало бы соперничать с руководством КПСС. КПСС представляет и интересы России» (слова Андрея Громыко. Цит по: [З. С. 168]).

Более того, на первом этапе сам М. С. Горбачев был против такой идеи. Как пишет такой наиважнейший свидетель, как член Политбюро ЦК КПСС

В. И. Воротников, 7 мая 1987 г. он, М. С. Горбачев и Н. И. Рыжков втроем обсуждали такого рода вопрос и сошлись во мнении, что создавать КП РСФСР или даже бюро ЦК по РСФСР не нужно. Это внесет разлад в единство КПСС, отодвинет областные организации от Центра [3.44. С. 108].

И в самом деле, тут не поспоришь: в рядах российских коммунистов находилось в то время более половины от общего числа членов КПСС, и налицо была угроза возникновения параллельного центра. Если же еще дополнительно создать столицу в Ленинграде и позволить такому органу уйти от

московского, центрального контроля, то это чревато самыми губительными проблемами.

Хроника начала пути к самоубийству выглядела так: было принято постановление мартовского (1990 г.) Пленума ЦК КПСС о созыве Российской партконференции. В нем говорилось о создании Подготовительного комитета конференции. Председателем (по должности) стал М. С. Горбачев, тогда же избранный председателем Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Каждая республиканская, краевая, областная, окружная организации выбирали на своих пленумах по одному представителю в состав комитета. Из

89 организаций только две не сделали этого. 3 апреля 1990 г. состоялось первое организационное заседание Комитета. Надо указать на то, что в Ленинграде в это время развертывалась организация под названием «Коммунистическая инициатива», вся суть которой состояла в прямолинейном антигорбачевизме. М. С. Горбачев посвятил большую часть заседания подавлению ленинградской инициативы и безуспешному поиску контраргументов для обоснования своей линии в этом вопросе. Шла подготовка доклада «За партию ленинского типа, за социализм и коммунистическую перспективу»,

альтернативного тому, что готовил Агитпроп А. Н. Яковлева. На своем заседании 3 мая Политбюро высказалось за включение в повестку дня предстоящей конференции вопроса о создании Компартии РСФСР. Кстати сказать, к тому времени, по данным газеты «Советская Россия», 85 % коммунистов требовали создания своей партии. 9 июня — второе и последнее заседание Подготовительного комитета. 16 июня — совместное заседание Подготовительного комитета с членами Политбюро, секретарями и членами Бюро ЦК по РСФСР. На нем произошел отказ М. С. Горбачева

ознакомить присутствующих с докладом. Тогда состоялось контрвыступление И. П. Осадчего, разоблачившего подготовку за спиной рабочей группы доклада аппаратчиками, неленинские подходы в нем. В результате принято решение предоставить слово для содоклада представителю Подготовительного комитета.

19 июня — первый день работы Российской партконференции. Начался он с выступления М. С. Горбачева. Потом — выступление содокладчика. 20 июня конференция принимает решение «О преобразовании Российской партийной конференции в

Учредительный съезд КП РСФСР». 21 июня Учредительный съезд КП РСФСР принял постановление «Об образовании Коммунистической партии РСФСР». Тогда же приняты «Декларация Учредительного съезда КП РСФСР» и Обращение съезда «К Коммунистическим партиям союзных республик». 22 июня принято обращение «К Первому съезду народных депутатов РСФСР». 23 июня — заключительный день работы первого этапа Учредительного съезда КП РСФСР. За первый этап был избран ЦК КП РСФСР в количестве 153 человек и его первый секретарь И. К. Полозков. Почему Полозков? Ничем не

выделяющийся человек, типичный партфункционер и потому самая удобная фигура для критики и манипуляции.

Второй этап Учредительного съезда КП РСФСР состоялся 4–6 сентября. Главный документ «Программа действий Компартии РСФСР» не был не только принят, но и даже не поставлен на голосование. Этому противодействовал М. С. Горбачев. И. К. Полозков уступил напору М. С. Горбачева и К° и согласился на то, чтобы КП РСФСР ориентировалась в своей деятельности на документы XXVIII съезда КПСС — Программное заявление «К гуманному,

демократическому социализму» и Устав КПСС. XXVIII съезд принял новый Устав, 22-й параграф которого позволял компартиям республик право на самостоятельность. Замечательно!

До сих пор среди коммунистов не угасают споры и все решается вопрос: так что же было такое — создание КП РСФСР, ее высших органов — благо или шаг к пропасти? Для грандиозных, эпохальных по своим масштабам событий, что прошли в те годы, это был довольно небольшой эпизод. Создание высших руководящих органов КП РСФСР, ее руководство 10-миллионным отрядом

коммунистов России давали в принципе некий шанс на успехи в борьбе с демократами, но он никак не был использован и реализован. Один из инициаторов ее создания И. П. Осадчий говорит: «И сегодня (...) нередко раздаются голоса противников ее создания, цинично утверждающие, что образование Компартии РСФСР было не просто ошибкой, а провокацией, сыгравшей роковую роль в судьбе КПСС и СССР» [3.93. С. 42]. Дальше он приводит 12 доводов в пользу отстаивания своей правоты. Понять товарища И. П. Осадчего несложно — за всю жизнь судьба дала ему только однажды творить то, что

называется историей, и он видит исключительно свой позитив и никогда не откажется от своей позиции. Так что доводов может быть и 100, и 1000, но толку от этого никакого нет: реальная история свершилась помимо этого.

К этому времени начался выход членов КПСС из ее рядов. Мотивы были разные: с одной стороны, те, кто не хотел оставаться в рядах партии вместе с предателями из Кремля; сторонники сохранения социализма выходили после принятия на XXVIII съезде установки на рынок, с другой — люди, поддавшиеся на очерняющую пропаганду. Разумеется, выход из

рядов КПСС — это наиважнейший индикатор постоянного и неуклонного свержения советской власти в целом и барометр падения самой КПСС.

Обратим ваше внимание на то, что во вновь создаваемых госструктурах разрушители СССР и КПСС старались не учреждать партийные организации. По какой причине, не совсем ясно: установки на партийный контроль и так не действовали. *Аппарат Президента СССР* [3.78. С. 545];

Аппарат Совета Безопасности СССР;

Верховный Совет РСФСР.
«Никто и не подумал, что следует

сорганизоваться и создать не только партгруппу из коммунистов — народных депутатов РСФСР, как это практиковалось раньше в составе депутатов Верховного Совета РСФСР, но и коммунистическую фракцию. Когда же второй секретарь Курского ОК Г. В. Саенко попытался создать фракцию «Коммунисты России», на эту инициативу сразу же откликнулись вопросами: «А вы кто такой? А кто вас уполномочил? И как относятся к этому в ЦК КПСС?» Первый замзав Отделом партийного строительства и кадровой политики В. С. Бабичев (впоследствии — зав. Отделом по законодательным инициативам и правовым вопросам,

не был забыт, и его
облагодетельствовали: в 1994–
1998 гг. министр РФ и зам.
председателя Правительства РФ —
руководитель аппарата
Правительства. — *А.Ш.*) сразу же
откликнулся негативно: «К чему вся
эта затея? Не вижу необходимости. К
тому же надо посоветоваться с
руководством ЦК КПСС». Довели
идею до М. С. Горбачева, Который
взял небольшой перерыв для
раздумий (принято считать, что этот
тайм-аут он обычно использовал для
советов с Р. М. Горбачевой. — *А.Ш.*),
после чего махнул рукой и сказал:
«Действуйте, как хотите...» [3.93. С.
85].

Одним из последних актов, направленных на уничтожение всей КПСС, был указ Президента РСФСР Б. Ельцина от 20 июля 1991 г. о приостановке деятельности партии на территории РСФСР. Срок исполнения — до 14 августа. Этот указ явился темой для разговора на последнем заседании Секретариата ЦК 13 августа 1991 г.

Организации, подчиненные партии — комсомол и пионерия, — обрабатывали относительно просто, традиционными методами.

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи был огромной организацией, число членов которой зашкаливало за сорок

миллионов человек. Практически вся молодежь без особого разбора — для галочки — Завлекалась в его ряды. Отсюда и много точек уязвимости Для критики. Руководство звена райком — горком вывели из игры, приняв постановление о хозрасчетной деятельности этих органов и создании при них *организаций научно-технического творчества молодежи (НТТМ)*. Вместо того чтобы руководить развитием и направлять наше будущее, комсомольские вожаки — очень активные ребята! — принялись зарабатывать. И очень в этом преуспевали. Е. К. Лигачев, как всегда по-своему идеализируя то, в

чем он принимал непосредственное участие, на все панические письма с мест о разложении комсомола не собирался сворачивать деятельность НТТМ, что и отстаивал на XX съезде комсомола (15–18 апреля 1987 г.), когда встала речь о возможном запрете. Там он заслужил шквал аплодисментов горячей решимостью защищать льготное налогообложение «комсомольской экономики» [З.94. С. 8]. Именно там и началась новая страница в жизни общества: размывание социалистической составляющей его структуры и явление класса буржуазии — оттуда пошли те, кого потом назовут *олигархи*. Героический когда-то

ВЛКСМ тихо и мирно кончил свое существование, самораспустившись на своем последнем XXI съезде в начале октября 1991 г. на республиканские организации.

Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина выбивали с помощью прозападных по своему характеру и связям организаций скаутов.

От власти партийной перейдем к государственной.

Президент СССР

Согласно Конституции он возглавлял а) *Совет Федерации*, в который входили вице-президент (с

1991 г.) и президенты 15 республик (именно этот орган потом заволокитил так называемый «Новогогаревский процесс»); б)

Президентский Совет СССР, который просуществовал с марта 1990 г. по март 1991 г. Председатель: сам М. С. Горбачев. Члены: писатель Ч. Т. Айтматов, функционер В. В. Бакатин, начальник канцелярии М. Горбачева В. И. Болдин, актер и министр культуры Н. Н. Губенко, фермер из Прибалтики А. Э. Каулс, глава чекистского ведомства В. А. Крючков, президент РАН Ю. А. Осипьян, функционер академик Е. М. Примаков, рабочий В. А. Ярин.

Затем на его месте был создан
Совет безопасности СССР.
Председатель: М. С. Горбачев.
Члены: к все тем же В. В. Бакатину,
В. А. Крючкову, Е. М. Примакову
добавились министр инодел
А. А. Бессмертных, премьер
В. С. Павлов, вице Г. И. Янаев.
Особого смысла менять шило на
мыло я здесь не вижу — просто
больше шума, больше «смелых
импровизаций», которые будут
выглядеть как неумение управлять, а
на самом деле будут только
прикрытием всего разрушения.

Съезд народных депутатов

СССР — Верховный Совет СССР

Весь Съезд народных депутатов СССР состоял из 2250 народных депутатов: 750 — от территориальных округов, 750 — национально-территориальных, 750 — от общественных организаций: КПСС — 100 человек; профсоюзы — 100; кооперативные организации — 100; ВЛКСМ — 75; объединения советских женщин — 75; ветераны войны и труда — 75; научные работники — 75; творческие союзы — 75; другие общественные организации, созданные в

установленном законом порядке и имеющие общесоюзные органы общественных организаций и объединений граждан — 75.

Теперь, когда все позади, обращают внимание на то, что такой подход был неправомерным: «советские женщины» имели 75 мандатов, а «советские мужчины» — ни одного, только потому, что существовал Комитет советских женщин. Рабочих и колхозников среди народных депутатов было 23,7 %.

Формально Конституция СССР с поправками 1988 г. и новый избирательный закон были гораздо *менее* демократическими, чем

Конституции 1936 и 1977 гг. Выборы народных депутатов не были вполне равными и прямыми. Треть состава избиралась в «общественных организациях», причем их «делегатами». В округах на каждый мандат депутата пришлось 230,4 тыс. избирателей, а в «общественных организациях» — по 21,6 тыс. избирателей (в десять с лишним раз меньше!). Меньшим было здесь и число кандидатов на место депутата (1,2). Если бы на выборах от КПСС (как одной из «общественных организаций») было выдвинуто столько же кандидатов на место, как в округах, никто из руководства не стал бы депутатом.

На выборах не соблюдался и принцип «один человек — один голос». Академик, будучи членом ЦК КПСС и членом Филателистического общества СССР, голосовал 4 раза: в округе и в трех «общественных организациях» (некоторые категории населения граждан могли голосовать десятком раз)» [10. С. 272].

Надо откровенно признать, что такой орган, как Верховный Совет СССР, существовал всегда только для одного: послушно проштамповать разработанные и утвержденные в других организациях решения. Так было при всех правителях. То, что о нем говорилось в Конституции, что он-де высший орган государственной

власти, — полная профанация. Во-первых, очень трудно быть таковым, собираясь два раза в год на несколько дней, а во-вторых, власть всегда подразумевает определенный набор инструментов для достижения цели. Советы не имели к этому никакого отношения.

Но перестройка была исключением во многих делах СССР, и в этом она тоже отличилась. Так, например, учуяв «свободу», парламентарии проявили непослушание: 28 ноября 1988 г. впервые в истории советского парламента при голосовании о мерах по ограничению демонстраций 13 депутатов проголосовали «против».

На XIX партконференции было принято решение о новой избирательной системе. По словам Н. И. Рыжкова, и А. Н. Яковлев, и А. И. Лукьянов отkreщивались от авторства идеи Съезда. Но при этом ссылались на Съезды Советов в 1917–1936 гг. и на пресловутый ленинский опыт (23. С. 31].

Корни самой идеи лежат совсем не в необходимости иметь такой представительный орган, а в том, что «разрушительная работа против партии была развернута М. С. Горбачевым и его группой в тот момент, когда они осознали КПСС как главную угрозу своей власти. Партия привела М. С. Горбачева к

власти, но и партия же все больше набиралась решимости отстранить его от нее. И на это были веские причины. Положение дел в стране приобретало драматический характер.

Перед лицом этих обстоятельств М. С. Горбачев, чтобы сохранить и укрепить свою власть, должен был найти путь к тому, чтобы обескровить партию, отделив ее прежде всего от механизма государственной власти.

Сама эта задача, чрезвычайно сложная по исполнению и политически рискованная по сути, предполагала предварительное осуществление трех ключевых

условий. Во-первых, нужно было создать политическую силу, альтернативную КПСС и способную защитить М. С. Горбачева как лидера перестройки от любых попыток со стороны партии и ограничить его разрушительную активность. Такие силы могли сформироваться лишь на волне народного недовольства, поднятой и направленной прессой против партии. При этом Генеральному секретарю отводилась роль главного вдохновителя и гаранта политики гласности.

Во-вторых, необходимо было вывести М. С. Горбачева как главу государства из-под контроля партии, исключив тем самым возможность

его освобождения от высшей
Должности решением Пленума ЦК
или даже съезда КПСС.
Одновременно следовало сохранить
за радикально-демократическим
Генсеком контроль над партией,
чтобы не допустить появления в
стране наряду с не зависимым от
КПСС лидером государства еще и не
зависимого от государства нового
лидера КПСС.

В-третьих, предстояло
обеспечить контроль со стороны
прорабов перестройки над
созданными ими же самими
оппозиционными силами,
альтернативными КПСС...» [17.
С. 137–138].

Сроки самих выборов и предвыборных мероприятий были согласованы осенью 1988 г. И были они проведены так, что их итогом, например, в Литве стало получение депутатами от «Саюдиса» 29 мандатов из 33. КПСС проиграла вдрызг.

Съезд и Верховный Совет уверенно шли от заседания к заседанию, командуя всеми, формируя Совет Министров — да еще и на публике, и им казалось, что они набирают силу, на самом же деле они давно рыли себе яму. И себе и другим... Со стороны было особенно заметно, что весь этот *принцип разделения властей* (сама идея

почерпнута у К. Поппера) на самом-то деле давно разоблачен как «разделяй и властвуй». Нами уже давалась трактовка этого как межведомственной войны на самом высоком уровне. Впоследствии такой активный участник процесса подрыва страны, как премьер-министр Н. И. Рыжков, мог дать самые точные оценки: «При всех различиях в функциях законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти их практическая деятельность так тесно переплетена, что ослабление одной из них, неизбежно влечет за собой рано или поздно ослабление двух других. Этой

закономерности ни Съезд, ни Верховный Совет, ни их руководство так и не поняли» [28. С. 20].

Верховный Совет, куда только что набрали прошедших через горнило выборов весьма активных людей с улицы, использовали как живой таран против руководящей партии. Как манипулировали и Съездом, и парламентом — это тема отдельного разговора, но страсти в залах заседаний кипели нешуточные. И отсюда вопрос: а насколько вообще они составляли хоть какой-то самостоятельный политический центр? Как бы они ни старались, вместо грамотного решения появлялись какие-то размытые

формы. Пример — в июне 1991 г., когда уже земля должна была гореть под ногами у депутатов, после выступления в Верховном Совете СССР В. С. Павлова (с требованием дать правительству больше полномочий), В. А. Крючкова (с зачитыванием теперь хорошо известной записки об «агентах влияния»), Б. К. Пуго (с информацией о состоянии преступности), вдруг «появляется Горбачев, произносит обо всем и, как всегда, ни о чем пламенную речь (в артистизме ему не откажешь), и рассмотрение вопросов как-то непонятно повисает в воздухе» [3.95. С. 79]. Как такое назвать?

Непрофессионализм депутатов?
Оболванивание?.. Здесь чаще всего
использовался некий
психологический феномен, так
называемый groupthink — *групповое
мышление*. В его рамках часто
рассматривают глубокую разницу в
поведении коллективов. Парадокс в
том, что одни и те же люди в
кулуарах при обсуждении вопросов
один на один приходят к одним
выводам, а на публике сам ход
обсуждения подталкивает их к более
рисковым решениям [3.96. С. 18].

**Совет Министров СССР
— Кабинет Министров**

при Президенте СССР

Совет Министров заседал в полном составе (более 100 человек) примерно один раз в квартал. Как правило, обсуждалось выполнение квартальных заданий, намечались планы на перспективу. Президиум же — председатель, его заместители, министр финансов, управляющий делами — заседали еженедельно [28. С. 107–108].

Н. И. Рыжков пишет о том, что отношение к Совмину было неоднозначным: «В отделах ЦК КПСС формировалась открытая неприязнь, критическое отношение ко всему, что делало правительство

Косыгина, на Политбюро ближайшее окружение Брежнева, Кириленко и ему подобные пытались подавить всякую инициативу, исходящую от Совета Министров СССР. (...)

Хорошо помню, что в ЦК КПСС было признаком «хорошего тона» быть в оппозиции к Косыгину и его правительству, а у работников ЦК обычно преобладал этаким пренебрежительный тон, когда речь шла о работе Совета Министров» [23. С. 16].

Потом это отношение перешло к другому органу власти — Верховному Совету СССР, который тоже был поставлен над Совмином, только времена были уже другие и

это привело к тому, что в пучину ушли они вместе — один за другим: «Пребывая в эйфории в связи с установившимся верховенством в стране Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР и видя корень зла в исполнительной власти в лице Совета Министров, которую они всячески и нередко безосновательно поносили, парламентарии вряд ли до конца понимали, что тем самым разрушали основы устойчивости функционирования государства. Впрочем, во многом это делалось сознательно и не являлось результатом ошибок и заблуждений. Искусственно насаждаемый

плюрализм мнений, подготовленный на неподготовленную почву, позволил безнаказанно расшатывать устои государства.

Агрессивное меньшинство депутатского корпуса, за спиной которого стояли известные в стране режиссеры из Межрегиональной группы, а у них, в свою очередь, были отечественные, а главное зарубежные кукловоды, (...) настойчиво и целенаправленно вело работу по изменению существующего общественного строя (...) Огонь велся на поражение» [28. С. 19].

Теперь бывшие министры и председатели госкомитетов вспоминают: [23. С. 18, 97, 161–162].

Любопытно, что министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе был единственный, кто прошел единогласно, остальные, как говорится, со скрипом. Качественный состав нового Совмина был, пожалуй, не лучше прежнего.

Хотя и пишут, что в новом (1989 г.) составе Совета Министров оказалось 8 академиков и чл. — корров, а также около 20 докторов и кандидатов, не стоит забывать, что в их числе и такой кандидат наук, как известный «златоуст» В. С. Черномырдин.

Сам «стиль работы Совета Министров стал все больше походить

на практику работы Политбюро: на заседаниях Правительства можно было говорить, сколько хочешь и что хочешь, вносить любые предложения, но каких-либо поручений по ним, как правило, никому не давалось. Принимаемые решения не выполнялись. (...)

Правительство, неспособное убедить если не народ, то хотя бы парламент в том, что валовой национальный продукт, реальный объем национального дохода страны не позволяет одновременно решать многие социальные проблемы, осуществлять масштабные программы, какими бы привлекательными они ни были,

Правительство, которое запускает на полную мощность печатный станок Для выпуска денежных купюр, не обеспеченных золотом, Драгоценностями, валютой, товарным покрытием, открывает шлюзы безудержной инфляции, вместо того чтобы Обеспечивать наращивание народу продукции, добиваться Увеличения национального дохода, — такое Правительство было обречено.

Но довести экономику страны до катастрофы, превратить могущественное государство в банкрота оно успело» [23. С. 45].

Верховный Совет плотно подмял Совмин и вывел его из прежней

схемы влияния аппарата ЦК. Это произошло уже менее чем через три месяца работы. 1 сентября 1989 г. проект плана на 1990 г. и пакет законодательных инициатив отправлен в Верховный Совет. ЦК получил их в тот же день в порядке информации.

Следующий крупный удар Правительство получило через полтора года на рубеже 1990–1991 гг., когда после отставки доведенного до инфаркта (в ночь на 26 декабря 1990 г.) Н. И. Рыжкова Совет Министров СССР был реорганизован в *Кабинет Министров при Президенте СССР* под руководством В. С. Павлова

(мотив традиционный: слепое копирование западных образцов, причем не в целом, а только отчасти — министрами в США руководит непосредственно Президент, если-де у нас будет так же, то мы заживем «как в Америке»).

Функции одного из высших органов власти были столь урезаны, что, как пишет экс-премьер Н. И. Рыжков, «у этого органа не было даже права законодательной инициативы, которое имело, скажем... общество филателистов» [28. С. 30]. Смешно? Согласен, но ведь — факт! Но в то же время хочу сказать — это и некая норма. Ибо тут не обязателен злой умысел. Юристы

и не такое могут написать — мы это уже с вами проходили...

Министерства и ведомства СССР

На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС «провозглашался курс на проведение крутой экономической реформы, сердцевиной которой должна была стать замена «командно-административных» рычагов управления экономическими. Доклад М. С. Горбачева на Пленуме отличался наиболее острой за весь предшествующий период критикой

положения страны до марта 1985 года. К Пленуму были подготовлены проекты важнейших государственных правовых актов по реформе. Они были опубликованы вскоре после Пленума в виде закона СССР о государственном предприятии и десяти совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Столь мощного разового выброса в экономику совместных решений партии и Правительства у нас не проводилось, пожалуй, со времен раннего Л. И. Брежнева. Конечно, все в документах Пленума было надлежащим образом теоретически обосновано и взаимоувязано. На практике, однако,

дело пошло не так, как рассчитывали авторы реформ. Начался прогрессирующий процесс разрушения реально существовавших управленческих структур и хозяйственных связей. Вместе с тем те формы, которые были придуманы в документах, чтобы заменить прежние, вопреки ожиданиям никак не удавалось привить живому еще дереву экономики. Несколько лет спустя, говоря об этой поре в интервью для журнала «Spiegel», М. С. Горбачев заметил, имея в виду положение госпредприятий в ходе реформы: «Мы как бы вывели их из старой системы управления, а новой, регулируемой системы не создали. И

нас стало разносить». И разнесло, можно было бы теперь добавить, вдребезги» [17. С. 112].

Что касалось отдельных органов исполнительной власти, то *Комитет государственной безопасности СССР* мало изменился до августа 1991 г. Тому есть свои объяснения, и мы их приводим в отдельной книге, посвященной проблемам национальной безопасности в годы перестройки. Строго наоборот, он продолжал свой качественный рост, Желаящие могут прочесть об этом в недавно вышедшем справочнике, где этой теме отведены страницы [20. С. 174–176, 221–224, 730–732]. И лишь после августа

«скомпрометированный» Комитет был погромлен в кратчайшие сроки. Полковник А. Яровой, тонко ухвативший суть таких «преобразований», в своей книге с пронзительным названием «Прощай, КГБ!» говорит о «системных» диверсантах: «Хорошие попались советники, профессионалы: удар был нанесен в самое сердце — в его управленческую деятельность!»

Из других составляющих подсистемы национальной безопасности особого внимания заслуживает советская цензура, скрывавшаяся под названием *Главное управление Уполномоченного по сохранению военной и*

государственной тайны в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР). Оно было ликвидировано в ходе психвойны — пошла травля в печати органов цензуры. Вышли статьи в центральной прессе: [3.97. С. 3 -12; 3.98. С. 6; 3.99. С. 146–165; 3.100. С. 243–252; 3.101. № 5. С. 24–26, № 6 С. 14–16, № 7. С. 22–25; 3.102. С. 14]. Журнал «Огонек» выпустил даже брошюрку [3.103]. Здесь журналисты особо посостязались в остроумии — ведь прежде именно цензура не давала писать на некоторые темы. В резолюции «О гласности», принятой XIX Всесоюзной партконференцией, было указано: «Обеспечить

доступность всех фондов библиотек».

Затем цензура была переименована постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1990 г. № 843 в *Главное Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (ГУОТ)*, также вводилось Временное положение о ГУОТ. Ликвидирован ГУОТ СССР 13 апреля 1991 г., но уничтожен был только сам главк в Москве, а органы на местах оставались и функционировали. Они были переподчинены России приказом министра информации и печати М. Полторанина № 210 от 22

ноября 1991 г. на основании Указа Президента РСФСР от 11 сентября 1991 г. «О защите свободы печати в РСФСР». На месте цензуры были организованы органы Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации.

Министерство внутренних дел СССР. Тут уместно было бы вернуться во времена Н. Хрущева и напомнить, что тогда МВД СССР было ликвидировано. Перестройка для МВД началась зимой 1982 г., когда после смерти Л. И. Брежнева был снят прежний министр Н. А. Щелоков, и «после Щелокова секретари ЦК КПСС и министры

внутренних дел меняются как перчатки. Каждый вносит свои, только ему понятные нововведения. Одним словом, с 1982 года, да и по сей день, правоохранительные органы находятся в стадии реорганизации, а проще говоря, беспризора» [4. С. 68].

Министр В. И. Федорчук пришел из КГБ: «При его водворении в кресле перво-наперво было объявлено о якобы полном развале органов внутренних дел. (...) В короткий срок было уволено около 100 000 сотрудников, причем пострадали в большинстве своем лучшие кадры. Прослушивались телефонные разговоры, насаждалось

и поощрялось стукачество. Если сотруднику объявляли об увольнении, а он спрашивал: «За что?», ему отвечали: «Всего сказать не можем, но по достоверным данным».

В период «правления» Федорчука милицию стало обслуживать специальное 3-е управление КГБ (на самом деле, управление «В» в составе Третьего Главного управления (военная контрразведка), затем на его базе было создано... Управление по борьбе с организованной преступностью КГБ. — *А.Ш.*). Это создавало в коллективах нервозность и подозрительность. Конечно, в

работе милиции не все было гладко, однако меры были явно неадекватны» [4. С. 143].

Начальник Главного управления кадров МВД СССР В. Я. Лежепеков также был спущен из КГБ. «С желтым лицом неврастеника и сильно выраженной его асимметрией, говорившей, по теории Ч. Ломброзо, о врожденных качествах садиста, рассказывали, любил повторять при подписании очередного документа на массовое увольнение любимую фразу: «Мало кровушки». (...)

«Федорчуковский период» (17 декабря 1982 г. — 24 января 1986 г.) ознаменовался потерей

профессионального ядра милиции,
«выколачиванием МОЗГОВ»
(сокращались НИИ, школы),
подавлением инакомыслия,
насаждением политорганов,
возвысившихся даже над парткомами
и возглавивших доносительство,
притоком в милицию сотрудников
КГБ, осуществлявших слежку за
всеми, вместе взятыми, (...)
информационного голода не
наблюдалось. Скорее была
дезориентация работы, не
позволявшая доводить до
логического конца весь объем
информации, которым располагали
милиция и подразделения КГБ.

Не успели опомниться от

«внедрения передового опыта», следует еще одно указание за подписью самого министра. Оно называлось... кто бы мог догадаться, «О хозяйственном обрастании». Отныне работникам милиции нельзя было приобретать предметы роскоши, (...) иметь дачи (будто они у них были!), машины и т. п. (...) Ну какой воспаленный мозг мог придумать такой документ! Кто додумался до нецелесообразности работы в милиции женщин? Оказывается, женщины не просто слабо работали, но еще и тлетворно влияли на морально здоровые милицейские коллективы. Многие хорошие специалисты вынуждены

были уйти! (...)

Лишь когда поток жалоб увеличился до критической массы, когда прошла волна самоубийств руководителей органов внутренних дел, Федорчук был с почестями отправлен в отставку» [4. С. 143–144].

Случилось это 24 января 1986 г. — причем сам М. С. Горбачев в этом был заинтересован лично: В. В. Федорчук собирал компромат на Генсека [3.44. С. 85].

Милиция, чей труд ранее воспевали в песнях, прославляли в кино, чей профессиональный праздник (10 ноября) всегда отмечался самым пышным

концертом, оказалась под огнем критики. Сначала были обвинения в коррупции, а впоследствии, когда «разожгли» большие и малые горячие точки, то войска и спецназ оказались просто под шквалом заказных материалов в прессе: самое мягкое — их называли *оккупантами*. Добавьте к этому стрельбу в спину в местах межэтнических конфликтов, захваты там зданий органов внутренних дел, причем одна попытка экстремистов, неудачная, что редко было в то время, приходилась на атаку здания самого МВД в Кишиневе, она была удачно отбита под командованием министра, будущего президента

Молдавии (2001–2009)

В. Н. Воронина (который был тут же отозван в Москву и отправлен в резерв), и самое главное — это, конечно же, создание параллельных структур из боевиков и уголовников, впрочем, к тому времени это было одно и то же.

Министр А. И. Власов «никогда не жаждал «крови» своих подчиненных» [4. С. 24, сноска]. И, естественно, такой человек на таком посту инициаторам перестройки не нужен. Появляется несколько статей, самая сенсационная из них печатается в «Литературке» [3.104. С. 13]. В статье признается очевидный факт: в СССР, который должен был

«по теории» закрыть последнюю колонию в 1980 году, существует организованная преступность! Нашли крайнего: ровно через три месяца сняли министра.

Новый — В. В. Бакатин был известен не своим профессионализмом, а политическим вывертами: на XIX конференции выступал вторым, после докладчика и кое в чем был еще левее одного. В декабре 1989 г. на 2-м Съезде народных депутатов СССР он выступал с отчетом о состоянии организованной преступности. В отличие от многих Других министров В. В. Бакатин был доволен совместной работой с

парламентариями. Он же умудрился изобрести новую форму дезинтеграции Союза: начал заключать договоры с министерствами из... союзных республик. Поясняет это так: «Демократизация шла и путем децентрализации. Принцип — отдавать полномочия вниз. МВД была суперцентрализованной системой» [3.105. С. 57]. Первый договор В. В. Бакатин заключил с правительством Эстонии, вообще был пионером многих начинаний. Министр утверждает, что существовало «две нестыкующиеся Конституции. По Конституции СССР МВД Эстонии — союзно-

республиканское министерство, а по закону Эстонии — только республиканское, МВД СССР не подчиняющееся» [3.105. С. 59]. И далее следует пассаж, что-де должны договариваться меж собой политики, а уж мы-то, люди подневольные, последуем их указаниям. А на самом-то деле это все равно как если бы начальник вашего районного отдела внутренних дел заключил договор с одним из своих участков по охране правопорядка во главе с вашим участковым. Как только начали строить «правовое государство», так и не заметили, что довели все до абсурда и вообще никакого не осталось...

А преступность отреагировала на такие пертурбации скачком: в 1988 г. — 1 300 000; в 1989 г. — 2 000 000; в 1990 г. — 2 700 000; в 1991 г. — свыше 3 000 000 (приводятся по: [4.С. 29]).

Создавались Центр общественных связей — на базе пресс-службы и 6-е управление (борьба с организованной преступностью). Причем под давлением мафии его тут же чуть было не ликвидировали, но его отстоял... Михаил Сергеевич, которому это было нужно для одного его тактического хода.

На последнем этапе в руководство МВД СССР были

призваны министр Б. К. Пуго и его первый заместитель Б. В. Громов. В процессе разгрома страны терялись горизонтальные (которые так нужны при раскрытии преступлений, совершаемых в разных регионах) и вертикальные связи. Появились зоны, где преступники могли скрываться и безнаказанно жить открыто.

Зарплата в республиканских министерствах была выше, чем в центральных, и как следствие этого — переток кадров. На примере МВД и КГБ об этом говорилось в [3.106. С. 14]. Вся когда-то цельная система была погромлена. За все это мафия еще поставит кому-нибудь памятник.

Вопрос только кому? Пока они сами об этом не знают.

Министерство иностранных дел СССР; МИД СССР, как и любое другое, было элитарным учреждением. И это чувствуется по тому изяществу, с которым измывались над дипломатами... По словам сына бывшего министра А. А. Громыко, «обвальная чистка была проведена Шеварднадзе в МИДе. Новые назначения были произведены в Вашингтоне, Лондоне, Бонне и многих других западных столицах. С момента прихода в МИД руководителя солнечной Грузии к марту 1991 года на своих постах остались два посла.

Многим из тех, кто возвращался в Москву, независимо от того, как они работали, вручали пенсионные книжки, а если они были еще достаточно молоды — мариновали в запасе или указывали на дверь. Приход Шеварднадзе в МИД был расценен как усиление партийного контроля над советской дипломатией. На практике это означало введение прямого контроля над дипломатией со стороны Горбачева. Что означало в сознании этих людей «улучшить работу»? А вот что. Только за первый год своего пребывания министр Шеварднадзе заменил 35 послов. (...)

Я неоднократно интересовался у

отца, как он ко всему этому относится. Со всей откровенностью могу сказать, что его отношение ко всему происходящему было отрицательным.

— В МИДе Шеварднадзе, — сказал мне отец, — сам новичок в политике устроил настоящую экзекуцию профессиональным кадрам только потому, что многие дипломаты не пели ему «аллилуйя», сохраняли достоинство и не лакействовали. Мне позвонил один из дипломатов и сказал, что в министерстве царит атмосфера уныния и даже страха. На дипломатов-профессионалов спущен опричник, бывший помощник

Шеварднадзе в Грузии. Он поставлен на должность замминистра по кадрам. То, что рассказывают о поведении моего бывшего зама Ковалева, не укладывается в голове. Он сводит с людьми старые счеты, особенно с теми, кто был близок к другому моему заму, Земскову. Я знал, что между ними отношения не сложились, но не думал, что и после смерти Земскова, а он умер от рака, Ковалев опустится так низко» [З. С. 116–117]. В самом деле, согласно Ежегодникам Большой советской энциклопедии, в 1985 г. было заменено, начиная с 3 июля, 8 человек; в 1986 г. — 50; в 1987 г. — 33; в 1988 г. — 23; в 1989–14. Во

главе погрома стояли помощник министра — бывший собкор «Комсомольской правды» в Тбилиси Т. Степанов-Мамаладзе и В. М. Никифоров — кандидат в члены ЦК КПСС, заместитель министра по кадрам, переведен из орготдела аппарата ЦК — до этого был куратором Грузии.

«В Москве царила полная неразбериха. Разогнанные Шеварднадзе профессиональные дипломаты с ужасом взирали на происходящее. Все они, однако, помнили слова грузинского «демократа», сказанные на одном из совещаний: «Всех, кто выступит против перестройки, мы уничтожим»

(цит. по: [3. С. 203]).

Первый повод для недовольства Старой площади посольствами был изобретен быстро: как и везде в советских учреждениях, была объявлена борьба с пьянством, и это в дипломатии, там, где бокал виски со льдом — это не что иное, как рабочий инструмент, с помощью которого расслабляют партнера по дипломатическим играм. Затем «встала кампания по борьбе с кумовством, родственными отношениями и протекционистами, жертвами которой оказались не только родственники, которых, и правда, было хоть отбавляй, но и однофамильцы. (...) То, чем

положено было гордиться в рабочей среде — трудовая династия, в дипломатии было объявлено семейственностью, (...) нарушением социалистической морали. Как известно, мы ни в чем меры не знаем. Опустошительный самум пронесся не только по бесчисленным департаментам и зарубежным миссиям МИДа, но и по его учебным заведениям. «Выпускник Института международных отношений» автоматически звучало как «папенькин сынок», «взяточник», «угодник». Всерьез подумывали о возрождении «рабоче-крестьянских призывов» в вузы международного и языкового профиля.

Выход, однако, быстро нашли в другом. Справедливо посчитав возвращение к «призывам из народа» анахронизмом, обратились к такому «золотому запасу», как воспитанники партийной и комсомольской среды. В них правда и прежде не было недостатка как в аппарате МИДа, так и в заграничных представительствах. (...) Теперь же они двинулись стройными рядами через Дипломатическую академию» [3.107. С. 109].

Для оправдания поворота на 180° ввели идеологический слоган «новое мышление». Самой тенденции утраты внешнеполитического влияния,

наработанного многими прошлыми поколениями, отказа от союзнических отношений нашли простое объяснение: развод с прежними идеологическими друзьями, мы-де отказываемся от прежней идеологии, и потому нам не нужны позиции в этих странах. Когда спохватились [3.108. С. 3; 3.109. С. 3], то было уже поздно. Било по МИДу и еще одно изобретение: так называемая «народная дипломатия»...

Самые опытные дипломаты были переведены в специально созданную *Группу советников при МИДе* и ощутили свою ненужность: «Я (как, впрочем, и мои коллеги)

почувствовал, что всякий интерес к нашей группе у руководства МИД пропал.

Командировки прекратились, приглашений на Коллегию больше не было, заданий никаких. Не знаю, случайно или нет, но это совпало с периодом самых яростных «разоблачений» в наших СМИ эпохи Брежнева и всего, что было связано с ней» [3.110. С. 293].

Министерство обороны СССР. Реформирование главного военного ведомства началось с того, что в результате известной провокации с М. Рустом 28 мая 1987 г. был уволен министр Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Никто не ожидал, что в результате скандала может быть

уволен именно он. Максимум, что могли предугадывать, — это отставка Главнокомандующего войсками ПВО страны — заместителя министра обороны маршала авиации А. И. Колдунова.

Назначение Д. Т. Язова было предсказуемо: тот хоть и служил в Главном управлении кадров только с января, но именно он вел все вопросы, связанные с кадровой и организационно-штатной перестройкой в армии и на флоте. Роковой, тринадцатый по счету, министр начал свою работу на новом месте с выступления с докладом, в котором указал, что «перестройка стиля и методов работы, которой

требует от нас партия, пока еще по-настоящему не затронула командно-политические кадры, в том числе и в центральном аппарате».

Там же были сформулированы ближайшие задачи: совершенствование системы управления, включая существенное сокращение центрального аппарата; совершенствование оргструктуры по каждому виду Вооруженных Сил с учетом оборонительного характера нашей военной доктрины; совершенствование кадровой политики. На первом же заседании Коллегии министр поставил задачу сократить центральный аппарат на 10 %. Жестко решалась судьба

малоэффективных научно-исследовательских учреждений. Эти учреждения когда-то создавались для решения конкретной задачи, по ее исполнению они не были вовремя реформированы, а продолжали существование, уже не имея четкой цели. Д. Т. Язов основательно изучил вопрос и поставил его на Коллегии: часть предстояло просто упразднить, а часть перевести на условия экономического стимулирования. (Кандидат военных наук С.В. Выборное сообщает нам об этом: «Проблемные группы создаются и существуют только в пределах решения конкретной проблемы. Такая форма является гибким

способом достижения указанной цели, она позволяет использовать знания, квалификацию и компетенцию участвующих в группе специалистов» [7. С. 40]. Вставка наша. — *А.Ш.*).

По истечении трех месяцев с момента вступления в должность по приказу министра начала реализовываться программа сокращения численности и совершенствования структуры центрального аппарата министерства, главкоматов и Генштаба. «Приказали долго жить» более 20 управлений, почти 300 отделов, упразднялось более 230 генеральских должностей [3.111. С.

13, 20–21, 23, 25; 3.112].

Армия постоянно попадала под огонь критики. Особому поношению подвергалась так называемая «райская группа» — Группа Генеральных инспекторов Министерства обороны. Там были только отставные престарелые маршалы, генералы и адмиралы — вот по слабым и били.

3 сентября 1990 г. вышел указ Президента СССР о реформировании политорганов Вооруженных Сил.

Государственный плановый комитет (Госплан) СССР. Планирование пережило в СССР довольно большую эволюцию, о которой мы не можем не рассказать

кратко, и окончательно прекратило свое существование путем уничтожения Госплана СССР. Нет Госплана СССР, нет плановых отделов на предприятиях — нет и планирования!

Госплан создан еще 1 апреля 1921 г. после письма В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому (письмо приводится в (3.113. С. 4–7]), штат набран из числа сотрудников комиссии, разработавшей план ГОЭЛРО. Надо подчеркнуть, что в силу особых успехов развития СССР за годы первых пятилеток планирование было в центре пристального внимания Запада — успехи были восприняты как вызов.

В Германии была создана научная организация по изучению практики планирования, затем Гитлер объявил об аналоге наших пятилеток — была так называемая Четырехлетка, которая смогла мобилизовать экономику Германии на войну. Американцы не стояли в стороне. Профессор Донхэм (Danhem) опубликовал в 1931 г. книгу «Бизнес наугад», где показывал советские успехи и прямо высмеивал американское отставание. О плане писал С. Чейз (Chase). В 1931 г. сенат США создал под председательством сенатора Р. Лафоллета (La Follette) комиссию для изучения возможностей планирования

американской экономики. Появилась целая теория «организованного капитализма», практически вся заимствованная у нас.

После смерти И. В. Сталина началось уничтожение структур и науки планирования. Прошло оно не в одночасье, а через несколько стадий. Главная и первая из них — ликвидация института Уполномоченных Госплана, они были введены Совнаркомом и ЦК ВКП(б) 21 марта 1941 г. в Положении о Госплане. В справочной литературе уточняется и цифра — число представителей на местах было равно 25 [3.114. С. 25]. Это высоко оценивается: «Одной из больших

заслуг Вознесенского было создание
института Уполномоченных
Госплана по важнейшим
экономическим районам страны.
Они персонально назначались
Правительством. Им был придан
небольшой, но весьма
квалифицированный аппарат.
Уполномоченные выполняли
наиболее важные, требующие
рассмотрения на месте поручения
Госплана и Правительства. Они не
подчинялись местным органам
власти и поэтому могли объективно
и глубоко вникать в суть проблемы.
Доклады Уполномоченных
рассматривались на самом высоком
уровне. Их сообщения вооружали

Госплан и высшее руководство страны ценнейшим анализом истинного положения дел на местах, особенно в годы войны, повышали научную обоснованность планов и оперативность управления экономикой.

После гибели Вознесенского институт Уполномоченных Госплана был ликвидирован». [3.115. С. 114]. Напомню, что Н. А. Вознесенский был арестован 27 октября 1949 г., а приговорен к расстрелу 1 ноября 1950 г.

По сути дела, вернулись к этому только перед перестройкой: постановлением Совета Министров СССР от 29 сентября 1982 г.

утверждено Положение об Уполномоченном Госплана СССР по экономическому району.

У М. С. Горбачева нелады с Госпланом начались сразу же. В 1985 г. было забраковано три варианта пятилетнего плана. Сняли 27 сентября 1985 г. председателя Совмина СССР Н. А. Тихонова и поставили Н. И. Рыжкова, сняли председателя Госплана Н. К. Байбакова — поставили Н. В. Талызина, и М. С. Горбачев одобрил только 4-й вариант.

В целом же погром системы планирования в СССР за эти годы прошел через две стадии: переход от директивных установок на

исполнение плана как закона к
новому инструменту —
государственному заказу, который
«впервые был применен при
формировании плана на 1988 год.
Предполагалось, что впоследствии
этот метод воздействия государства
на экономическую жизнь
предприятия полностью заменит
план» [3.77. С. 129].

А второй стадией стало полное
отрицание планирования, а вместо
этого предлагалось введение
свободного, ничем не ограниченного
рынка. Как и всегда, в этой связи
появились статьи, где излагались
мнения журналистов (типа зав.
отделом «Правды» Е. Гайдара) о том,

что-де план свое отжил, что на Западе ничего не планируют (прямая ложь!), а все получается благодаря некой... «длинной руке рынка», которая-де сама все устроит и выправит дисбалансы (по принципам самоорганизации), но надо сказать, что эффект этот, кстати, совсем наоборот, появляется только при достаточно большом числе жестко управляемых подсистем. План убивали в противовес рынку.

1 апреля 1991 г. Госплан превращен в *Министерство экономики и прогнозирования СССР* — министр В. И. Щербаков.

Прошло столько лет, но выводов о необходимости восстановления

планирования не делается. И это на фоне того, что «в отличие от России планирование народного хозяйства в государствах СНГ не было прекращено: в большинстве из них наряду с приватизацией государственной собственности и формированием смешанной экономики продолжали разрабатываться в той или иной форме текущие общегосударственные планы (с уменьшившимся количеством директивных заданий); одновременно отрабатывались методы индикативного планирования, прежде всего для предприятий негосударственного сектора и акционируемых

государственных; а в некоторых из них не была окончательно свернута разработка перспективных планов и программ» [3.116. С. 29]. Далее в статье указывается, что все функции директивного планирования сохранены полностью в Беларуси, на Украине, в Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Киргизии. Планирование на индикативно-директивной основе — в Прибалтийских и Закавказских республиках, в Молдавии и Таджикистане. А в России у некоторых людей хватает ума провозглашать удвоение ВВП без планирования такой деятельности директивными методами в экономике.

Со стороны, как говорится, виднее, и нам уже подсказывают. Так, приводят слова некоего президента одной из американских компаний: «Зря вы ликвидировали Госплан. Мы изучали ваш опыт и многому из Госплана научились. Планирование позволяет избежать серьезных ошибок. (...) Но только не надо было превращать планирование в фетиш. Ведь у вас как было? План — это закон. А план не может быть законом, это попытка заглянуть в будущее, способ принятия оптимального решения» [3.53. С. 197].

В системе правительства
Центральное

статистическое управление. Все хорошо, но тут появляется маловнятная статья, критикующая постановку статистики в стране [3.117. С. 181–201]. Вредительскую идею тут же подхватывают, и на своем заседании 2 апреля 1987 г. Политбюро принимает решение о реформе и создании *Госкомстата*. Что это меняет, зачем — не ясно...

Многократно критиковались в печати льготы аппарата, в частности, то, что строились роскошные санатории и больницы. По постановлению Совета Министров СССР от 12 октября 1989 г. № 866 4-е
Главное управление при Министерстве здравоохранения

упразднено. На его месте было создано *Лечебно-оздоровительное управление при Совете Министров СССР*. Что изменилось в действительности? Ничего, но эффекты разрушения переносились все дальше и дальше... «Трудящиеся одобряли» самоубийственные действия.

Однако структуры не только разрушались и переделывались, но одновременно создавались и новые. *Главное управление государственной приемки продукции Госстандарта СССР* введено с 1 января 1987 г. на 1500 предприятиях. Начальники ОТК при этом становились замами директоров по качеству.

«Неблагополучие в вопросах качества Действительно требовало неотложных мер. Было совершенно очевидным, что начинать надо было с пересмотра общегосударственных и республиканских стандартов, увязки их, гармонизации с мировой практикой, приведения в соответствие с мировыми стандартами, с оснащения предприятий совершенным технологическим оборудованием, контрольно-измерительными приборами, инструментами, материалами, решительного повышения квалификации кадров, осуществления комплекса мер экономического характера, которые

стимулировали бы высококачественную работу, побуждали к внедрению прогрессивных технологий, жестко карали рублем за техническую отсталость, консерватизм и небрежность, за выпуск брака, неходовой продукции. (То есть, по автору, здесь требовалось ввести полный инновационный цикл, где должны были быть взаимоувязаны все составляющие технологического процесса и пограничные элементы. — *А.Ш.*) Однако Правительство решило пойти по пути усиления контроля, создания громоздких структур, призванных осуществлять приемку продукции.

(...)

Шума вокруг госприемки было много, но практически она ничего не дала. (...)

Опыт показывает: любые структурные подразделения, функции которых ограничиваются задачами контроля без установления ответственности за достижение конкретных результатов в лучшем случае бесполезны. Чаще всего они наносят вред, ибо отвлекают от производства немалое количество специалистов, вносят ненужные (...) сложности в работу. (...) Что касается госприемки, то спустя некоторое время от нее — за ненадобностью и бесполезностью —

отказались» [21. С. 27–28].

В мае 1991 г. создан *Фонд государственного имущества СССР* при председателе С. В. Ассекритове в ранге министра. Это вполне понятное удобство для номенклатуры, начавшей поход за госсобственностью: не бегать по всем министерствам и собирать данные о стоимости предприятия и его отдаче, а получить все сведения в одном месте. Началось размывание государственной собственности. 15 августа 1989 г. *Министерство газовой промышленности СССР* (министр В. С. Черномырдин) было преобразовано в госконцерн «Газпром». А *Министерство*

транспортного *строительства*
СССР (министр В. А. Брежнев)
превратилось с 1991 г. в
государственную корпорацию
«Трансстрой», а с 1993 г. — АО.
Аппаратчикам, согласившимся
перейти из министерств в конторы
концернов, при этом начинают
платить больше, чем в советском
учреждении. *Промстройбанк*
добавил в свое название
«коммерческий», *Жилсоцбанк*
дробился на несколько более мелких
по территориальному признаку.

Теперь *Госснаб СССР*. Первый
случай преобразований относится
еще к 1986 г., когда его председатель
Л. А. Воронин выдвинул идею о

переводе предприятий и КБ (!) ряда министерств на условия снабжения через оптовую торговлю. Потом оказалось, что при постоянном дефиците это звено внедрить невозможно, и идея вскоре провалилась [3.44. С. 91], на заключительной же стадии он был поэтапно преобразован в несколько товарно-сырьевых бирж.

Академию наук СССР трудно уничтожить по ряду причин, значит, надо создать некий политизированный «Союз ученых», который был бы «параллельной структурой» и противовесом официальному.

Пресловутая гласность вела к

созданию внутри МИДа *Управления информации*, а в аппарате Совмина СССР — *Отдела информации*.

Совет Экономической Взаимопомощи

Напомним, что в него входили: Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. Сама «советская экономическая система была глубоко интегрирована со странами социалистического лагеря. (...) Любые серьезные изменения в этой системе должны были затронуть экономику этих стран.

Масштабы реформ, таким образом, объективно выходили за пределы Советского Союза и охватывали все страны социалистического содружества, которые во многом повторяли наши ошибки управления хозяйственным комплексом и имели настолько глубокие интегрированные связи с советской экономикой, что ее обособленное преобразование было бы практически невозможным. Потребность в реформах была настолько же насущной и вызвана теми же причинами, что и у нас» [3.77. С. 97].

Вспоминает министр внешних экономических связей К. Ф. Катушев:

«На сессии СЭВ в Софии в 1990 году советская делегация в выступлении главы правительства Н. Рыжкова предложила ввести доллар как расчетную единицу в товарообороте между странами СЭВ, а затем, после 3–5-летнего периода, перейти уже на действительно долларовые расчеты. Это был трезвый и оправданный подход, однако всесущий новатор М. Горбачев (...) дал команду немедленно перейти на расчеты с соцстранами в долларах. Системе экономических отношений с восточными странами Европы был нанесен такой удар, которого она выдержать не могла» [23. С. 153; 28. С. 231]. На расформирование СЭВ и

урегулирование имущественных вопросов было отведено 90 дней после Будапештской встречи (июнь 1991 г.) [3.118. С. 1, 6].

Организация Варшавского договора

Бывший сержант А. Н. Яковлев доказывал и смог «доказать», что Варшавский договор не нужен [3.119. С. 208]. Вывод войск из Европы сопровождался причитаниями типа: «армия в национальных границах», — но почему-то демократы, «открыв» этот принцип, решили применить его не ко всем, а

только к советской стороне?

И в результате американцы вполне весомо по итогам могли сказать: «Мы выиграли «холодную войну». Вы проиграли. Мы не собираемся делать вид, что наши позиции равны. Они не являются таковыми. Мы здесь находимся по приглашению. Вы — как оккупанты. Наши союзники хотят, чтобы мы остались в Европе. Ваши — хотят, чтобы вы ушли. Настал момент истины» [3.120. Р. 2]. Ничего не скажешь: красиво сделано и красиво сказано!

Договор о капитуляции под видом Договора об уничтожении ОВД приехали подписывать первые

лица государств-участников. М. С. Горбачев не рискнул поехать и послал вместо себя столь удобного вице-президента Г. И. Янаева. При этом не были использованы возможности для сохранения статус-кво в военном отношении «Обстановка позволяла в договоре о роспуске ОВД сохранить положение, которое закрепляло бы обязательства стран Варшавского договора не участвовать впредь ни в каких блоках и союзах...

Москва дистанцировалась от своих бывших союзников. (...) Мы просто отдали эти страны Западу. Одним махом всех бросили и забыли!» [3.121. С. 3] Нет, не забыли.

Мы глянули на карту и увидели, что теперь ракеты тактического звена стран НАТО достают до Москвы.

Союзные республики

Залихорадило не только структуры в центре, но и работу республиканских и местных органов власти. Начался процесс перевода из привычной плоскости взаимосотрудничества в плоскость противоречия. Центр активно подыгрывал сепаратистам. В «горячих точках» можно было испытать Сполна все прелести оргвойны: в разное время и на разных стадиях были перепробованы,

наверное, все способы и методы. Блокировались здания партийных и государственных органов в столицах республик, то же самое МВД и КГБ, штабов армии и флота; в некоторых местах советская власть просто ликвидируется и ее подменяют структуры Народных фронтов; при малейшем желании руководителей противостоять разгулу сепаратизма, нижестоящие структуры, назначенные «предыдущими руководителями республики и включенные в коммуникации взаимоотношений с «теневой» экономикой, активизируют свою деятельность по дискредитации нового руководства республики.

Практические приемы этой деятельности варьируются от требований к подчиненным активней участвовать в беспорядках, провоцировать забастовки на своих производствах до распространения клеветы, порочащих слухов и обвинений в «русификации» высшего звена управления» [3.122. Ч. 2. С. 14].

Объявлялись голодовки с требованием роспуска компартии; вместо участия в выборах в законные парламенты объявлялись выборы в органы, «параллельные» Верховным Советам; в регионах с большим забастовочным движением на основе стачкомов формировались

постоянные структуры, подминавшие
местные власти, они же отрывали от
дел министра угольной
промышленности М. И. Щадова и
третировали его заранее
невыполнимыми требованиями. Зато
при установлении тех структур
государственной власти, что не
подлежали уничтожению, работа шла
на высочайшем качественном уровне,
например, один из кандидатов в
российское правительство, что
набиралось в 1990 г., пишет: «Меня
выдвигали на пост министра
внутренних дел. (...) Я прошел
трехчасовую социально-
психологическую экспертизу,
которую проводила группа ученых-

консультантов» [4. С. 235]. Методы оценки и подбора кадров, кстати сказать, использовались ученым, специалистом в области менеджмента В. Тарасовым, и мы уже говорили о нем, когда писали, как его затирали коммунисты-идеологи, а вот их противник оценил его разработки и принял на вооружение. Саму оргструктуру нового правительства выдвигал *Инновационный совет при председателе Совета Министров РСФСР* под руководством народного депутата Ю. А. Лебедева.

Было время, когда Центр сам инициировал все перемены, часто доводя все до абсурда, например,

комиссия Политбюро по
территориальному управлению в
Эстонии предписала всю
промышленность свести в один
комитет, а «новатор» В. Вайно вскоре
тихо ушел в отставку; 28 декабря
1988 г. постановление Президиума
Верховного Совета СССР «Об
образовании рабочей группы из
депутатов Верховного Совета СССР
по подготовке предложений о
разграничении компетенции Союза
ССР и республик». Естественно, что
постановление «принято в целях
осуществления политической
реформы в области государственного
строительства». 24 октября 1989 г.
Верховный Совет СССР принял

поправку к Конституции, разрешающую республикам самим определять свое внутреннее государственное устройство, упраздняющую окружные выборные комиссии. Потом пришло время, когда инициатива пошла «снизу»: 20 сентября 1990 г. Верховный Совет РСФСР выразил недоверие... Правительству СССР.

То есть, как видим, ситуация разрешалась двумя путями: с одной стороны, уничтожали центр Союза республик, с другой стороны, на местах усиливали новые государства. Причем делалось это и при помощи со стороны: «Термин «конфликт низкой интенсивности» (low intensity

conflict) появился в начале 80-х годов. В него вкладывали разный смысл. В частности, если вникнуть в суть определения, приведенного в материалах фонда «Наследие» (Heritage Fondation), «конфликт, в котором имеет место борьба различных принципов и идеологий ниже уровня обычной войны», то никто вообще не догадается, что это такое. Возможно, идеологическая борьба или даже холодная война. А на самом деле военные понимают под этим термином следующее: «военно-политическая конфронтация между соперничающими государствами или их группами ниже обычной войны,

но выше обычного соперничества между государствами. В ходе этой конфронтации часто используются принципы и идеология затяжной конкурентной борьбы». (...) Позиция США относительно участия в конфликте низкой интенсивности гибкая: в ряде случаев Вашингтон поддерживает «повстанцев», если правящий режим не устраивает США, в ряде случаев наоборот — помогает «строить государственность» (nation-building) ...» [3.123. С. 60–61]. Ничего не скажешь: интересный способ строительства государственности, да еще и в чужой стране!

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Теперь, когда мы практически поэлементно разобрали запуск механизма самоуничтожения аппарата, мы задаемся целью ответить на вопрос: *Почему это стало возможно, да еще в таких масштабах?* Одна из причин, как ни парадоксально, лежит именно в чиновничьей подневольности и исполнительности. В КПСС царила партдисциплина — когда предписание высокого лица или форума партии было обязательно к неуклонному исполнению. И чем

выше — тем это было жестче.

Для новичков «становление в аппарате ЦК КПСС (...) было мучительным (...), связано это было не просто с другим стилем работы, но с совсем иными правилами взаимоотношений, другими, весьма строгими требованиями подчинения на всех должностных ступенях, от инструктора и до секретаря ЦК. Старая площадь и ее обитатели жили по своим особым законам и обычаям, известным только им и исполняемым безукоризненно.

За долгие годы монопольного положения партии в руководстве всеми сферами в жизни общества был создан механизм аппарата,

действующий на основе жесткой дисциплины и послушания отлаженно и почти без сбоев. (...)

Не могу не признать, что работа в аппарате ЦК КПСС была хорошей школой укрощения гордыни, воспитания организованности, дисциплины, позволяла владеть анализом тех процессов, которые происходили в стране. Однако утраты были тоже немалые, ибо, с другой стороны, она лишала работника всякой самостоятельности, отучала от инициативы. Превыше всего в аппарате ЦК ценились послушание, исполнительность» [22. С. 68–69].

И партдисциплина достигала наивысшей степени именно на

Старой площади: «Один мой знакомый — номенклатурщик, далеко не глупый и очень порядочный человек, недавно честно признался мне, что если бы в 1986 году их выстроили в холодный зимний день на мосту через Неву и заставили прыгать вниз головой, то, даже видя толстый слой льда на Неве, они все равно бы дружно нырнули» [3.124. С. 61].

И этим воспользовались. По окончании погрома КПСС А. Н. Яковлев поведал об этом предельно откровенно: «Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при

помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали» [3.125. С. 5].

Такова была сущность политического механизма КПСС.

Так прежде сильная сторона системы обернулась и сделалась чуть ли не главной слабостью, или, по крайней мере, уязвимой стороной.

*** * ***

В силу естественных причин мы написали не все. Мы описали в структурном отношении только половину. Ибо параллельно

уничтожению механизма
сохранения СССР шел процесс
создания механизма перестройки
— все эти бесчисленные
неформальные движения, «клубы в
поддержку перестройки», Народные
фронты, «Солидарности»,
шахтерские забастовочные комитеты,
партии, Демсоюзы. А в первых
публичных акциях, в основном
посвященных экологическим
проблемам (начинали именно с них
— с самых мягких и незаметных, на
санкционирование или по крайней
мере не столь жесткое подавление
легко пошли бы местные власти,
которым надо было показать свою
демократичность Кремлю),

участвовали даже... *клубы*
оздоровительного бега.

Число желающих организовать свою политическую партию было весьма большим. Только на август 1991 года было подано 2000 заявлений от различных организаций на регистрацию в Министерство юстиции [3.126. С. 2].

ОПЕРАЦИЯ «РАСПАД»

— Скажи, Сулико, что такое катастрофа?

— Катастрофа — это если козочка пойдет через мостик, поскользнется и упадет в речку.

— Нет, Сулико, это не катастрофа. Это беда. А катастрофа — это когда самолет с руководителями партии и правительства упадет и разобьется. Так что же такое катастрофа и что такое беда, Сулико?

— Катастрофа — это когда самолет с

*руководителями партии и
правительства упадет и
разобьется. Но это не беда.
Беда, это когда козочка
пойдет через мостик,
поскользнется и упадет в
речку.*

Август 1991 г. опять-таки создан
структурой: как все помнят, вдруг
проснувшимися высшими
руководителями страны был
провозглашен Государственный
комитет по чрезвычайному
положению СССР. Б. Н. Ельцин
среагировал на это оглашением (с
танка) своего указа № 61, которым
перевел под свое управление все

КГБ, МВД и Министерство обороны.

Последствия августовских дней в Москве хорошо описал С. Е. Кургинян: «Как ученый, просто не могу не вычислять тех выигрышей, которые Силы получили, пожертвовав людьми, в результате «имитации путча». (...) Бутафорские, я бы сказал, «злободневные» структуры, как «Старая площадь», «Кабинет министров», «Съезд» и «Верховный Совет» сметены. Для многих это трагедия. Многое незаконно. Но политически эти структуры были обречены еще раньше. Эти структуры были покорными и безвредными. Они были «мальчиками для битья» [3.127;

122. 4.2. С. 131–132].

19 августа в 18.00 состоялось заседание Кабинета Министров. При этом все договорились, что не будут вести записи, но все слова, что вылетели у министров, записал некто Н. Н. Воронцов (доктор биологических наук, профессор, в 1989 г. — народный депутат СССР, был членом МДГ, с октября 1989 г. — председатель Госкомитета, затем министр природопользования и охраны окружающей среды СССР. Позже за свое иудейство Н. Н. Воронцов был недурно вознагражден: он — вице-президент Российской академии естественных наук, член Королевской Шведской

академии наук (имеет право
выдвигать на звание нобелевского
лауреата), два года (1993–1995) был
депутатом Госдумы от «Выбора
России»), и потом он довел все
высказывания до сведения
Б. Н. Ельцина [З.77. С. 134; 28. С. 17].
Стенограмма этого заседания [З.128.
С. 1, 3], где Н. Н. Воронцов сам о
себе написал, что он предложил
посредничество в установлении
контактов с российским
руководством и что его идея была
отвергнута, была озвучена на сессии
Верховного Совета РСФСР.
Б. Н. Ельцин демонстративно
передал М. С. Горбачеву имевшийся у
него экземпляр и еще подал команду:

«Читайте, Михаил Сергеевич, читайте!» — ткнув чуть ли не в глаза указательным пальцем, и тот начал, давясь и мямля, зачитывать этот донос на глазах всего зала и миллионов телезрителей. (В то же время, когда М. С. Горбачев на сессии Верховного Совета РСФСР с трибуны зачитывал бумагу, Б. Н. Ельцин прервал его и сказал: «Я только что подписал указ о запрете КПСС!» М. С. Горбачев в ответ: «Будьте демократичнее, Борис Николаевич!») Тут же выяснилось, что это какая-то «филькина грамота» — хотя бы потому, что на заседании не было министра нефтехимической промышленности С. Н. Хаджиева

(чеченца по национальности и тоже бывшего члена МДГ), который не мог присутствовать на заседании, но тем не менее приводились его слова («За. Мы все с ГКЧП вместе»). Опровержение появилось на следующий же день [3.129. С. 2], и скандал, как и всегда, быстро потушили.

Стенограмма и весь спектакль двух актеров дали повод к разгону правительства. «События развивались молниеносно. Советское правительство было ликвидировано моментально. Нам просто сказали, что мы должны покинуть свои кабинеты...» [3.77. С. 134–135]. На заседание Правительства явился

Г. Ревенко и огласил указ. Его спросили: «А что будет вместо нас?» — посланец только пожал плечами.

Кабинет, от которого осталось только три силовых министра, 25 августа был преобразован в Межреспубликанский *Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР*. Руководитель: И. С. Силаев, заместители: А. И. Вольский, Ю. М. Лужков, Г. А. Явлинский.

Особым стало положение в силовых ведомствах, как наиболее «скомпрометировавших» себя. Там были сняты все старые руководители, на их место были поставлены их вчерашние заместители, но и они

были убраны через сутки, а на их место пришли «демократы»: Минобороны: Д. Т. Язов — М. А. Моисеев — Е. Шапошников; МВД: Б. К. Пуго — В. П. Трушин — В. Баранников; КГБ: В. А. Крючков — Л. Шебаршин — В. В. Бакатин.

Для обеспечения объективного расследования и сохранения материалов, которые могут являться доказательствами совершения противоправных действий, мэрия Москвы распорядилась опечатать помещения МГК и райкомов КПСС.

Каковы были настроения в отношении тех структур, что «подставились» во время «путча», хорошо видно из выступлений

депутатов на сессии Верховного Совета РСФСР.

С. Цыпляев: «...никуда мы не денемся от замены властных союзных структур на структуры координационные».

С. Станкевич: «Союза нет, и его не реанимировать».

М. Горбачев: «Все происшедшее для меня — тяжелый урок. Были ошибки в политиках, в методах. **Надо было решительнее ликвидировать консервативные, тоталитарные структуры**». Последняя фраза, как говорится, без комментариев: оказывается всего прежнего было мало...

И лишь люди, владеющие

кибернетическим подходом, могли сразу дать внятное, четкое объяснение. А. Журавлев: «Я системный аналитик и вижу, что сценарий драмы написан системными аналитиками. Его суть: разделяй и властвуй».

После победы над «путчем» работники аппарата ЦК КПСС, руководствуясь скорее чувством долга и привычкой, нежели даже простым здравым смыслом, пришли на свое место работы. Они словно не верили, что может случиться что-то неприятное. Погром, который был до сих пор скрыт под спудом бюрократической игры, на самом последнем этапе должен был

обрести открытую форму. И он совершился...

Курсанты Рязанского училища ВДВ (П. Грачев) — будущие маленькие лебеди, бородатоджинсовая братва (К. Боровой), охранники московской мэрии — а на самом деле боевики незаконных вооруженных формирований, которых мэр Москвы Г. Попов хотел свести в Московскую бригаду Национальной гвардии России, но Б. Н. Ельцин отменил это решение (В. Боксер, Е. Савостьянов), блокировали здания на Старой площади и предложили всем покинуть помещения.

Ответственные работники и

техперсонал выходили из зданий под оскорбления и свист толпы. Все прошло еще относительно мирно... Следующий разгон государственных институтов — я имею в виду октябрьские (1993 г.) события в Москве — проходил под расстрелы и грохот танковых пушек...

Да что там структуры, когда при объявлении о смерти Б. Пуго все депутаты Верховного Совета РСФСР зааплодировали, а члены президиума смеялись [4. С. 233]. Понять чувства депутатов можно: погиб человек, который сам не воровал и другим не давал. Больше таких министров внутренних дел страна не знала и не знает.

Безопасность — наиважнейшая из функций государства — превратилась в нуль. Начался погром КГБ, от которого тот никогда уже не оправится. И посему теперь каждый родитель в нашей стране, отправляя своего ребенка в школу, не знает, вернется тот домой или его захватят в заложники, а он, в свою очередь, не уверен, выходя из дома, будет ли тот стоять на месте или будет подорван вместе с родителями и игрушками...

Снятие председателя В. А. Крючкова прошло как-то странно. Указ Президента по премьер-министру Павлову: «В связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела в отношении

Павлова В. С. за участие в антисоветском заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР». «Крючков Владимир Александрович освобожден от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности СССР». (Первым обратил внимание на этот факт Б. И. Олейник [З.88. С. 48]).

Служба охраны (бывшее 9-е управление) перешло в прямое подчинение Президенту СССР. *Группа «А» Службы УДП 7-го управления КГБ СССР* также.

В 14.00 23 августа на заседании Госсовета СССР при назначении

В. В. Бакатина председателем КГБ произошел любопытный диалог. Бакатин: «Вы меня направляете в такую организацию, которую, на мой взгляд, вообще надо расформировать». Ельцин: «Так вот мы вам это и поручим». И тут же дал указание Горбачеву включить это в указ о назначении. Горбачев послушно вписал второй пункт: «Поручить товарищу Бакатину В. В. подготовить предложения о реорганизации системы государственной безопасности» [3.130. С. 22 и форзац]. Когда В. В. Бакатин приехал на Лубянку, то здание осаждали «демократы». Возбужденную толпу приезжали

успокаивать даже Б. Н. Ельцин и А. В. Руцкой. Илья Заславский сам предлагал свои услуги [З.130. С. 60]. Согласитесь, что это как-то странно: уничтожают твоего политического врага № 1, а ты инициативно предлагаешь спасти... И почему на это не обращают внимания те, кто говорит, что-де Комитет был противником демократов?!

Уже в 15.00 Бакатин провел последнюю в истории Коллегию КГБ СССР. Работал он не один, а совместно с *Государственной комиссией по расследованию деятельности органов государственной безопасности* (председатель — народный депутат

РСФСР, подполковник С. В. Степашин). Тот начал с того, что опубликовал статью с заглавием, которое выглядело как приговор: «КГБ СССР должен быть ликвидирован» [3.131. С. 1].

23 августа новый министр обороны Е. Шапошников принял решение о департизации ВВС.

24 августа к тем 14 *представителям Президента РСФСР в регионах*, что были, добавлены еще 15. А к концу года их было больше 50. Их преданность Ельцину и «делу демократии» оценивалась по данным поименных голосований: по специальной методике вычислялись результаты. При этом за «+100»

принимали «чистого» демократа, а за «—100» принимали «чистого» коммуниста [27. Т. 1. С. 126].

25 августа 1991 г. М. С. Горбачев подал заявление об уходе с поста Генерального секретаря. Заявление помогали написать В. А. Медведев, А. С. Черняев. В тот же день Указом Президента РСФСР № 90 объявлено государственной собственностью все имущество КПСС и КП РСФСР, расположенное на территории РСФСР и за границей. В тот же день из Риги прибыл Председатель Верховного Совета Латвии А. Горбунов и проинформировал В. В. Бакатина, что КГБ Латвии ликвидирован, здания опечатаны и

создана комиссия по расследованию.

Наутро 26 августа у Бакатина было 5 предложений от сотрудников о реформировании [3.130. С. 64]. Начальником *УКГБ по Москве и Московской области* был назначен некий сотрудник НИИ Е. Савостьянов, который получил капитальную подготовку в спецслужбах США [12. С. 289]. *УКГБ по Москве и Московской области* передан в КГБ РСФСР.

29 августа из КГБ переданы Управление правительственной связи, 8-е Главное управление и 16-е управление в созданный *Комитет правительственной связи при Президенте СССР*.

В этот же день в «Известиях» вышла статья В. Селюнина под красноречивым заголовком: «Если распад неизбежен, его надо хорошо организовать».

30 августа сессия Верховного Совета СССР решила сформировать *Совет безопасности СССР* из руководителей 9 республик — участниц «Ново-огаревского процесса». На сессии также решено распустить парламентский *Комитет по обороне и государственной безопасности*: там-де заседает только лобби военно-промышленного комплекса.

1 сентября М. Горбачев собирает группу единомышленников:

Г. Попов, Ю. Рыжов, А. Собчак,
А. Яковлев, Е. Яковлев,
Г. Шахназаров, Г. Ревенко, И. Лаптев.
Позже она будет названа
Политический Совет.

4 сентября был выпущен приказ
«О неотложных мерах по
обеспечению формирования и
деятельности КГБ РСФСР», в его
подчинение переведены все
комитеты и управления на местах.
Тогда же В. Бакатин сформулировал
«Основные принципы реформы КГБ:
1. Дезинтеграция. Раздробление КГБ
на ряд самостоятельных ведомств и
лишение его монополии на все виды
деятельности, связанные с
обеспечением безопасности. (...)

Ликвидировать КГБ как КГБ. 2. Децентрализация или вертикальная дезинтеграция. Предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности...» [3.132. С. 285–286].

Между тем после того, как работники аппарата ЦК покинули свои рабочие места, они все «получили письменные уведомления на отличной мелованной бумаге с грифом «Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет» об увольнении. (...)» Уведомление об увольнении по сокращению штатов. В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 6 сентября 1991 г. № Ст-38—

11 т. (далее следовали фамилия, имя и отчество, вписанные рукой) 9 сентября 1991 г. предупрежден о том, что по истечении двух месяцев он (она) подлежит увольнению по сокращению штатов (п. 1 ст. 33 КЗоТ РСФСР).

В течение этого времени работник может уволиться по собственному желанию, в связи с переводом на другое предприятие, в учреждение, организацию (ст. 31 и 29 п. 5 КЗоТ РСФСР) и по другим основаниям, предусмотренным трудовым законодательством.

Для высвобождаемого по сокращению штатов работника сохраняются льготы и компенсации,

предусмотренные ст. 40–3 КЗоТ РСФСР, при условии если он в течение 10 календарных дней после увольнения зарегистрирован в службе занятости в качестве лица, ищущего работу». Бумага подписана председателем Комиссии ЦК КПСС и ЦКК КПСС по организационно-хозяйственным вопросам П. Лучинским, (...) заместителем председателя профкома профорганизации аппарата ЦК КПСС Е. Кузнецовым» [3.78. С. 86]. Одновременно с этим работала и ликвидационная комиссия *Центральной Контрольной комиссии КПСС* под председательством бывшего и.о. председателя

Г. Г. Веселкова.

2 сентября 1991 г. в начале 5-го Съезда народных депутатов СССР в нарушение регламента Съезда, без утверждения повестки дня, слово дано Н. Назарбаеву, тот огласил согласованное «Заявление руководства республик о порядке работы внеочередного Съезда народных депутатов СССР», в 3-м пункте которого говорилось, что в условиях переходного периода (во время которого предлагалось старые государственные союзные структуры распустить, а потом набрать новые — на основе нового Союзного договора) предлагается создать: 1) Совет представителей народных

депутатов от каждой республики по 20 человек; 2) Государственный Совет в составе Президента СССР и президентов республик; 3) Межреспубликанский экономический Совет.

Тотчас объявили о перерыве и о том, что обсуждение переносится в республиканские группы. Это заявление подписали М. С. Горбачев и 10 республик, отказались от участия Прибалтика и Молдова, Грузия участвовала в предварительной работе, но подписывать не стала.

Одной из наиглавнейших задач для горбачевцев стало «сделать Лукьянова координатором

неудавшегося «переворота». На прицел было взято сразу два зайца. Убрать Лукьянова как наиболее авторитетного аппаратчика, пришпандорить клеймо «врагов демократии» на реноме всего руководимого им Верховного Совета» [3.85. С. 49], что и было реализовано: 4-го числа А. И. Лукьянова и Г. И. Янаева сняли с их постов.

5 сентября был принят Закон СССР «Об органах государственной власти и управления СССР в переходный период». Закон вносил изменения в Конституцию. Статья 1. Об образовании Верховного Совета. (...) 3. Об образовании Государственного Совета СССР. 4.

Упразднение поста вице-президента СССР. 5. Учреждение

Межреспубликанского Экономического Совета. (...) 6.2. Признать нецелесообразным созыв Съезда на переходный период (не принято).

5 сентября 1991 г. министр обороны Е. Шапошников издает приказ № 425, в соответствии с которым учреждается *комиссия по анализу деятельности руководящего состава Вооруженных Сил СССР в период госпереворота* (председатель — К. И. Кобец). В Вооруженных Силах начата чистка. Были сняты первый заместитель министра обороны СССР К. А. Кочетов,

Главнокомандующий войсками ПВО страны И. М. Третьяк, были освобождены от занимаемых должностей 8 заместителей министра обороны, 9 начальников центральных и главных управлений МО и ГШ, 7 командующих войсками военных округов и флотов [3.133. Кн. 1. С. 28].

Затем «полным ходом шла зачистка МО и Генштаба от «пособников ГКЧП». Это стало золотым временем для тех, кто почуял легкую возможность отомстить неугодным начальникам, продвинуться по службе и получить более высокое звание. Денно и ночью стала работать «фабрика

компромата» — так прозвали комиссию во главе с генерал-полковником Дмитрием Волкогоновым, снаряженную с ведома Ельцина (члены ее гордо именовали себя «представителями президента»).

В эту комиссию, рьяно шмонавшую кадры «Арбатского военного округа», шли генералы и офицеры, которых у нас в Минобороны и Генштабе за глаза брезгливо называли «шушерой». Комиссия состояла из многих хамелеонов, резко поменявших политическую ориентацию сообразно дуновениям времени, — в документах российского

правительства их величали
«демократически настроенными
военнослужащими» (...)

В комиссии особенно
вдохновенно работали некоторые
пьяницы, скандалисты и уличенные в
воровстве, — все они были давно
обижены на ГлавПУР за партийные
выговоры. Были там и командиры,
политработники-перевертыши,
преподаватели-неудачники, активно
проповедующие реформаторскую
ахинею, вызывавшую отвращение у
профессионалов. Все эти
волкогоновы, кобецы, юшенковы,
лопатины и облепившие их личности
из теплых московских военных
контор никак не могли объяснить

арбатским офицерам, по какому такому праву при действующем Президенте СССР и существующих еще конституционных органах власти Союза они устроили кадровый шмон в Минобороны и Генштабе с санкции Президента РФ» [3.133. Кн. 1. С. 12–13].

20 октября 1991 г. вышел указ Президента РСФСР о передаче внутренних войск МВД СССР, дислоцированных на территории РСФСР, под юрисдикцию России.

21 октября открылась последняя сессия нового состава Верховного Совета СССР, куда вошли представители 7 республик: РСФСР, Белоруссии, Казахстана, четырех

республик Средней Азии и 120 народных депутатов СССР.

22 октября на Госсовете рассматривался вопрос о КГБ СССР. По итогам было принято постановление № ГС — 8: «1. Считать необходимым упразднить Комитет государственной безопасности СССР. Комитеты государственной безопасности республик и подчиненные им органы считать находящимися исключительно в юрисдикции суверенных государств. 2. Создать на базе Комитета государственной безопасности СССР на правах центральных органов государственного управления СССР:

Центральную Службу Разведки СССР (...), Межреспубликанскую службу безопасности (...), Комитет по охране государственной границы СССР...» (Цит. по: [3.132. С. 300–301]).

28 октября К. Д. Лубенченко избран на безальтернативной основе Председателем Совета Союза Верховного Совета.

Накануне Мадридской встречи в верхах (конец октября) «А. Козырев в пренебрежительном тоне отозвался о МИДе СССР, усомнившись в целесообразности его существования и посоветовав урезать тамошний штат по меньшей мере в десять раз, на что последовала резкая отповедь

союзного министра Б. Панкина, назвавшего сентенцию Козырева «нелепой оговоркой». (...) Панкин на заседании Госсовета (...) поделился соображениями относительно радикального реформирования МИДа, имея в виду слить его с Министерством внешнеэкономических связей, сократить численность персонала на 30 % и предоставить каждой из полноправных республик квоту на замещение постов в зарубежных представительствах» [3.134. С. 209–210].

В октябре была прекращена деятельность *Главной Военной Прокуратуры*.

6 ноября Президент РСФСР подписал Указ «О деятельности КПСС и КП РСФСР», в соответствии с которым деятельность компартии прекращена на территории РСФСР, их структуры распущены и имущество национализировано. Считается, что именно этот указ и прикончил КПСС окончательно.

11 ноября вместо МИДа СССР организуется *Министерство внешних сношений СССР* (министр — Э. А. Шеварднадзе).

26 ноября вышел указ Президента РСФСР о преобразовании КГБ РСФСР в *Агентство федеральной безопасности РСФСР*. Генеральный

директор его имеет ранг министра.

26 ноября вышел указ Президента СССР и постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР об упразднении министерств.

3 декабря на заседании Совета Республик Верховного Совета СССР принят Закон «О реорганизации органов государственной безопасности». КГБ СССР прекратил свое существование.

3 декабря упразднено Главное политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота, напрямую подчинявшееся ЦК КПСС. Вместо него в Министерстве обороны создан *Комитет по работе*

с личным составом. Председателем комитета — помощником министра обороны назначен генерал-майор авиации Н. Столяров. И само название, и схема управления были полностью скопированы у американцев.

5 декабря в Вискулях (Белоруссия) состоялась встреча руководителей трех славянских республик, на которой было подписано соглашение об учреждении Содружества Независимых Государств (СНГ). Народ расшифровал по-своему: Сбылись Надежды Гитлера.

10 декабря 1991 года народным депутатом СССР В. И. Самариным

(известен как депутат, по ошибке вступивший в МДГ, а потом единственный вышедший из нее) был организован сбор подписей сторонников созыва внеочередного 6-го съезда. Ему позвонил М. С. Горбачев и пригласил встретиться. В. И. Самарин привез ему в Кремль 500 подписей и телеграмм. М. С. Горбачев пообещал ему собрать съезд сам, в соответствии с процедурными нормами.

10 декабря провели в Кремле совещание военных. Выступили М. С. Горбачев в течение 50 минут, потом Б. Н. Ельцин в течение примерно 1 час. 30 минут давал

ответы на вопросы. Военные еще были довольно сильны, и с ними надо было заигрывать. Если подходить с точки зрения их восприятия, то для них потери были очевиднее, чем для всех, и выглядели геополитически. Вооруженные Силы теряли 8 военных округов, 13 общевойсковых армий, отдельных корпусов, 4 танковых, 2 ракетных армии стратегического назначения, 3 армии ПВО, 5 воздушных армий [3.135. С. 23].

12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал Беловежские соглашения.

19 декабря был издан указ Президента РСФСР о создании

Агентства безопасности Межреспубликанской безопасности и на базе МВД СССР единого Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР. Парламент России не утвердил это решение, посчитав его «недемократичным», за что и поплатился спустя почти два года...

21 декабря в 12.00 по московскому времени в Алма-Ате руководители 11 союзных республик достигли договоренности о прекращении существования СССР. М. С. Горбачева уведомили о прекращении института президентства СССР.

25 декабря в 19.30 был подписан
Указ Президента СССР № УП 3162
«О сложении Президентом СССР
полномочий Верховного
Главнокомандующего
Вооруженными Силами и
упразднении Совета Обороны при
Президенте СССР». То есть с чего
мы начинали *прогуливать кота
назад*.

Спуск флага СССР состоялся в
19 часов 38 минут 25 декабря 1991 г.
Как говорится в таких случаях,
необратимые изменения внутри
советской системы, о необходимости
которых постоянно мечтали
американские советологи,
завершились...

26 декабря в Кремле заседала палата Верховного Совета — Совет Республик. Были приняты документы: Декларация «О прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик» (№ 142 — Н); Постановление об освобождении от должности судей Верховного Суда СССР и судей Высшего Арбитражного Суда СССР, Коллегии Прокуратуры СССР (№ 143 — Н); Постановления об освобождении от должности председателя Госбанка СССР В. В. Геращенко и его заместителя (№ 144 — Ни 145 — Н).

27 декабря постановлением Верховного Совета РСФСР «О

народных депутатах бывшего СССР» их полномочия прекращены. М. С. Горбачев дал последнее интервью журналистам итальянских газет «La Repubblica» и «La Stampa», аккредитованным в Москве, в котором, в частности, сказал, вспоминая начало пути: «Партия располагала тогда мощнейшей структурой, которая всем руководила и направляла. (...) Попытки ликвидировать партию тогда были нереалистичны. Не было силы, способной ей противостоять. Только благодаря политической реформе можно было прийти к свободным выборам, чтобы создать новые силы, представительные органы, народную

власть и потеснить КПСС. Но когда я начал этот процесс, реакция партии была самая жесткая. Каждый пленум превращался в поле битвы между реформаторами и консерваторами. Вы, может быть, думаете, что моя надежда реформировать КПСС была иллюзией? Нет, я был большим реалистом, чем все, понимая, что, если мы не изолируем партию от государственной структуры, мы ничего не добьемся. И я был прав». (Цит. по: [24. С. 90–91].) После этого Б. Ельцин занял кабинет М. Горбачева.

27 декабря парламент российской республики принял решение о прекращении

деятельности союзного Съезда
народных депутатов. Чудны деяния
во имя правового государства!

30 декабря 1991 г.

Министерством юстиции РСФСР
зарегистрирован *Фонд Горбачева*.

* * *

В политическом театре дали
занавес.

Над Кремлем полоскалось
какое-то трехполосое
недоразумение.

Некий Г. Бурбулис уселся своей
задницей в креслице, крутнулся в
нем и воскликнул: «Все! Теперь над

нами никого нет!»

И что-то в этот момент закончилось: то ли операция «Распад», не то Operation «The End of History».

Так — в завершение — мы находим ответ, что такое есть «перестройка», ее кульминация была для нас моментом истины: обнажились устремления и достигнутые эффекты тех, кто реально ее замыслил.

Перефразируя известное выражение, можно сказать: *целили в одного бюрократа, а убили всю страну*. И, кстати указать, бюрократ-то уцелел. Как известно еще из Платона, должно происходить

отождествление судьбы государства с судьбой правящего класса. Таковое было до Платона, при Платоне, после Платона. Но вот впервые это правило было нарушено. Номенклатура просто виртуозно выскользнула из-под обломков империи и при этом еще смогла и недурно поживиться, как мародер. Что это: парадокс «революции сверху»? Платон устарел или вообще изначально был неправ? Нет, здесь случилось противоположное: правящий класс, который занимал места в аппарате, так умело разрушил политическую систему, что пострадал только сам каркас, а элементы, бывшие в нем, уцелели.

Журналисты и наши некоторые историки описывают случившееся предельно просто: Союз растащили на 15 республик (математически одаренные еще могут прибавить к ним непризнанные территории и квазигосударственные образования), путая при этом причины и следствия, задачи с эффектами. При этом не учитывается, что баланс центробежных и центростремительных сил в каждой из республик был очень и очень разный. Но если бы кто-то из республик подумал «зацепиться» за Московский центр, то у него ничего не вышло бы — нельзя удержаться за то, чего не было. М. С. Горбачев со

своей бандой похоронил к тому моменту ВСЕ!

События на окраинах: стрельба инсургентов друг по другу и всех вместе против советских войск, провокации, подрыв дружественных отношений по отношению к соседу — скорее вещи, отвлекающие внимание от событий в центре. Да, они очень нужны, они по-своему совершенны, но все же второстепенны для перестройки. Ряд внешне благополучных государств живет в условиях, близких к гражданской войне, из-за своих сепаратистов (Австрия — Тироль, Испания — Страна Басков, Великобритания — Ирландия). Но их

страны от этого не разрушаются, потому что в центре этим никто не занимается. Но такого рода соображения в расчет не принимаются. Даже сама терминология, связанная с перестройкой, широко навязанная учеными авторитетами, подразумевает только одно: отход союзных республик друг от друга, поэтапное «откалывание» от центра и т. п. Мы же, рассматривая все через замысел, все видим по-другому. И считаем, что термин *распад* вообще вряд ли применим к произошедшему и речь может идти только о полной и необратимой **децентрализации**.

Лишь немногие понимают, в чем

дело, и подталкивают мысли других в верном направлении: «Разве не представляет конструктивного интереса вопрос о том, следует ли рассматривать развал СССР, Чехословакии, Югославии как управляемый процесс или же как результат потери управления?» [36. С. 18].

Либо, понимая, что традиционные исторические подходы не дают ясности картины, задают верно сформулированные вопросы: «Интерпретация распада СССР должна быть результатом серьезного научного анализа. От системного рассмотрения этой проблемы мы еще пока далеки»

[3.136. С. 221]. Но это ученые серьезного уровня. И их трудно сопоставлять с общей массой.

Сама по себе гибель СССР была не чем иным, как уничтожением структур государства, что мы и разобрали. Но только если раньше гибель страны сопровождалась уничтожением большого процента ее жителей, то тут было несколько по-иному. К окончанию перестройки было не так уж и много (да простят мне подобный цинизм) собственно погибших. Впервые в мировой истории обрушилась структура, но люди при этом мало пострадали...

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА СЕГОДНЯ. ЕСТЬ ОНА ИЛИ НЕТ? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мы потерпели страшное поражение, причем там, где совсем не ожидали. Противоречия обнаружены на периферии внимания общественно-политических учений. Можно сказать, что мы поскользнулись на ровном месте... И что же?! Может быть, мы бросились детально прорабатывать наши ошибки, дабы не допустить новых — нет! А раз так, то это значит, мы сами своими руками готовим

плацдарм для Нового разгрома системы следующего уровня.

И корень бед может лежать в том, что как были подхвачены навязанные извне понятия-лозунги, так они до сих пор и живут в головах у большинства: «Я не сторонник административно-командной системы в ее советском варианте, а тем более тоталитарной системы управления. Но глубоко убежден, что, прежде чем разрушать имевшуюся систему правления, нужно было хотя бы по частям, по блокам сформировать новую, смешанную систему управления, в которой бы органично сочетались рыночные и нерыночные (административные)

регуляторы. Наши же архитекторы перестройки до основания разрушили существовавшую систему управления, но не создали хотя бы сколько-нибудь приемлемое подобие новой» [1. С. 76]. И это академик, числящийся кибернетиком! Серьезный ученый не будет подхватывать идеологические штампы. Воистину, если нет для кого-то термина «организационная война», то нет и самого факта ведения оной.

И уж если кто и сделал выводы из перестройки, то только не наши управленческие кадры, а те, кто пользовался своими же разработками по нанесению ущерба нам, —

американские оргпроектировщики. Ими «разработаны планы превращения Соединенных Штатов Америки в государство нового уровня. Так называемая инициатива Гора включает в себя решение проблемы профилактики «заболеваний» государства. Это болезни, которые связаны с процессами ее информатизации: организационный маразм, информационный склероз и финансовый тромбоз» [4.01. С. 419].

Те немногие, которые с самого начала запуска механизма знали, чем именно кончатся их *холодные фокусы* (термин... Е. Гайдара), пожимают плечами: «Мы не увидели,

что разрушение коммунистического аппарата было разрушением государства» — это Мишель Камдессю, а кризис-менеджер Дж. Сакс удивляется и утверждает, что не знал советской экономики и поэтому его рекомендации оказались ошибочны.

А наши ученые только скользят поверхностно и идеализируют, видя главное препятствие в субъективном факторе: «Важным является и организационный («технологический») момент: государственную систему должны строить («проектировать») специалисты (юристы, социологи, обществоведы, представители разных

профессий), причем эти люди не должны занимать очень высокие правительственные должности, то есть они должны проектировать систему государственной власти не лично для себя» [4.02. С. 31].

Постперестроечная практика также полна угроз в сфере организационной безопасности. То вице-президент РФ объявит о своем повышении, и это приводит к расстрелу Верховного Совета и разгону всей законодательной ветви власти. То В. Путин затекает очередную административную реформу на словах. То премьер М. Фрадков устраивает настоящий кавардак, плодя столько

министерств, столько федеральных служб и комитетов, что просто глаза разбегаются. Вообще, нынешнюю Россию нельзя назвать государством в собственном смысле слова, она представляет лишь «неорганизованную территорию» (выражение Сталина по поводу Китая 30-х годов).

Государство выглядит как что-то несерьезное еще с тех пор, как первый мэр Москвы Г. Попов выдвинул идейку о том, что неплохо было бы, если б чиновники брали взятки и потом что-то отстегивали в пользу государства... И это те люди, которые не могли простить аппаратчикам устройство своих

детей в детсад. При больном (с похмелья) президенте государством руководят телохранители, массажисты, теннисисты, юмористы и проч. и проч. Границы государства и частного размыты.

Международный коммунизм также потерпел страшный катаклизм мирового масштаба. Его структуры рассыпаны. Компартии в странах Восточной Европы либо полностью уничтожены, либо трансформировались, в западноевропейских странах ликвидированы. Да, появились новые, но они проигрывают. И главное не то, что они карликовые, а то, что они неестественны, и массы

чувствуют фальшь и не стремятся входить в них. Вряд ли они будут когда-либо массовыми, если только не обретут те организационно-функциональные качества, что были у В. Ленина.

Федеральные округа, может быть, и задуманы для укрепления вертикали власти. Но видим и обратную сторону: 89 субъектов было бы затруднительно заставить разбежаться по уделам и улусам в случае нового организационного погрома московского Центра, а восемь федеральных округов — относительно легче: достаточно им *перетянуть на себя одеяло* по вертикали: и из Центра, и с

регионов. Если до В. Путина можно было еще с сомнением говорить о возможности расчленения России, то после исполнения его(?) задумки об этом можно судить со стопроцентной уверенностью.

А что же Старая площадь? Первое время в *Администрации Президента* Эрэфии работали «демократы»: волосато-бородатые, в джинсах и кроссовках, курящие и распивающие пиво, шокировавшие уборщиц мусором в коридорах и остатками «торжественных мероприятий» в кабинетах. Толку от них не было никакого, и очень скоро «демократия» закончилась, и все вернулось «на круги своя» — на

работу были возвращены те же люди, что и были, ибо, как поется в песенке из жутко антибюрократического перестроечного фильма Эльдара Рязанова «Забятая мелодия для флейты»: *«Мы и были, и есть, мы и будем...»*

Когда-то в демпечати писалось, что все решения коммунисты принимают за закрытыми дверями и требуется гласность. На самом-то деле нынешняя пресловутая *«прозрачность власти»* вывернулась сплошным надоевшим пиаром: президенту, губернатору, мэру, депутатишке надо постоянно *«светиться»* на телеэкране, находиться среди широкой

«публики» подпевал, выступать по поводу и без оно́го, публично принимать подчиненных и отдавать указания и т. д. и т. п. Они уже всем надоели, но надо, надо, надо... И так до ухода с поста, когда вместо него появляется новый, который в этом отношении ничем не отличается... Иногда, когда, по-видимому, уже самим дикторам надоедает бесконечная фраза *«Президент работает с документами...»*, они пытаются как-то ее разбавить. Так, например, однажды промелькнула такая настоящая **новость**: «Сегодня Ельцин появился на работе в Кремле в девять-ноль-ноль, естественно многих работников не оказалось на

рабочем месте, но президент быстро навел порядок, и уже к обеду все были в Кремле...»

Даже широко разрекламированные способности мэра Москвы Ю. М. Лужкова на самом деле фикция и видимые результаты достигаются через рост чиновников: «При проклятом демократической прессой советском тоталитаризме жизнеобеспечением Москвы ведали 32 райкома партии и 32 райисполкома. Сложим две цифры. Получится — 64. Ровно столько субъектов власти отвечали за комфорт москвичей. А сколько властных субъектов ныне мы имеем в столице? 10 префектур и 128

муниципальных управ. При том тоталитаризме я рассчитывался за все услуги с домоуправлением и с ним решал все проблемы. Теперь наплодили РЭУ — ремонтно-эксплуатационные управления, ДЕЗы — дирекции единого заказчика, отдельные телефонные, электрические компании и расчетно-кассовые центры. Голова у меня от обилия служб идет кругом. Число чиновников, управляющих ЖКХ, возросло многократно. Демократизация у нас обернулась бюрократизацией» [4.03. С. 3].

В марте 2003 г. указом Президента была уничтожена *Налоговая полиция*. Ее функции были

возложены на Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями МВД России, и без того занятое сверх меры. Это сильно подорвало всю финансовую систему страны — доходы от налоговой полиции составляли весьма и весьма значительный процент, да еще и с каждым годом все больше и больше увеличивавшийся.

Оргвойна продолжается. «Думается, эти решения Путина направлены прежде всего на сокращение госаппарата. Их надо поддержать, потому что аппарат разбух — в России чиновников сейчас в полтора-два раза больше, чем было в СССР, на них уже

затрачивается свыше 60 млрд рублей в год» [4.04. С. 3]. Кто это там нахваливает В. В. Путина? Все тот же самый Лигачев. Егору Кузьмичу мало его активнейшего участия в одной организационной войне, теперь ему надо поддержать еще и нынешнюю. Ему все еще «чертовски хочется поработать» (фраза в выступлении на Съезде, когда от него наконец-то избавлялись, а ему все никак не хотелось уходить). Потому-то его никуда и не «задвигают», что такой человек нужен всегда, при любой власти: тогда организовал и провел погром и сейчас ко всему «Всегда готов!».

Административная реформа

В. В. Путина по целям и задачам неясна, как не была изначально ясна и перестройка М. С. Горбачева: «До сих пор остается без ответа главный вопрос — кто конкретно несет ответственность за управление госслужбой, хотя сегодня это центральный момент в ее реформе» [4.05. С. 50].

Оргвойна продолжается. Она проходит через две фазы. Вначале будут ошибки и субъективность. Потом придет время их выявления, и в процессе критического анализа провозглашаются научные принципы, но они не исправляют, а, наоборот, ломают все и безвозвратно. Начинаются организационные

инновации, но не в том порядке, что нужно. И/или с неучтенной какой-то составляющей, которая будет выявлена слишком поздно. И после очередного краха скажут, что об этом-де забыли.

Ситуация запуска механизма уничтожения России та же, что и Союза ССР. Сейчас известны господа В. В. Путин и Д. А. Медведев, кто будет потом — вот в чем вопрос. А может быть, сценарий предусматривает, что вообще никого не будет? Экс-премьер М. Фрадков расписывался в некомпетентности своего правительства, в отсутствии его целеустремленности: «Нам нужно понимать, что мы делаем»

(цит. по: [4.06. С. 5]).

Удивительно то, что негативные оценки работы государственно-чиновничьего аппарата дает и первый из чиновников страны, сам президент, который говорит об этом в каждом своем ежегодном Послании: «Мы привыкли жаловаться на российскую бюрократию, многочисленную и неповоротливую. И претензии к ней совершенно обоснованны. Мы повторяем это очень часто. Между тем бюрократических структур в России, как это ни странно, не больше, а иногда даже меньше, чем в других странах. В чем же тогда дело?

Дело не в количестве этих

структур, а в том, что их работа плохо организована. Нынешние функции государственного аппарата не приспособлены для решения стратегических задач. А знание чиновниками современной науки управления — это все еще очень большая редкость. Я уже говорил о необходимости административной реформы. Ее результатом должно стать государство, адекватное нашему времени и целям, которые стоят перед нашей страной. А государственный аппарат должен стать эффективным, компактным и работающим. Что для этого нужно сделать?

Во-первых, модернизировать

систему исполнительной власти в целом. (...)

Во-вторых, нам нужна эффективная и четкая технология разработки, принятия и исполнения решений. Ныне действующий порядок ориентирован не столько на содержание, сколько на форму.

В-третьих, надо, наконец, провести анализ ныне реализуемых государственных функций и сохранить только необходимые из них» [4.07. С. 10–12]; вице-премьер А. Жуков тоже говорит о сокращении функций государства [4.08]; «... несмотря на огромное число чиновников, в стране тяжелейший кадровый голод. Голод на всех

уровнях и во всех структурах власти, голод на современных управленцев, эффективных людей» [4.09. С. 4]; «Многие учреждения распущены или реформировались «на скорую руку» [4.10].

В общем, когда узнаешь детали, становится ясно, что положение хуже некуда. В РФ исполняется 5 % или даже 2 % (по американским данным) указаний главы государства [4.11. С. 2]. То есть КПД президента два процента. История наверняка не знает ни одного подобного случая, даже на уровне простого рабочего: это просто немыслимо! Это как если бы дворник ходил раз в месяц только за зарплатой и по дороге подбирал

бумажки...

Есть опасения специалистов в сфере национальной безопасности, что эта пресловутая «административная реформа» может разрушить систему безопасности, выбить ряд ключевых структур и тогда... Впрочем, вы сами понимаете, какая это область... Нас предупреждают: «Несколько слов о реформе Генштаба. Не касаясь конкретных персоналий, она напоминает мне так называемую административную реформу аппарата правительства и министерств. Кроме дальнейшей дезорганизации управления войсками ни к чему другому она не

приведет. То есть вред будет весьма ощутимый, особенно если реформа будет продолжена. Например, если из-под Генштаба на каком-то этапе выведут Главное разведывательное управление, подчинят его напрямую президенту, поставят во главе чекиста, а еще через какое-то время под предлогом исключения дублирования сольют с СВР. То есть фактически уничтожат. Насколько мне известно, многие за рубежом были бы в восторге от такого поворота событий. Правда, сейчас вопрос так вроде бы пока не стоит. Но в любой момент может встать — я привык уже ничему не удивляться» [4.12. С. 5]. Весь ужас еще и в том,

что, по данным Интернета, этот человек неискренен.

Редко-редко появляются пока только статьи по организационному оружию, их высокий уровень сразу заставляет обращать на них внимание [4.13. С. 40–42, 4.14. С. 46–51, 4.15. С. 34–40]. Но отдельные материалы не говорят еще о том, что мы что-то знаем и/или тем более как-то готовы противостоять в этой сфере. Можно задаваться вопросом: «Что же вообще можно сделать, чтобы не допустить разрушения государства при полном невежестве и безмолвии народа?»

Несколько простых вещей: либо вернуть *Государственную штатную*

комиссию, что существовала при И. В. Сталине [4.16. С. 300]. Либо создать тот самый *Госкомупр*, об идее которого говорил академик В. М. Глушков. То есть чтобы в стране появился орган, отвечающий за противодействие в организационной войне. Он же будет рассчитывать, как использовать организационный потенциал страны в полном объеме. Однако и элементарное не делается. Хотя теперь-то в отличие от советских времен набрать и обучить соответствующие кадры есть кому. В одной только Москве несколько фирм, занятых консалтингом именно в сфере оргпроектирования.

Да и население будет больше уважать чиновников тогда, когда будет уверено в том, что «на кормлении» нет ни одного лишнего рта, их количество рассчитано по самым последним достижениям науки, и когда все операции с гражданами будут регламентированы так, чтобы не было лишних очередей, дела решались по законам, без волокиты. Сам чиновник должен стать полноценным гражданским офицером (форма, присяга, мораль служителя государства). Есть здесь, конечно же, некий налет идеализма — но хотя бы заявлять и стремиться к этому надо. Если же таких целей не будут ставить, то новая

децентрализация неизбежна.

И никакие призывы не помогут. СССР, как мы поняли, был уничтожен не так, как ожидалось в страшных снах, «... не атомными взрывами, не вторжением миллионных группировок, а «организационным оружием». Особой «культурой», созданной западными концептуалистами, которая разлагает противника: насаждает в нем «агентов влияния», трансформирует «смыслы», внедряет ложные ценности, инкрустирует «раковые клетки» чужеродных организаций, создает ложные цели развития, демонизирует национальных лидеров, подрывает

фундаментальные основы «русской цивилизации». Овладеть этой культурой, противодействовать «организационному оружию» противника смогут не генералы в лампасах, не отважные танкисты и пилоты, а командиры «концептуальных войск» [4.17. С. 1]. Что-то не видно этих командиров и концептуальных войск тем более, а уж 15 лет прошло... И мы, нынешние специалисты, не ждем ниоткуда помощи. Скорее, наоборот...

Конечно же, мы не одиноки в своем анализе понимания гибели СССР через информационно-управленческие технологии. Точное, доступное и, главное, очень краткое

объяснение всему давал
А. А. Зиновьев: «Сущность кризиса.
Надо различать сущность кризиса и
его отдельные проявления. Поясню
смысл этого различения на
гипотетическом примере.
Представим себе современный
гигантский аэропорт. Нормально он
функционирует как слаженный
механизм. Но вот стали опаздывать
самолеты и отменяться рейсы,
началась путаница с билетами и
багажом, стали происходить аварии,
катастрофы и другие неприятные
события. Естественно, стали в этом
винить пилотов, администраторов,
техников, погоду. А между тем в
основе этих явлений была общая

дезорганизация работы аэропорта. Она накапливалась по самым различным направлениям, но до поры до времени как-то исправлялась и оставалась незаметной. Но вот сложились неблагоприятные условия, в которых что-то нарушило меру, и дезорганизация стала реальностью.

Нечто подобное произошло с коммунистическими странами. Сверх обычного усилились инфляция, дефицит предметов потребления, коррупция, преступность. Упала трудовая дисциплина, участились аварии, потеряла действенную силу идеология, моральное разложение

превзошло все допустимые размеры. Короче говоря, усилилось и разрослось все плохое и стало доминирующими факторами жизни масс населения. Стали искать виновных. Обвинили в этом Сталина, Брежнева, Хоннекера, Чаушеску, Живкова, КГБ, партийный аппарат, консерваторов, бюрократов. А между тем суть дела заключалась в том, что постепенно накопилась дезорганизация всего общественного механизма. Коммунистическая страна с многомиллионным населением неизмеримо сложнее, чем упомянутый выше аэропорт. Ее жизнь организована так, что все ее части должны выполнять

определенные функции по установленным нормам, причем согласованно друг с другом. Нарушения норм, конечно, происходят постоянно. Но до поры до времени соблюдается какая-то мера, нарушения исправляются и компенсируются. Теперь же эта мера оказалась нарушенной, причем — по самым различным направлениям. Дезорганизация охватила все части и аспекты общества. Отдельные ручейки дезорганизации стеклись в реки, а последние образовали общий стремительный поток. Произошла всеобъемлющая дезорганизация общественного организма. Произошло сложение, совпадение

множества линий дезорганизации, давшее новое качество — кризис. Разразившись, кризис усилил и сделал явными все отрицательные явления общества. Они-то и стали восприниматься как суть кризиса, оттеснив на задний план подлинную суть кризиса — дезорганизацию целостности общественного механизма» [4.18. С. 385–386]. Я бы сказал, что одна эта небольшая глава стоит многого.

Примерно также дает объяснения и С. Г. Кара-Мурза: «Кризис — это вышедшая из рамок порядка борьба интересов, разрушающая структуры сложных общественных систем. Одним из

результатов этой борьбы является деформация или более глубокое поражение структур мышления. (...)

Сильнее всего это проявляется в политической элите. Можно, например, говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти». (...) За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ. (...) Из этой среды новые («странные») нормы и прием мышления диффундируют в массу людей с более низким уровнем образования. Результатом стала

общая неспособность рационально
оценивать опасности,
прогнозировать риски и
осуществлять контроль над
чрезвычайными событиями и
процессами. Более того,
неадекватные умозаключения сами
становятся источниками опасности и
порождают саморазрушение систем.

Можно говорить о кризисе
когнитивной структуры управления
— всей системы средств познания и
доказательства, которые
применяются при выработке
решений. Это не могло не вызвать и
кризиса *сообщества* управленцев.
Ведь оно, как и любое
профессиональное сообщество,

соединяется не административными узами, а общим инструментарием. Масштабы деформации когнитивной структуры таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества. Разумеется, работники управления — умные и образованные люди, они часто произносят разумные речи, но эти «атомы разума» не соединяются в систему, что и говорит о распаде такого сообщества» [9. С. 408–409].

Говорить об этом можно с улыбкой, но, поверьте, совсем не до смеха от того, что от первых коммунистов К. Маркса и Ф. Энгельса и до последних говорилось об отмирании государства. Просто удивительно,

какими они оказались провидцами...

Самое поразительное, так это то, что до сих пор не было такого исследования (а я пишу эти строки тогда, когда со времен начала перестройки прошло 25 лет!). До сих пор нет соответствующих разделов в исследованиях по национальной безопасности. Наоборот, пытаются представить наисерьезнейшее дело в виде каких-то недоразумений, набора случайностей. Один из авторов перестройки — А. И. Лукьянов предпочитает, чтобы мы думали об этом так: «Объективных причин для распада Союза не было. Речь шла о борьбе личностей. Накапились отношения

между Лигачевым и Горбачевым — был ликвидирован Секретариат. Напряглись отношения с Рыжковым. Что, разве он был снят с должности? Нет. Был ликвидирован Совет Министров. Так получилось и с самим Горбачевым. Нужно было убрать союзного президента — устранили Союз» [4.19. С. 2]. Как все просто у этого юриста и поэта по совместительству: по сути дела, речь идет о преступлении по неосторожности! Так, наверное? А мы-то, интеллектуально недоразвитые, что-то искали, что-то нашли, а оно-то оказывается на самом деле... Другой *спец* все из того же аппарата ЦК объясняет все еще

«лучше»: «Горбачев убивает сталинщину, но сталинский аппарат убивает Горбачева. Пали и аппарат, и Горбачев, и КПСС, и СССР» [24. С. 82].

Случалось ли вообще когда-то близкое к тому, что произошло с КПСС, или нет? Исторические аналогии, конечно же, всегда можно найти, есть они и здесь, но они описывают только небольшие частные фрагменты. А причинно-следственные взаимосвязи хорошо могут быть показаны и на примере совсем из другой политической системы: «В ряде стран политические партии стали терять поддержку определенной части

общественного мнения, оказывались во время опросов на одном из последних мест по авторитету среди общественных организаций, уменьшилось число их обычных приверженцев, значительных успехов стали добиваться на выборах независимые кандидаты и новые партии. (...) Для этих партий и движений характерны (...) практический отказ от профессионального аппарата» [4.20. С. 117]. Только вместо двух или трех избирательных циклов у нас это случилось за половину одного.

У многих возникает вопрос: а есть ли у нас будущее? Сможем ли мы вновь воссоздать Великое

государство — пусть не столько по площади, сколько по могучим способностям? Будущее государства Российского определяется тем, насколько зрело сможет переучиться система управления на новый лад (она не очень-то с этим торопится); насколько быстро найдутся люди, по своим качествам способные управлять в новых условиях (но пока их заслоняют болтуны с умением общих рассуждений обо всем и ни о чем), насколько талантливо будут найдены новые формы сосуществования государства и общества: «Многое в обществе зависело и будет зависеть от организационно-структурного

построения самого государства. Провозгласить принципы (...) не так уж сложно. Создать комплекс всех структур, обеспечивающих реальность и действенность соответствующих принципов, — задача, требующая воли, честности, усилий и времени. Между тем нередко все исчерпывается тем, что создается и нормативно описывается та или иная государственная структура. Но при всей актуальности организационно-нормативного определения каждой государственной структуры главное все же в том, *как* данная структура *функционирует*, то есть вписывается в общество и оказывает влияние на

его определенные проявления.

Действительность и *действенность* — вот главное в организационных структурах. А если с этой точки зрения оценивать проделанную работу, то она оставляет *двойственное* впечатление. В Российской Федерации значительный аппарат государственного управления, в котором занято около 1 миллиона человек, существует на всех уровнях (федеральном, субъектов Федерации, местного самоуправления) и в большом многообразии государственных органов. Не отнимешь у них и управленческой активности, выражаемой в правовых

актах и организационных деяниях. Но, когда смотришь на *уровень управляемости* общественными процессами, трудно отделаться от ощущения, что государственные органы во многом «крутятся» вхолостую, не охватывают и не ведут к определенной цели людей. *Нет самого целенаправленного организационно-регулирующего момента* или же в нем не содержится *необходимой силы*» [4.21. С. 206–207].

Наши исследования лежат в области национальной безопасности. Но мы вышли на такие ее вопросы, которые прорабатываются весьма и весьма слабо. На первое место при

нашем нетрадиционном взгляде попали понятия, которые в СССР были очень узкими — едва ли мы могли бы назвать десяток человек, которые ими занимались тогда и сейчас. У нас не было предварительной проработки угроз. Особенно в указанных сферах, которые неожиданно стали чуть ли не главенствующими. Не развивалась наука управления, информатики, системных исследований. И, видимо, пока угроза в этой сфере может быть квалифицирована как еще далеко не всеми осознанная, но она никак не мнимая — она самая настоящая, а не выдумана автором для того, чтобы нагнать страху на читающую публику.

И органам безопасности государства стоит, однако, отнестись к ней адекватно и выработать подходы к решению этой проблемы.

Итак, мы выяснили, что, прежде чем децентрализовать Союз, сторонники его сохранения были лишены информации, которая могла бы его спасти...

И ответ на наш сакраментальный вопрос «Подлежит ли СССР реанимации?» один: если сторонники его возрождения станут наконец-то умней своих врагов, то Союз еще может возродиться. Ну а нет — так нет.

*Апрель 2002 г. — август 2005 г.,
май 2006 г. Вторая редакция —*

апрель 2010 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. ПЛАН «ЛИОТЭЙ»

В сентябре 1982 г. администрация США провела закрытую конференцию представителей ЦРУ, ЮСИА, «Голоса Америки», Радио «Свобода» и «Свободная Европа», на которой были утверждены меры по дальнейшему усилению идеологического давления на коммунистические страны. При этом была поставлена цель: «вынудить страны коммунистической орбиты пойти под влиянием настроений народа и экономической

необходимости на уступки, которые могли бы стать зародышем демократических реформ и революций». Так была подхвачена и получила практическое воплощение идея Збигнева Бжезинского о постепенной дестабилизации положения в государствах Восточной Европы, и в частности в Польше как в «самом слабом звене среди коммунистических стран».

Впрочем, еще в январе 1948 г. конгресс США принял закон № 402, предписывающий американским СМИ, работающим на границу, «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других

народов». 15 апреля 1950 г. президент США Трумэн одобрил выработанную Советом национальной безопасности секретную директиву № 68, в которой Советский Союз был объявлен «врагом номер один» и ставилась задача «обеспечить коренное изменение природы советской системы, посеять внутри этой системы семена ее разрушения, поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важно расположенных странах — соседях СССР».

Причем американцы опирались на опыт британских союзников. В конце октября 1939 г. английскому

правительству был представлен «Меморандум № 5736/G, подготовленный английской военной разведкой. Фактически это была долговременная программа действий, направленная на дестабилизацию положений в ряде советских республик Средней Азии и Закавказья, рекомендовавшая, в частности, проведение комплекса операций с использованием религиозных, антирусских и националистических чувств и той ожесточенной ненависти, которую должен вызывать к себе нынешний режим во многих слоях населения».

ПЛАН «ЛИОТЭЙ»

В истории «Сикрет интеллидженс сервис» (МИ-6) наивысшим достижением ныне считается долгосрочная операция «Лиотэй», проводившаяся с конца 1940-х и вплоть до начала 1990-х гг. и направленная на разложение единства коммунистического лагеря. При этом был использован богатейший английский опыт стравливания оппозиционных британской короне движений.

Авторство замысла операции принадлежит заместителю директора МИ-6 полковнику Валентайну Вивьену. В качестве шефа внешней контрразведки он был осведомлен о существовании всех

операций МИ-6 на территории СССР, о специфике зарубежной активности советской разведки, а также о результатах разработки британскими спецслужбами крупнейших коммунистических партий в Европе. Естественно, Вивьен знал и все подробности разногласий, возникших в этот период между Москвой и Белградом. Анализ этих материалов подтолкнул его к мысли о разработке комплексного плана борьбы с «советской угрозой» и использования ради этого всех имеющихся сил и средств на государственном уровне. Руководствуясь существовавшей в недрах МИ-6 практикой, Вивьен

передал проект всем старшим офицерам, для того чтобы узнать их мнение. После того как все комментарии и замечания были проанализированы, на свет появился документ, который позднее стал руководством для подразделений британской разведки, вовлеченных в операции против стран «русской орбиты».

План содержал теоретически обоснованные предложения по созданию такой ситуации, в результате которой лидеры европейских компартий и советские руководители были бы вынуждены бороться друг против друга. Этой инструкцией предусматривались

фактически все аспекты механизма «сталкивания лбами». Рождавшиеся при этом «искры» должны были разжечь пламя борьбы с мировым коммунизмом. Подробнейшая инструкция предусматривала инструментарий, источники финансирования и соображения по штатному расписанию всех субъектов борьбы с «коммунистической угрозой».

Аналитики британской разведки очень быстро поняли, что, если социалистическое сообщество лишит цельной идеологии и перессорит его членов между собой, весь монолит соцсодружества может рассыпаться. Именно в этой связи

восточноевропейский отдел
Оперативного управления МИ-6
стремился осуществлять постоянный
контроль за развитием оперативной
обстановки в Югославии, Польше и
Венгрии. По данным агентуры
отдела, выраженный «национализм»
в рамках политики, проводимой в
конце 1950-х гг. многими
коммунистическими партиями,
особенно в перечисленных странах,
являлся главным образом реакцией
на «отход Сталина от ленинских
принципов интернационализма».
Англичане, опираясь на этот тезис,
не без оснований полагали, что все
попытки СССР установить свое
доминирующее положение в

Восточной Европе рано или поздно должны будут вызвать сопротивление сторонников ленинской концепции «равенства и пролетарского интернационализма».

Кстати, небезынтересно, почему операция получила именно такое название. Дело в том, что Лиотэй — это французский маршал, участвовавший в колониальных войнах в Северной Африке. В преамбуле к плану МИ-6 был упомянут следующий эпизод из его жизни: «однажды Лиотэй направлялся со своей свитой во дворец, стоял полдень, нещадно палило африканское солнце. Когда изнывающий от жары маршал

распорядился по обе стороны дороги посадить деревья, которые давали бы тень, один из приближенных маршала заметил: «Но ведь деревья вырастут через 20–50 лет». — «Именно поэтому, — прервал его маршал, — работу начните сегодня же». Этот принцип долговременности и был положен в основу операции, результаты которой предполагалось получить не сразу, а где-то ближе к концу столетия.

Суть операций заключалась в проведении последовательного комплекса акций, на первый взгляд малозначительных и несущественных. Как предполагалось, в сумме своей они

должны были принести плоды не ранее исхода XX в. Однако конечная цель выглядела настолько заманчивой, что даже не привыкшие идти на необоснованные затраты англичане (в Великобритании ни одна долгосрочная операция спецслужб не утверждается на государственном уровне без учета мнения министра финансов) санкционировали финансирование ее реализации.

С самого начала «Лиотэй» задумывался как тотальный и непрерывно действующий механизм. Его главной задачей являлось постоянное выявление и перманентное использование

трудностей и уязвимых мест внутри стран советского блока. В процессе реализации плана его исполнители должны были использовать все возможности для сбора разведывательных данных, обобщения их и организации соответствующих мероприятий, направленных на противопоставление интересов внутри стран Варшавского договора. При этом наиболее высоко ценились информация и операции, которые могли послужить делу подрыва престижа правящих партий и органов государственной власти, а в особенности парализации деятельности органов правопорядка,

спецслужб и вооруженных сил.

ИСПОЛНИТЕЛИ

Непосредственное планирование и организация операций в рамках «Лиотэя» были поручены специальной группе, которую возглавил ответственный представитель министерства иностранных дел Великобритании. Указанная группа была создана британским Комитетом по борьбе с коммунизмом 29 июня 1953 г. Осуществление сбора разведывательной информации и планирование ее дальнейшего

использования в свете поставленных задач было возложено на МИ-6. Аналогичные планы долговременных операций по разложению социалистического блока и каждой социалистической страны в отдельности были составлены и спецслужбами других стран Запада. В функции МИ-6, как головного подразделения разведывательного сообщества стран НАТО в Европе, была передана координация общих усилий на этом участке деятельности западных спецслужб.

«Лиотэй» предусматривал создание на правительственном уровне ряда специальных органов по планированию и координации акций,

направленных на подрыв коммунистических идей. В этих целях в 1953 г. при кабинете министров Великобритании появляется Комитет по борьбе с коммунизмом, который возглавил заместитель министра иностранных дел. В состав комитета с красноречивым названием вошли высокопоставленные представители разведки, министерства обороны, министерства иностранных дел, объединенного комитета начальников штабов и т. д. Первым председателем этого комитета стал Глэдуин Джэбб, имя которого он и получил. Позднее «Комитет Джэбба» был заменен консультативным

комитетом по вопросам психологической войны («Комитет Додса Паркера»). Все перечисленные органы на государственном уровне планировали и целенаправленно проводили тайные операции психологической войны, предусмотренные планом «Лиотэй».

Заметим, что на языке спецслужб «тайные операции» — «действия, тайно предпринимаемые какой-либо правительственной организацией с целью оказания влияния на политическую, экономическую или военную ситуацию за пределами собственной страны так, чтобы при этом роль правительства не была очевидной

или не была бы общественно признанной». Понятие «психологическая война» означает «планомерное проведение пропагандистских и других психологических операций для оказания влияния на мнение, чувства и поведение враждебных иностранных группировок в целях достижения целей национальной политики». «Специальные психологические операции» — это симбиоз целенаправленного и планомерного использования высшим государственным руководством скоординированной агрессивной пропаганды, идеологических диверсий и других

подрывных политических, дипломатических, военных и экономических мероприятий для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и в итоге на поведение противника с целью заставить его действовать в нужном направлении.

Исходя из этих определений, в конце 1950-х гг. в структуре МИ-6 закрытым распоряжением шефа разведки было создано особое подразделение под названием «Специальные политические акции» (СПА). В директиве сущность внешнеполитических акций была определена следующим образом: «... осуществление таких политических

мероприятий, как организация переворотов, обеспечение работы «тайных» радиостанций, проведение подрывных акций, издание газет, книг, срыв международных конференций или же руководство ими, оказание влияния на выборы и т. д.». В структуре СПА была также создана специальная секция, которая называлась «Проп» (пропаганда), которая отвечала за подготовку и передачу материалов, предназначенных для целевого продвижения в эфир. Кроме этого, в интересах поддержки пропагандистских передач Би-би-си в составе МИД Великобритании был создан Информационно-

исследовательский центр, который действовал в тесном контакте с МИ-6 и финансировался из бюджета разведки. В функции центра в соответствии с планом «Лиотэй» входили получение и аналитическая обработка разведывательной информации об СССР и странах Восточной Европы, которая затем препарировалась таким образом, чтобы показать «пороки коммунизма». Подготовленные соответствующим образом материалы в обезличенном виде поступали в Европейскую службу Би-би-си для использования в ее передачах. Особое внимание при этом уделялось вопросу повышения

достоверности радиопередач и увеличения доверия к радиостанции со стороны определенных контингентов слушателей.

Слежение за иностранными радиовещательными станциями и всеми гражданскими радиостанциями было организовано правительством Великобритании еще в 1939 г. Эта функция была поручена Службе слежения корпорации Би-би-си, размещенной в городе Рединг. Руководство службой осуществляет министерство иностранных дел, а финансирование — министерство финансов. Радио превратилось в настоящее оружие идеологической войны с тщательно разработанными

приемами.

В декабре 1947 г. в Англии в качестве составляющей операции «Лиотэй» был разработан стратегический план «Пропаганда третьей силы». Согласно его концепции Управлению коммунистической информации Форин оффиса рекомендовалось «действовать уравновешенно, придерживаясь правдивой информации и сочетать антикоммунизм с антикапиталистическими аргументами, как это делается в спорах с парламентской лейбористской партией». Одновременно в английской

разведывательной службе для работы против СССР и стран Восточной Европы на территории Украины и Прибалтики был создан отдел «Нора» во главе с английским подданным русского происхождения Маккибином.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В летний сезон 1953 г. театр тайных операций получил наконец долгожданную возможность для дебютов и премьер. 17 июня в Восточном Берлине советским комендантом было введено чрезвычайное положение, поскольку

на Сталин-аллею совершенно неожиданно для спецслужб СССР и ГДР вышло 100 тыс. человек. В других городах Восточной Германии к ним присоединились еще 400 тыс. немцев. При этом экономические требования переплелись с политическими, а общее число протестантов достигло 2 млн. Для подавления восстания были посланы советские войска. По данным Хайнца Фельфе, агента советской разведки в структуре БНД, инициаторами попытки путча, известного как операция «Юно» в рамках программы «Лиотэй», были ЦРУ и Организация Гелена.

Реализуя директиву плана

«Лиотэй» На дестабилизацию обстановки в соцстранах и создание внутренней оппозиции, МИ-6 фактически за два года до начала волнений в Венгрии приступила к обучению будущих венгерских повстанцев обращению со взрывчатыми веществами и огнестрельным оружием. В этих целях в 1954 г. был налажен тайный вывоз диссидентов через венгерскую границу в британскую зону Австрии для обучения на специальных курсах подготовки боевиков. Оперативные работники МИ-6 встречали их на венгерской границе, чаще всего в пограничном городе Грац, и переправляли в горы к месту

дислокации специально организованных курсов подготовки. После завершения трех-четырехдневных курсов их отправляли обратно в Венгрию. Так осуществлялась подготовка спецрезерва для будущего восстания.

О роли МИ-6 в подготовке восстания рассказывается и в книге Майкла Смита «Новый план, старый кинжал». В ней говорится, что катализатором восстания стало известие о секретной речи Хрущева в 1956 г. и развенчании им Сталина. Это породило требование реформ, усилившееся в связи с вынужденной отставкой в 1955 г. либерального премьер-министра Венгрии Имре

Надя.

23 октября 1956 года, как утверждается в книге Смита, 250 тыс. человек приняли участие в студенческой демонстрации в Будапеште, где звучали требования о выводе советских войск и возвращении Имре Надя. Имели место столкновения с силами безопасности, после чего в толпе появилось большое количество оружия. Говорили, что значительная его часть поступила с американских складов в Австрии, а другая была английского происхождения.

В результате применения спецподразделениями Комитета Доддса — Паркера и МИ-6

специальных методов психологической войны многие венгерские военные начальники примкнули к демонстрантам. Начался процесс образования новых органов власти в городах:

- революционные комитеты, на заводах, по примеру югославов,
- рабочие советы.

Звучали требования вывода «оккупационных войск» из города.

После подавления восстания частями Советской Армии 155 тыс. венгров бежало в Австрию. Британское правительство ответило решением о принятии 1500 эмигрантов, а потом полностью сняло квоты.

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ УРОКИ

В 1959 г. в секретном приложении к плану «Лиотэй» с учетом уроков, извлеченных из событий в Венгрии, западным спецслужбам были даны новые установки по корректировке основных целей и задач в отношении социалистических стран. Для дестабилизации обстановки в этих странах, в частности, было предложено приступить к созданию внутренней оппозиции, поддержки инакомыслия и более решительно использовать в этих целях существующие этнические и конфессиональные особенности

населения.

Эти директивы, в частности, были использованы при подготовке, а также информационной и боевой поддержке афганских моджахедов, которым был открыт доступ к высокотехнологическим вооружениям.

Начиная с 1985 г. американские и британские спецслужбы широко снабжали моджахедов полученными со спутников разведывательными данными о советских целях на поле боя. Это было началом создания современной сети военного Интернета. Американская разведка установила места нахождения ведущих советских генералов и

регулярно следила за их передвижениями. Так же как и за передвижениями командующих, прибывающих в командировку из Москвы. Вся эта информация передавалась моджахедам. Им же сообщались планы военных операций, основанных на разведывательных данных, полученных со спутников, а также другие материалы, добытые в результате перехвата советских сообщений.

В перечень поставок боевой техники, передаваемой моджахедам, входили секретные средства связи, взрывные устройства замедленного действия и тонны пластиковой

взрывчатки «С-4» для актов саботажа в городах и партизанских налетов. В списке поставок значились дальнобойные снайперские винтовки со сложным оптическим прицелом и с очковыми приборами ночного видения для стрельбы на дальние дистанции, а также прицельные устройства для минометов, связанные со спутником американских ВМС, современные зенитные ракеты «Стингер», портативные снаряды с проводным наведением и другое оборудование. В целях конспирации оружие, закупаемое в больших объемах, обычно было копией советских образцов. Некоторая часть оружия

имела китайскую, египетскую и польскую маркировку. В общей сложности, по официальным данным, США направили моджахедам оружие и деньги на сумму, превышающую 2 млрд долл. Это была самая крупная программа тайных операций со времен Второй мировой войны.

Специалисты разведки и офицеры вооруженных сил поставляли надежные средства связи и обучали, как пользоваться ими. Эксперты психологической войны провозили пропагандистские материалы и книги. Профессиональные подрывники инструктировали, как пользоваться

взрывчаткой, химическими и электронными таймерами и приборами дистанционного управления, ракетными установками, позволяющими приводить их в действие без присутствия моджахедов.

Для специальной подготовки моджахедов были организованы секретные учебные центры, оборудованные среди прочего электронными стимуляторами, позволяющими обучающимся прицеливаться и вести огонь на большом экране без фактического использования дорогостоящих ракет. В учебных центрах велось обучение партизанской войне и саботажу в

городах, обучали навыкам нападений на автомашины, склады горючего и боеприпасов, нефтепроводы, туннели и мосты.

Без тайной программы поддержки западными спецслужбами моджахедов результаты войны в Афганистане могли оказаться другими. Без информационной поддержки разведывательными сведениями, поставлявшимися ЦРУ, многие бои были бы моджахедами проиграны. Без обучения инструкторов моджахеды были бы ужасно плохо оснащены для борьбы со сверхдержавой и нанесения ей конечного поражения.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ «ПОЛИГОН»

Показателен и еще один аспект операции «Лиотэй».

В начале 1960-х гг. при осуществлении МИ-6 широко использовались возможности туризма. В этих целях британской разведкой была разработана специальная программа под кодовым названием «Полигон». В ее основу было заложено задействование в разведывательных целях «легальных путешественников», то есть лиц, выезжающих в страны Восточной Европы в качестве участников международных совещаний, симпозиумов, конференций и т. д.

Директором МИ-6 была подписана специальная директива по использованию туризма (как подданных Великобритании, так и граждан других стран) для сбора разведывательной информации и проведения акций в рамках психологической войны. В директиве давалась установка на особое внимание, которое путешествующие разведчики должны уделять объектам, закрытым для дипломатических представителей, особенно расположенным в Прибалтике, на Западной Украине, на Урале, в городах по Сибирской железнодорожной магистрали, районах Крайнего Севера, а также на

ленинградском и одесском
железнодорожных узлах.

Директива была разослана в
резидентуры МИ-6 во многих
странах, где находились
представительства советского
«Интуриста». Особое внимание в ней
обращалось на установление
контактов с потенциальными
источниками информации. Позднее
эта программа была распространена
на развивающиеся страны Африки и
Азии, где имелись объекты в лице
представителей СССР и Восточной
Европы.

За проведение операции отвечал
3-й отдел Оперативного управления
МИ-6, в обиходе разведчиков

известный как «группа русской орбиты». В функции этого отдела входило руководство работой резидентов, действующих в СССР и других странах Восточной Европы. Этот же отдел отвечал за накопление, обработку и классификацию разведывательной информации по различным объектам на указанной территории, а также за сбор сведений, которые были необходимы для организации разведывательной работы в этом регионе. «Группа русской орбиты» обеспечивала содействие другим «географическим» подразделениям МИ-6 при инструктаже их агентуры, выезжающей в СССР. Она же вела

специальные учеты и осуществляла проверку кандидатов на вербовку, подбираемых для таких поездок. Аналитиками разведки для туристов из МИ-6 были разработаны специальные вопросники.

Станислав Валерьевич Лекарев [4.24. С. 7] — полковник КГБ (1935–2010).

Приложение № 2.

И. В. СТАЛИН О ПРОБЛЕМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Колхоз есть социалистическая форма хозяйственной организации, так же как Советы являются социалистической формой политической организации. Как колхозы, так и Советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и Советы представляют

лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму.

Мы знаем случаи, когда Советы рабочих и солдатских депутатов поддерживали на известный период контрреволюцию против революции. Так было дело у нас, в СССР, например, в июле 1917 года, когда Советами руководили меньшевики и эсеры и Советы прикрывали контрреволюцию против революции. Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда Советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали

контрреволюцию против революции. Стало быть, дело не только в Советах как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело прежде всего в содержании работы Советов, дело в характере работы Советов, дело в том, кто именно руководит Советами, — революционеры или контрреволюционеры. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что контрреволюционеры не всегда высказываются против Советов. Известно, например, что глава русской контрреволюции Милюков во время кронштадтского восстания высказывался за Советы, но без

коммунистов. «Советы без коммунистов» — вот каков был тогда лозунг главы русской контрреволюции Милюкова. Контрреволюционеры поняли, что дело не только в самих Советах, но прежде всего в том, кто будет ими руководить.

То же самое надо сказать о колхозах. Колхозы, как социалистическая форма организации хозяйства, могут показать чудеса хозяйственного строительства, если во главе их стоят действительные революционеры, большевики, коммунисты. И наоборот — колхозы могут превратиться на известный период в

прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие деникинцы и колчаковцы. При этом следует иметь в виду, что колхозы, как форма организации, не только не гарантированы от проникновения антисоветских элементов, но представляют даже на первое время некоторые удобства для временного использования их контрреволюционерами. Пока крестьяне вели индивидуальное хозяйство, они были разрознены и отделены друг от друга, ввиду чего контрреволюционные поползновения

антисоветских элементов в крестьянской среде не могли дать большого эффекта. Совершенно другая картина получается при переходе крестьян к колхозному хозяйству. Здесь крестьяне имеют уже в лице колхозов готовую форму массовой организации. Ввиду этого проникновение антисоветских элементов в колхозы и их антисоветская деятельность могут дать гораздо больший эффект. Надо полагать, что все это учитывают антисоветские элементы. Известно, что одна часть контрреволюционеров, например на Северном Кавказе, сама старается создавать нечто вроде колхозов,

используя их как легальное прикрытие для своих подпольных организаций. Известно также, что антисоветские элементы в ряде районов, где они еще не разоблачены и не разгромлены, охотно идут в колхозы, даже восхваляют колхозы для того, чтобы создать внутри колхозов гнезда контрреволюционной работы. Известно также, что одна часть антисоветских элементов сама высказывается теперь за колхозы, но с тем, чтобы в колхозах не было коммунистов. «Колхозы без коммунистов» — вот какой лозунг вынашивается теперь в среде антисоветских элементов. Стало

быть, дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму, — дело прежде всего в том, кто стоит во главе колхозов и кто руководит ими.

С точки зрения ленинизма колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при известных условиях направить против революции. Его можно направить против контрреволюции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству. Оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Все

дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено.

Это начинают понимать враги рабочих и крестьян, руководимые классовым инстинктом.

Этого еще не понимают, к сожалению, некоторые наши коммунисты.

И именно потому, что некоторые наши коммунисты не поняли этой простой вещи, именно поэтому мы имеем теперь такую картину, что в ряде колхозов заправляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботаж. (Сталин И. В. О работе в деревне.

Речь на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // *Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М.: Госполитиздат, 1952.)*

Нельзя терпеть в своей среде оппортунизм, как нельзя терпеть язву в здоровом организме. Партия есть руководящий отряд рабочего класса, его передовая крепость, его боевой штаб. Нельзя допускать, чтобы в руководящем штабе рабочего класса сидели маловеры, оппортунисты, капитулянты, предатели. Вести смертельную борьбу с буржуазией, имея капитулянтов и предателей в своем собственном штабе, в своей собственной крепости — это значит попасть в положение людей,

обстреливаемых и с фронта, и с тыла. Нетрудно понять, что такая борьба может кончиться лишь поражением. Крепости легче всего берутся изнутри. (История ВКП (б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1946).

Нужно проверять людей — и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит надо иметь широко разветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как

мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение.

И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили это такое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что

этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая — заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куса кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот

почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми, как ребяташки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело — успехи, и мы стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распрощаться. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы

сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи, чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит

только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100 %, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть. (*Сталин И. В. Выступление на расширенном заседании Военного Совета при Наркоме Оборона 2 июня 1937 года (неправленная стенограмма). Сочинения. Т. 14, март 1934–1940 гг. М.: Писатель, 1997.*)

Вы знаете, что мы воевали три года с капиталистами всего света для того, чтобы завоевать эти условия мирного развития. Вы знаете, что мы

Эти условия завоевали, и мы считаем это величайшим нашим достижением. Но, товарищи, всякое завоевание, в том числе и это завоевание, имеет и свои отрицательные стороны. Условия мирного строительства не прошли даром для нас. Они наложили свой отпечаток на нашу работу, на наших работников, на их психологию. За эти пять лет мы шли плавно вперед, как на рельсах. В связи с этим создалось у ряда наших работников настроение о том, что все пойдет как по маслу, что мы сидим чуть ли не на экстренном поезде и движемся по рельсам прямо без пересадки к социализму.

На этой почве выросла теория «самотека», теория «авось — небось», теория о том, что «все образуется» само собой, что у нас нет классов, враги наши успокоились и все пойдет у нас как по писаному. Отсюда некоторая тяга к инертности, к спячке. Вот эта психология спячки, эта психология «самотека» в работе, — она и составляет отрицательную сторону периода мирного развития.

В чем состоит опасность таких настроений? В том, что они засоряют глаза рабочему классу, не дают ему разглядеть своих врагов, усыпляют его хвастливыми речами о слабости наших врагов и подрывают

его боевую готовность.

Нельзя утешать себя тем, что в партии у нас миллион членов, в комсомоле — два миллиона, в профсоюзах — десять миллионов, что этим все обеспечено для окончательной победы над врагами. Неверно это, товарищи. История говорит, что самые большие армии гибли от того, что они зазнавались, слишком много верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отдавались спячке, теряли боевую готовность и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох.

Самая большая партия может быть застигнута врасплох, самая

большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутым врасплох — это опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутым врасплох — это значит стать жертвой «неожиданностей», жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели.

Я мог бы рассказать вам о многих примерах из жизни наших армий во время Гражданской войны, когда маленькие отряды разбивали в прах большие войсковые соединения, если эти войсковые соединения не имели достаточной боевой

готовности. Я мог бы рассказать вам о том, как в 1920 году три конных дивизии, имевшие не менее 5 тысяч сабель, были разбиты и обращены в беспорядочное бегство одним пехотным батальоном только лишь потому, что конные дивизии, застигнутые врасплох, были охвачены паникой перед врагом, которого они не знали, который был до крайности малочислен и которого можно было бы распушить одним ударом, если бы эти дивизии не находились в состоянии спячки, а потом — паники, растерянности.

То же самое надо сказать о нашей партии, о нашем комсомоле, о наших профсоюзах, о наших силах

вообще. Неверно, что у нас нет уже классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но растут, пытаясь выступить против советской власти.

Об этом говорят наши заготовительные затруднения зимой этого года, когда капиталистические элементы деревни попытались подорвать политику Советской власти.

Об этом говорит шахтинское дело, являющееся выражением совместного выступления международного капитала и буржуазии в нашей стране против

советской власти.

Об этом говорят многочисленные факты из области внутренней и внешней политики, которые вам известны и о которых не стоит здесь распространяться.

Молчать об этих врагах рабочего класса нельзя. Преуменьшать силы классовых врагов рабочего класса — преступно. Молчать обо всем этом нельзя, особенно теперь, в период нашего мирного развития, когда теория спячки и «самотека», подрывающая боевую готовность рабочего класса, имеет под собой некоторую благоприятную почву.

Громадное воспитательное значение заготовительного кризиса и

шахтинского дела состоит в том, что они встряхнули все наши организации, подорвали теорию «самотека» и лишний раз подчеркнули наличие классовых врагов, которые существуют, которые не дремлют и против которых необходимо крепить силы рабочего класса, его бдительность, его революционность, его боевую готовность.

Отсюда очередная задача партии, политическая линия ее повседневной работы: подымать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов. (Сталин ИЗ. Речь на Восьмом Всесоюзном Съезде ВЛКСМ. М.:

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1938.)

Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря

русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило Французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и

говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии, в свою очередь, подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к Советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов,

диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью. (Доклад и

заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП (б) 3–5 марта 1937 года // *Сталин И. В. Сочинения. Т. 14, март 1934–1940 гг. М.: Писатель, 1997.*)

Но не у всех наших товарищей хватило нервов, терпения и выдержки. Среди наших товарищей нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. Говорят, что «кто старое помянет, тому глаз вон». Это, конечно, верно. Но у человека имеется память, и невольно вспоминаешь о прошлом при подведении итогов нашей работы. Так вот, были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению.

Они говорили: «Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии, — опасная мечта».

Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономии и истраченных на создание нашей индустрии, — мы могли бы их

обратить на импорт сырья и усиление производства предметов широкого потребления. Это тоже своего рода «план». Но при таком «плане» мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. Мы оказались бы безоружными перед внешними врагами.

Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии внутренней и внешней.

Очевидно, надо было выбирать между двумя планами: между планом отступления, который вел и не мог не вести к поражению социализма, и

планом наступления, который вел и, как знаете, уже привел к победе социализма в нашей стране.

Мы выбрали план наступления и пошли вперед по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма в нашей стране.

Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того, они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они

рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, — люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами. Они забыли, что нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Они забыли, что чем сильнее беснуются враги и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше накаляются большевики для новой борьбы и тем стремительней двигаются они вперед.

Понятно, что мы и не думали

сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу. (*Сталин И. В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14, март 1934—1940 гг. М.: Писатель, 1997.*)

Кроме опасности военного характера, имеется еще опасность экономического изолирования нашей

федерации. Вы знаете, что после Генуи и Гааги и после Уркарта экономический бойкот нашей республики хотя и не удался, но большого наплыва капитала на нужды нашего хозяйства не наблюдается. Есть опасность экономического изолирования наших республик. Эта новая форма интервенции, не менее опасная, чем интервенция военная, может быть устранена лишь созданием единого экономического фронта наших советских республик перед лицом капиталистического окружения. (Сталин И. В. Об объединении Советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов 26

декабря 1922 г. // Сочинения. Т. 5 (1921–1923). М.: Госполитиздат, 1952. С. 148).

Государственный аппарат есть основной массовый аппарат, соединяющий рабочий класс, стоящий у власти, в лице его партии, с крестьянством и дающий возможность рабочему классу, в лице его партии, руководить крестьянством. Эту часть своего отчета я связываю непосредственно с двумя известными статьями тов. Ленина («Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»).

Многим показалась сама идея, развитая тов. Лениным в двух

статьях, совершенно новой. По-моему, та идея, которая развита в этих статьях, сверлила мозг Владимира Ильича еще в прошлом году. Вы помните, должно быть, его политический отчет в прошлом году. Он говорил о том, что политика наша верна, но аппарат фальшивит, что поэтому машина двигается не туда, куда нужно, а сворачивает. На это, как помнится, Шляпников заметил, что шоферы не годятся. Это, конечно, неверно. Совершенно неверно. Политика верна, шофер великолепен, тип самой машины хорош, он советский, а вот составные части государственной машины, т. е. те или иные работники в государственном

аппарате, плохи, не наши. Поэтому машина фальшивит, и получается в целом искажение правильной политической линии. Получается не осуществление, а искажение. Государственный аппарат, повторяю, по типу правильный, но составные части его еще чуждые, казенные, наполовину царско-буржуазные. Мы хотим иметь государственный аппарат как средство обслуживания народных масс, а некоторые люди этого госаппарата хотят его превратить в статью кормления. Вот почему аппарат в целом фальшивит. Если мы его не исправим, то с одной лишь правильной политической линией мы не уйдем далеко: она

будет искажена, получится разрыв между рабочим классом и крестьянством. Получится то, что хотя мы и у руля, но машина не будет подчиняться. Выйдет крах. (Сталин И. В. Организационный отчет XII съезду РКП(б). 17 апреля 1923 г. // Сочинения. Т. 5. С. 206–207,417.)

Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и

конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интернировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции. (*Сталин И. В. О перспективах революции в Китае. Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. // Сочинения. Т. 8. (1926, январь-ноябрь). М.: Госполитиздат, 1952. С. 360.*)

Вся нынешняя международная обстановка, все факты из области «операций» английского правительства против СССР, и то, что оно организует финансовую блокаду СССР, и то, что оно ведет тайные беседы с державами о политике против СССР, и то, что оно субсидирует эмигрантские «правительства» Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и т. д. на предмет организации восстаний в этих странах СССР, и то, что оно финансирует шпионско-террористические группы, взрывающие мосты, поджигающие фабрики и терроризирующие полпредов СССР, — все это с

несомненностью говорит нам о том, что английское консервативное правительство стало твердо и решительно на путь организации войны против СССР. Причем ни в коем случае нельзя считать исключенным, что консерваторам может удастся при известных условиях сколотить тот или иной военный блок против СССР. (*Сталин И. В.* Заметки на современные темы. // Сочинения. Т. 9. (1926, декабрь — 1927, июль). М.: Госполитиздат, 1952. С. 327.)

Была в свое время интервенция военно-политическая, которую нам удалось ликвидировать в порядке победоносной гражданской войны.

Теперь мы имеем попытку экономической интервенции, для ликвидации которой нам не потребуется гражданской войны, но которую мы должны все-таки ликвидировать и которую мы ликвидируем всеми доступными нам средствами.

Глупо было бы предположить, что международный капитал оставит нас в покое. Нет, товарищи, это неверно. Классы существуют, международный капитал существует, и он не может смотреть спокойно на развитие страны строящегося социализма. Раньше он, международный капитал, думал опрокинуть советскую власть в

порядке прямой военной интервенции. Попытка не удалась. Теперь он старается, и будет стараться впредь, ослабить нашу хозяйственную мощь путем невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготавливая всяческие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции.

Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью, и ни о каких случайностях не может быть речи.

Одно из двух:

либо мы будем вести и впредь революционную политику, сплачивая вокруг рабочего класса СССР пролетариев и угнетенных всех стран, — и тогда международный капитал будет нам всячески мешать в нашем продвижении вперед;

либо мы откажемся от своей революционной политики, пойдем на ряд принципиальных уступок международному капиталу, — и тогда международный капитал, пожалуй, не прочь будет «помочь» нам в деле перерождения нашей социалистической страны в «добрую» буржуазную республику.

Есть люди, которые думают, что

нам можно вести освободительную внешнюю политику и вместе с тем добиться того, чтобы нас восхваляли за это капиталисты Европы и Америки. Я не буду доказывать, что такие наивные люди не имеют и не могут иметь ничего общего с нашей партией. (*Сталин И. В. О работах Апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сочинения. Т. 11. (1928–1929, март). М.: Госполитиздат, 1949. С. 54–55.*)

Вы знаете, что планы выполняются в борьбе с трудностями, в ходе преодоления трудностей. Значит, будут трудности,

будет борьба с ними. (...) Значит, не убаюкивать надо партию, — а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, — а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, — а вооружать, не демобилизовывать, — а держать ее в состоянии мобилизации...

(*Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б). // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952. С. 521.*)

4.25. Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Силы Запада, рвущиеся к мировому господству, будут жестоко мстить

нам за наши успехи и достижения. Они все еще рассматривают Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Они всеми силами будут стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле для работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время

придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций. В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом. И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут

приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом. (*Сталин И. В.* Из записи беседы с А. Коллонтай в 1939 г.).

4.26. В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжелые провалы. Идти в лоб — это близорукая тактика.

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать

иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств, это будет ненадежный агент.

Полностью изжить трафарет из разведки. Все время менять тактику, методы. Все время приспособливаться к мировой обстановке. Использовать мировую обстановку. Вести атаку маневренную, разумную. Использовать то, что бог нам предоставляет.

Самое главное, чтобы в разведке научились признавать свои ошибки. Человек сначала признает свои провалы и ошибки, а уже потом поправляется. Брать там, где слабо,

где плохо охраняется. Исправлять разведку надо, прежде всего, с изжития лобовой атаки.

Главный наш враг — Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку.

Нелегальные резидентуры надо создавать, прежде всего, в приграничных государствах.

Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Нельзя быть наивным в политике, но особенно нельзя быть наивным в разведке.

Агенту нельзя давать таких поручений, к которым он не подготовлен, которые его дезорганизуют морально.

В разведке иметь агентов с большим культурным кругозором — профессоров...

Разведка — святое, идеальное для нас дело. Надо приобретать авторитет. В разведке должно быть несколько сот человек друзей (это больше, чем агенты), готовых выполнить любое наше задание. Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу в ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

Агентов иметь не замухрышек, а друзей — высший класс разведки...

(Сталин И. В. Выступление на совещании по созданию Главного разведывательного управления 15

декабря 1952 г.).

Приложение № 3.

АППАРАТ ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС (хроника изменения структуры)

С 1 апреля 1920 г. по 1 февраля 1921 г.:

1. Управление делами и общая канцелярия;
2. Административно-хозяйственный отдел;
3. Комендатура;
4. Сметно-финансовый отдел;
5. Типография;
6. Шифровальное отделение;
7. Статистическая часть;
8. Учетно-распределительный отдел;
9. Организационно-инструкторский отдел (с информационной частью);
10. Женотдел;
11. Отдел деревни;
- 12.

Отдел агитации и пропаганды; 13. Секции национальных меньшинств при ЦК; 14. Библиотечный отдел при ЦК (общая численность — 602 чел.) [4.27].

С 1924 г. по 1930 г.: 1. Организационно-распределительный отдел (Орграспред); 2. Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп); 3. Отдел прессы (был подчинен Агитпропу с 1928 г.); 4. Отдел по работе среди женщин; 5. Отдел по работе среди крестьян; 6. Отдел статистики; 7. Отдел информации; 8. Управление делами; 9. Институт В. И. Ленина — на правах отдела; 10. Институт истории партии — на правах отдела [4.28. Р. 610, 4.29. С.

649].

С 1930 г. по 1934 г.: 1. Организационно-инструкторский отдел; 2. Отдел агитации и массовых кампаний; 3. Особый сектор; 4. Отдел культуры и пропаганды; 5. Отдел административных дел; 6. Отдел тяжелой промышленности; 7. Отдел легкой промышленности; 8. Транспортный отдел; 9. Сельскохозяйственный отдел; 10. Отдел заграничных кадров; 11. Отдел финансово-планово-торговых органов; 12. Отдел советского управления; 13. Управление делами [4.28. Р. 610].

С 1934 г. по 1939 г.: 1. Сельскохозяйственный отдел; 2.

Промышленный отдел; 3. Транспортный отдел; 4. Отдел финансово-планово-торговых органов; 5. Политико-административный отдел; 6. Отдел руководящих партийных кадров; 7. Отдел культуры и пропаганды ленинизма; 8. Особый сектор; 9. Управление делами; 10. Институт Маркса — Энгельса — Ленина [4.28. Р. 611; 4.29. С. 650].

Реорганизация Культпропа ЦК в **1935 г.**, отдел разделен на: 1. Отдел партийной пропаганды и агитации; 2. Отдел печати и издательств; 3. Отдел школ; 4. Отдел культурно-просветительской работы; 5. Отдел науки, научно-технических

изобретений и открытий [4.30. С. 1].

С 1939 г. по 1948 г.: I.
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ: Отделы
кадров народных комиссариатов:
обороны; Военно-морского флота;
авиационной промышленности;
вооружения; боеприпасов;
судостроительной промышленности;
внутренних дел; внешней торговли;
топливной промышленности;
электростанций и
электропромышленности; черной
металлургии; химической
промышленности; промышленности
стройматериалов; тяжелого
машиностроения; среднего
машиностроения; общего
машиностроения; железнодорожного

транспорта; водного транспорта;
текстильной промышленности;
легкой промышленности; лесной
промышленности; мясной и
молочной промышленности; рыбной
промышленности; пищевой
промышленности; местной
промышленности; коммунального
хозяйства; связи; земледелия;
совхозов; заготовок; финансов и
Госбанка; торговли и кооперации;
здравоохранения; советских органов;
плановых органов; судебных органов
и прокуратуры; печати и издательств;
просвещения; искусств; научных
учреждений; комсомольских
организаций; профсоюзных
организаций. Учетный отдел;

Инспекторская группа; Архив личных дел. В каждом отделе — сектор учета кадров.

II. УПРАВЛЕНИЕ

ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ: 1. Отдел партийной пропаганды: а) лекторская группа, б) сектор печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма, в) сектор пропаганды марксизма-ленинизма в вузах (в декабре 1942 г. сектор преобразован в отдел пропаганды марксизма-ленинизма в вузах); 2. Отдел марксистско-ленинской подготовки и переподготовки партийных кадров: а) сектор партийных и ленинских курсов, б) сектор переподготовки и подготовки

пропагандистских и газетных работников; 3. Отдел печати: а) сектор центральных газет, б) сектор областных, краевых и республиканских газет (11 июля 1945 г. создан отдел местных газет), в) сектор районной печати, г) сектор журналов (центральных), д) сектор издательств (в сентябре 1945 г. создан отдел издательств), е) сектор полиграфии и бумаги (в декабре 1942 г. образован отдел полиграфии и бумаги; в мае 1945 г. созданы отделы: полиграфической промышленности, бумажной промышленности), 3) сектор художественной литературы (образован в сентябре 1940 г.; в

январе 1943 г. преобразован в отдел художественной литературы); 4. Отдел агитации: а) группа докладчиков по вопросам текущей политики международного положения (нештатных — 10–15 человек, в штате — один организатор группы), б) группа инструкторов и консультантов по вопросам печатной и устной пропаганды, в) помощник заведующего отделом по изданию агитационной литературы, г) журнал «Спутник агитатора»; 5. Отдел культурно-просветительных учреждений: а) консультантов по вопросам кино, радиовещания, радиофикации, театра (в феврале 1943 г. образован отдел

кинематографии; в октябре 1944 г. образован отдел радиовещания и радиофикации), б) сектор политпросветучреждений; 6. Группа ответственных организаторов: а) ответственные организаторы по вопросам пропагандистской и агитационной работы политуправлений наркоматов, б) ответственные организаторы по работе местных партийных организаций в области пропаганды и агитации; 7. Секретариат; 8. Отдел науки (с мая 1942 г.); 9. Отдел пропагандистских групп (с сентября 1942 г.); 10. Кабинет пропаганды (с августа 1946 г. на правах отдела).

С сентября 1947 г. до июля

1948 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). 1. Отдел партийной пропаганды: а) сектор марксистско-ленинского образования руководящих кадров, б) сектор кружков и политшкол, в) сектор внешнеполитической пропаганды, г) кабинет пропаганды; 2. Отдел агитационно-массовой работы: а) сектор политической агитации в городе, б) сектор политической агитации в деревне, в) сектор печатной агитации; 3. Отдел центральных газет: группы консультантов по центральным общеполитическим газетам, по военным, отраслевым, сельскохозяйственным газетам, по

советским газетам, издающимся на иностранных языках, по ТАСС и инструкторов по вопросам распространения; 4. Отдел местных газет: а) сектор газет РСФСР, б) сектор газет СССР и БССР, в) сектор газет Грузии, Азербайджана, Армении, г) сектор газет Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, д) сектор районных, городских, транспортных и многотиражных газет, е) сектор газет Латвии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской ССР, Молдавии; 5. Отдел издательств: а) сектор литературы по общественным наукам, б) сектор массово-политической литературы, в) сектор издания советской

литературы на иностранных языках, г) сектор естественно-научной и технической литературы, д) секторы местных издательств (по республикам), е) сектор журналов, ж) сектор бумаги и полиграфии, з) сектор книготорговли; 6. Отдел науки: а) сектор научной разработки вопросов марксизма-ленинизма, б) сектор преподавания основ марксизма-ленинизма и научной разработки вопросов истории партии, в) сектор по научной разработке вопросов и преподавания философии, истории, логики, психологии, г) сектор преподавания и научной разработки истории СССР и всеобщей истории, д) сектор

преподавания и научной разработки экономических дисциплин, е) сектор по естественно-техническим наукам;

7. Отдел школ: а) сектор школ РСФСР, б) сектор школ Украины и Молдавии, в) сектор школ Белоруссии, г) сектор школ Грузии, Армении, Азербайджана, д) сектор школ Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, е) сектор школ Латвии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской ССР, ж) сектор учебников и детской литературы, з) сектор педагогических учебных заведений, и) сектор научно-исследовательских учреждений по педагогике;

8. Отдел художественной литературы:

консультанты а) по республикам, б) по научно-исследовательским учреждениям, в) по иностранной и детской литературе; 9. Отдел искусств: а) сектор драматургии и театров, б) сектор музыки, в) сектор массовых форм искусства; 10. Отдел культурно-просветительных учреждений: а) сектор кинематографии, б) сектор радиофикации и радиовещания (17 февраля 1948 г. оба сектора были преобразованы в отделы кинематографии, радиофикации и радиовещания), в) сектор Домов культуры, клубов, изб-читален, г) сектор массовых библиотек, д) сектор естественно-научной

пропаганды и музыки, е) 6 апреля 1948 г. образован сектор физической культуры и спорта; И. Инструкторская группа; 12. Газета «Культура и жизнь»; 13. Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) — на правах отдела управления; 14. Секретариат управления [24. С. 201–209]. 3. Организационно-инструкторский отдел; 4. Сельскохозяйственный отдел; 4. Отдел школ; 6. Особый сектор; 7. Управление делами [4.28. Р. 611].

С 1948 г. по 1952 г.: 1. Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов; 2. Отдел пропаганды и агитации; 3. Отдел

тяжелой промышленности; 4. Отдел легкой промышленности; 5. Сельскохозяйственный отдел; 6. Транспортный отдел; 7. Планово-финансово-торговый отдел; 8. Отдел административных органов; 9. Международный отдел; 10. Особый сектор; 11. Главное Политическое управление Вооруженных Сил (существовало на правах Военного отдела) [4.28. Р. 612].

С 1960 г. по 1964 г. I. Бюро ЦК КПСС по РСФСР: 1. Отдел партийных органов; 2. Отдел пропаганды и агитации; 3. Отдел административных, торговых и финансовых органов; 4. Сельскохозяйственный отдел; 5.

Отдел промышленности и транспорта; 6. Отдел науки, школ и культуры; II. Ведение административных дел союзных республик: 1. Отдел партийных органов; 2. Отдел пропаганды и агитации; 3. Отдел административных органов; 4. Сельскохозяйственный отдел; 5. Отдел транспорта и связи; 6. Отдел тяжелой промышленности; 7. Отдел легкой промышленности; 8. Отдел машиностроения; 9. Отдел строительства; 10. Отдел высшего образования и школы, культуры и науки; III. Секретариат: 1. Международный отдел; 2. Отдел сотрудничества с партиями

социалистических стран; 3. Отдел связи с партиями несоциалистических стран; 4. Главное Политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота [4.31; 4.32. Р.917, 920].

С 1965 г. по 1966 г. I. Бюро ЦК КПСС по РСФСР; II. Закавказское Бюро ЦК КПСС; III. Бюро ЦК КПСС по химической и легкой промышленности; IV. Бюро ЦК КПСС по промышленности и торговле; V. Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству. I. Отделы ЦК КПСС: 1. Идеологический отдел; 2. Сельскохозяйственный отдел; 3. Отдел строительства; 4. Отдел легкой промышленности и торговли; 7.

Отдел тяжелой промышленности; 8. Отдел административных органов; 9. Отдел машиностроения; 10. Отдел оборонной промышленности; 11. Отдел торговых, финансовых и плановых органов; 12. Отдел по работе с иностранными кадрами и выездом за границу; 13. Секретариат по текущим делам. И. Отделы Бюро ЦК КПСС по РСФСР: 1. Сельскохозяйственный отдел; 2. Отдел административных органов; 3. Отдел партийных организаций; 4. Идеологический отдел; 5. Отдел машиностроения; 6. Отдел сельскохозяйственного машиностроения и продовольствия; 7. Отдел химической

промышленности; 8. Отдел легкой промышленности; 9. Отдел тяжелой промышленности; III. Комиссия руководящих кадров ЦК КПСС; IV. Идеологическая комиссия; V. Комиссия по вопросам партийного строительства [4.33. Р. 1015, 1018].

С 1966 г. по 1982 г.: 1. Военный отдел (на его правах существовало Главное Политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота); 2. Международный отдел (в каждом совпосольстве находился его представитель); 3. Оборонный отдел; 4. Общий отдел: секретариат, 1-й сектор — обеспечивал обслуживание съездов партии, Пленумов Центрального Комитета и заседаний

Политбюро ЦК КПСС и организацию оперативной работы по учету, оформлению и рассылке документов и контролю за их возвратом, 2-й сектор — обеспечивал обслуживание Секретариата ЦК КПСС и организовывал оперативную работу по учету, оформлению, рассылке документов и контролю за их возвратом, а также отслеживал вопросы, связанные с ведением дел учетно-контрольной номенклатуры должностей, 3-й сектор — осуществлял прием, учет, проверку правильности оформления и согласования документов и другой корреспонденции, поступающей в ЦК КПСС, организацию

прохождения их в аппарате ЦК КПСС, а также необходимую аналитическую и справочную работу по этим документам, 4-й сектор — осуществлял прием, учет, рассылку шифротелеграмм, поступающих в ЦК КПСС, и контроль за их возвратом, шифрованную и телетайпную связь с местными партийными комитетами, а также инструктирование работников, выполняющих указанные функции на местах, 5-й сектор — обеспечивал изучение постановки работы с документами и партийного делопроизводства в местных партийных комитетах, инструктирование, обобщение и распространение положительного

опыта этой работы, 6-й сектор — осуществлял прием, учет, обработку и архивное хранение документов съездов КПСС, Пленумов Центрального Комитета партии и Политбюро ЦК КПСС, а также необходимую аналитическую и справочную работу по этим документам, 7-й сектор — осуществлял прием, учет, обработку и архивное хранение документов Секретариата Центрального Комитета КПСС, отделов ЦК, Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Центральной ревизионной комиссии КПСС, а также необходимую аналитическую и справочную работу по этим

документам, Группа проверки исполнения обеспечивала контроль за прохождением документов в аппарате ЦК КПСС, проверку совместно с другими отделами ЦК своевременности выполнения постановлений ЦК КПСС и поручений секретарей ЦК КПСС, а также систематическую информацию о ходе выполнения постановлений и поручений, Группа технического обеспечения работы с документами ЦК КПСС осуществляла оперативное размножение, полиграфическое оформление и микрофильмирование соответствующих документов. На нее было возложено совершенствование

работы с документами на базе использования электронной и другой техники, а также организация эксплуатации имеющихся в распоряжении Общего отдела технических средств, Секретариат отдела обеспечивал машинописные и стенографические работы, материально-техническое обслуживание, организацию выполнения заявок на изготовление печатей и штампов, отправку корреспонденции и другие функции организационно-технического характера, Справочная-приемная Общего отдела; информационно-издательская группа осуществляла выпуск журнала «Известия ЦК

КПСС», газеты «Гласность»; 5. Отдел административных органов; 6. Отдел внешней торговли; 7. Отдел информации; 8. Отдел культуры; 9. Отдел машиностроения; 10. Отдел международной информации; 11. Отдел науки и учебных заведений; 12. Отдел оборонной промышленности; 13. Отдел организационно-партийной работы: территориальные секторы: области Центрального и Волго-Вятского районов, Центрально-Черноземного и Северо-Кавказского районов, Поволжского района, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского районов, Уральского района, Северо-Западного района, областей

Дальневосточного района, Украины и Молдавии, Белоруссии и Прибалтийских республик, Казахстана, Среднеазиатских республик, Закавказских республик; функциональные секторы: организационно-уставных вопросов, государственных и общественных организаций, учета руководящих кадров, комсомольских организаций, подготовки партийных и советских кадров, партийной информации, единого партбилета, по вопросам межпартийных связей; 14. Отдел плановых и финансовых органов; 15. Отдел пропаганды и агитации: секторы: пропаганды, агитации, массовой работы, прессы, радио и

телевидения; 16. Отдел по работе с
заграничными кадрами и выездом за
границу; 17. Отдел сотрудничества с
коммунистическими и рабочими
партиями социалистических стран;
18. Отдел сельского хозяйства и
пищевой промышленности; 19.
Отдел строительства; 20. Отдел
торговли и бытового обслуживания;
21. Отдел транспорта и связи; 22.
Отдел тяжелой промышленности и
энергетики; 23. Отдел химической
промышленности; 24.
Экономический отдел; 25. Отдел
легкой промышленности и товаров
народного потребления; 26.
Инспекция; 27. Управление делами
[4.34. Р. 78; 4.35. С. 3].

С 1988 г. по 1990 г.: 1. Отдел партийного строительства и кадровой работы; 2. Идеологический отдел; 3. Социально-экономический отдел; 4. Аграрный отдел; 5. Оборонный отдел; 6. Государственно-правовой отдел; 7. Международный отдел; 8. Общий отдел; 9. Отдел национальных отношений; 10. Управление делами [4.36. С. 86; 4.37. С. 30].

С июля 1990 г. по август 1991 г.: 1. Идеологический отдел: Секретариат, секторы: анализа идеологической деятельности компартий республик; массово-политической работы; идейно-теоретической подготовки

коммунистов; печати; телевидения и радиовещания; анализа прессы; анализа зарубежного общественного мнения и печати; международных связей; группа консультантов и лекторов [4.38. форзацы]; 2. Гуманитарный отдел: секретариат; секторы: комплексных проблем развития науки; теоретических проблем общественного развития; политического анализа и прогноза; политики в области образования и воспитания; подготовки кадров для партии и общественных организаций; политики в области культуры; по связям с творческими союзами и организациями (общая численность — 35 человек) [4.39.

С. 90–91]; 3. Отдел по связям с общественно-политическими организациями: секретариат; 4. Отдел социально-экономической политики: секретариат; секторы: по связям с Советами и общественно-экономическими организациями; проблем уровня жизни населения; занятости и социальной защиты населения; потребительского рынка; социальной сферы и жилищной политики; анализа и прогнозов экономики; экономической реформы и рыночных отношений; внешнеэкономической политики и зарубежного опыта; научно-технического прогресса; общесоюзных народно-

хозяйственных комплексов;
инвестиционной и экологической
политики; Центр обработки
информации при Отделе социально-
экономической политики (общая
численность — 62 чел.) [4.40. С. 78—
79]; 5. Отдел аграрной политики:
группа консультантов; секретариат;
секторы: социальных проблем села;
проблем рыночной экономики и
земельных отношений;
производственных отношений;
продовольственных проблем; научно-
технического прогресса и подготовки
кадров; 6. Международный отдел:
секретариат; 6 групп; 7. Общий
отдел: подотдел писем;
протокольный сектор; сектор

технического обеспечения;
секретариат; 10 подотделов и
секторов; 8. Отдел национальных
отношений: секторы по группам
республик; секторы: анализа;
пропаганды и информации; по
обслуживанию Комиссии ЦК КПСС
по национальной политике [4.41. С.
66–67]; 9. Организационный отдел:
секторы по регионам — 6; секторы:
Вооруженных Сил, пограничных,
внутренних и железнодорожных
войск; партийных организаций
заграничных учреждений;
обслуживания Комиссий ЦК КПСС;
консультантов; уставных вопросов;
организационных вопросов; единого
партийного билета; учета и анализа

кадров [4.42. С. 85–86]; 10. Управление делами: секретариат; отделы: финансово-бюджетный; партийных издательств; бухгалтерского учета и контроля; хозяйственный; 7 секторов и 1 группа; 11. Пресс-центр; 12. Партком парторганизации аппарата ЦК КПСС; 13. Профком профорганизации аппарата ЦК КПСС [4.38. форзацы].

При Центральном Комитете КПСС находились следующие структурные единицы: Институт марксизма-ленинизма (имел 16 филиалов — при ЦК компартий союзных республик, МГК и МК КПСС, Ленинградском обкоме

КПСС; с 1990 г. — Институт теории и истории социализма); Всесоюзный дом политического просвещения; Центральный музей В. И. Ленина (филиалы: в Ленинграде, Тбилиси, Киеве, Ульяновске, Львове, Баку, Ташкенте, Фрунзе, Красноярске); Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские»; Академия общественных наук; Институт общественных наук; Специальная служба при ЦК ВКП(б) (КПСС) (существовала с 19 ноября 1949 г. по 14 марта 1953 г.).

Литература и примечания

Литература ко всей книге

1. *Афанасьев В. Г.* Четвертая власть и четыре генсека (От Брежнева

до Горбачева в «Правде»). М.: Кедр, 1994.

2. *Гвишиани Д. М.* Мосты в будущее. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

3. *Громыко Ан. А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (Воспоминания и размышления сына). М.: Автор, 1997.

4. *Гуров А. И.* Красная мафия. М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995.

5. *Ельцин Б. Н.* Исповедь на заданную тему. Красноярск: Кн. изд-во, 1990.

6. *Зиновьев А. А.* Советская контрреволюция // Советская Россия. 1998. 19 сентября. № 110.

7. Исследования по безопасности / Под ред. *Никанорова С. П.* М.: Концепт, 1998.

8. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б) в 1938 г. М.: Госполитиздат, 1954.

9. *Кара-Мурза С. Г.* Потерянный разум. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

10. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. В 2 кн. Кн. 2. М.: Алгоритм, 2001.

11. *Каценелинбойген А. И.* Советская политика и экономика. В трех книгах. Benson, Vermont, USA: Chalidze publications, 1988.

12. *Кодин М. И.* Трагедия Старой площади. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1999.

13. *Косолапов Р. И.* Истина из России. Тверь: Северная корона, 2004.

14. *Косолапов Р. И.* Слово товарищу Сталину. М.: Палея, 1995.

15. Побиск Георгиевич Кузнецов: Идеи и жизнь. Препринт. М.: Концепт, 1998.

16. *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

17. *Легостаев В. М.* Технология измены. М.: Палея, 1993.

18. *Леонов Н. С.* Лихолетье. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.

19. *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева. Новосибирск: СП «Интербук», 1992.

20. Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. Справочник / Сост. *Кокурин А. И., Петров Н. В.* Науч.

ред. *Пихойя Р. Г.* М.: Издание МФД, 2003.

21. *Мосол В. А.* Упущенный шанс. Небеспристрастные размышления экс-премьера Украины о том, что произошло в бывшем Советском Союзе. Киев: Молодь, 1993.

22. *Ненашев М. Ф.* Заложник времени. Заметки. Размышления. Свидетельства. М.: Прогресс-Культура, 1993.

23. *Ненашев М. Ф.* Последнее правительство СССР: Личности. Свидетельства. Диалоги. М.: АО «Кром», 1993.

24. *Оников Л. А.* КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри

аппарата ЦК КПСС. М.: Республика, 1996.

25. *Павлов В. С.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М.: Терра, 1995.

26. *Разумов Е. З.* Крушение и надежды. Политические заметки. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 1996.

27. Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 годы): Справочно-энциклопедическое издание / Под общ. ред. *Подберезкина А. И.* 3-е изд., доп. и перераб. В 2 т. Т. 1: Хроника и аналитика; Т. 2: Лица / Отв. ред. *Котилевский М. Д., Лебедев Ю. В. и др.* М.: РАУ-Университет; Духовное наследие, 2000.

28. *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «К.П.М.», 1996.

29. *Серебрянников В. В.* Сталин и война // Безопасность Евразии. 2002. № 4.

30. *Собчак А. А.* Жила-была коммунистическая партия. СПб.: Лениздат, 1995.

31. Соединенные Штаты Америки. Внешнеполитический механизм: Организация, функции, управление / Институт США АН СССР. М.: Наука, 1972.

32. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1947, 1952.

33. *Сталин И. В.* Сочинения. Т.

1–13. М.: Госполитиздат, 1949–1952.

34. *Фролов А. П.* КГБ и контрразведывательное искусство. М.: Реалии, 2003.

35. *Чертопруд С.* Андропов и КГБ (Малоизвестные страницы жизни самого загадочного вождя СССР). М.: Эксмо-Пресс, 2004.

36. *Шабров О. Ф.* Политическое управление. Проблемы стабильности и развития. М.: Интеллект, 1998.

37. *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983.

*Литература и примечания к
вступлению и части первой*

1.01. Советское общество: Будни холодной войны. Материалы «круглого стола». М., Арзамас, 2000.

1.02. *Hafendorn H.* The security puzzle: Theory-building and discipline-building in international security. // International studies guard. — Beverly Hills, 1991. Vol. 35, № 1.

1.03. Концепция «национальной безопасности» в современной американской политологии. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1994.

1.04. *Сунь Цзы.* Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.

1.05. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления. Курс

лекций. М.: Юридическая литература, 1990.

1.06. *Атаманнук Г. В.* Обеспечение рациональности государственного управления. М.: Юридическая литература, 1990.

1.07. *Андрианов В.* Исповедь агента. История Глена Рогрера, агента контрразведки США, рассказанная им самим // Комсомольская правда. 1977, 1 ноября. № 255.

1.08. *Hanna D. Kissinger: His rise and?* N.Y., 1975.

1.09. *Панарин И.* Возможен ли развал США в 2010 году? // Власть. 1999. N2 6.

1.10. Евангелие от Матфея. Гл.

10. Ст. 16, 17.

1.11. *Виндт О.* Германская тайная военная разведка // Шпионаж и разведка капиталистических государств. В помощь пропагандисту и беседчику. Л.: Лениблиздат, 1937.

1.12. *Альбац Е. М.* Мина замедленного действия. М.: РУССЛИТ, 1992.

1.13. *Бабушкин В., Гребнев А.* Меж двух огней // шостранец. 1994, 2 марта. № 8.

1.14. *Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П.* Ответственность за государственные преступления / Общ. ред. и введение *Баркова Л. И.* М.: Юридическая литература, 1988.

1.15. *Кодачигов В.* Мэтры советской контрразведки не забыты // Независимое военное обозрение. 2003. № 37.

1.16. *Королев В.* «Секреты» секретных служб. Исповедь бывшего контрразведчика // Огонек. 1990, октябрь. № 43.

1.17. *Арбатов Г. А.* Общественная наука и политика // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. *Старушенко Г. Б.* М.: Наука, 2001.

1.18. *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989.

1.19. *Дугин А.* Заговор против

СССР// Завтра. 1997. № 44.

1.20. *Самойлов Д., Смирнов Ю.* «Он между нами жил...»: Рецензия // Аргументы и факты. 1996, август. № 34.

1.21. *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

1.22. Отдел политики газеты «Завтра». Проект «Примаков» // Завтра. 1999. № 36.

1.23. *Ципко А. С.* Ослепление и наказание // Литературная газета. 2001, 23–29 мая. № 21.

1.24. *Авторханов А. Г.* Заговорщики в Кремле. Париж: YMCA — PRESS, 1980.

1.25. *Семанов С. Н.* Идеологические диверсанты.

Записка для секретаря Московского горкома В. Н. Ягодкина (июль 1975 г.) // *Семанов С. Н.* Брежнев. Портрет лидера «золотого времени». М.: Вече, 2002.

1.26. *Костюк В. Н.* Изменяющиеся системы. М.: Наука, РАН ВНИИСИ, 1993.

1.27. *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука. Ч. II. Л., М.: Книга, 1927.

1.28. *Дивнич Е. И.* НТС — нам пора объясниться. N.Y.: Соотечественники, 1969.

1.29. *Шевелев И.* Жизнь замечательных палачей. От массовых казней до торгово-промышленной палаты. (Рецензия на книги:

Киселев А. Сталинский фаворит с Лубянки. СПб.: Нева, 2003. Люди особого назначения) // НГ-Ex Libris. 2003, 9 октября. № 36.

1.30. *Курчатов А. И.* Идеологические диверсанты // Секреты секретных служб США. М.: Политиздат, 1973.

1.31. Советская Россия. 1998, 20 августа. № 97.

1.32. *Аггеева И. А.* Канада и начало холодной войны: дело Гузенко в советско-канадских отношениях // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. Акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. *Егорова Н. И., Чубарьян А. О.* М.: Олма-пресс, 2003.

1.33. *Кирпиченко В.* Анатомия явления. Личины оборотней // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 5–6.

1.34. *Семичастный В. Е.* «Мне нестерпимо больно...» // Завтра. 1997, июнь. № 25.

1.35. *Краминов Д. Ф.* Второе рождение «За рубежом» // За рубежом. 1990, июнь. № 25.

1.36. *Ляховский А. А., Забродин В. М.* Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991.

1.37. *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М.: Молодая гвардия, 1984.

1.38. Orbis. 1973. Fall. № 3.

1.39. Washington Post. 1963. 26 March.

1.40. Душенко К. В. Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.: Аграф, 1997.

1.41. Горачек М. Мост. Отрывок из книги «Лед тронулся» // Совершенно секретно. 1992. № 9.

1.42. Собчак А. А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991.

1.43. PLAYBOY. 2005, июль.

1.44. Вудвард Б. Пелена. Секретные войны ЦРУ в 1981–1987 гг. / Woodward B. Viet: The Secret wars of the CIA 1881–1987. New York,

1987/ 1. Разведка США в действии. Шпионаж, тайные операции, саботаж. Сборник материалов. Пер. с англ., общ. ред. и предисл. Яковлева Н. Н. Рассылается по особому списку. М.: Прогресс, 1988.

1.45. Кара-Мурза С. Г. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: Алгоритм, 2001.

1.46. Ефимова А. Диссиденты: Made in KGB. Выпускники 91-го года // Совершенно секретно. 1993. № 11.

1.47. Кузнецов Э. Покушение на Систему. Беседа в Мюнхене с Эдуардом Кузнецовым, вчерашним смертником, участником «Процесса самолетчиков» // Родина. 1992. № 2.

1.48. «Продержаться бы еще

годков пять». Беседа в Мюнхене с Эдуардом Кузнецовым, вчерашним смертником, участником «Процесса самолетчиков» / *Медведев Ф. Н.* После России. М.: Республика, 1992.

1.49. *Карнов В. Н.* Послесловие к статье О. Салливан Д. (ФРГ). Проект «Венона»: Неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

1.50. Комсомольская правда. 1997, 6 мая. № 81.

1.51. *Бэррон Дж.* Операция «Соло». М., 1999.

1.52. Совершенно секретно. 2002. № 6.

1.53. *Чичкин А.* Жертвы хрущевских репрессий // Молодая

гвардия. 2002. № 10.

1.54. *Чебриков В. М.* в беседе с *Ивановым-Смоленским Г., Карповым М.* Я унесу с собой столько тайн, сколько вам и не снилось... // Начало. (М.) 1991, июнь. № 10.

1.55. *Проханов А. А.* А на груди его светилась медаль за город Гудермес. // Завтра. 1995, май. № 21.

<i>Литература и примечания к части второй</i>

2.01. *Митрохин В. И.* Сущность и категориальный аппарат современной концепции

национальной безопасности. М.: МГСУ «Союз», 1999.

2.02. Булыгин Ю. Е. Организация социального управления. (Основные понятия и категории.) Словарь-справочник. М.: Контур, 1999.

2.03. Бирюков Б. В., Воробьев Г. Г. Тезаурусный подход к коммуникативным процессам и документальная информация // Информация и управление. Философско-методологические аспекты. М.: Наука, 1985.

2.04. Вавилов Н. И. Слово о науке. М.: Наука, 1976.

2.05. Сироткин В. Г. От «военного коммунизма» к нэпу.

Международная обстановка // Архивы раскрывают тайны: Международные вопросы: события и люди / Сост. Попов В. Н. М.: Политиздат, 1991.

2.06. *Козловский Е. А.* Записал В. Винников. Перевал. // Завтра. 1999. № 18.

2.07. *Начальник Главного управления имперской безопасности обер-группенфюрер Кальтенбрунер* «...посмотрел на шефа гестапо обергруппенфюрера СС Мюллера и сказал:

— Я не хочу будить в вас злобную химеру подозрительности по отношению к товарищам по партии и по совместной борьбе, но

факты говорят о следующем (...) Штирлиц (...) сейчас курирует круг вопросов, связанных с оружием возмездия, и хотя провалов нет, но и успехов, рывков, очевидных побед мы не наблюдаем. А курировать — это не значит только сажать инакомыслящих. Это означает помощь тем, кто думает точно и перспективно...

(...)

Начальник IV управления РСХА (гестапо) Мюллер — своему подчиненному Холтоффу:

— Вам надлежит изучить эти дела: здесь работа штандартенфюрера Штирлица за последний год. Это дело,

относящееся к оружию возмездия... то есть к атомному оружию... К физике Рунге... В общем, дело тухлое, но постарайтесь его покопать... Приходите ко мне, когда возникнут любые вопросы. (...)

Через сорок минут он приехал в бар «Мехико»: там он назначил встречу своему агенту, работавшему по вопросам сохранения тайны оружия возмездия. Штирлиц хотел порадовать шефа гестапо — пусть завтра послушает разговор. Это будет хороший разговор умного нацистского разведчика с умным нацистским ученым: после ареста гестаповцами специалиста по атомной физике Рунге Штирлиц не

забывал время от времени подстраховывать себя — и не как-нибудь, а обстоятельно и всесторонне. (...)

Холтофф:

«— Штирлиц, я в течение этой недели занимался вашим делом.

(...) Я расскажу вам, что мне удалось обнаружить в связи с делом физиков. Этого я пока что не рассказывал Мюллеру, я ждал вас.

Штирлицу нужно было мгновение, чтобы собраться с мыслями и перепроверить себя: не оставил ли он хоть каких-либо, самых на первый взгляд незначительных, компрометирующих данных — в вопросах, в форме

записи ответов, в излишней заинтересованности деталями. (...)

— Я вызвал трех экспертов из ведомства Шумана.

Шуман был советником вермахта по делам нового оружия, его люди занимались проблемами расщепления атома.

— Я тоже вызывал экспертов оттуда, когда вы посадили Рунге.

— Да. Рунге посадили мы, гестапо, но отчего им занимались вы, в разведке?

— А вам непонятно?

— Нет. Непонятно.

— Рунге учился во Франции и в Штатах. Разве трудно догадаться, как важны его связи там? Нас всех губит

отсутствие дерзости и смелости в видении проблемы. Мы боимся позволить себе фантазировать. От и до, и ни шагу в сторону. Вот наша главная ошибка.

— Это верно, — согласился Холтофф. — Вы правы. Что касается смелости, то я спорить не стану. А вот по частностям готов поспорить. Рунге утверждал, что надо продолжать заниматься изучением возможностей получения плутония из высокорadioактивных веществ, а именно это вменялось ему в вину его научными оппонентами. Именно они и написали на него донос, я заставил их в этом признаться.

— Я в этом не сомневался.

— А вот теперь наши люди сообщили из Лондона, что Рунге был прав! Американцы и англичане пошли по его пути! А он сидел у нас в гестапо!

— У вас в гестапо, — поправил его Штирлиц. — У вас, Холтофф. Не мы его брали, а вы. Не мы утверждали дело, а вы: Мюллер и Кальтенбрунер. И не у меня, и не у вас, и не у Шумана бабка — еврейка, а у него, и он это скрывал...

— Да пусть бы у него и дед был трижды евреем! — взорвался Холтофф. — Неважно, кто был его дед, если он служил нам, и служил фанатично! А вы поверили негодьям!

— Негодьям?! Старым членам

движения? Проверенным арийцам? Физикам, которых лично награждал сам фюрер?

— Хорошо, хорошо. Ладно... Все верно. Вы правы. (...) Ну, а как вы думаете, что решит Кальтенбрунер, если я доложу ему результаты проверки?

— Сначала вы обязаны доложить о результатах своей проверки Мюллеру. Он давал приказ на арест Рунге.

— А вы его вели, этого самого Рунге.

— Я его вел, это точно — по указанию руководства, выполняя приказ.

— И если бы вы отпустили его,

тогда мы уже полгода назад продвинулись бы далеко вперед в создании оружия возмездия.

— Вы это можете доказать?

— Я это уже доказал.

— И с вами согласны все физики?

— Большинство. Большинство из тех, кого я вызвал для бесед. Так что же может быть с вами?

— Ничего, — ответил Штирлиц. — Ровным счетом ничего. Результат научного исследования подтверждается практикой. Где эти подтверждения?

— Они у меня. В кармане.

— Даже так?

— Именно так. Я кое-что

получил из Лондона. Самые свежие новости. Это смертный приговор вам.

— Чего вы добиваетесь, Холтофф? Вы куда-то клоните, а куда?

— Я готов повторить еще раз: вольно или невольно, но вы, именно вы, сорвали работу по созданию оружия возмездия. Вольно или невольно, но вы, именно вы, вместо того чтобы опросить сто физиков, ограничились десятком и, основываясь на их показаниях — а они заинтересованы в изоляции Рунге, — способствовали тому, что путь Рунге был признан вражеским и неперспективным!

— Значит, вы призываете меня не верить истинным солдатам фюрера, тем людям, которым верят Кейтель и Геринг, а стать на защиту человека, выступавшего за американский путь в изучении атома?! Вы меня к этому призываете? Вы меня призываете верить Рунге, которого арестовало гестапо — гестапо зря никого не арестовывает, — и не верить тем, кто помогал его разоблачению?!

— Все выглядит логично, Штирлиц. Я всегда завидовал вашему умению выстраивать точную логическую направленность: вы бьете и Мюллера, который приказал арестовать Рунге, и меня, который

защищает еврея в третьем колене, и становитесь монументом веры на наших костях. Ладно. Я вам аплодирую, Штирлиц. Я не за этим пришел. Рунге — вы позаботились об этом достаточно дальновидно, — хотя и сидит в концлагере, но живет в отдельном коттедже городка СС и имеет возможность заниматься теоретической физикой. (...)

Холтофф ходил вокруг самых уязвимых узлов в его операции с физиками. Однако Холтофф был недостаточно подготовлен, чтобы сформулировать обвинение, а каждый пункт, к которому он выходил — скорее интуитивно, чем доказуемо, — мог быть опровергнут

или, во всяком случае, имел два толкования. (...)

Штирлиц сказал Шелленбергу о том, как неразумно работают люди Мюллера с физиком, арестованным месяца три назад. «Худо-бедно, а все-таки я кончал физико-математический факультет, — сказал он, — я не люблю вспоминать, потому что из-за этого я был на грани импотенции, но тем не менее это факт. И потом — от этого Рунге идут связи: он учился и работал за океаном. Выгоднее этим заняться нам, право слово». Он подбросил эту идею Шелленбергу, а потом начал рассказывать смешные истории, и Шелленберг хохотал (...) Штирлиц

намеренно ушел от дела физика Рунге. (...)

Присматриваясь к нему (Шелленбергу. — *А.Ш.*), Штирлиц отметил любопытную деталь: интересные предложения своих сотрудников Шелленберг поначалу как бы не замечал, переводя разговор на другую тему. И только по прошествии дней, недель, а то и месяцев, добавив к этому предложению свое понимание проблемы, выдвигал эту же идею, но теперь уже как свою, им предложенную, выстраданную, им замысленную операцию. Причем он придавал даже мельком брошенному предложению такой блеск, он так

точно увязывал тему с общим комплексом вопросов, стоящих перед рейхом, что никто и не заподозривал его в плагиате. Штирлиц рассчитал точно.

— Штандартенфюрер, — сказал ему Шелленберг через две недели, — видимо, вопрос технического превосходства будет определяющим моментом в истории мира, особенно после того, как ученые проникнут в секрет атомного ядра. Я думаю, что это поняли ученые, но до этого не дотащились политики. Мы будем свидетелями деградации политика в том значении, к которому мы привыкли за девятнадцать веков истории. Политика станет диктовать

будущее науке. Понять изначальные мотивы тех людей науки, которые вышли на передовые рубежи будущего, увидеть, кто вдохновляет этих людей в их поиске, — задача не сегодняшнего дня, вернее, — не столько сегодняшнего дня, сколько далекой перспективы. Поэтому вам придется поработать с арестованным физиком. Я запомнил его имя...

Штирлиц понял, что это проверка. Шелленберг хотел установить, понял ли дока Штирлиц, откуда идет его монолог, кто ему подбросил в свое время идею. Штирлиц молчал, хмуро разглядывая свои пальцы. Он выдержал точную паузу и недоумевающе взглянул на

бригаденфюрера. Так он вышел на дело Рунге. Так он сломал реальную возможность немцев — победы точка зрения Рунге — подойти вплотную к созданию атомной бомбы уже в конце 1944 года.

Впрочем, он убедился после многих дней, проведенных вместе с Рунге, что сама судьба мешала Германии получить новое оружие: Гитлер после Сталинградского сражения отказывался финансировать научные исследования в области обороны, если ученые не обещали ему реальной, практической отдачи через три, максимум шесть, месяцев.

Правда,

Гиммлер

заинтересовался проблемой атомного оружия и создал «Объединенный фонд военно-научных исследований», однако Геринг, отвечавший за ведение научных изысканий в рейхе, потребовал передачи под свое ведение гитлеровского детища. Гениальные немецкие физики были, таким образом, вне поля зрения руководства, тем более что ни один из фюреров Германии не имел высшего институтского образования, исключая Шпеера и Шахта.

Теперь ему надо было выиграть следующий этап сражения: он должен был доказать свою правоту в этом деле. Он продумал свою

позицию. У него сильная позиция.
(...)

... — Логично, — сказал Мюллер, выслушав Штирлица. — Ваша позиция с физиком Рунге непоколебима. Считайте меня своим союзником» (Семенов Ю. С. Семнадцать мгновений весны // Подвиг. Приложение к журналу «Сельская молодежь». Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1970).

2.08. *Ловцов Д. А., Сергеев Н. А.*
Управление безопасностью
эргасистем / Под ред. *Ловцова Д. А.*
Изд. 2-е, испр. и доп. М.: РАУ —
Университет, 2001.

2.09. Марксизм и
современность. (Киев). 2004. № 1.

2.10. Информационная служба в СССР по общественным наукам в двадцатилетней перспективе. Комплексный прогноз на 1986–2005 гг. ИНИОН АН СССР. М., 1983.

2.11. *Каплан В. И.* Важнейшие события международной жизни и деятельности Института мирового хозяйства и мировой политики (1925–1948 гг.). АН СССР. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 1991.

2.12. *Варга Е. С.* Новые явления в мировом экономическом кризисе. М.: Партиздат, 1934.

2.13. Мировое хозяйство и мировая политика. 1928. № 10.

2.14. Наука и власть.

Воспоминания ученых-гуманитариев
и обществоведов / Отв. ред. *coll_0*:
Наука, 2001.

2.15. Бокшицкий М. Л.

Великобритания и США — великие
демократические державы.

2.16. Лан В. И. США — великая

демократическая держава.

2.17. Лемин И. М.

Великобритания — наш союзник.

2.18. Армстронг Д. А. Политика

тоталитаризма. Вып. 2. Рассылается
по особому списку. М.: Издательство
иностранной литературы, 1962.

2.19. Варга Е. С. Изменения в

экономике капитализма в итоге
Второй мировой войны. М.: ОГИЗ,

1946.

2.20. Дискуссия по книге Е. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны». 7, 14, 21 мая 1947 г. Стенографический отчет // Мировое хозяйство и мировая политика. 1947, ноябрь. № 11. Приложение.

2.21. Правда. 1956, 18 февраля. № 49.

2.22. *Кузнецов П. Г.* «Думающие корпорации» и военно-промышленный комплекс США. М., 1968.

2.23. *Кузнецов П. Г.* Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1968.

2.24. *Кузнецов П. Г.* Управление

ходом истории человечества. М., 1969.

2.25. *Кузнецов П. Г.* О разработке комплекса машинных информационных систем, ориентированных на проблемы, стоящие перед Политбюро ЦК КПСС. М., 1969.

2.26. *Trentowski B.* Stisunek filozozofii do cybernetyki oraz Wybr pism filozoficznych z lat 1842–1845. Warczawa: Pacstw. Wyd-wo nauk, 1974.

2.27. *Шушкин О.* ЦК, ЧК и Шамбала // Совершенно секретно. 1996. № 3.

2.28. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1992.

2.29. *Кольман Э.* Что такое кибернетика? // Вопросы философии. 1955. № 4.

2.30. *Яковлев Н. Н.* Продавшийся и простак // Голос Родины. 1974, февраль. № 13.

2.31. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. *Батыгин Г. С.*; ред. — сост. *Ярмолюк С. Ф.* СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

2.32. *Блауберг И. В.* Из истории системных исследований в СССР: Попытка ситуационного анализа // Вопросы философии. 1991. № 8.

2.33. *Fischer G.* Science and

Politics. The new sociology in the Soviet Union. / Center for International Studies Cornell Univ. N.Y.: Ithaca, 1964.

2.34. *Ольсевич Ю. Я.*
«Советологи» о проблемах советской науки. Критический обзор концепций // Соревнование двух систем. Исследования, дискуссии, информация. Современное состояние, факторы, перспективы. М.: Наука, 1988.

2.35. *Коган В. З.* Человек в потоке информации. Новосибирск: Наука, 1981.

2.36. *Цуканов С. В.* Социальное эхо прессы // Коммунист. 1984, май. № 7.

2.37. *Эделинг Г.*

Прогнозирование и социализм / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1970.

2.38. Бауэр Л., Эйхгорн В., Кребер Г. и др. Философия и прогностика. Мировоззренческие и методологические проблемы общественного прогнозирования / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971.

2.39. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М.: ООО «Коллекция «Совершенно секретно», 1999.

2.40. Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

2.41. Директивы ВКП (б) и Советского правительства о народном образовании. Т. 1. М.:

Учпедгиздат, 1954.

2.42. *Садовский В. Н.* Становление философской науки и системного подхода в России во второй половине XX века // Вопросы философии. 2004. № 7.

2.43. *Корицкий Э. Б., Нинцзева Г. В., Шетов В. Х.* Научный менеджмент: Российская история. СПб.: Питер, 1999.

2.44. *Глушков В. М., Доброе Г. М., Терещенко В. И.* Беседы об управлении. М.: Наука, 1974.

2.45. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и исправ. Т. 3 (1922–1925). М.: Политиздат, 1984.

2.46. *Ильенко Н. С., Шамсутдинов К. Ш.* Введение / Научная организация труда двадцатых годов: Сб. док. и материалов. Казань: ВНИИ охраны труда в Казани, 1965.

2.47. Методы ЦИТ и их применение (в организации труда). 1920–1940. М.: ЦИТ, 1940.

2.48. Методы ЦИТ и их применение (в организации труда). 1920–1940. М.: Оборонгиз, 1940.

2.49. Научная организация труда. Указатель литературы (1917–1972). Изд. 2-е, доп. и перераб. / Сост. *Речкина Н. Н.* Новосибирск: СО АН СССР, 1975.

2.50. *Афанасьев В. Т.* Ц «Правда»

против вала. М.: Правда, 1989.

2.51. *Афанасьева О. В.* Молодым ученым об отце и академике // Научное наследие В. Г. Афанасьева и современные проблемы государственного управления и государственной службы. Материалы научно-практической конференции молодых ученых, посвященной творчеству В. Г. Афанасьева (23 марта 2004 г.) / Под общ. ред. *Турчинова А. И.* М.: Изд-во РАГС, 2005.

2.52. *Бадов В.* Неделовые «игры». Почему они велись вокруг новатора// Правда. 1987, 29 окт. № 302.

2.53. *Берг А. И.* В. И. Ленин и

научная организация труда // Правда.
1962, 24 окт. № 297.

2.54. *Берг А. И.* Поэзия рабочего удара. Выступление на вечере памяти А. К. Гостева в ЦДЛ // Московский литератор. 1962, 5 нояб. № 38.

2.55. *Бурдянский И. М.* Научная организация труда // Малая советская энциклопедия. М.: АО «Советская энциклопедия», 1930.

2.56. *Дубровский Ю. Н.* Научная организация труда // БСЭ. 3-е изд. Т. 17.

2.57. *Валовой Д. В.* Тайны Овального зала Кремля. М.: Правда, 1991.

2.58. Строительная промышленность. 1947. № 11.

2.59. *Митрофанова А. В.*

Трудовой подвиг рабочего класса в
год коренного перелома в Великой
Отечественной войне //

Исторические записки. Институт
истории АН СССР. 1955. № 10.

2.60. *Тараничев П.* Поток. Из

опыта организации массового
производства на заводе «Красный
пролетарий» // Правда. 1943, 5
апреля. № 90.

2.61. Правда. 1943, 4 окт. № 246.

2.62. *Баранов Л.* Мобилизация

внутренних резервов предприятий.
М.: Госполитиздат, 1943.

2.63. Завоеванный ритм. М.:

Молотов, 1943.

2.64. *Казаков Н.* Первые

результаты «потока». (Из опыта организации производства на Н-ском авиазаводе). // Правда. 1943, 10 апр. JVfe 94.

2.65. Поточная система — источник высокой производительности. (Из опыта организации производства на авиационном заводе, где директором тов. Сильнов). // Правда. 1943, 30 мая. № 137.

2.66. Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия / Гл. ред. Козлов М. М. М.: Советская энциклопедия, 1985.

2.67. Шахурин А. И. Крылья Родины. Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат, 1990.

2.68. Война, авиация, жизнь... К 100-летию Главного маршала авиации А. А. Новикова. М.: Воениздат, 2000.

2.69. *Олесиньски З.* Механизм политических действий и решений в условиях общественных перемен (в связи с современными процессами в Польше и других странах Восточной Европы): Автореф. дис. канд. историч. наук АОН при ЦК КПСС. М., 1991.

2.70. *Баталов Э. Я.* Восхождение к политической науке. // Общественно-политические науки. 2005. № 3.

2.71. *Зорин В. С.* Неизвестное об известном. Люди и политика. М.:

Вагриус, 2000.

2.72. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд., пер. с англ. / Под ред. *Поварова Т. Н.* М.: Наука, 1983.

2.73. *Уинтер Г., Беллоуз Т.* Природа и предмет политической науки. (*Winter H., Bellows T. The nature and scope of political science*). N.Y., ea, 1981. P. 5–19 // Зарубежная политическая наука. (Методология, обучение, анализ политических процессов). М.: ИНИОН, 1994.

2.74. *Семичастный В. Е.* «Мне нестерпимо больно...» // Завтра. 1997, июнь. № 25.

2.75. *Кремянский В. И.* Некоторые особенности организмов

как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии // Вопросы философии. 1958. № 8.

2.76. *Лекторский В. А., Садовский В. Н.* О принципах исследования систем. (В связи с «общей теорией систем» Л. Берталани) // Вопросы философии. 1960. № 8.

2.77. Теория передачи электрических сигналов при наличии помех // Сборник переводов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

2.78. *Казаковцев В. С.* Инструмент управления. М.: Советское радио, 1965.

2.79. «Жизнь показала

несокрушимость советского строя,
непоколебимую решимость
советского народа защищать
завоевания Октября»
(Андропов Ю. В. Доклад на
торжественном собрании в Москве,
посвященном 100-летию со дня
рождения Ф. Э. Дзержинского // *Известия*. 1977, 10 сентября. № 213.
С. 2).

2.80. «Политический авторитет
нашей страны, рост ее
экономической и военной мощи,
общее усиление позиций социализма
заставили империалистов отказаться
от попыток сломить социализм
путем «лобовой атаки». Эти
перемены, безусловно, отвечают

нашим интересам. Вместе с тем нельзя не видеть и того, что противник не отказался от своих целей. Теперь, особенно в условиях разрядки, он ищет и будет искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызвать в них «эрозию», негативные процессы, которые бы размягчили, а в конечном счете — ослабили социалистическое общество.

В этом плане немалые надежды возлагаются империалистами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через специальные службы. В одной из секретных инструкций американских

спецслужб в этой связи прямо говорится: «В конечном счете мы должны не только проповедовать антисоветизм и антикоммунизм, но заботиться о конструктивных изменениях в странах социализма». О каких же «конструктивных изменениях» идет речь?

Ответом на этот вопрос может служить заявление сотрудника американской разведки, одного из руководителей Комитета радио «Свобода». Не так давно в беседе с нашим источником этот человек заявил: «Мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при

которых это станет возможным».

Вообще, говорит он, «зачем мы изучаем Советский Союз и положение в этой стране? Для чистой науки? Она ни в чем нам не поможет. Одной наукой освободиться от коммунизма невозможно, нужны действия. Значит, за нами должна быть сила, которая в состоянии действовать». Это я цитировал.

Разумеется, товарищи, перед лицом сплоченности советского общества, преданности советских людей идеалам социализма подобные высказывания нельзя воспринимать иначе как бредовые. Но планы такие есть, и не учитывать их нельзя» (*Андропов Ю. В. Речь на*

Апрельском (1973 г.) Пленуме ЦК КПСС, 27 апреля 1973 г. // Цит. по: 20. С. 726–727).

2.81. «Империалисты не расстаются с замыслами экономической войны против социалистических стран, вмешательства в их внутренние дела в надежде расшатать их общественный строй, пытаются добиться военного превосходства над СССР, всеми странами социалистического содружества.

Конечно, эти планы обречены на провал. Никому не дано повернуть вспять ход исторического развития. Попытки «удушить» социализм срывались даже в то время, когда

Советское государство только становилось на ноги и было единственной социалистической страной в мире. И уж тем более из этого ничего не выйдет теперь» (Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М.: Политиздат, 1982. С. 21).

2.82. «*Раньше* писали, что социализм не выживет, так как не сумеет создать прочной экономической базы и обеспечить высокий материальный уровень населения. *Теперь* пишут, что социализм погибнет именно потому, что он несовместим с развитой экономикой и высоким уровнем жизни.

Раньше говорили, что социализм

обречен, так как он немыслим в полуграмотной, некультурной стране. *Теперь* говорят, что социализм исчезнет, поскольку высокая культура населения противоречит принципам социализма.

Раньше утверждали, что социализм долго не протянет, так как отрицает демократию. *Теперь* утверждают, что как раз развитие демократии приводит к гибели социализма» (Бовин А. Е. Пустые надежды антикоммунизма // Новое время. 1961. № 43. С. 13).

2.83. «Рэнд корпорейшн», выполняя заказ Пентагона, подготовила в 1982 г. доклад

«Этнический фактор в советских вооруженных силах». (Очевидно, имеется в виду *Curran S. L., and Ponomareff D. Managing the ethnic factor in the Russian and Soviet Armed Forces: an historical overview. 1982. — А.Ш.*) В этом пространном материале «анализируются» особенности взаимоотношений в многонациональных воинских коллективах Советской Армии и Флота.

На основании буржуазной националистической методологии даются рецепты, как в военное время спровоцировать противоречия и антагонизмы между национальными группами, конфликты между

войсками и местным населением. Планировщики из «Рэнд» до сих пор не могут понять того, что при капитализме многонациональность является источником органической слабости, а в условиях социализма — мощным источником силы благодаря единству социальных, политических и духовных интересов. Однако исследовательские центры (...) продолжают искать лазейки и каналы для дезинформации и ослабления морально-политического единства советского народа и его армии. Тщетные попытки!»

(Волкогонов Д. А. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области

общественного сознания. М.: Воениздат, 1983. С. 230–231).

2.84. «Они выбросили откровенно авантюристический лозунг «врезаться в самое сердце коммунистической идеологии», иначе говоря — перенести «войну идей» в социалистические страны. «Если раньше основной стратегией являлось окружение противника, — поясняется в недавно вышедшей в США книге «Стратегические психологические операции и внешняя политика США», — то теперь задача состоит в том, чтобы проникать в чужие страны и раскалывать общество» (Ильичев Л. Ф. Очередные задачи

идеологической работы партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 18 июня 1963 г. М.: Политиздат, 1963. С. 17).

2.85. «Наши недруги за рубежом надеются на разброд внутри руководства партии, на развал советской системы. В некоторых зарубежных журналах, особенно американских, делаются самые невероятные прогнозы, высказывались самые различные домыслы по поводу противоречий внутри Политбюро. Но наше единство ничем не поколебать» (*Кузнецов В. В.* Высказывание на совместном заседании Политбюро и Секретариата ЦК КПСС при

избрании Генеральным секретарем ЦК М. С. Горбачева. Цит. по: «Другой кандидатуры у нас просто нет». Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 36. Д. 16. Л. 1–14// Источник. 2003. № 3. С. 95).

2.86. «Развернувшийся сейчас процесс перестройки имеет революционный характер. Разумеется, речь не идет об изменении сущности нашего общественного строя. Напротив, этот процесс нацелен на укрепление и развитие основополагающих социалистических принципов, на устранение всего того, что

несовместимо с ними, на создание условий для эффективного использования громадного потенциала социализма» (*Лигачев Е. К. Речь на торжественном заседании 69-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1986, 7 ноября. № 311. С. 2).*

2.87. «Страны, в которых утвердилось красное знамя социализма, потеряны для капитализма безвозвратно» (*Хрущев Н. С. Речь на митинге дружбы в селе Обнова (Болгария) 18 мая 1962 г. // Предотвратить войну, отстоять мир! М.: Госполитиздат, 1963. С. 84).*

2.88. «Ныне, когда понятие «капиталистическое окружение» сдано в исторический архив, когда мировая социалистическая система оказывает все большее воздействие на ход международных событий, когда трудом советских людей создана мощная экономика и несокрушимая оборона, у нас есть все основания считать победу социализма в СССР окончательной. (...) Даже враги социализма вынуждены признать, что как с точки зрения внутренних условий, так и с точки зрения международных позиций Советского государства социалистический строй в нашей стране незыблем».

(Обществоведение. Учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений. Издание 22-е / Под ред. *Шахназарова Г. Х.* М.: Политиздат, 1984. С. 217).

2.89. *Brzezinski Z.* U.S. — Soviet Relations. The Next Phase in Foreign Policy. W., 1973.

2.90. *Кассис В. Б., Колосов Л. С.* Из тайников секретных служб. М.: Молодая гвардия, 1988.

2.91. *Деягин М.* Глобальная неустойчивость и тоска по Апокалипсису // Крах доллара. / Сост. и предисл. *Нагорный А. А.* М.: ЧП Чернышева, 2001.

2.92. *Кедров О.* Измена //

Неделя. 1989. № 33.

2.93. *Панарин И. Н.*

Информационные войны и Россия: Учеб. пособие. М.: ДА МИД России, 2000.

2.94. *Никулин П. С.* ФСК: между

прошлым и будущим // КГБ: вчера, сегодня, завтра... Международные конференции и круглые столы. Законодательство. Общественный контроль. Спецслужбы и права человека. М.: Общественный фонд «Гласность», 1995.

2.95. *Пожаров А. И.*

Исторические чтения на Лубянке. 1997 г. Российские спецслужбы: история и современность. ФСБ России. М., Великий Новгород: Изд-

во ИГУ, 1999.

2.96. *Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И.* Безопасность России и армия. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.

2.97. Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете обороны Российской Федерации. М.: Московский общественный научный фонд, 1998.

2.98. *Павлов А.* Проблемы внешней политики нашей страны на современном этапе // Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты. Дайджест 1. Фонд

национальной и международной безопасности. М.: ИНИОН РАН, 1992.

2.99. *Берзин Л. Б.* Организация и использование социально-политических исследований, осуществляемых по заказам внешнеполитического аппарата США. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт США. М., 1973.

2.100. *Хрусталеv М. А.* Системное моделирование международных отношений: Учеб. пособие. М.: МГИМО, 1987.

2.101. Коммунист. 1983. № 9.

2.102. *Медведев Р. А.*

Н. С. Хрущев. Год 1964-й — неожиданное смещение // Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. Сост. Аксютин Ю. В. М. Политиздат, 1989.

2.103. *Медведев Р. А.*

Н. С. Хрущев. Год 1964-й — неожиданное смещение // Аргументы и факты. 1988, июль. № 27.

2.104. Диалог. 1995. № 1.

2.105. *Кабанников А.* Америка потратила миллиарды, запугивая мир Россией. Полковник «холодной войны», автор книги «Бойцы дезинформации» делится тайнами распространения лживых слухов о нашей стране // Комсомольская правда. 1997, 26 ноября. № 216.

2.106. *Комов В.* Существует ли «организационное оружие»? // Строительная газета. 1987, 25 июня. № 146.

2.107. *Шлыков В. В.* И танки наши быстры //Международная жизнь. 1988. № 9.

2.108. Документальный цикл. Развал. ЦРУ против СССР: Приказано уничтожить. Фильм 1 — Холодная война директора ЦРУ Уильяма Кейси // 1-й канал. 2004. 25 сентября.

2.109. *Гареев М. А.* Афганская страда (С советскими войсками и без них). Изд. 2-е, уточн. и доп. М.: ИНСАН, 1999.

2.110. *Лесков Л. В.* Регулируемое

развитие России: Принцип хрупкости хорошего // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

2.111. *Алферова Е. В.*

Информация в государственном управлении. Научно-аналитический обзор. ИНИОН АН СССР. М., 1980.

2.112. *Бирюков Б. В.*

Кибернетика, информатика, вычислительная техника, автоматика: проблемы становления и развития. Вклад отечественной науки // Кибернетика: Прошлое для будущего. Этюды по истории отечественной кибернетики. Теория управления. Автоматика. Биокибернетика. М.: Наука, 1995. Кибернетика — неограниченные

ВОЗМОЖНОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ
ограничения.

2.113. Краткий философский словарь / Под ред. *Розенталя М. и Юдина П.* Изд. 4-е, доп. и исправ. М.: Госполитиздат, 1954.

2.114. *Гаазе-Раппопорт М. Г.* О становлении кибернетики в СССР. / Кибернетика: Прошлое для будущего. Этюды по истории отечественной кибернетики. Теория управления. Автоматика. Биокибернетика. М.: Наука, 1995.

2.115. *Гаврилов А. И.* Теория релейно-контактных схем. М., 1949.

2.116. *Косса П.* Кибернетика. «От человеческого мозга к мозгу искусственному» / Пер. со 2-го

франц. изд. под общим ред. и предисловием Лжш/на П.К. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

2.117. *Материалист.* Кому служит кибернетика? // Вопросы философии. 1953. № 5.

2.118. *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4.

2.119. *Кольман А. (Э.)* Мы не должны были так жить. N Y: Chalidze Publications, 1982.

2.120. *Гаазе-Раппопорт М. Г.* Первый неформальный этап развития отечественной кибернетики // Философские исследования. 1993. № 4.

2.121. *Бородин Н.* Языком пчелиного танца // Литературная газета. 1957, 17 октября. № 125.

2.122. *Анисимов С., Вислобоков А.* Некоторые философские вопросы кибернетики // Коммунист. 1960, январь. № 2.

2.123. Кибернетика и научно-технический прогресс. М.: Знание, 1968.

2.124. *Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П.* Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989.

2.125. *Расторгуев С. П.* Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2001.

2.126. Слово товарищу Сталину /

Сост. *Косолапов Р. М.* М.: Эксмо, 2002.

2.127. Правда. 1935, 15 апреля.
№ 104.

2.128. Правда. 1935, 16 апреля.
№ 105.

2.129. Отечественная история.
2005. № 3.

2.130. Сделать все выводы из
процесса // Правда. 1937, 2 февраля.
№ 32.

2.131. *Авторханов А. Г.* Сила и
бессилие Брежнева. Франкфурт-на-
Майне: Посев, 1979.

2.132. *Зиновьев А. А.* Коммунизм
как реальность. М.: Эксмо,
Алгоритм, 2003.

2.133. *Хачатуров К. А.* Записки

очевидца. М.: Новости, 1996.

2.134. *Крючков В. А.* Последняя речь в Кремле // *День*. 1991, 15–21 декабря. № 27.

2.135. *Платонов О. А.* Государственная измена. Заговор против России. М.: Алгоритм, 2004.

2.136. *Косолапов Р. И.* Полет совы. Философско-исторические этюды Смутного времени. М.: Палея, 1994.

2.137. *Гумилев Л. Н.* Никакой мистики // *Юность*. 1990. № 2.

2.138. *Ожиганов Э. М.* Системный кризис власти в СССР. Об искусстве прогнозирования политических событий // Общественные науки и

современность. 1991. № 2.

2.139. *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты // Собрание сочинений. Т. 1. М.: ЕврАзия+, 1999.

1. С. 34. «... Главная беда в том, что мы не овладели должным образом системным подходом — современным методом решения сложнейших проблем, эксплуатировали прежний метод штопанья дыр на старом кафтане. Мы так и не овладели теорией и практикой современного управления, менеджмента, а упорно применяли метод сомнительных экспериментов, метод проб и ошибок» (*Афанасьев В. Г.* Четвертая власть и четыре генсека (От Брежнева до

Горбачева в «Правде»). М.: Кедр, 1994. С. 34).

2. С. 305. «...так и не удалось внушить общественности, руководящим работникам всех звеньев системы управления, да и многим представителям академических кругов представление об исключительной важности системного подхода в современных условиях, которые отличаются все большей дифференциацией научного знания и усложнением видов человеческой деятельности. Рано или поздно системное мышление станет неотъемлемым атрибутом цивилизованного индивида и общества. Но, наверно, пройдет

немало времени, пока оно утвердится на уровне обыденного сознания» (*Гвишиани Д. М. Мосты в будущее. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 305*).

12. С. 131. «Беда в том, что на верхних этажах власти с годами становилось все меньше людей, способных достойным образом распорядиться незаурядными возможностями все более совершенствующегося научного анализа. Я даже вывел со временем печальную и парадоксальную закономерность, подтверждение которой обнаружил в трудах нашего замечательного философа Александра Александровича

Зиновьева, когда они, труды эти, оказались доступны и нам, его соотечественникам: чем выше должностной уровень и иерархия партийной власти, тем зачастую ниже коэффициент ее интеллекта, волевых и управленческих качеств. Пирамида с определенных пор как бы перевернулась на острую плоскую грань и от этого при серьезной тектонической подвижке почвы опрокинулась и рассыпалась в прах...» (*Кодин М. И. Трагедия Старой площади. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1999. С. 131*).

2.136. С. 54. «Мы допускали непростительный переко́с —

подкрепляли свой пафос фактами из прошлого и недостаточно задумывались над будущим» (*Косолапов Р. И. Полет совы. Философско-исторические этюды Смутного времени. М.: Палея, 1994. С. 54*).

2.96. С. 21. «Неправильное понимание угроз и их взаимосвязи с опасностями приводит к тому, что либо на них нет адекватной реакции, либо они игнорируются и не видятся.

В истории имеется немало примеров того, что политики не улавливали момент (рубеж) перерастания опасности в угрозу, что приносило великие беды» (*Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И.,*

Ефимов Н. Н., Ковалев В. И.
Безопасность России и армия. М.:
РИЦ ИСПИ РАН, 1995).

2.140. «...В конце 80-х годов СССР стоял на пороге нового технологического рывка. Но полное отсутствие навыка к информационно-психологическому моделированию общественного сознания и в первую очередь элитной его части (...) привели к хаотичным политическим реформам и разрыву территориального, технологического и информационного пространства страны» (*Нагорный А. А.* Предисловие // Крах доллара / Сост. и предисл. *Нагорный А. А.* М.: ЧП Чернышева, 2001. С. 6–7).

2.141. *Сен-Симон А. К., де.* Письмо к американцу // *Сен-Симон А. К., де.* Избранные сочинения. В 2 т. Т. 1. АН СССР / Пер. с франц. М.-Л., 1948.

2.142. *Александров М. В.* О концепции национальной безопасности нашей страны // *Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты.* Дайджест 1. Фонд национальной и международной безопасности. М.: ИНИОН РАН, 1992.

2.143. *Шлыков В. В.* Угрозы реальные и мнимые // *Проблемы прогнозирования.* 1996. № 4.

2.144. *Калашников М.*

Сломанный меч Империи. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2000.

2.145. Глобализация: военный аспект// Красная звезда. 2004, 20 марта. № 51.

2.146. *Примаков Е. М.* в беседе с *Костиковым В.* Рассекретить Примакова // Аргументы и факты. 2001. № 32.

<i>Литература и примечания к части третьей</i>
--

3.01. *Холл Р. Х.* Организации: Структуры, процессы, результаты. СПб.: Питер, 2001.

3.02. The Organizational Life Cycle // *Kimberly J. R., Miles R. A.* (eds). San Francisco: Jossey-Bass.

3.03. *Попова О. В.* Системный подход к определению роли государственной службы в разрешении социальных конфликтов // Научное наследие В. Г. Афанасьева и современные проблемы государственного управления и государственной службы. Материалы 4-й межвузовской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной творчеству В. Г. Афанасьева. М.: Изд-во РАГС, 2005.

3.04. *Анфилатов В. С., Емельянов А. А., Кукушкин А. А.*

Системный анализ в управлении:
Учеб. пособие. М.: Финансы и
статистика, 2005.

3.05. *Чернуха В. Г.* Внутренняя
политика царизма с середины 50-х
до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

3.06. *Ленин В. И.* Полное
собрание сочинений. Институт
марксизма-ленинизма. М.:
Политиздат.

3.07. *Коссой А.*
Организационные принципы
большевизма и Устав ВКП(б). М.:
Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.

3.08. XVII съезд ВКП (б).
Стенографический отчет. М.:
Госполитиздат, 1934.

3.09. Правда. 1935, 14 мая.

№ 131.

3.10. *Жданов А. А.* Изменения в Уставе ВКП(б) // Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1939.

3.11. Слово товарищу Сталину / Сост. *Косолапов Р. И.* М.: Эксмо, 2002.

3.12. Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Секция Коммунистического Интернационала. М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1941.

3.13. БСЭ. 2-е изд. Т. 32. М.: БСЭ, 1955.

3.14. *Абдулатипов Р. Г. и др.* Федерализм в истории России. Т. 1.

М.: Республика, 1992.

3.15. *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990.

3.16. Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.

3.17. Правда. 2004, 14 окт. № 116.

3.18. *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований АСН, 2000.

3.19. Советское государство и право. 1964. № 2.

3.20. Правда. 1956, 29 февраля.

№ 60.

3.21. «Особенно важным в системе социалистического управления является совершенствование государственного управления (...). Учитывая это, в научной литературе уже более 15 лет многими авторами аргументируется предложение о создании союзно-республиканского Государственного Комитета СССР по совершенствованию управления*.

Очевидно, что такой комитет с системой своих органов, наделенных соответствующими полномочиями, смог бы обеспечить общесоциальный подход к совершенствованию государственного управления. (...) В

результате целостность политики в области совершенствования управления, выраженная в Основных направлениях, была бы дополнена целостностью организации ее практического воплощения. Кроме того, создание такого комитета дало бы возможность под его началом сосредоточить (централизовать) научные исследования прикладного характера и тем самым каждое управленческое преобразование проводить на строго научных началах» (*Атаманнук Г. В. Особенности процессов управления в развитом социализме. М.: Мысль, 1985. С. 194*).

(*) В этом месте у автора

приводимой нами цитаты следует сноска, в которой дана ссылка на источники, которые приводим в том же порядке.

3.22. «Подобными органами могли бы быть, например, комиссии по совершенствованию государственного аппарата, составленные на широкой демократической основе и действующие при Правительстве СССР и правительствах союзных республик*.

В этом отношении полезно, по-видимому, перенять опыт некоторых зарубежных социалистических стран, например ГДР, Польши, где подобного рода государственные

органы существуют и плодотворно работают» (Научные основы государственного управления в СССР. М.: Наука, 1968. С. 134–135).

(*) 3.23. «Упорядочение работы по подготовке кадров аппарата государственного управления, по повышению их квалификации, разработка мер по рационализации управления, его механизации и автоматизации, по совершенствованию делопроизводства в государственных органах, а также улучшение руководства научными учреждениями, исследующими проблемы управления, и координацию их работы необходимо

сосредоточить в одном
государственном органе. (...) Как ни
одиозно звучит сейчас любое
предложение о создании нового
административного органа, но для
успешного выполнения этих
последних функций такой орган
совершенно необходим. Его создание
вполне окупит себя, причем он мог
бы быть образован на базе тех
структурных подразделений,
занимающихся проблемами
совершенствования управленческого
аппарата, которые сейчас имеются в
некоторых государственных органах»
(Пискотин М. И. Основные пути
совершенствования аппарата
государственного управления и

улучшения его работы // Правовые проблемы науки управления. М.: Юридическая литература, 1966. С. 29).

3.24. «На наш взгляд, необходимо создание Государственного комитета Совета Министров по совершенствованию управления народным хозяйством, который должен быть союзно-республиканским органом. На этот комитет можно было бы возложить такие задачи, как подготовка предложений для директивных органов, руководство республиканскими комитетами по совершенствованию управления и отделами рационализации в союзных

министерствах и ведомствах, организация работы исследовательских институтов и учреждений, ведающих учебной руководителей хозяйства. При этом комитете могут быть образованы постоянные и временные Межведомственные комиссии: по внедрению хозяйственной реформы; по внедрению ЭВМ и математических методов, по делопроизводству и т. п.» (Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М.: Экономика, 1970. С. 173).

3.25. «Думается, что совершенно необходимо на достаточно высоком уровне создать комплексную комиссию или группу с участием

крупных специалистов в области управления, представляющих различные отрасли науки, и работников ряда государственных органов для разработки мер, предусматривающих упорядочение процесса выработки и принятия управленческих решений на основе новейших достижений науки и техники. При этом важно полностью использовать все ценное, что есть в данной области за рубежом, прежде всего в социалистических странах» (Пискотин М. И. Проблемы совершенствования государственного управления в условиях научно-технической революции. / Научно-техническая литература, управление

и право. М.: Институт государства и права АН СССР, 1975. С. 32).

3.26. «Большинство авторов считают целесообразным создать государственный союзно-республиканский комитет по совершенствованию управления народным хозяйством. Однако если создавать специальную подсистему по совершенствованию управления, то она, видимо, должна охватывать все государственное управление, а не только одну сферу — народное хозяйство, ибо управление по своим свойствам интегративно» (Атаманнук Г. В. Сущность советского государственного управления. М.: Юридическая

литература, 1980. С. 245).

3.27. «Жизнь диктует необходимость создания специальной общегосударственной службы, которая обеспечит консолидацию усилий по рационализации управления во всех звеньях. Фактически такая служба имеется, но она децентрализована, раздроблена. В штатах министерств, ведомств есть управления, отделы, на которые возложена модернизация организационных процессов, а также руководство вычислительными центрами, НИИ, СКБ по разработке и внедрению АСУ и электронно-вычислительной техники. В них занято немало специалистов. Нужно

централизовать эти звенья и службы, обеспечить методическое единство их действий. Пора рассмотреть вопрос о формировании государственного органа, ответственного за комплексное совершенствование технологии планирования и управления на основе ЭВМ. (...)

Такие задачи по плечу лишь полномочному государственному органу — назовем его Госкомитет СССР по системам управления (Госкомупр СССР)» (*Глушков В. М. Технологические проблемы управления // Известия. 1981, 30 июня. N9 181. С. 2).*

3.28. «В свое время обязанность

по совершенствованию аппарата управления выполняли сначала Наркомат РКИ, в ведении которого был Научно-исследовательский институт управления, а затем Государственная штатная комиссия при Совете народных комиссаров СССР. Эта комиссия разрабатывала типовые структуры и штаты однородных по характеру и объему деятельности органов. Деятельность комиссии не позволяла наркоматам и другим центральным органам отраслевого управления без достаточных к тому оснований изменять структуру и штаты, увеличивать управленческие расходы. Видимо, настало время

создать Государственный комитет СССР по вопросам совершенствования государственного аппарата. Наличие этого органа позволит, помимо всего прочего, сократить общее число органов управления, т. е. с лихвой «окупит себя» (Лазарев Б. М. Совершенствование аппарата государственного управления и право. М.: Юридическая литература, 1982. С. 115).

3.29. Чепоров Э. «Аппаратчики» из Белого дома. Как работает со своим ближайшим окружением президент США // Литературная газета. 1990, 18 апреля. № 16.

3.30. *Truman H. Memoirs. Years of*

Trial and Hope. V. 2. N.Y., 1965.

3.31. *Агафонова Г. А.* Совет Национальной Безопасности США. М.: Наука, 1977.

3.32. *Cutler R.* The Development of the National Security Council. // Foreign Affairs. 1956, April.

3.33. *Attwood W.* The Reds and Blacks, a Personal Adventure. N.Y., 1967.

3.34. Обозреватель. 1997. № 12.

3.35. *Канноне С.* Америка, скажи: «Кондоли-и-и-иза» // Россия. 2001, 23 августа. № 143.

3.36. *Garthoff R.* Soviet military Policy. A historical analysis. L.: Faber &Faber, 1966.

3.37. *Rush M.* Political Succession

in the USSR. N.Y., L.: Columbia Univ. Press, 1965.

3.38. *Selznick Ph.* The Organizational Weapon in Bolshevik Strategy and Tactics. RAND Corporation. Santa-Monika (Calif), 1952.

3.39. *Авторханов А. Г.* Заговорщики в Кремле. Париж: YMCA-PRESS, 1980.

3.40. Первичная партийная организация — авангард трудового коллектива / Рук. редкол. *Дербинов Ю. В.* М.: Мысль, 1975.

3.41. *Кириллов О. Е.* Выступление // XXVIII съезд КПСС. Заседание секции «Международная деятельность КПСС» // Бюллетень

для делегатов съезда. М., 1990.

3.42. Важное решение // Правда. 1956, 18 апреля. № 109.

3.43. *Анипкин А. М.* Я был последним Первым. Волгоград: Вздо, 1991.

3.44. *Воротников В. И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Совет ветеранов книгоиздания SIMAR, 1995.

3.45. *Alexiev A. R., Nurick R. C.* The Soviet Military Under Gorbachev. (Советские военные в подчинении Горбачева). Report on a RAND Workshop. R-3907-RC, 1990.

3.46. *Azrael J. R.* The Soviet Civilian Leadership and the Military

High Command, 1976–1986.
(Советское гражданское руководство
и высшее военное командование в
1976–1986 гг.) R-3521.

3.47. *Azrael* /. Managerial Power
and Soviet Politics. (Управленческая
сила и советская политика).
Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press,
1966.

3.48. *Becker A. S.* Ogarcov's
Complaint and Gorbachev's Dilemma:
The Soviet Defence Burden and Party-
Military Conflict. (Выражение
недовольства Огарковым и дилемма
перед Горбачевым: Советское
оборонное бремя и конфликт между
военными и партийными кругами).
Dec. 1987.

3.49. *Gelman H.* Gorbachev's first five years in the Soviet leadership: the clash of personalities and the remaking of institutions. (Первые пять лет Горбачева в советском руководстве: Конфликт среди личностей и преобразования в институтах). 1990.

3.50. *Gelman Я.* The Soviet military leadership and the question of Soviet deployment retreats. (Советское военное командование и проблема отступления советской дипломатии). 1988.

3.51. *Gottemoeller R. E.* Conflict and Consensus in the Soviet Armed Forces. (Конфликт и примирение в Советских Вооруженных Силах). R-3759-AF, 1989.

3.52. *Kolkowicz R.* Conflict in Soviet Party-Military Relations, 1962–1963. (Конфликт в советских взаимоотношениях между партийными и военными кругами). RM-3760-PR, Aug. 1963.

3.53. *Сушков В. Н.* Заключение по кличке «Министр». М.: Совершенно секретно, 1995.

3.54. *Карпычев А.* Кризис доверия? Размышления по поводу отставки некоторых должностных лиц // Правда. 1988, 24 июня. № 176.

3.55. Макиавелли, маркетинг и менеджмент / Под ред. *Ф. Харриса, Э. Локка*. СПб., 2004.

3.56. *Лисичкин Г.* Зажиточный работник — процветающее

государство // Известия. 1989, 8 августа. № 221.

3.57. *Самолис Т.* Очищение. Откровенный разговор // Правда. 1986, 13 февраля. № 44.

3.58. Самый худший внутренний враг. По материалам периодической печати / Сост. *Викторова В. Е., Гридчина А. Г.* Вступит, стат. *Бестужева-Лады И. В.* М.: Мысль, 1987.

3.59. Завтра начинается сегодня. Пребывание М. С. Горбачева в Красноярске // Правда. 1988, 14 сентября. № 258.

3.60. *Bialer S.* The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline. L.: I. B. Tauris & Co ltd Publishers, 1986.

3.61. Россия Горбачева и американская внешняя политика / Ред. Бялер С., Мэнделбаум М. Ред. сов. изд. Неподаев Ю. А. Пер. с англ. Рассылается по особому списку. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1989.

3.62. Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост-9Д, 2003.

3.63. Андропов Ю. В. Выступление на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1983, 16 июня. № 167.

3.64. Заславский В. Советские реформы 80-х гг. Текущие обсуждения // Советский Союз сегодня и завтра: Взгляд из Лондона: Сб. материалов. Рассылается по

особому списку. М.: Прогресс, 1989.

3.65. Правда. 1987, 2 октября.
№ 275.

3.66. «Мы несем немалые издержки из-за того, что некоторые коммунисты ведут себя недостойно, совершают порочащие поступки. В последнее время за разного рода злоупотребления освобождены от занимаемых должностей и исключены из партии ряд руководящих работников. Некоторые из них привлечены к уголовной ответственности. Такие факты имели место, в частности, в Алма-Атинской, Чимкентской и других областях и республиках, а также министерствах и ведомствах.

(...) Партия и впредь будет решительно очищать свои ряды от всех, кто компрометирует звание коммуниста. (Аплодисменты)»

(Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // М. С. Горбачев. Избранные речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат, 1987. С. 265).

3.67. «Съезд нацелил партийные комитеты на освоение политических методов руководства. Однако стремление партийных органов брать на себя управленческие функции не ослабевает. Прислушайтесь к разговору некоторых партийных руководителей. Они охотно, со

знанием дела говорят о текущей хозяйственной кампании, о надоях и привесах, тоннах и т. д., но нередко теряются, когда речь заходит о политическом анализе общественных явлений, социально-экономических задачах, научно-технических проблемах, о возможностях, заложенных в человеческом факторе.

Откровенно говоря, перестраиваться, избавляться от элементов администрирования нам надо на всех уровнях — от первичных организаций до аппарата ЦК» (*Горбачев М. С. Доклад на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1986, 17 июня.*

№ 168. С. 3).

3.68. «Мы, товарищи, не в первый раз обращаем внимание руководителей и работников аппарата министерств и ведомств на необходимость коренной перестройки своей деятельности. Тем самым дается возможность всем включиться в работу, освоить новые подходы к делу. Но нельзя допустить, чтобы министерство или его работники бездействовали, а тем более мешали перестройке. Это предупреждение с трибуны Пленума необходимо, так как речь идет об интересах государства и народа, о вопросах большой политики. Тут нелишне вспомнить ленинское

указание: «...аппарат для политики...а не политика для аппарата» (*Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 373*)» (*Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // М. С. Горбачев. Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1987. С. 345*).

3.69. «Отдел организационно-партийной работы явно перегружен. Чем он только не занимается — и вагоны, и корма, и топливо. Все, конечно, нужно. И все же важнее всего кадры. А как раз эта работа и была упущена. Партийные кадры в отделе знают плохо. Контроль за их работой осуществлялся слабо.

Вовремя принципиальной оценки многим не давалось. А иначе чем объяснить те провалы, которые допущены в ряде партийных организаций областей, краев, республик страны?» (*Ельцин Б. Н.* Выступление на XXVII съезде КПСС // Правда. 1986, 27 февраля. № 58. С. 3).

5. «Между аппаратом ЦК и партийными комитетами (считаю по вине т. Лигачева Е. К.) нет одновременно принципиальности и по-партийному товарищеской обстановки. Вот где, по-моему, проявляется партийный «механизм торможения». Надо значительно сокращать аппарат (до 50 процентов)

и решительно менять структуру аппарата. Небольшой опыт этого есть в московских райкомах» (*Ельцин Б. Н. Письмо М. С. Горбачеву от 12 сентября 1987 г. // Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 8).*

3.70. «Мы призываем друг друга уменьшать институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087» (*Ельцин Б. Н. Выступление на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 240).*

3.71. «Структура и сокращение аппарата. Не будет осуществлен ленинский призыв «Вся власть Советам!» при столь могучем партийном аппарате. Предлагаю сократить аппарат в обкомах в 2–3 раза, в ЦК в 6–10 раз, с ликвидацией отраслевых отделов. (...) Монопольные интересы ведомств являются сдерживающим фактором перестройки. Необходимо сокращение количества министерств, причем более решительное, чем сейчас, перевод оставшихся на хозрасчет, я имею в виду аппарат, и не финансировать их из госбюжета» (Ельцин Б. Н.

Выступление на XIX

Всесоюзной конференции КПСС // Известия. 1988, 2 июля. № 184. С. 9).

3.72. С. 6. «Уважаемые народные депутаты! Многолетняя имперская политика Центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего это относится к России, которая понесла наибольший ущерб от изжившей себя, но и все еще цепляющейся за жизнь командно-административной системы» (*Ельцин Б. Н.* Выступление на Первом Съезде народных депутатов РСФСР // Советская Россия. 1990, 25 мая. № 120. С. 6).

3.73. «Программа мало дает

разъяснений по поводу
предполагаемых «серьезных
структурных изменений». В разделе
Программы, озаглавленном
«Структурная перестройка
общественного производства», не
обсуждаются какие бы то ни было
реальные организационные
перемены. В нем говорится о
необходимости повысить
механизацию, автоматизацию и
гибкость в экономике» (*Грэм Д.*
Программные документы XXVII
съезда КПСС // Советский Союз
сегодня и завтра: Взгляд из Лондона:
Сб. материалов. Рассылается по
особому списку. М.: Прогресс, 1989.
С. 22).

3.74. «...в экономике категории проблем подчинены (...) структурно-организационным проблемам. Именно основная структура экономики, ее жесткое разделение на военные и гражданские (а более точно, на «закрытые» и «открытые» отрасли) и ее административное деление на целый ряд полуавтономных жестко иерархических министерских империй породили многие из тех проблем, которые мы здесь обсуждаем. Пресловутые «ведомственные барьеры», которые не позволяют принять полезную новинку предприятиями одного министерства, потому что она была

сконструирована научно-исследовательским институтом или конструкторским бюро другого министерства, или не позволяют отгрузить срочно необходимые запасные части какому-либо предприятию, ибо они были обещаны, хотя, возможно, и не так уж необходимы предприятиям того же министерства, которому подчиняется поставщик, давно признаны одним из основных препятствий плавной деятельности советской экономики. Как правило, для преодоления этих барьеров требуется вмешательство партийных органов. (...)

Правительственной организации при господствующих правилах

административной структуры очень трудно координировать деятельность органов на одном горизонтальном уровне административной иерархии. (...) Различные министерства ревностно охраняют свои юридические и финансовые прерогативы, несмотря на очевидную необходимость в скоординированных усилиях. (...) Новое руководство, стиснув зубы, с новой энергией взялось за эти организационные проблемы. При необходимости новые руководители просто ликвидируют противоборствующие организации или подчиняют их «суперминистерствам» или правительственным

координационным органам,
находящимся на более высоком
уровне административной иерархии.
(...)

Важные вопросы структурно-
административных перемен
затрагивают все области экономики,
а также потенциально и
политические системы.
Господствующая мотивировка —
слом традиционных и
административных и
бюрократических барьеров на пути к
координации и воплощению в жизнь
политики. И тем не менее нет
склонности к отказу от
централизованного управления
экономикой. (...) Централизованные

ведомства не будут в деталях вмешиваться в руководство и ограничиваются общими стратегическими вопросами развития, выбором политики в области технологии и согласованиями.

Представляет интерес очевидное противоречие между относительной гибкостью в административном мышлении, отраженной в появлении новых ведомств, и, с другой стороны, тенденцией снова обращаться к традиционной практике «бюрократического наслоения» при решении деликатных проблем координации. В некотором отношении создание этих

суперведомств напоминает подход Хрущева к преодолению бюрократических преград на пути проведения своей политики. (...)

Еще одним важным нововведением, снова напоминающим эру Хрущева и время от времени возникавшим в последние годы эры Брежнева, является внимание, уделяемое территориальным принципам организации. (...) Во всех этих структурных изменениях присутствует привкус «уже виденного». Многие из них уже апробировались ранее, по крайней мере частично, не оказав сколько-нибудь значительного долгосрочного

влияния на развитие или общее положение вещей» (Миллер Р. Ф. Советская экономика, проблемы и решения с позиции Горбачева // Советский Союз сегодня и завтра: Взгляд из Лондона: Сб. материалов. Рассылается по особому списку. М.: Прогресс, 1989. С. 75–76, 81–84).

3.75. «С. Биалер и Д. Афферика указывают три основных типа реформ: политические реформы, направленные на изменение давно действующей политики, при которой в качестве главного инструмента используется перераспределение ресурсов; организационно-административные реформы, направленные на изменение и

выравнивание процесса принятия решений с помощью реорганизации существующих административных подразделений, наконец, структурно-учрежденческие реформы, направленные на изменения существующих политико-экономических структур. Только реформы последнего типа можно назвать радикальными или фундаментальными, потому что они должны проводиться в жизнь через коренную переориентацию приоритетов и крупные изменения в компетенции существующих институтов и потому что они глубоко преобразуют все основные принципы советской политико-

экономической системы»
(Заславский В. Советские реформы
80-х гг. Текущие обсуждения // Советский Союз сегодня и завтра: Взгляд из Лондона: Сб. материалов. Рассылается по особому списку. М.: Прогресс, 1989. С. 93).

3.76. Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.

3.77. Гусев В. К. Эпоха реформ. М.: МАГ, 2001.

3.78. Зенькович Н. А. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М.: Олма Пресс, 1999.

3.79. Фроянов И. Я. Погружение в бездну. СПб.: СПбГУ, 1999.

3.80. *Авторханов А. Г.* От Андропова к Горбачеву. Дела и дни Кремля. Париж: YMCA-PRESS, 1986.

3.81. Political leadership in the Soviet Union / Ed. *Brown A. L.* e.a.: MacMillan, 1989.

3.82. Вопросы истории КПСС. 1990. № 11.

3.83. *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992.

3.84. *Легостаев В. М.* Гиблый съезд // Завтра. 2000, июль. № 28.

3.85. *Олейник Б. И.* «Князь тьмы». Два года в Кремле. М.: ТОО

фирма «Лиском», 1993.

3.86. *Тимошенко Н.* (Свердловск). // Если бы я вышел на трибуну. Размышления читателей «Правды» в канун партийной конференции // Правда. 1988, 28 июня. JSfe 180.

3.87. Красная звезда. 2005. 21 мая. № 87.

3.88. *Легостаев В. М.* «Теневик демократии» // Завтра. 1998, декабрь. № 49.

3.89. *Легостаев В. М.* Загадки Лигачева. // Завтра. 2000, декабрь. № 52.

3.90. *Осадчий И. П.* Причины крушения КПСС // КПСС: Взлет и крушение. Компартия России:

Начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России / Под общ. ред. *Осадчего И. П.* М.: Былина, 1999.

3.91. Правда. 1987, 14 нояб. № 322.

3.92. *Hill R. J., Frank P.* The Soviet Communist Party. L. etc: Allen & Unwin, 1981.

3.93. *Осадчий И. П.* Драматические страницы истории. Кн.1. Как и почему создавалась Компартия РСФСР. 2-е изд., исправ. и доп. М.: ИТРК, 2001.

3.94. Миллионер Советского Союза // Московские новости. 1991, 21 июля. № 29.

3.95. *Павлов В. С.* Август

изнутри. Горбачевпутч. М.: Деловой мир, 1993.

3.96.

Гозман Л.Я.,

Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

23. С. 161–162. Н. А. Паничев: «Когда я впервые попал на заседание Совета Министров в 1982 году, меня разочаровало, ибо напомнило обычное оперативное совещание у директора завода с начальниками цехов и главными специалистами. Длительное время, пока не привык, мне казалось непонятным, почему на заседаниях Совета Министров говорят об известных всем проблемах и спрашивают с тех, кто и без того

ответственен исполнять порученное.

Существенно ничего не изменилось и в последнем правительстве Н. Рыжкова, где все так же преобладали частные вопросы, которые в моем представлении должны были решаться непосредственно министерствами (...)

Серьезные экономические проблемы рассматривались редко, а если и рассматривались, то только в виде уже готовых, согласованных и утвержденных во всех готовых инстанциях решений.

Позднее, когда я стал осмысливать, кто заказывает музыку, мне понятнее стало назначение

Совета Министров как только оперативного хозяйственного органа, и не больше. Знаю по собственному опыту, что все принципиальные экономические решения еще задолго до Совета Министров готовились в отделах ЦК КПСС и Политбюро, и только затем они для исполнения поступали в Совет Министров. Опытные министры старались свое участие в подготовке того или иного государственного решения максимально использовать в аппарате ЦК КПСС, ибо хорошо были осведомлены, какое место принадлежит Совету Министров» (Ненашев М. Ф. Последнее правительство СССР: Личности.

Свидетельства. Диалоги. М.: АО «Кром», 1993. С. 161–162).

Но самое интересное, что точно так же как аппарат ЦК КПСС поступал с Советом Министров СССР, так и сам Совмин поступал с самими министерствами, доводя, таким образом, сверхцентрализацию до своего максимума.

23. С. 197. Г. А. Ягодин: «... стремление решать все вопросы с кем-либо из высших руководителей, не отдавая их на рассмотрение каких-либо коллегиальных органов. Эта особенность пронизывала всю партийно-государственную систему того времени. И Совет Министров поразил меня больше всего тем, что

он не был коллегиальным органом. Как член правительства любой из министров имел весьма ограниченное отношение к тому, что обсуждалось и принималось на его заседаниях. Больше всего вызывало всеобщее недоумение, если вдруг министр, не отвечающий за ту или иную отрасль, сферу, которая была предметом обсуждения, вдруг встречал со своими оценками, предложениями (...)

Аппараты министерств не рассматривались как продолжение аппарата Совета Министров, его отделы и бюро представлялись как нечто отдельное, стоящее над министерствами. Министерство (...),

казалось бы, должно было самостоятельно готовить проекты решений правительства по всем своим проблемам. Ничего подобного не происходило. Все материалы обязательно готовил аппарат Совмина и вносил их на рассмотрение правительства. Министерство же, более осведомленное в существе проблем, при этом оказывалось в роли соучастника» (*Ненашев М. Ф.* Последнее правительство СССР... С. 197).

Самый существенный удар по Совмину состоялся после выборов в Верховный Совет СССР летом 1989 г., когда, скопировав с

парламентских процедур Запада, было решено устроить на первой сессии избрание парламентариями министров, при этом такая процедура затянулась и одновременно была проведена реорганизация правительства.

23. С. 18. Ненашев М. Ф.: «Я живой участник всех этих длительных утверждений, обсуждений и не могу не спросить о том, как случилось, что и здесь мы не избежали крайностей, нелепостей. Вспомним сам процесс этого утверждения — он длился более двух с половиной месяцев, причем слушание кандидатов в министры в комитетах, комиссиях и

на сессии Верховного Совета длилось многими часами и превращалось в своеобразную экзекуцию, испытание на послушание. А после утверждения не проходило ни одной недели, чтобы члены правительства не заслушивались в Верховном Совете, в комитетах, комиссиях, присутствовали при отчетах председателя Совета Министров и его заместителей. Многие из нас, членов правительства, подсчитали тогда, и оказалось, что примерно треть рабочего времени министров затрачивалось на заседания в парламенте. В результате такого интенсивного демократического

процесса деятельность
правительства была просто
парализована» (*Ненашев М. Ф.*
Последнее правительство СССР... С.
18).

23. С. 97. Г. А. Габриэлянц:
«Мешала в полной мере
использовать возможности
правительства и несовершенная
структура его аппарата. В этом
аппарате состояли председатель
Совета Министров, более десяти его
заместителей, затем нагромождение
в самом аппарате различных бюро,
комиссий, отделов, и только где-то в
конце этой структуры отводилось
место министерствам. Из своего
опыта знаю, как это серьезно мешало

в решениях и оперативных действиях
устанавливать прямые связи главы
правительства и министров»
(Ненашев М. Ф. Последнее
правительство СССР... С. 97).

3.97. Шикман А. П. Совершенно
несекретно // Советская
библиография. 1988. № 6.

3.98. Миронов Б. Открытая дверь
в «спецхран»: в залах Ленинской
библиотеки появились «новинки»,
изданные десятки лет назад //
Правда. 1988, 10 сентября. № 254.

3.99. Красногоров В. Гласность
и безгласность: Заметки по истории
отечественной цензуры // Нева. 1990.
№ 3.

3.100. Джимбинов С. Эпитафия

спецхрану? // Новый мир. 1990. № 5.

3.101. *Евтушенко Е.* Плач по цензуре // Огонек. 1991.

3.102. *Кузьмин Е.* Спецхран, или Секретная инструкция о дойке коров // Литературная газета. 1991. № 34.

3.103. *Баршет К.* Подцензурные страсти. М.: Правда, 1990. (Библиотека «Огонек». № 42.)

3.104. *Щекочихин Ю., Гуров А.* (интервью) Лев прыгнул! Диагноз: организованная преступность. Проведены первые исследования // Литературная газета. 1988, 20 июля. № 29.

3.105. *Бакатин В. В.* Освобождение от иллюзий.

Кемерово: Книжное издательство, 1992.

3.106. Аргументы и факты. 1991. № 14.

3.107. *Панкин Б. Д.* Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно, 1993.

3.108. *Васильев А.* Зачем Бессмертных едет в Израиль. Вместо прогноза. // Комсомольская правда. 1991, 6 мая. № 101.

3.109. *Васильев А.* Почему мы ушли из Восточной Европы и бросили сандинистов на произвол судьбы // Комсомольская правда. 1991, 30 мая. № 121.

3.110. *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до

Горбачева.../ Под ред.
Огородниковой И. Ф. М.:
Международные отношения, 1994.

3.111. *Ивашов Л. Г.* Маршал Язов. (Роковой август 91-го. Правда о «путче»). Б/м: МП «Вельти», 1993.

3.112. *Ивашов Л. Г.* Беседа с автором 5 мая 2004 г. Архив автора.

3.113. Исторический архив. 1959. № 2.

3.114. *Белоусов Р. А.* Исторический опыт планирования в СССР // Социалистическое планирование. Словарь-справочник. М.: Экономика, 1988.

3.115. *Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М.: ГазОйлПресс, 1998.

3.116. *Пльшивский Б.* Реформы и планирование в странах СНГ // Экономист. 1993. № 11.

3.117. *Селюнин В., Ханин Г.* Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2.

3.118. Известия. 1991, 28 июня. № 153.

3.119. *Язов Д. Т.* Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Книга и бизнес, 2000.

3.120. *Friedman T. L.* New Twist in game of Nations. U.S. Finds Cold War Was Not Just «We Win, You Lose» // International Herald Tribune. 1990. 14 Febr. № 33271.

3.121. *Грибков А. И.*

Несостоявшийся юбилей // Красная звезда. 2005, 18 мая. № 84.

3.122. *Кургинян С. Е.* Седьмой сценарий. В трех частях. М.: ЭТЦ, 1992, 1993. Ч. 2.

3.123. *Жинкина И. Ю.* Понятие «война» в американской стратегии национальной безопасности. Научный доклад. ИСК РАН. М., 2001 со ссылкой на: Heritage Foundation. Backgrounder. № 786. 1990. 31 August.

3.124. *Кургинян С. Е.* Итоги и перспективы. Доклад на клубе «Постперестройка» 20 декабря 1993 года // Россия — XXI. 1993. № 11–12.

3.125. *Яковлев А. Н.* Российских фашистов породил КГБ // Известия.

1998, 17 июня. № 108.

3.126. Известия. 1991, 8 августа.
№ 188.

3.127. *Кургинян С. Е.* Входим в
революционную ситуацию. //
Гласность. 1991, 26 сентября.

3.128. Известия. 1991, 23
августа. № 201.

3.129. Известия. 1991, 24
августа. № 202.

3.130. *Бакатин В. В.* Избавление
от КГБ. М.: Новости, 1992.

3.131. *Степашин С.* КГБ СССР
должен быть ликвидирован //
Российская газета. 1991, 18 сентября.
№ 194.

3.132. *Бакатин В. В.* Дорога в
прошедшем времени. М.: День, 1999.

3.133. *Баранец В. Н.* Генштаб без тайн. Кн.1. М.: Политбюро, 1999.

3.134. *Столяров К. А.* Распад. От Нагорного Карабаха до Беловежской Пуши. М.: Олма-пресс, 2001.

3.135. *Илюхин В. И.* Спасти Россию. Статьи, выступления, аналитические материалы, письма Председателя Комитета Государственной Думы по безопасности. М.: Унита, 1995.

3.136. *Джунусов М. С.* 24 февраля 1993 г. // Отечественная история. 1993. № 5.

***Литература и примечания к
заключению и приложениям***

4.1. Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете обороны Российской Федерации. М.: Московский общественный научный фонд, 1998.

4.2. *Добролюбов А. И.* Государственная власть как техническая система. О трех великих социальных изобретениях человечества. Мн.: Навука і тэхніка, 1995.

4.3. *Макунин Ю. И.* в беседе с *Анисиным Н. М.* Пытка услугами // Завтра. 2004, июнь. № 26.

4.4. *Лигачев Е. К.* / Ответ на «вопрос дня»: Зачем Путину это

понадобилось? // Комсомольская правда. 2003, 12 марта. № 44.

4.5. *Лобанов В.* Уроки и перспективы административной реформы в России // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. 2005. № 1.

4.6. Досье гласности. 2005. № 2.

4.7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). Стенограмма выступления. М., 2002.

4.8. ОРТ. 2004, 27 октября.

4.9. Послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2003, 17 мая.

№ 93.

4.10. Послание Президента России Федеральному Собранию РФ 2005 г.

4.11. *Петрищев В. И.* в беседе с *Гафутулиным Н.* Общество ждет перемен // Красная звезда. 2005, 23 апреля. № 70.

4.12. Имитация величия. «Круглый стол» в редакции «Завтра» // Завтра. 2004, сентябрь. № 33.

4.13. *Ловцов Д. А.* «Организационное оружие» в современном мире // Обозреватель — Observer. 2000. № 6.

4.14. *Ловцов Д. А., Сергеев Н. А.* Проблема обеспечения «организационной безопасности»

России // Обозреватель — Observer. 1998. № 11.

4.15. *Ловцов Д. А., Сергеев Н. А.* О проблеме «организационного оружия» // Военная мысль. 1999. № 1.

4.16. БСЭ. 2-е изд. т. 12. М.: БСЭ, 1952.

4.17. *Проханов А. А.* Сияющий меч Империи // Завтра. 2006, май. № 20.

4.18. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрополиграф, 1994.

4.19. *Вельдина О.* Анатолий Лукьянов о сонетах и политиках. // Правда. 1994, 12 апреля. № 60.

4.20. Философия политики. Кн.

III. Властные факторы в политической системе общества / Гуманитарный центр РАН. М.: Луч, 1993.

4.21. *Атаманчук Г. В.* Новое государство: Поиски, иллюзии, возможности. М.: Славянский диалог, 1996.

4.22. Исторический архив. 1993. № 4.

4.23. Государство Российское: Власть и общество: Сб. док. М.: МГУ, 1996.

4.24. *Лекарев С.* Операция длиной в полвека. Как британские спецслужбы участвовали в борьбе с «империей зла» // Независимое военное обозрение. 2002. № 16.

4.25. stalinism.ru/.../beseda-stalina-s-a.-kollontay.html

4.26. *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М.: Эксмо, 2002.

4.27. Известия ЦК РКП(б). 1921, 5 марта. № 28.

4.28. *Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union.

4.29. *Чернев А. Д.* О роли и функциях правящей партии в системе советского государственного управления // Безопасность Евразии. 2003, октябрь-декабрь. № 4.

4.30. Правда. 1935, 14 мая. № 131.

4.31. *Fainsood M.* How Russia is Ruled. / Revised Edition. Cambridge,

Mass.: Harvard Univ. Press, 1970.

4.32. Who's who in the U.S.S.R. 1961/62. A Biographical Dictionary containing about 4000 biographies of prominent personalities in the Soviet Union. The Institute for the Study of the USSR. Ed.: *Schulz H. E., Taylor S. S.* Munich: Intercontinental book and Publishing Co Ltd, 1962.

4.33. Who's who in the U.S.S.R. 1965–66. A Biographical Dictionary containing about 5000 biographies of prominent personalities in the Soviet Union. / Second Ed. The Institute for the Study of the USSR. Ed.: *Lebel A. I., Schulz H. E., Taylor S. S.* N.Y. & L.: The Scarecrow Press, Inc. 1966.

4.34. *Armstrong J. A.* Ideology,

Politics, and Government in the Soviet Union. An Introduction. Third Ed. N.Y., W: Praeger Publishers, 1974.

4.35. *Арсеньев С.* Аппарат. Штрихи к политическому портрету Валерия Болдина// Совершенно секретно. 1992. № 1.

4.36. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.

4.37. Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

4.38. *Зенькович Н. А.* ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М.: Олма Пресс, 1999.

4.39. Известия ЦК КПСС. 1991. № 6.

4.40. Известия ЦК КПСС. 1991. № 4.

4.41. Известия ЦК КПСС. 1991.
№ 5.

4.42. Известия ЦК КПСС. 1991.
№ 8.

Комментарии

¹ Название почерпнуто из названия главы «Оазисы» творческой мысли» [1.17. С. 42].